

Джейн
ОСТИН

Гордость и гордыня

Annotation

Романы Джейн Остин стали особенно популярны в XX веке, когда освобожденные и равноправные женщины всего мира массово влились в ряды читающей публики. Оказалось, что в книгах британской девицы, никогда не выходившей замуж и не покидавшей родной Хэмпшир, удивительным образом сочетаются достоинства настоящей литературы с особенностями дамского романа: это истории любви и замужества, но написанные столь иронично, наблюдательно и живо, что их по праву считают классикой английского реализма. «Гордость и гордыня» – канонический роман о любви, родившейся из предубеждения, однако богатый красавец-аристократ и скромная, но умная барышня из бедной семьи изображены столь лукаво и остроумно, что вот уже третий век волнуют воображение читателей, а нынче еще и кинематографистов – это, пожалуй, самая экранизируемая книга за всю историю кино. При выпуске классических книг нам, издательству «Время», очень хотелось создать действительно современную серию, показать живую связь неувядающей классики и окружающей действительности. Поэтому мы обратились к известным литераторам, ученым, журналистам и деятелям культуры с просьбой написать к выбранным ими книгам сопроводительные статьи – не сухие пояснительные тексты и не шпаргалки к экзаменам, а своего рода объяснения в любви дорогим их сердцам авторам. У кого-то получилось возвышенно и трогательно, у кого-то посуше и поакадемичней, но это всегда искренне и интересно, а иногда – неожиданно и необычно. В любви к «Гордости и гордыне» признаётся журналист и искусствовед Алёна Солнцева – книгу стоит прочесть уже затем, чтобы сверить своё мнение со статьёй и взглянуть на произведение под другим углом.

- [Джейн Остин](#)
 - [Информация от издательства](#)
 - [ГОРДОСТЬ И ГОРДЫНЯ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)

- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)

- [Глава 46](#)
 - [Глава 47](#)
 - [Глава 48](#)
 - [Глава 49](#)
 - [Глава 50](#)
 - [Глава 51](#)
 - [Глава 52](#)
 - [Глава 53](#)
 - [Глава 54](#)
 - [Глава 55](#)
 - [Глава 56](#)
 - [Глава 57](#)
 - [Глава 58](#)
 - [Глава 59](#)
 - [Глава 60](#)
 - [Глава 61](#)
 - [Алена Солнцева. Мистер Дарси и все, все, все...](#)
 - [Над книгой работали](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Джейн Остин
Гордость и гордыня

Информация от издательства

Художественное электронное издание

Остин, Джейн

Гордость и гордыня: роман / Джейн Остин: пер. с англ. Ирины Гуровой; сопроводит. статья Алены Солнцевой. – М.: Время, 2017. – (Сквозь время).

ISBN: 978-5-0011-2018-6

Романы Джейн Остин стали особенно популярны в XX веке, когда освобожденные и равноправные женщины всего мира массово влились в ряды читающей публики. Оказалось, что в книгах британской девицы, никогда не выходившей замуж и не покидавшей родной Хэмпшир, удивительным образом сочетаются достоинства настоящей литературы с особенностями дамского романа: это истории любви и замужества, но написанные столь иронично, наблюдательно и живо, что их по праву считают классикой английского реализма. «Гордость и гордыня» – канонический роман о любви, родившейся из предубеждения, однако богатый красавец-аристократ и скромная, но умная барышня из бедной семьи изображены столь лукаво и остроумно, что вот уже третий век волнуют воображение читателей, а нынче еще и кинематографистов – это, пожалуй, самая экранизируемая книга за всю историю кино.

При выпуске классических книг нам, издательству «Время», очень хотелось создать действительно современную серию, показать живую связь неувядающей классики и окружающей действительности. Поэтому мы обратились к известным литераторам, ученым, журналистам и деятелям культуры с просьбой написать к выбранным ими книгам сопроводительные статьи – не сухие пояснительные тексты и не шпаргалки к экзаменам, а своего рода объяснения в любви дорогим их сердцам авторам. У кого-то получилось возвышенно и трогательно, у кого-то посуше и поакадемичней, но это всегда искренне и интересно, а иногда – неожиданно и необычно.

В любви к «Гордости и гордыне» признаётся журналист и искусствовед Алёна Солнцева – книгу стоит прочесть уже затем, чтобы сверить своё мнение со статьёй и взглянуть на произведение под другим углом.

© И. Г. Гурова, наследник, перевод, 2017

© Е. Н. Солнцева, сопроводительная статья, 2017

© Состав, оформление, «Время», 2017

ГОРДОСТЬ И ГОРДЫНЯ

Роман

Глава 1

Холостяк, если он обладает солидным состоянием, должен действительно нуждаться в жене, такова общепризнанная истина.

И сколь ни мало известно о чувствах и намерениях подобного человека, когда он меняет местожительство, вышеупомянутая истина так прочно гнездится в умах его новых соседей, что с первой же минуты они смотрят на него как на законную собственность той или иной из их дочерей.

– Мой дорогой мистер Беннет, – в один прекрасный день объявила супруга означенного джентльмена, – вы слышали, что Недерфилд-Парк наконец-то арендовали?

Мистер Беннет ответил, что ничего об этом не слышал.

– Но да, да! Миссис Лонг только что побывала у нас и все мне рассказала.

Мистер Беннет безмолвствовал.

– Неужто вам не хочется узнать, кто там поселился? – нетерпеливо осведомилась его дражайшая половина.

– Зато вам хочется сообщить мне эту новость, и я готов ее выслушать.

– Так вот, мой друг, миссис Лонг говорит, что Недерфилд-Парк арендовал молодой человек с очень большим состоянием, проживающий на севере Англии. В понедельник он приезжал в коляске четверней осмотреть поместье и пришел в такой восторг, что тут же согласился на все условия мистера Морриса, и переедет он туда еще до Михайлова дня, а некоторых слуг пришлет уже в конце будущей недели.

– Как его фамилия?

– Бингли.

– Женат или холост?

– Ах, мой друг, разумеется, холост. Холостой молодой человек с большим состоянием. Четыре-пять тысяч годового дохода. Какое счастье выпало нашим девочкам!

– Каким образом? При чем здесь они?

– Мой дорогой мистер Беннет, – воскликнула его супруга, – будто вы не знаете! Разумеется, вы поняли, что я представила, как он женится на одной из них.

– Во имя этой цели он и решил поселиться здесь?

– Цели? Вздор! Ну что вы такое говорите? Однако очень и очень может

быть, что он влюбится в какую-нибудь, а потому вы должны сделать ему визит, едва он переедет.

– Не вижу зачем. Почему бы вам не посетить его вместе с девочками? Или лучше пошлите их к нему одних. Ведь вы так авантажны, что мистер Бингли всем им может предпочесть вас.

– Мой друг, вы мне льстите. Да, разумеется, я была очень недурна собой, но теперь уже не помышляю о том, чтобы пленять. Женщинам с пятью взрослыми дочерьми не пристало думать о собственной красоте.

– Женщины в подобном положении редко сохраняют столько красоты, что о ней стоило бы думать.

– Тем не менее, мой друг, вы непременно должны сразу же побывать у мистера Бингли по его приезду.

– Отнюдь не должен, уверяю вас.

– Но подумайте о своих дочерях. Только вообразите, какая это будет партия для одной из них! Сэр Уильям и леди Лукас не замедлят нанести ему визит по одной этой причине. Вы же знаете, они никогда первыми не посещают новых соседей. Нет-нет, вы должны побывать у него, иначе мне с девочками никак нельзя будет отправиться к нему с визитом.

– Право, вы слишком уж строго блюдете этикет. Не сомневаюсь, мистер Бингли будет весьма рад такому знакомству. А я вручу вам для него записку с заверениями в моем полном согласии на его брак с той моей дочерью, которую он удостоит своего выбора. Хотя, пожалуй, я замолвлю словцо за мою малютку Лиззи.

– Прошу вас ничего подобного не делать. Лиззи ничем не лучше своих сестер. По моему суждению, она и вполтину не так красива, как Джейн, и вполтину не так очаровательна, как Лидия. Ну да вы всегда отдаете предпочтение ей.

– Ни одна из них ничем особенным не блещет, – возразил ее супруг. – Глупенькие и невежественные, как положено юным барышням. Тем не менее у Лиззи больше живости ума, чем у ее сестриц.

– Мистер Беннет, как вы можете так чернить собственных дочерей? Вам нравится поддразнивать меня. Никакого сострадания к моим бедным нервам.

– Вы заблуждаетесь, душа моя. К вашим нервам я питаю самое глубокое почтение. Ведь они мои давние друзья. Вот уже по меньшей мере двадцать лет, как с такой попечительностью вы упоминаете о них.

– Ах, вы не понимаете моих страданий.

– Но, уповаю, вы совладеете с ними и доживете до того, чтобы увидеть, как в окрестностях поселится еще много молодых людей с

годовым доходом в четыре тысячи фунтов.

– Что толку нам, поселись их тут хоть двадцать, если вы не пожелаете сделать им визиты?

– Уверяю вас, душа моя, когда их наберется двадцать, я побываю у каждого из них.

Натура мистера Беннета слагалась из стольких противоречивых качеств, таких как саркастический ум, сдержанность и чудаковатость, что двадцати трех лет жизни с ним оказалось мало, чтобы жена научилась его понимать. А вот ее сущность постигнуть было куда легче. Она была женщиной очень недалекой, невежественной, со вздорным характером. Если ей что-то досаждало, она впадала в нервическое расстройство. Целью ее жизни было выдать замуж всех своих дочерей, а радостями – визиты и пересуды.

Глава 2

Мистер Беннет нанес визит мистеру Бингли одним из первых. Он с самого начала намеревался побывать у него, хотя до последней минуты убеждал жену, что делать этого ему совсем не следует. И она пребывала в полном неведении до вечера того дня, когда визит был нанесен. И вот как она узнала об этом событии. Поглядев, как его вторая дочь трудится над отделкой своей шляпки, мистер Беннет неожиданно сказал:

– Уповаю, Лиззи, что она понравится мистеру Бингли.

– Нам неоткуда узнать, что нравится мистеру Бингли, а что нет, – сердито сказала мать барышни, – раз в знакомстве с ним нам отказано.

– Но вы забываете, маменька, – сказала Элизабет, – что мы будем встречать его на ассамблеях, а миссис Лонг обещала представить его нам.

– Вот уж не думаю! У миссис Лонг есть две родные племянницы. Она себялюбивая лицемерка, и я о ней самого низкого мнения.

– Как и я, – сказал мистер Беннет. – Рад узнать, что вы не полагаетесь на ее желание услужить вам.

Миссис Беннет не снисошла до ответа, но, не в силах сдержаться, принялась выговаривать одной из дочерей:

– Да не кашляй же так, Китти! Имей хоть чуточку сострадания к моим нервам. Ты их совсем истерзала.

– Китти позволяет себе кашлять, когда ей вздумается, – заметил папенька. – И выбирает она для этого самое неподходящее время.

– Я кашляю не для своего развлечения, – обиженно сказала Китти.

– А когда твой следующий бал, Лиззи?

– Через две недели, считая с завтрашнего дня.

– Ведь и правда! – воскликнула маменька. – А миссис Лонг вернется только накануне и, значит, не сможет его нам представить. Она же не успеет сама с ним познакомиться.

– О, тогда, душа моя, почему бы вам не опередить свою дорогую подругу и самой не представить ей мистера Бингли?

– Это невозможно, мистер Беннет, невозможно, коли я сама с ним не знакома. Как несносны ваши поддразнивания!

– Воздаю должное вашей осмотрительности. Бесспорно, две недели знакомства срок слишком краткий. За две недели трудно узнать, каков человек на самом деле. Но, если мы уклонимся, найдутся другие. И, значит, опасность эта не минует миссис Лонг и ее племянниц. А так как она

усмотрит в этом добрую услугу, то, если вы решительно против, я окажу ее сам.

Барышни уставились на папеньку в недоумении. Миссис Беннет сказала лишь:

– Вздор! Вздор!

– Что означает столь горячее восклицание? – вскричал мистер Беннет. – Вы почитаете вздором строгое соблюдение правил этикета, когда речь идет о новых знакомствах, и важность, им придаваемую? Нет, тут я никак не могу с вами согласиться. А что скажешь ты, Мэри? Ведь ты, как мне известно, очень глубокомысленная девица, почитываешь мудрые книги и делаешь из них выписки.

Мэри очень хотелось сказать что-то на редкость умное, но ей так ничего в голову и не пришло.

– Пока Мэри приводит в порядок свои мысли, – продолжал папенька, – не вернуться ли нам к мистеру Бингли?

– Я даже имени мистера Бингли больше слушать не желаю, – объявила его супруга.

– Вы меня удручаете. Почему вы прежде меня не предупредили? Знай я об этом нынче утром, так не побывал бы у него с визитом. Очень-очень жаль, но, поскольку визит я ему нанес, нам нельзя будет уклониться от дальнейшего знакомства с ним, не правда ли?

Ошеломление его жены и дочерей не оставляло желать ничего лучшего. И особенно миссис Беннет. Разумеется, едва первые восторги поулеглись, она не преминула указать, что ничего другого и не ожидала.

– Как вы добры, дражайший мистер Беннет! Впрочем, я знала, что в конце концов сумею вас убедить. Знала, что любовь к нашим девочкам не позволит вам пренебречь таким знакомством. Не могу выразить, как я довольна. И какая бесподобная шутка: побывать у него утром, а рассказать об этом только сейчас.

– Теперь, Китти, ты можешь кашлять, когда и сколько пожелаешь, – сказал мистер Беннет и с этими словами удалился, наскучив излишествами своей супруги.

– Какой у вас превосходный отец, девочки, – сказала та, когда дверь за ним затворилась. – Я просто не в силах вообразить, как вы могли бы его отблагодарить за подобную доброту. Да и меня, коли уж об этом зашла речь. В наши годы, позвольте вам сказать, вовсе не так уж приятно каждый день заводить новые знакомства, но ради вас мы жертвуем всем. Лидия, душенька моя, хоть ты и младшенькая, полагаю, мистер Бингли будет непременно танцевать с тобой на следующем балу.

– О! – мужественно сказала Лидия. – Я не боюсь. Пусть я и младшая, зато самая высокая.

Остальной вечер прошел в догадках, как скоро мистер Бингли отдаст визит, и в обсуждении того, когда им следует пригласить его отобедать у них.

Глава 3

Однако миссис Беннет даже с помощью всех пяти дочерей никакими ухищрениями не удалось вытянуть у своего супруга сколько-нибудь внятного описания наружности мистера Бингли. Они атаковали его и так, и эдак – задавали прямые вопросы, строили всяческие предположения, прибегали к хитроумным догадкам, но он умело избежал всех ловушек, и в конце концов им пришлось удовольствоваться сведениями из вторых рук – от их соседки леди Лукас. Описание оказалось самым лестным. Сэр Уильям от него в восторге. Он очень молод, удивительно хорош собой, весьма любезен – и, в довершение всего, намерен приехать на следующую ассамблею в сопровождении большого общества. Что могло быть восхитительнее! А любовь к танцам – это же первый шаг, чтобы влюбиться. И вспыхнули живейшие надежды на покорение сердца мистера Бингли.

– Кабы увидеть одну мою девочку счастливой хозяйкой Недерфилда да кабы остальные сделали партии не хуже, так мне большего и желать было бы нечего.

Не миновало и трех дней, как мистер Бингли приехал с ответным визитом и десять минут просидел с мистером Беннетом в библиотеке. Он питал надежду увидеть барышень, о красоте которых успел наслышаться, но увидел лишь их папеньку. Зато барышням посчастливилось больше, ибо из окна верхнего этажа они могли убедиться, что сюртук на нем голубой, а лошадь под ним вороной масти.

Вскоре вслед за этим было послано приглашение на обед, и миссис Беннет уже обдумывала, какими блюдами потчевать гостя, чтобы не ударить лицом в грязь, но присланный ответ принудил ее отложить свои планы. Мистеру Бингли на следующий день необходимо быть в Лондоне, а потому он вынужден отказаться от их любезного приглашения, и так далее, и тому подобное.

Миссис Беннет была весьма обескуражена. Она не могла вообразить, какое дело вдруг призвало его в столицу так скоро после переезда в Хартфордшир. Ее снедали опасения, что он и впредь будет перепархивать туда-сюда, не задерживаясь в Недерфилде подолгу. Ее страхи несколько рассеяла леди Лукас, высказав предположение, что в Лондон он уехал с тем, чтобы пригласить на бал обещанных гостей, а вскоре пошли слухи, что мистер Бингли прибудет на ассамблею в сопровождении двенадцати дам и семи джентльменов. Такое число дам удручило барышень, однако накануне

бала их утешила весть, что из Лондона он привез всего шесть особ женского пола – пять своих сестер и кузину. А в залу собрания их вошло всего пятеро: сам мистер Бингли, две его сестры, муж старшей и еще один молодой человек.

Мистер Бингли был красив и выглядел истинным джентльменом. Выражение его лица отличалось большой приятностью, а манеры – мягкостью и непринужденностью. Его сестры, тоже очень недурные собой, держались как особы, принадлежащие к высшему свету. Его шурин, мистер Хэрст, был, разумеется, джентльменом, но ничем не примечательным, однако его друг, мистер Дарси, стал вскоре средоточием всеобщего внимания благодаря высокой стройной фигуре, правильным чертам лица, благородной осанке, а также слуху, который уже через пять минут после его появления успел обождать всю залу, – он оказался обладателем годового дохода в десять тысяч фунтов. Мужчины объявили его на редкость представительным, а дамы сочли куда более красивым, чем мистер Бингли, и он оставался предметом всеобщего восхищения примерно половину вечера, но мало-помалу общество почувствовало себя оскорбленным его манерами и разочаровалось в нем; ибо обнаружилось, что он несносный гордец, почитает себя выше всех и ему невозможно угодить. После чего даже обширное поместье в Дербишире не воспрепятствовало заключению, что черты лица у него надменные и неприятные и что он не идет ни в какое сравнение со своим другом.

Вскоре мистер Бингли был уже знаком со всеми в зале, кто хоть что-нибудь значил. Он веселился от души, не пропустил ни одного танца, огорчился, что бал кончился столь рано, и упомянул, что непременно даст бал в Недерфилде. Столь превосходные качества свидетельствовали сами за себя. Какая разница между ним и его другом! Мистер Дарси пригласил на первый танец миссис Хэрст, еще один он протанцевал с мисс Бингли, не пожелал, чтобы его представили другим дамам и девицам, а остальное время прохаживался по залу, порой останавливаясь обмениваться несколькими фразами со своим другом, его сестрами и шурином. Приговор ему был вынесен единодушный: самый чванный гордец, самый невыносимый человек в мире! Все от души надеялись, что он никогда больше здесь не покажется. Среди особенно восстававших на него была и миссис Беннет, чье негодование на подобное поведение усугубилось пренебрежением, с каким он отозвался об одной из ее дочерей.

Кавалеров на балу оказалось меньше, чем дам, и Элизабет Беннет два танца выпало просидеть у стены. Несколько минут мистер Дарси стоял так близко от нее, что она волей-неволей подслушала разговор между ним и

мистером Бингли, который ненадолго оставил свою даму, чтобы уговорить его присоединиться к танцующим.

– Право же, Дарси, – сказал он, – ты непременно должен пойти танцевать. Не могу смотреть, как ты бессмысленно стоишь тут. Танцы тебя развлекут.

– Отнюдь. Ты же знаешь, что я их не терплю, если моя дама мало мне знакома. А в таком собрании это будет нестерпимо. Твои сестры ангажированы, и в зале не найдется ни одной дамы или девицы, танцевать с кем не было бы для меня сущей карой.

– Ни за что на свете я бы не хотел быть таким разборчивым, как ты! – вскричал Бингли. – По чести, я еще ни разу в жизни не видел столько обворожительных барышень, как нынче вечером, и, согласись, некоторые на редкость хороши собой.

– Ты танцуешь с единственной красавицей среди них, – сказал мистер Дарси, взглянув на старшую мисс Беннет.

– О, она несравненна. Но вот же прямо позади тебя сидит ее сестра, прехорошенькая и, полагаю, приятная барышня. Прошу, позволь моей даме представить тебя ей!

– Которая из них? – И Дарси через плечо посмотрел на Элизабет, встретился с ней взглядом и отвернулся, холодно процедив: – Да, она недурна, но не настолько, чтобы очаровать меня, а я не в настроении благодетельствовать девицам, которых не удостаивают вниманием другие. Вернись-ка лучше к своей даме, купайся в свете ее улыбок и не трать понапрасну время на меня.

Мистер Бингли последовал его совету, а мистер Дарси неторопливо отошел, пробудив в Элизабет не самые добрые чувства к себе. Она не преминула поведать о случившемся своим подругам с колким остроумием, так как ее отличала живая веселость, которой смешные нелепицы служили желанной пищей.

В остальном вечер для их семьи прошел весьма приятно. Миссис Беннет не сомневалась, что ее старшая дочь обворожила недерфилдское общество. Мистер Бингли дважды ее ангажировал, а его сестры обошлись с ней особо любезно.

Джейн была польщена не меньше маменьки, хотя не выражала этого так открыто. Элизабет разделяла радость Джейн. Мэри своими ушами слышала, как мисс Бингли ее отрекомендовала самой образованной девицей здешних мест, а Кэтрин и Лидии выпало счастье ни на минуту не оставаться без кавалеров, а о большем они на балах пока и не мечтали. Вот почему все они были в самом лучшем расположении духа, когда

возвратились в Лонгборн, деревушку, где обитали, главенствуя над остальными ее жителями.

Мистера Беннета они застали бодрствующим. Над книгой он забывал о времени, а к тому же любопытствовал узнать о событиях вечера, на который возлагались такие ожидания. Он тешился мыслью, что все расчеты его супруги на новое знакомство потерпят фиаско, но не замедлил убедиться, что выслушать ему предстоит совсем другую историю.

– Ах, мой дорогой мистер Беннет, – начала она, едва войдя в комнату. – Мы бесподобно провели вечер. Чудесный бал! Я так жалела, что вас не было с нами. Только вообразите, Джейн снискала всеобщее восхищение! Все говорили, как она прелестна, а мистер Бингли признал ее настоящей красавицей и танцевал с ней два раза. Вы только подумайте, мой друг, он танцевал с ней дважды и только ее одну ангажировал на второй танец. Первой он пригласил мисс Лукас. Пока я смотрела на них, меня взяла такая досада! Однако она его ничуть не очаровала, да и кого она может очаровать? А едва он увидел, как танцует Джейн, то был просто сражен. Осведомился, кто она такая, попросил представить его и тут же пригласил ее на следующий танец. Третий он танцевал в паре с мисс Кинг, а четвертый с Марией Лукас, а пятый снова с Джейн, а буланже...

– Будь у него хоть капля сострадания ко мне, – вскричал ее супруг брюзгливо, – он бы не танцевал так много. Бога ради, не перечисляйте, кого он еще ангажировал. И почему только он не вывихнул лодыжку в первом же танце!

– Ах, мой друг, – продолжала миссис Беннет, – я в полном от него восхищении. И какой красавец! А его сестрицы обворожительны. В жизни я не видела ничего моднее их туалетов. А уж кружевная отделка платья миссис Хэрст...

Тут ей снова пришлось прервать свою речь. Мистер Беннет не желал ничего слышать про дамское тряпье. Посему ей пришлось перейти на другую тему и с величайшим негодованием, а также некоторыми преувеличениями она поведала ему о возмутительной грубости мистера Дарси.

– Но заверяю вас, – заключила она, – Лиззи не много потеряла, не понравившись ему. Пренеприятнейший, отвратительнейший человек, и совершенно незачем быть с ним любезным. Такой заносчивый, такой спесивый, что никакого терпения не хватит! Не настолько красива, чтобы танцевать с ней! Я так сожалею, мой друг, что вас там не было, отделать его хорошенько, как вы умеете. Право, я его не выношу!

Глава 4

Когда Джейн и Элизабет остались наедине, первая, прежде отозвавшаяся о мистере Бингли со сдержанной похвалой, теперь не замедлила признаться сестре, как он ее очаровал.

– Вот таким и должен быть молодой человек, – сказала она. – Рассудительным, добрым, веселым. И я еще никогда не видела столь чудесных манер, сочетающих непринужденность с безупречнейшей благовоспитанностью.

– И в довершение он красив, – прибавила Элизабет. – Каким молодому человеку тоже не мешает быть, если это в его силах. Следовательно, у него нет ни единого изъяна.

– Мне было так лестно, когда он пригласил меня во второй раз. Подобного комплимента я никак не ожидала.

– Неужели? Ну, так я ожидала за тебя. В том-то и главная разница между нами. Тебя комплименты всегда застают врасплох, а меня – никогда. Что могло быть естественнее его второго приглашения? Он же видел, что ты в пять раз красивее всех, из кого он мог там выбирать. Галантность тут ни при чем. Да, он, бесспорно, очень мил, и если он тебе нравится, даю тебе мое позволение. Тебе ведь нравилось немало более глупых кавалеров.

– Лиззи, милочка!

– Ведь тебе по твоей доброте все люди нравятся. Ты ни в ком не видишь недостатков; в твоих глазах все приятны и обходительны. Мне ни разу не доводилось услышать, чтобы ты о ком-нибудь отзывалась дурно.

– Мне не нравится торопиться с осуждением кого бы то ни было, но я всегда говорю то, что думаю.

– Знаю, знаю. В этом-то и чудо. С твоим здравым смыслом не замечать чужой глупости и вздорности! Притязания на прямоту – вещь самая обычная, с ними сталкиваешься на каждом шагу. Но быть прямою без притворства или задней мысли, видеть во всех только лучшее и кое-что добавлять от себя, а о дурном не упоминать – это только твое свойство. Его сестры ведь тебе тоже понравились, не так ли? А их манеры далеко уступают его манерам.

– О, на первый взгляд, пожалуй. Но, побеседовав с ними, видишь, что они обе очень приятные особы. Мисс Бингли будет жить у брата, вести дом, и я очень ошибаюсь, если в ней мы не обречем очаровательную соседку.

Элизабет ничего не ответила, но заверения сестры ее не убедили. На

ассамблее миссис Хэрст и мисс Бингли, судя по тому, как они держались, вовсе не искали доброго расположения своих новых знакомых. Элизабет, более наблюдательная и менее доверчивая, чем ее сестра, и чье суждение не было подсказано их любезностью, не заметила в них никаких достоинств. Собственно говоря, обе были светскими особами до кончиков ногтей; приятными, если им ничто не досаждало, обходительными, когда считали нужным, но заносчивыми и самодовольными. Они не были обделены красотой, воспитывались в одном из лучших столичных пансионов, обладали состоянием в двадцать тысяч фунтов каждая, имели привычку тратить больше, чем того требовало благоразумие, вращались в самом избранном обществе, а потому во всех отношениях имели право себя ставить очень высоко, а других – очень низко.

Они происходили из почтенной семьи на севере Англии – обстоятельство, которое запечатлелось в их памяти много прочнее, чем то обстоятельство, что состояние их брата, как и их собственные, было нажито торговлей.

Мистер Бингли унаследовал почти сто тысяч фунтов от отца, который намеревался обзавестись поместьем, но ему воспрепятствовала смерть. Мистер Бингли хотел того же и даже подумывал, на каком графстве остановить свой выбор. Однако теперь, когда он получил в свое собственное распоряжение прекрасный дом вкупе с парком и прочим, многие из знавших беззаботность его натуры полагали, что он так и проживет в Недерфилде арендатором до конца своих дней, предоставив обрести собственное поместье следующему поколению.

Его сестрам не терпелось, чтобы он стал настоящим помещиком, но тем не менее мисс Бингли была отнюдь не прочь воссесть во главе его стола в Недерфилде; да и миссис Хэрст, будучи замужем за человеком более светским, нежели богатым, склонялась к тому, чтобы считать дом брата своим домом, когда ей заблагорассудится.

Мистер Бингли достиг совершеннолетия всего за два года до того, как, последовав случайной рекомендации, отправился взглянуть на недерфилдский дом. Он взглянул на него, а затем на полчаса заглянул и внутрь. Ему понравились местоположение и парадные апартаменты; остальные достоинства дома, которые описал владелец, как будто не оставляли желать ничего лучшего, и он немедленно его снял.

Дружба между ним и Дарси была очень искренней, несмотря на полное несходство их натур. Бингли завоевал расположение Дарси мягкостью, открытостью души и уступчивостью, хотя эти качества были совершенно чужды характеру последнего, в котором он сам, казалось, не

находил никаких недостатков. Бингли твердо полагался на дружбу Дарси и был высочайшего мнения о его суждениях. Проницательностью Дарси далеко его превосходил. Бингли вовсе не был глуп, но Дарси обладал острым умом. Притом он был высокомерен, замкнут и очень разборчив. А его манеры, хотя вполне светские, отличались сухостью. И в этом его друг имел перед ним большое преимущество. Где бы Бингли ни появлялся, он незамедлительно располагал к себе всех присутствующих; Дарси же постоянно наступал кому-нибудь на ногу.

Полное представление об их несхожести дает то, как они отозвались о меритонской ассамблее. Бингли никогда в жизни не встречал более приятных людей и таких обворожительных барышень; к нему все были необыкновенно добры и внимательны; никакой холодной светскости и чопорности – он очень скоро уже чувствовал себя словно среди старых друзей. Ну а что до мисс Беннет, так невозможно вообразить ангела прекраснее нее. Дарси же, напротив, увидел сборище ничем не примечательных провинциалов, совершенно чуждых истинным понятиям о красоте и хорошем тоне; он там ни к кому не испытал ни малейшего интереса, никто не заслужил его внимания, ничуть не развлек его. Мисс Беннет он признал миловидной – но она слишком уж часто улыбалась.

Миссис Хэрст и ее сестрица согласились с ним, но тем не менее она завоевала их расположение и продолжала им нравиться. Они сказали, что она, право же, душечка и они не прочь узнать ее поближе. А посему мисс Беннет осталась душечкой, и их брат счел, что это позволяет ему думать о ней так, как он пожелает.

Глава 5

На весьма близком расстоянии от Лонгборна проживало семейство, с которым Беннеты поддерживали особенно тесное знакомство. В былые дни сэр Уильям Лукас вел торговые дела в Меритоне, нажил немалый капитал и удостоился чести быть пожалованным во дворянство после того, как, будучи мэром этого городка, обратился к королю с верноподданническим ходатайством. Быть может, такое возвышение несколько вскружило ему голову. Оно пробудило в нем отвращение к торговле и к дому в скромном городке, где он тогда проживал. Покинув их, он поселился с семьей в усадьбе, примерно в миле от Меритона, каковая с той поры обзавелась звучным наименованием Лукас-Лодж. Там он мог без помех размышлять о важности своей персоны и, освободившись от дел, посвятить себя радушию и гостеприимству, ибо, как ни радовался он своему возвышению, оно не сделало его спесивым; напротив, он со всеми был сама обходительность. Незлобивый, приветливый и услужливый по натуре, к этим качествам он после своего представления ко двору добавил еще и учтивость.

Леди Лукас была не слишком умной женщиной, совершенно такой, какую миссис Беннет могла бы пожелать себе в соседки. Судьба наградила их детьми, и старшая дочь, умная и рассудительная девица лет двадцати семи, была задушевной подругой Элизабет.

Что барышням Лукас и барышням Беннет было необходимо незамедлительно встретиться и обменяться мнениями о бале, разумелось само собой, и наутро после ассамблеи первые поспешили в Лонгборн слушать и говорить.

– Шарлотта, ты прелестно открыла вечер, – сказала миссис Беннет с нарочитой любезностью. – Ведь мистер Бингли пригласил тебя самой первой!

– Да, но его второй выбор ему как будто понравился больше.

– А, полагаю, ты думаешь о Джейн, потому что он протанцевал с ней два раза. Да и правда могло показаться, будто он ею восхищен; я даже почти уверена, что так оно и было... я что-то такое слышала... но, право, не совсем поняла... что-то о мистере Робинсоне.

– Вы не о том, что я расслышала, когда он разговаривал с мистером Робинсоном? Разве я вам про это не рассказала? Мистер Робинсон осведомился, как ему нравятся наши меритонские ассамблеи и не считает

ли он, что в зале не перечесть красавиц, и какая кажется ему красивее всех прочих. А он начал с ответа на последний вопрос: «О, бесспорно, старшая мисс Беннет, тут не может быть двух мнений».

– Только вообразите! Столь безоговорочно... право, кажется... но, впрочем, все это, знаете ли, может кончиться ничем.

– Я подслушивала куда с большим толком, чем ты, Элиза, – сказала Шарлотта. – Мистера Дарси в отличие от его друга и слушать не стоило, не так ли? Бедная Элиза! Быть признанной всего лишь недурной.

– Ах, не надо внушать Лиззи, будто его неучтивость стоит внимания. Он ведь такой неприятный человек, что понравиться ему было бы сущим несчастьем. Миссис Лонг сказала мне вчера, что он просидел рядом с ней полчаса и ни словечка не проронил.

– Вы уверены, маменька? Нет ли тут ошибки? – сказала Джейн. – Я точно видела, как мистер Дарси говорил с ней.

– Ну да, потому что она наконец спросила, как ему понравился Недерфилд, и не ответить он не мог. Но, по ее словам, он, казалось, был очень недоволен, что с ним заговорили.

– Мисс Бингли упомянула, что он молчалив, если только не в кругу близких друзей, а вот тогда он на редкость приятный собеседник.

– Не верю ни единому слову, душечка. Будь он таким, то побеседовал бы с миссис Лонг. Но я понимаю, в чем тут дело. Все говорят, что гордыня у него непомерная, и, сдается мне, он прослышал, что миссис Лонг не держит экипажа и на бал приехала на извозчике.

– Меня мало трогает, что он не пожелал разговаривать с миссис Лонг, – сказала миссис Лукас, – но я бы предпочла, чтобы он все-таки пригласил Элизу на танец.

– В другой раз, Лиззи, – сказала миссис Беннет, – я бы на твоём месте не стала танцевать с ним.

– Право, маменька, я могу смело пообещать вам, что никогда не буду танцевать с ним.

– В нем гордость, – сказала миссис Лукас, – мне менее неприятна, чем во многих других, так как ей есть извинение. Можно ли удивляться, что молодой человек со столькими достоинствами, благородного происхождения, богатый, обласканный фортуной, будет о себе самого высокого мнения? Если позволительно сказать, так у него есть право быть гордым.

– Совершенно справедливо, – ответила Элизабет. – И я легко простила бы ему его гордость, если бы он не уязвил мою.

– Гордость, – объявила Мэри, весьма льстившая себе мыслью о

здравости своих суждений, – мне кажется, весьма обычный недостаток. Все книги, которые я читала, убеждают меня в его обычности, в том, что человеческая природа особенно склонна к нему и что лишь очень немногие из нас не испытывают самодовольства при мысли о том или ином своем достоинстве, действительном или воображаемом. Гордыня, она же тщеславие, и гордость – совершенно разные вещи, хотя эти слова часто употребляются как синонимы. Человек может быть гордым, но не тщеславным. Гордость более связана с тем, как мы ценим себя, тщеславие же с тем, как, по нашему убеждению, нас должны ценить другие.

– Будь я таким богатым, как мистер Дарси, – воскликнул один из младших Лукасов, сопровождавший своих сестер, – мне было бы все равно, какой я гордый! Я бы держал свору гончих и выпивал по бутылке вина каждый день.

– И, значит, пил бы куда больше, чем следует, – сказала миссис Беннет. – И попадись ты мне на глаза за бутылкой, я бы тотчас ее у тебя отобрала.

Мальчик возразил, она настаивала на своем, и спор их завершился только вместе с визитом.

Глава 6

Обитательницы Лонгборна вскоре нанесли визит недерфилдским дамам. Ответный визит последовал по всем правилам. Милые манеры мисс Беннет все больше располагали к ней миссис Хэрст и мисс Бингли; и, хотя маменька была признана нестерпимой, а младшие сестры – недостойными внимания, двум старшим было выражено желание познакомиться с ними поближе. Джейн приняла такой знак предпочтения с величайшей радостью, но Элизабет по-прежнему замечала надменность в их обхождении со всеми – даже с ее сестрой, а потому они продолжали ей не нравиться. Впрочем, их любезность к Джейн, какова бы она ни была, все-таки имела цену, так как, по всей вероятности, ее порождало несомненное восхищение их брата. Оно явно бросалось в глаза всякий раз, когда они встречались, а Элизабет столь же ясно видела, что Джейн все больше отдается влечению сердца, которое пробудилось в ней с самого начала, и уже готова влюбиться в него без памяти. Однако она черпала спокойствие в уверенности, что никто другой этого не заметит, так как в Джейн сила характера сочеталась с безмятежностью души и веселостью, которые должны были надежно оградить ее от подозрений и назойливого любопытства. Она упомянула про это своей приятельнице мисс Лукас.

– Пожалуй, – ответила Шарлотта, – не так уж плохо в подобном случае обманывать свет, но иногда такая скрытность таит в себе угрозу. Если женщина прячет свою склонность столь же успешно и от предмета этой склонности, она может промедлить и не успеет привязать его к себе. А тогда сознавать, что и все окружающие равно остались в неведении, утешение довольно малое. Почти в каждом нежном чувстве столько благодарности или тщеславия, что небезопасно никак его не поощрять. Начинать мы все начинаем сами – легкое предпочтение вполне натурально. Но лишь у очень немногих из нас достает духа влюбиться по-настоящему без поощрения. В девяти случаях из десяти женщине полезнее выказать склонность даже в большей мере, чем она ее чувствует. Бингли, бесспорно, очень нравится твоя сестра, но возможно, если она ему не поможет, то дальше так и будет всего лишь ему нравиться.

– Но она же ему помогает, насколько позволяет ее характер. Раз уж я замечаю ее расположение к нему, так он должен быть поистине простаком, если не догадается о нем.

– Не забывай, Элиза, что ему характер Джейн известен гораздо

меньше, чем тебе.

– Но если женщина питает склонность к мужчине и не старается это скрыть, он непременно должен что-то заметить.

– Да, должен, если видится с ней достаточно часто. Но Бингли и Джейн, хотя и встречаются не так уж редко, время вместе проводят недостаточно долгое. И притом в большом смешанном обществе. Им невозможно посвящать друг другу каждую минуту. А потому Джейн должна всячески использовать те полчаса, которые проводит с ним. Вот когда она прочно привяжет его к себе, у нее будет достаточно времени влюбиться в него так сильно, как она пожелает.

– Твой план хорош, – ответила Элизабет, – для тех случаев, когда речь идет только о стремлении выйти замуж, и если бы я решила заручиться богатым мужем или вообще мужем, то, полагаю, последовала бы ему. Но Джейн чувствует совсем другое. Она ничего не рассчитывает наперед. Пока она еще не уверена ни в степени собственной склонности, ни в ее разумности. Они знакомы всего полмесяца. Она протанцевала с ним четыре раза в Меритоне; один раз виделась с ним утром у него дома, а затем четыре раза обедала за одним столом с ним. Это маловато, чтобы успеть постигнуть его характер.

– Разумеется, будь все так, как ты говоришь. Если бы она просто обедала с ним за одним столом, то могла бы лишь узнать, насколько хорош его аппетит, но не забудь: это ведь означает и проведенные вместе четыре вечера, а за четыре вечера может произойти очень многое.

– О да! Эти четыре вечера помогли им убедиться, что «двадцать одно» они оба предпочитают «коммерции», но вряд ли им открылось нечто более существенное.

– Что же, – сказала Шарлотта, – я от всего сердца желаю Джейн успеха; и если бы она вышла за него замуж завтра, на мой взгляд, надежды обрести счастье у нее было бы ничуть не меньше, посвети она год изучению его характера. Счастье в браке всегда игра случая. Как бы хорошо жених и невеста ни знали характеры друг друга, как бы ни схожи были их наклонности, это ничуть не поспособствует счастью их супружества. Ведь затем их характеры меняются, и им выпадает своя доля домашних неурядиц. И куда лучше как можно меньше знать заранее о недостатках того, с кем тебе предстоит провести жизнь.

– Ты меня рассмешила, Шарлотта, все это вздор, ты знаешь, что это вздор, и сама так ни за что не поступишь.

Занятая наблюдениями за поведением мистера Бингли с ее сестрой, Элизабет даже не заподозрила, что обретает некоторую интересность в

глазах его друга. Мистер Дарси вначале отказывал ей в миловидности; на балу он оглядел ее без малейшего восхищения, а при следующей их встрече смотрел на нее, только чтобы критиковать. Однако едва он доказал себе и своим друзьям, что в ее лице не отыскать ни единой хотя бы сносной черты, как вдруг начал убеждаться, что чудное выражение ее темных глаз делает это лицо на редкость умным. Вслед за тем последовали и другие открытия, явно уязвлявшие его самоуверенность.

Хотя его критический взор подмечал не один изъян, нарушающий идеальную симметрию ее фигуры, он был вынужден признать ее стройной и приятной для глаз. И хотя он объявил ее манеры совсем не светскими, его обворожила их естественность и живость. Она же ни о чем не догадывалась, и для нее он оставался человеком, который не трудился быть любезным ни с кем и кто не счел ее достаточно красивой, чтобы танцевать с ней.

А ему уже хотелось узнать ее поближе. И в намерении завести с ней разговор он начал прислушиваться к ее разговорам с другими, что наконец и привлекло ее внимание. Случилось это в доме сэра Уильяма Лукаса, где собралось большое общество.

– С какой стати, – сказала она Шарлотте, – мистер Дарси прислушивался к тому, о чем я говорила с полковником Фостером?

– На этот вопрос может ответить только сам мистер Дарси.

– Но если он снова позволит себе подобное, я непременно покажу ему, что все вижу. У него такой сатирический взгляд, что я, если не позволю себе какой-нибудь дерзости, начну его бояться.

Вскоре после этого он направился в их сторону, хотя как будто без намерения начать разговор, и мисс Лукас заметила своей подруге, что та никогда ни на что подобное не решится, чем лишь подстрекнула ее. Обернувшись к нему, Элизабет сказала:

– Не кажется ли вам, мистер Дарси, что я минуту назад с большой тонкостью упрашивала полковника Фостера дать для нас бал в Меритоне?

– С большим пылом. Обычным для прекрасного пола, стоит речи зайти о балах.

– Вы так строги к нам!

– Сейчас настанет ее черед подвергнуться упрашиваниям, – сказала мисс Лукас. – Я намерена открыть фортепьяно, а ты знаешь, Элиза, к чему это приведет.

– Ну что ты за подруга! Всегда хочешь, чтобы я играла и пела всем и каждому! Если бы мое тщеславие влекло меня к музыке, тебе цены не было бы, однако я предпочла бы не садиться за инструмент в присутствии тех,

кто, без сомнения, привык слушать лишь самую лучшую игру.

Однако мисс Лукас настаивала, и Элизабет наконец ответила:

– Ну хорошо, пусть будет по-твоему. – И, обратив серьезнейший взгляд на мистера Дарси, она добавила: – Есть прекрасное старинное присловье, разумеется, известное всем присутствующим: «Придержи дыхание, чтобы было чем остудить кашу». Вот и я придержу свое, чтобы романс прозвучал лучше.

Играла и пела она недурно, хотя отнюдь не превосходно. Когда она допела второй романс, то даже не успела ответить на просьбы некоторых гостей спеть еще, как ее сестра Мэри поспешила сама сесть за фортепьяно. Мэри была единственной дурнушкой среди своих сестер, а потому не только читала серьезные книги, но столь же усердно занималась рисованием и музыкой и всегда с нетерпением ждала возможности показать себя.

Однако Мэри не обладала ни большим талантом, ни вкусом, и хотя тщеславие рождало в ней усердие, ему сопутствовали педантичность и самодовольство, которые испортили бы впечатление и от куда более искусной игры. Элизабет, чуждая претензий и нарочитости, доставила своим слушателям куда больше удовольствия, хотя играла и вполтину не так умело. А Мэри после завершения очень длинного концерта была рада снискать похвалы и благодарность, заиграв шотландские и ирландские мелодии по просьбе своих младших сестер, которые вместе со старшими Лукасами и двумя-тремя офицерами устроили танцы в одном конце залы.

Мистер Дарси стоял неподалеку от них, молча негодуя на подобную манеру скоротать вечер, которая препятствовала разговорам, и был так погружен в свои мысли, что заметил рядом с собой сэра Уильяма Лукаса только тогда, когда сэр Лукас заговорил:

– Какое преприятное развлечение для молодежи, мистер Дарси! Все-таки ничто с танцами не сравнится. Я полагаю их первым украшением самого полированного общества.

– Бесспорно, сударь, и у них есть еще то преимущество, что они в моде и не в столь полированных обществах: каждый дикарь способен плясать.

Сэр Уильям лишь улыбнулся.

– Ваш друг танцует восхитительно, – продолжал он после паузы, увидев, что мистер Бингли вступил в круг танцующих. – И полагаю, вы сами искусны в этой науке, мистер Дарси.

– Мне кажется, сударь, вы видели, как я танцевал в Меритоне.

– Как же! И, глядя на вас, получил истинное удовольствие. Вы часто

танцуете на придворных балах?

– Никогда, сударь.

– А вы не думаете оказать честь этой зале?

– Эту честь я, насколько это зависит от меня, ни одной зале не оказываю.

– Полагаю, у вас есть дом в столице?

Мистер Дарси поклонился.

– Я прежде подумывал поселиться в столице. Люблю бывать в высшем обществе, да только меня одолели опасения, как бы лондонский воздух не повредил леди Лукас.

Он умолк в чаянии ответа, но его собеседник был не расположен поддерживать разговор, и тут, заметив, что Элизабет направилась в их сторону, сэр Уильям возгорелся желанием оказать ей галантную услугу и окликнул ее:

– Дражайшая мисс Элиза, почему вы не танцуете? Мистер Дарси, вы должны разрешить мне представить вам эту барышню как наилучшую даму, какую вы только могли бы пригласить на танец. Право, вы не можете отказаться танцевать, когда видите перед собой такую красоту! – И, взяв руку Элизабет, он протянул ее мистеру Дарси, который, хотя и безмерно удивился, был отнюдь не прочь принять ее, но Элизабет тотчас отступила, сказав сэру Уильяму в некотором смятении:

– Право, сударь, я вовсе не хочу танцевать. Прошу вас, не думайте, будто я искала кавалера.

Мистер Дарси по всем правилам хорошего тона попросил оказать ему честь и пройти с ним в танце, но тщетно. Элизабет была тверда, и никакие уговоры сэра Уильяма не смогли поколебать ее решимости.

– Вы так превосходно танцуете, мисс Элиза, что с вашей стороны жестоко лишать меня удовольствия полюбоваться вами. И хотя сей джентльмен пренебрегает этим развлечением, полагаю, он уважит вас на полчаса.

– Мистер Дарси – сама учтивость, – сказала Элизабет с улыбкой.

– Поистине! Но соблазн так велик, дражайшая мисс Элиза, что нам не следует дивиться его уступчивости. Ну кто бы устоял и не ангажировал столь неотразимую даму?

Элизабет лукаво улыбнулась и отошла от них. Ее отказ отнюдь не уронил ее во мнении мистера Дарси, и он думал о ней не без восхищения, когда к нему подошла мисс Бингли.

– Догадываюсь, чем заняты ваши мысли!

– Не думаю.

– Вы размышляете, как нестерпимо было бы проводить вечер за вечером подобным образом – в подобном обществе. И я совершенно согласна с вами. Ничего утомительнее мне испытывать не доводилось. Несносная скука – и столько шума! Ничтожность – и такое высокое мнение о себе у всех этих людей! Чего бы я ни дала, чтобы послушать, как вы их аттестуете!

– Ваша догадка совершенно неверна, уверяю вас. Я предавался мыслям о том, каким восторгом может одарить пара прекрасных глаз на обворожительном женском лице.

Мисс Бингли немедленно устремила свои глаза на его лицо и пожелала узнать, какая девица или дама имела честь навести его на подобные мысли.

Мистер Дарси ответил с величайшим бесстрашием:

– Мисс Элизабет Беннет.

– Мисс Элизабет Беннет! – повторила мисс Бингли. – Я в изумлении. Давно ли она в таком фаворе у вас? И когда, скажите, мне вас поздравить?

– Этого вопроса я от вас и ожидал. Женское воображение столь торопливо! Оно в единый миг перепархивает от похвалы к любви, от любви к браку. Я знал, что вы поспешите меня поздравить.

– Право, если вы столь серьезны, я сочту, что дело решено. Вы обзаведетесь поистине очаровательнейшей тещей, и она, разумеется, будет безвыездно гостить в Пемберли.

Он с полнейшим равнодушием слушал, как она забавлялась подобными предположениями. Его невозмутимость убедила ее, что ничего опасаться не нужно, и она дала волю своему остроумию.

Глава 7

Состояние мистера Беннета ограничивалось почти лишь поместьем, приносившим две тысячи в год, и, к несчастью для его дочерей, оно было майоратом, так что из-за отсутствия прямого наследника мужского пола ему предстояло отойти к дальнему родственнику их отца. Состояние же их матери, хотя и вполне достаточное для нее в нынешнем ее положении, никак не могло заменить утрату поместья. Ее отец был стряпчим в Меритоне и оставил ей четыре тысячи фунтов.

У нее была сестра, которая вышла за некоего мистера Филипса, клерка их отца, который стал его преемником; а еще брат, почтенный лондонский торговец.

Деревня Лонгборн находилась всего в миле от Меритона. Весьма удобное расстояние для барышень, которые обычно три-четыре раза в неделю отправлялись туда посетить тетушку, а также модистку по ту сторону улицы. Две младшие, Кэтрин и Лидия, особенно часто оказывали тетушке этот знак внимания. Они были гораздо ветренее своих старших сестер и когда не находили лучшего развлечения, то коротали утренние часы прогулкой в Меритон, набираясь пищи для вечерней болтовни. Ведь как ни скудны новостями были городок и его окрестности, барышни всегда хоть что-нибудь да узнавали от тетушки. Теперь же у них не было недостатка ни в новостях, ни в радостных предвкушениях – недавно под Меритон прибыл полк, чтобы оставаться там до конца зимы, а офицеры поселились в Меритоне.

Теперь посещения миссис Филипс вознаграждались изобилием всяческих любопытнейших сведений. Каждый день они узнавали про офицеров все больше – их фамилии, их родственные связи. Квартир их также недолго оставались тайной, а затем они начали знакомиться и с ними самими. Мистер Филипс объехал с визитами их всех, тем самым открыв для племянниц источник радостей, прежде им неведомых. Теперь ни о чем, кроме офицеров, они не говорили, и огромное состояние мистера Бингли, упоминание о котором так воодушевляло их маменьку, казалось им ничем в сравнении с парадным мундиром прапорщика.

Однажды утром, наслушавшись их восторгов, мистер Беннет хладнокровно заметил:

– Судя по тому, что вы говорите, пожалуй, во всей стране не найдется двух других таких дурочек. Я всегда это подозревал, но теперь

окончательно убедился.

Кэтрин смутилась и ничего не ответила, но Лидия как ни в чем не бывало продолжала превозносить капитана Картера и выражать надежду, что увидит его сегодня, так как завтра утром он уедет в Лондон.

– Я удивлена, мой друг, – сказала миссис Беннет, – что вы с такой легкостью готовы считать своих дочерей глупыми. Если бы мне захотелось выбрать чьего-то ребенка, своего я для этого не выбрала бы.

– Если мои дети глупы, надеюсь, я никогда не стану закрывать глаза на это.

– Разумеется, да только все они у нас умницы.

– Лыщу себя мыслью, что это единственный случай, когда наши мнения расходятся. Я всегда уповал, что мы едины во всех мыслях, но в этом вопросе позволю себе не согласиться с вами и считать наших двух младших дочерей на редкость глупыми.

– Любезнейший мистер Беннет, вам не следует требовать от наших девочек разумности их отца и матери. Когда они достигнут нашего возраста, смею сказать, они будут думать об офицерах не больше, чем мы. Помню время, когда и мне красные мундиры очень нравились, да и теперь они сохраняют местечко в моем сердце; и если бы ловкий молодой полковник с пятью-шестью тысячами годового дохода попросил бы руки одной из моих дочек, я бы не сказала ему «нет». В тот вечер у сэра Уильяма я как раз подумала, что полковник Фостер в парадном мундире выглядит очень авантжно.

– Маменька! – воскликнула Лидия. – Тетенька говорит, что полковник Фостер и капитан Картер бывают у мисс Уотсон не так часто, как прежде, когда только приехали. Теперь она чаще видит их в библиотеке Кларка.

Ответить миссис Беннет не успела, потому что вошел лакей с запиской для мисс Беннет. Ее прислали из Недерфилда, и слуге было велено подождать ответа. Миссис Беннет просияла от радости и засыпала дочь вопросами, пока та еще читала записку.

– Джейн, от кого она? О чем? Что он пишет? Ах, Джейн, поторопись и расскажи нам. Не медли так, душенька.

– От мисс Бингли, – ответила Джейн и прочла записку вслух.

«Милый друг!

Если в вас не найдется капли сострадания и вы не отобедаете сегодня с Луизой и со мной, нам будет грозить опасность возненавидеть друг дружку до конца наших дней. Ведь целый день тет-а-тет двух женщин не может завершиться без ссоры. Приезжайте как можно быстрее по

получении этой записки. Мой брат и его друзья приглашены на обед к офицерам.

Навеки ваша Каролина Бингли».

– С офицерами! – вскричала Лидия. – Не понимаю, как тетушка нам ничего про это не сказала!

– Приглашены на обед! – повторила миссис Беннет. – Какая жалость!

– Могу я взять карету? – спросила Джейн.

– Нет, душенька. Лучше поезжай верхом, потому что собирается дождь, и тогда тебя пригласят переночевать.

– План недурен, – заметила Элизабет, – если только вы уверены, что они не предложат ей свой экипаж.

– О! Но джентльмены поедут в Меритон в коляске мистера Бингли, а у Хэрстов там своих упряжных лошадей нет.

– Но я предпочла бы поехать в карете.

– Ах, душенька, у твоего отца нет для нее лошадей. Они все нужны на ферме, мистер Беннет, не правда ли?

– На ферме они нужны гораздо чаще, чем мне удастся их получить.

– Но если вы их получите сегодня, – сказала Элизабет, – маменькина цель будет достигнута.

Ей удалось-таки добиться от отца подтверждения, что лошади заняты на ферме, а потому Джейн пришлось отправиться в Недерфилд верхом, и маменька проводила ее до дверей со многими радостными предсказаниями дурной погоды. Ее упования сбылись; не успела Джейн уехать, как зарядил дождь. Сестры беспокоились за нее, но маменька ликовала. Дождь лил весь вечер, не переставая. Разумеется, Джейн не могла вернуться домой.

– Поистине это была счастливая мысль! – повторяла миссис Беннет так, будто дождь был делом ее рук. Однако до следующего утра она и не подозревала, насколько удачной оказалась ее уловка. Едва они кончили завтракать, как слуга из Недерфилда привез Элизабет следующую записку:

«Лиззи, миленькая!

Нынче утром я почувствовала себя плохо, наверное, потому, что вчера промокла насквозь. Мои добрые хозяйки и слушать не хотят о том, чтобы я уехала домой, пока не оправлюсь. Кроме того, они настояли, чтобы меня осмотрел мистер Джонс, а потому не тревожьтесь, если услышите, что он посетил меня. Да и я почти здорова, только горло и голова побаливают.

Твоя... и т. д.»

– Что же, душа моя, – сказал мистер Беннет, когда Элизабет прочла записку вслух, – если ваша дочь опасно заболит, если она умрет, каким утешением послужит мысль, что произошло это в погоне за мистером Бингли и по вашим указаниям.

– О, я ничуть не боюсь, что она умрет. От пустячной простуды еще никто не умирал. За ней будут хорошо ухаживать. И пока она будет оставаться там, ничего лучшего и пожелать нельзя. Я бы поехала повидать ее, если бы могла взять карету.

Элизабет, искренне встревоженная, решила отправиться в Недерфилд, хотя свободных лошадей не оказалось. Верхом она ездила плохо, а потому у нее не оставалось иного выбора, как пойти пешком. Она объявила о своем намерении.

– Как ты могла додуматься до подобной глупости? – вскричала ее мать. – Пешком по такой грязи! Когда ты туда доберешься, тебе нельзя будет показаться на людях!

– Но я смогу показаться Джейн, а больше мне ничего не нужно.

– Это намек мне, Лиззи, чтобы я послал за лошадьми? – спросил ее отец.

– Нет-нет. Я вовсе не боюсь пройти пешком. Расстояние – пустяк, если есть важная причина. Всего три мили! Я вернусь к обеду.

– Меня восхищает твоя деятельная благожелательность, – сказала Мэри. – Но каждый порыв чувств должен подчиняться разуму, и, по моему мнению, усилия всегда должны быть пропорциональны тому, для чего они требуются.

– Мы пойдем с тобой до Меритона, – сказали Кэтрин и Лидия.

Элизабет согласилась, и три барышни отправились в путь.

– Если мы поторопимся, – заметила Лидия, когда они вышли на дорогу, то, быть может, успеем увидеть капитана Картера до того, как он уедет.

В Меритоне они расстались. Младшие направились к дому, где проживала одна из офицерских жен, а Элизабет пошла дальше одна быстрым шагом, минуя луг за лугом, одолевая перелазы, перепрыгивая лужи с нетерпеливой живостью, и в конце концов увидела недерфилдский дом. Ноги у нее ныли, чулки запачкались, лицо разругалось – так разгорячила ее пешая прогулка.

Ее проводили в малую столовую, где завтракали все, кроме Джейн, и где ее появление вызвало большое изумление. Пройти три мили столь рано в такое ненастье и совсем одной? Миссис Хэрст с мисс Бингли отказывались этому поверить, и Элизабет не сомневалась, что они

осуждали ее за такое нарушение приличий. Однако приняли они ее очень любезно. А в том, как с ней поздоровался их брат, было нечто большее, чем простая любезность, приветливость и радушие. Мистер Дарси сказал очень мало, а мистер Хэрст и совсем ничего. Первый и восхищался свежим румянцем, игравшим на ее щеках после долгой ходьбы, и сомневался, что предполагаемая причина – достаточное оправдание для того, чтобы проделать подобный путь одной. Второй не думал ни о чем, кроме завтрака.

Она осведомилась, как чувствует себя ее сестра, и ответ был не очень утешительный. Мисс Беннет провела беспокойную ночь, у нее небольшой жар, и, хотя она оделась, ей так нездоровится, что она не смогла спуститься к завтраку. К радости Элизабет, ее без промедлений проводили к сестре, и Джейн, которой лишь опасения внушить тревогу или причинить хлопоты помешали выразить в записке, как ей бы хотелось увидеть сестру, чрезвычайно ей обрадовалась. Однако говорить ей было трудно, и, когда мисс Бингли оставила их вдвоем, она ограничилась лишь словами благодарности за доброту и заботливость, какими ее окружили. Элизабет ухаживала за ней, храня молчание.

Завтрак кончился, сестры поднялись к ним, и Элизабет почувствовала, что они начинают нравиться и ей, так ласковы и внимательны они были к Джейн. Приехал аптекарь и, осмотрев больную, объявил, как и можно было ожидать, что она очень сильно простудилась и следует принять надлежащие меры. Рекомендовал ей лечь в постель и обещал прислать микстуры. Джейн охотно последовала его совету, потому что жар усилился и голова у нее разболелась еще сильнее. Элизабет ни на минуту не покидала ее комнаты, да и мисс Бингли с миссис Хэрст выходили лишь ненадолго. Собственно, джентльмены уехали, и им некуда было девать себя.

Когда часы пробили три, Элизабет почувствовала, что ей пора возвращаться домой, и с большой неохотой сказала об этом. Мисс Бингли предложила заложить для нее карету, и понадобилось совсем мало настойчивости, чтобы она согласилась. Однако Джейн очень расстроилась при мысли о разлуке с сестрой, так что мисс Бингли ничего не оставалось, как взять назад предложение кареты и пригласить ее пока остаться в Недерфилде. Элизабет с большой благодарностью приняла это приглашение, и в Лонгборн был отправлен слуга сообщить ее родителям о сложившихся обстоятельствах и привезти ей необходимую одежду.

Глава 8

В пять часов мисс Бингли и миссис Хэрст удалились переодеться, а в половине седьмого Элизабет позвали обедать. На вежливые расспросы, которыми ее засыпали и среди которых она с радостью заметила искренность тревоги мистера Бингли, ничего особенно утешительного она ответить не могла. Джейн нисколько не стало лучше. Услышав это, сестрицы мистера Бингли три или четыре раза повторили, как они расстроены, как огорчительно столь сильно простудиться и как сами они терпеть не могут хворать; после чего больная была забыта. Эта безразличность к Джейн, едва за ними закрылась дверь, позволила Элизабет вновь наслаждаться своей прежней антипатией к ним.

Среди общества за столом только их брат не вызывал в ней неприязни. Он, несомненно, очень тревожился за Джейн, а его внимание к ней самой было самым лестным, и лишь оно мешало ей почувствовать себя непрошеной гостьей, какой, она не сомневалась, ее считали все остальные. Кроме него, никто ее, казалось, не замечал. Мисс Бингли была всецело занята мистером Дарси, как, впрочем, и ее сестра, а что до мистера Хэрста, чьей соседкой она оказалась, он был ленивым человеком, жившим лишь для того, чтобы есть, пить и играть в карты; когда он обнаружил, что Элизабет простой ростбиф предпочла фрикасе, ему с ней разговаривать больше было не о чем.

После обеда она тотчас поднялась к Джейн, и мисс Бингли без промедления принялась ее критиковать. Ее манеры были объявлены никуда не годными, смесью высокомерия и наглости; ни умения поддерживать беседу, ни элегантности, ни вкуса, ни красоты. Миссис Хэрст во всем поддержала сестру и добавила:

– Короче говоря, в ней нет никаких достоинств, кроме того, что пешком она ходит бесподобно. Никогда не забуду, как она появилась тут нынче утром. Выглядела она почти неприлично.

– О да, Луиза! Я лишь с трудом сумела удержаться от смеха. И какой вздор вообще являться сюда! С какой стати должна она бегать по лугам, если ее сестра простудилась? И ее волосы, такие растрепанные, такие спутанные!

– Да, а ее юбка? Ты ведь видела, что ее юбка была вся в грязи на целых шесть дюймов, не иначе. А верхнее платье выпущено, чтобы прикрывать ее, но без пользы.

– Этот портрет, Луиза, быть может, очень верен, – сказал мистер Бингли, – но ничего подобного я не заметил. Когда мисс Элизабет Беннет утром вошла сюда, мне она показалась очаровательной. А забрызганная юбка ускользнула от моего внимания.

– Но, разумеется, не от вашего, мистер Дарси, – сказала мисс Бингли. – И не сомневаюсь, вы не пожелали бы, чтобы ваша сестрица так себя аттестовала!

– Бесспорно.

– Пройти три мили, или четыре, или пять, или сколько их там по щиколотку в грязи, и одной, совсем одной! Да как она решилась? Право, это свидетельствует о самом своевольном сумасбродстве, о провинциальном пренебрежении приличиями.

– Это свидетельствует о ее любви к сестре и заслуживает всех похвал, – сказал Бингли.

– Боюсь, мистер Дарси, – заметила мисс Бингли, понизив голос, – эта эскапада несколько угасила ваше восхищение ее прекрасными глазами.

– Отнюдь, – ответил он. – Прогулка придала им новый блеск.

Последовала некоторая пауза, а затем миссис Хэрст снова начала:

– Я весьма расположена к Джейн Беннет, она премилая девушка, и я от всего сердца желаю ей хорошей партии. Но, боюсь, такой отец с такой матерью и такое вульгарное родство не оставляют на это никакой надежды.

– Мне кажется, я слышал, как вы говорили, что ее дядя – стряпчий в Меритоне?

– Да, а другой их дядюшка живет где-то около Чипсайда.

– Бесподобно! – добавила ее сестрица, и обе засмеялись.

– Да будь у них столько дядюшек, что хватило бы заселить весь Чипсайд, – вскричал Бингли, – это ни на йоту не сделало бы их менее обворожительными.

– Однако это должно очень заметно снизить их шансы на женихов, занимающих положение в свете, – ответил Дарси.

Бингли промолчал, но его сестрицы от души согласились и еще некоторое время отпускали насмешки по адресу вульгарных родственников своей дражайшей подруги.

Однако, покинув столовую, они в новом припадке нежности поднялись в ее комнату и сидели с ней, пока им не доложили, что кофе подан. Джейн все еще очень нездоровилось, и Элизабет ни на минуту ее не покидала. Лишь поздно вечером, когда вид спокойно уснувшей сестры ее несколько утешил, она подумала, что, как это ни неприятно, ей все-таки следует спуститься вниз. Войдя в гостиную, она застала все общество за карточным

столом и тут же была приглашена присоединиться к ним. Но, подозревая, что играют они по-крупному, она отказалась и, сославшись на сестру, объяснила, что недолгое время, которое может провести внизу, она скоротает за книгой. Мистер Хэрст взглянул на нее с изумлением.

– Вы предпочитаете картам чтение? – сказал он. – Как странно!

– Мисс Элиза Беннет, – заметила мисс Бингли, – презирует карты. Она великая любительница чтения и ни в чем другом удовольствия не находит.

– Я не заслужила ни такой похвалы, ни такого порицания! – воскликнула Элизабет. – Я не такая уж великая любительница чтения и нахожу удовольствие во многом другом.

– Ухаживая за вашей сестрицей, я полагаю, вы находите истинную радость, – сказал Бингли, – и от души надеюсь, эта радость станет еще сильнее, когда вы увидите ее совсем здоровой.

Элизабет поблагодарила его от всей души, а затем отошла к столику, на котором лежало несколько книг. И он тотчас предложил принести ей еще и другие: вся его библиотека в ее распоряжении.

– И я бы желал, чтобы она была гораздо полнее. Ради вас и к моей собственной чести; но я по натуре бездельник, и хотя книг у меня не так уж много, их все же больше, чем я брал когда-нибудь в руки.

Элизабет заверила его, что ей достаточно и этих.

– Я удивлена, – сказала мисс Бингли, – что мой отец собрал столь мало книг. Какая чудесная библиотека у вас в Пемберли, мистер Дарси!

– Да, ей трудно не быть хорошей, – ответил он, – ведь она – плод стараний многих поколений.

– И вы сами так ее пополнили! Вы же всегда покупаете книги.

– Не понимаю, как можно пренебрегать фамильной библиотекой в наши дни.

– Пренебрегать! Не могу вообразить, чтобы вы пренебрегли хоть чем-то, что может еще более украсить ваше великолепное имение. Чарльз, когда ты будешь строить свой дом, как бы я желала, чтобы он хоть вполовину был так восхитителен, как Пемберли.

– Я бы тоже этого желал.

– Однако я тебе настоятельно советую приобрести поместье в тех краях и взять Пемберли за образец. В Англии нет графства лучше Дербишира.

– С превеликой радостью. Я бы просто купил Пемберли, согласись Дарси его продать!

– Я говорю о том, что достижимо, Чарльз.

– По чести, Каролина, я бы сказал, что купить Пемберли более

достижимо, чем создать его подобие.

Этот разговор так заинтересовал Элизабет, что она не могла сосредоточиться на чтении и вскоре, отложив книгу, направилась к карточному столу, где расположилась между мистером Бингли и миссис Хэрст, следя за игрой.

– На много ли мисс Дарси подросла с весны? – спросила мисс Бингли. – Она обещает быть высокой, как я?

– Думаю, да. Пока она одного роста с мисс Элизабет Беннет или даже чуть выше.

– Как я жажду вновь ее увидеть! Я не встречала никого, кто восхищал бы меня больше. Как она пленительна! Какие манеры! И как для своего возраста она блещет во всех занятиях, украшающих девицу. На фортепьяно она играет ну просто бесподобно.

– Меня изумляет, – сказал Бингли, – как у благовоспитанных барышень достаёт терпения так блистать в своих занятиях, как все они блистают!

– Все барышни блистают? Милый Чарльз, о чем ты?

– Да, по-моему, все без исключения. Все они рисуют, обтягивают шелком и расписывают экраны, плетут кошелечки. Не знаю ни единой, которая бы всего этого не умела; и, право, не упомяну случая, когда, упомянув про барышню в первый раз, тут же не добавили бы, что она блещет во всех подобающих занятиях.

– Твой список их обычных занятий, – сказал Дарси, – близок к истине. Слово «блистают» употребляется по отношению ко многим женщинам, способным сплести кошелечек или обтянуть экран, но я никак не могу согласиться с тобой в твоей общей оценке. Среди всех моих знакомых дам и девиц я не насчитаю и полудюжины истинно блестящих чем-либо.

– И я тоже, – заметила мисс Бингли.

– В таком случае, – сказала Элизабет, – вы должны быть очень взыскательны в своем представлении об истинных женских дарованиях.

– Да, я взыскателен.

– О, разумеется, – вскричала его верная помощница, – никто не может считаться истинно одаренным, если не превосходит намного то, что мы обычно видим вокруг. Женщина, чтобы удостоиться такой похвалы, должна в совершенстве играть на музыкальных инструментах, петь, рисовать, танцевать и знать современные языки. Сверх этого она должна иметь нечто особенное в своей осанке, походке, тоне голоса, манерах и речи, иначе такой комплимент будет вполнину незаслуженным.

– Да, она должна обладать всем этим, – согласился Дарси, – но

вдобавок ей следует пополнять свое образование, много читая.

– Меня более не удивляет, что вы знакомы всего лишь с шестью женщинами, истинно блестящими своими дарованиями. Не понимаю только, как вообще вы знакомы хотя бы с одной такой.

– Вы так строги к собственному полу, что сомневаетесь даже в возможности этого?

– Просто я никогда не видела подобной женщины. Я никогда не видела, чтобы дарования, и вкус, и элегантность, какие вы описали, объединялись бы в одной женщине.

Миссис Хэрст и мисс Бингли в один голос восстали на несправедливость ее сомнений и наперебой принялись утверждать, что знакомы со многими женщинами, отвечающими этому описанию. Но тут мистер Хэрст заставил их умолкнуть, разразившись негодующими жалобами на их невнимание к игре. Разговор не продолжался, и Элизабет вскоре покинула гостиную.

– Элиза Беннет, – сказала мисс Бингли, едва дверь за ней закрылась, – принадлежит к тем девицам, которые тщатся зарекомендовать себя сильному полу, критикуя свой собственный. Многих мужчин, полагаю, это обольщает, но, на мой взгляд, это жалкая уловка, даже низость.

– Без сомнения, – ответил Дарси, к кому главным образом были обращены ее слова, – искусные ухищрения, до которых порой снисходят представительницы женского пола, желая пленять, такие же уловки. Все, что родственно хитрости, заслуживает презрения.

Подобный ответ пришелся мисс Бингли не совсем по вкусу, и она оставила эту тему.

Элизабет вновь присоединилась к ним, но лишь сказать, что Джейн стало хуже и она не может ее оставить. Бингли хотел немедленно отправить слугу за мистером Джонсом, а его сестрицы, в убеждении, что в провинции лечить не умеют, настаивали послать в Лондон за самым именитым врачом. Об этом Элизабет и слушать не пожелала, но не стала отказываться от предложения их брата. В конце концов было решено, что за мистером Джонсом пошлют рано утром, если мисс Беннет не полегчает. Мистер Бингли был в полном расстройстве, его сестрицы объявили, что совершенно удручены. Однако они развеяли свою печаль, распевая дуэты после ужина, а он нашел лишь слабое утешение в том, что отдал распоряжения экономке окружить больную барышню и ее сестру всевозможными заботами.

Глава 9

Большую часть ночи Элизабет провела с сестрой и утром, к своей радости, могла дать обнадеживающий ответ на вопрос мистера Бингли, который очень рано передала ей горничная, а позднее и двум элегантным дамам – камеристкам его сестриц. Тем не менее она выразила желание, чтобы в Лонгборн отправили слугу с запиской от нее с просьбой, чтобы их мать приехала навестить Джейн и составила собственное мнение о ее недуге. Записка была тотчас отослана, а содержащаяся в ней просьба выполнена не менее быстро. Миссис Беннет в сопровождении двух младших дочерей прикатила в Недерфилд, когда там только-только кончили завтракать.

Если бы миссис Беннет нашла Джейн тяжелобольной, она очень расстроилась бы; однако, вскоре убедившись, что недуг ее дочери не опасен, маменька не пожелала ей скорейшего выздоровления, так как, поправившись, она, весьма вероятно, должна была бы незамедлительно покинуть Недерфилд. Поэтому миссис Беннет и слушать не захотела, когда Джейн попросила увезти ее домой; и аптекарь, приехавший почти в одно время с миссис Беннет, также не почел это разумным. Маменька немного посидела с Джейн, а затем появилась мисс Бингли, и по ее приглашению она с тремя дочерьми спустилась в малую столовую. Едва они вошли, как мистер Бингли выразил надежду, что миссис Беннет нашла Джейн гораздо лучше, чем опасалась.

– Напротив, сударь, – последовал ответ. – Ей так плохо, что ее нельзя увезти домой. Мистер Джонс говорит, что мы ни в коем случае не должны ее перевозить. Так что нам придется еще немного злоупотреблять вашей добротой.

– Перевозить! – воскликнул Бингли. – Да ни в коем случае! Я знаю, моя сестра и думать об этом не позволит.

– Вы можете быть уверены, сударыня, – с холодной вежливостью сказала мисс Бингли, – что за мисс Беннет, пока она остается у нас, будут ухаживать со всем тщанием.

Миссис Беннет рассыпалась в благодарностях.

– Право, не знаю, – добавила она, – что с ней случилось бы без таких добрых друзей, она ведь совсем занемогла и очень страдает, хотя, как всегда, с величайшей терпеливостью, потому что более кроткого характера и вообразить невозможно. Я часто повторяю остальным моим девочкам,

что им с ней не сравниться. Какая миленькая комната, мистер Бингли, и такой бесподобный вид на подъездную аллею. Не знаю в наших краях ни одного места, какое превосходило бы Недерфилд. Надеюсь, вы не поторопитесь с ним расстаться, хотя и взяли аренду на такой короткий срок.

– Я все делаю второпях, – ответил он. – И потому, если я решу покинуть Недерфилд, то, наверное, соберусь за пять минут. Однако пока я полагаю, что устроился тут надолго.

– Именно этого я от вас и ожидала, – заметила Элизабет.

– Вы начинаете меня понимать! – воскликнул он, обращаясь к ней.

– О да, я вас понимаю в совершенстве.

– Хотел бы я истолковать это как комплимент, но, боюсь, довольно грустно, когда тебя видят насквозь.

– Как сказать. Ведь отсюда не следует, что сложный, глубокий характер достоин большего или меньшего уважения, чем ваш.

– Лиззи, – вскричала ее маменька. – Помни, где ты, и не говори вздора, пусть дома мы его и терпим.

– Я прежде не знал, – тотчас сказал Бингли, – что вы изучаете характеры. Вероятно, это очень забавное занятие.

– Да, но сложные характеры особенно забавны. У них есть хотя бы это преимущество.

– В сельских краях, – сказал Дарси, – вряд ли можно найти много материала для такого изучения. В сельской округе вы вращаетесь в очень ограниченном и не меняющемся обществе.

– Однако сами люди так изменяются, что в них всегда замечаешь что-то новое.

– Вот уж правда! – вскричала миссис Беннет, обиженная тоном, каким он произнес «сельская округа». – Можете мне поверить, в деревне этого самого не меньше, чем в столице.

Все были изумлены, а Дарси, смерив ее взглядом, молча отвернулся. Миссис Беннет, воображая, что одержала над ним полную победу, продолжала с торжеством:

– Вот уж не вижу, чем Лондон так лучше деревни, доложу я вам, ну, помимо магазинов и всяких увеселений. Деревня куда как приятнее, ведь верно, мистер Бингли?

– Когда я в деревне, – ответил он, – мне хочется остаться тут навсегда; но то же самое и в Лондоне. И там, и там есть свои преимущества, и я равно счастлив и в деревне, и в городе.

– Ну да, это так, потому что вы не критикан. А вот этот джентльмен, –

тут она посмотрела на Дарси, – деревню словно бы ни во что не ставит.

– Право, маменька, вы ошибаетесь, – сказала Элизабет, краснея за мать. – Вы неверно поняли мистера Дарси. Он лишь имел в виду, что в деревне не встретишь столько совсем разных людей, как в городе, а это, вы должны признать, совершенно справедливо.

– Кто же, душечка, с этим спорит. А вот о том, что в наших краях много людей не встретишь, так наша округа почище других будет. Мы ведь обедаем в двадцати четырех домах.

Только сочувствие к Элизабет помогло Бингли сохранить серьезность, но его сестра была не столь деликатна и взглянула на мистера Дарси с весьма выразительной улыбкой. Элизабет, желая отвлечь мать, поторопилась спросить, заглядывала ли в Лонгборн Шарлотта Лукас в эти дни.

– Да, вчерась она нанесла нам визит вместе со своим папенькой. Уж какой сэр Уильям обходительный человек, мистер Бингли, не правда ли? Такой светский! Такого хорошего тона и ничуть не спесивый! У него всегда для всех найдется словечко. Вот что я нахожу благородными манерами; а те персоны, которые надуваются важностью и рта открыть не желают, очень даже ошибаются.

– Шарлотта обедала у вас?

– Нет, она домой торопилась. Думается мне, присмотреть за булочками с изюмом. Я-то, мистер Бингли, всегда держу слуг, которые со своим делом справляются без надзора. Мои-то дочери совсем не так воспитаны. Ну да каждому свое, а дочери Лукасов очень даже милые барышни, уж поверьте мне. Жаль только, что с лица неказисты. Не то чтобы я считала Шарлотту такой уж некрасивой, так ведь она нам почти как родная.

– Она кажется очень приятной барышней, – заметил Бингли.

– Так-то так, но согласитесь, она совсем дурнушка. Сама леди Лукас часто так говорит и завидует мне, что Джейн такая красавица. Натурально, мне не по душе расхваливать собственное дитя, но, право, Джейн... красивее ее не скоро сыщешь. Все так говорят. На свое материнское суждение я не полагаюсь. Ей еще шестнадцати не было, как один джентльмен в столице, в доме моего брата, Гардинера, до того в нее влюбился, что моя невестка уже думала, он сделает предложение, прежде чем мы уедем домой. Да только он предложения не сделал. Может, подумал, что она еще слишком молода. А вот стишки он ей написал, и такие миленькие!

– На чем его нежность и истоцилась, – нетерпеливо сказала Элизабет. – Полагаю, не одну нежную страсть ждал подобный конец.

Хотела бы я знать, кто первый открыл, что нет ничего лучше поэзии, чтобы прогнать любовь.

– Мне всегда казалось, что поэзия – это пища любви, – сказал Дарси.

– Подлинной, прочной, прекрасной любви – быть может. Все питательно для того, что уже сильно. Но если речь идет о хилом, слабом увлечении, я убеждена, что один звучный сонет тотчас уморит его голодом.

Дарси только улыбнулся, и в наступившем молчании Элизабет с трепетом ждала, что ее маменька вновь выставит себя на посмеище. Она охотно заговорила бы, но не находила о чем, и молчание прервала миссис Беннет, вновь принявшаяся благодарить мистера Бингли за его доброту к Джейн и рассыпаться в извинениях, что обременила его еще и Лиззи. Ответы мистера Бингли были неподдельно любезными и принудили мисс Бингли быть не менее любезной и сказать все то, чего требовал случай. Правда, она выполнила свой долг вежливости весьма сухо, но миссис Беннет была вполне удовлетворена и вскоре попросила, чтобы подали ее карету. По этому сигналу самая младшая из ее дочерей подошла к мистеру Бингли. Все время визита она перешептывалась с сестрой, и вот теперь на ее долю выпало напомнить мистеру Бингли, что он, едва переехав, обещал дать бал в Недерфилде.

Лидия, рослая, крепкая пятнадцатилетняя девочка, с прекрасным цветом лица и веселым выражением, была фавориткой матери, которая начала вывозить свою любимицу очень рано. Ее отличали задорность и природная вера в свою важность, превратившаяся в самоуверенность благодаря ухаживаниям офицеров, которых очень располагали к ней и отличные обеды ее дяди, и ее собственные свободные манеры. А потому она без малейшего стеснения заговорила с мистером Бингли о бале, бесцеремонно напомнила ему о данном обещании и добавила, что если он его не сдержит, это будет самым противным поступком на свете. Его ответ на это внезапное нападение прозвучал для ушей ее матери как сладкая музыка.

– Уверяю вас, я твердо намерен сдержать свое обещание, и, когда ваша сестрица выздоровеет, вы, если вам угодно, сами назовете день бала. Но вы ведь не хотите танцевать, пока она хворает?

Лидия изъяснила свое полное удовлетворение.

– Да-да, будет куда лучше подождать, пока Джейн не выздоровеет. И к тому времени капитан Картер, уж конечно, вернется в Меритон. А когда вы дадите свой бал, уж я настояю, чтобы и они устроили бал. Скажу полковнику Фостеру, что он будет самым противным на свете, если не даст согласия.

Затем миссис Беннет и две ее дочери отбыли, а Элизабет тотчас вернулась к Джейн, предоставив свое поведение и поведение ее матери и Лидии насмешкам мисс Бингли, миссис Хэрст и мистера Дарси. Впрочем, последнего так и не удалось заставить посмеяться над ней самой, как мисс Бингли ни прохаживалась насчет прекрасных глаз.

Глава 10

День прошел примерно так же, как и предыдущий. Миссис Хэрст и мисс Бингли провели несколько утренних часов с больной, которой, хотя и медленно, но становилось лучше, и вечером Элизабет присоединилась к обществу в гостиной. Однако карточный стол не был разложен. Мистер Дарси писал письмо, и мисс Бингли сидела рядом, наблюдая, как оно продвигается, все время отвлекая пишущего просьбами передать от нее его сестре то-то и то-то. Мистер Хэрст и мистер Бингли играли в пикет, а миссис Хэрст смотрела, как они играют.

Элизабет взяла шитье и развлекалась тем, что следила за Дарси и мисс Бингли. Ее несмолкаемые похвалы то его почерку, то ровности строк, выходящих из-под его пера, то длине его письма и глубочайшее равнодушие, какое они встречали, слагались в забавный диалог, совершенно отвечавший мнению Элизабет и о ней, и о нем.

– Как обрадуется мисс Дарси, получив такое письмо!

Он ничего не ответил.

– Вы пишете с такой необыкновенной быстротой.

– Вы ошибаетесь. Я пишу довольно медленно.

– Сколько писем вам приходится писать на протяжении года! И сколько деловых! Меня они приводили бы в ужас!

– В таком случае очень удачно, что писать их мой жребий, но не ваш.

– Прошу, сообщите вашей сестрице, что мне не терпится увидеться с ней.

– Я уже один раз по вашему желанию написал ей это.

– Боюсь, вам не нравится ваше перо. Разрешите, я его очиню. Я очень хорошо чиню перья.

– Благодарю вас, но я сам чиню свои перья.

– Как вам удастся писать так ровно?

Он промолчал.

– Скажите вашей сестрице, что я в восхищении, узнав про ее успехи в игре на арфе, и прошу, не забудьте упомянуть, в какой восторг меня привел ее прелестный рисунок для столика и что, по-моему, он, несомненно, превосходит рисунок мисс Грантли.

– Вы не позволите отложить ваши восторги до моего следующего письма? На этом листе осталось слишком мало места, чтобы я мог воздать им должное.

– О, это не важно. Я ведь увижусь с ней в январе. А вы всегда пишете ей такие очаровательные длинные письма, мистер Дарси?

– Обычно они бывают длинными, но всегда ли очаровательными, судить не мне.

– Я совершенно уверена, что тот, кто способен с легкостью написать длинное письмо, не может писать плохо.

– Для Дарси это не такой уж комплимент, Каролина, – воскликнул ее брат, – потому что он вовсе не пишет с легкостью. Слишком уж он привержен всяким длинным ученым словам! Ведь правда, Дарси?

– Стиль моих писем заметно отличается от твоего.

– Ах! – вскричала мисс Бингли. – Чарльз пишет с невообразимой небрежностью. Он опускает половину слов, а остальные покрывает кляксами.

– Мои мысли текут так быстро, что я не успеваю их выразить, и поэтому мои корреспонденты порой не находят в моих письмах ни единой связной мысли.

– Ваша скромность, мистер Бингли, – сказала Элизабет, – обезоружит любой упрек.

– Нет ничего обманчивее скромности, – возразил Дарси. – Нередко это не более чем равнодушие к чужим мнениям, а иногда и скрытое хвастовство.

– И чему из двух ты припишешь мой недавний образчик скромности?

– Скрытому хвастовству. Потому что на самом деле ты гордишься изысками своей манеры писать, считая их следствием быстроты мысли и небрежения к ее запечатлению на бумаге, а это, на твой взгляд, если и не достойно хвалы, во всяком случае, придает тебе интересность. Способность делать что-либо быстро всегда ценится ее обладателем, нередко не замечающим несовершенств, к каким приводит эта быстрота. Когда нынче утром ты сказал миссис Беннет, что соберешься за пять минут, если когда-нибудь решишь покинуть Недерфилд, ты видел в этом род панегирика себе, высокой похвалы. Но что столь уж достойного в сумасбродной поспешности, которая помешает завершить необходимые дела и не принесет пользы ни тебе, ни кому-либо еще?

– Право, это уже слишком! – вскричал Бингли. – Помнить вечером весь вздор, сказанный утром! Тем не менее, клянусь честью, я верил, что говорил о себе правду, и верю в это сейчас. А потому я не приписал себе сумасбродство для того, чтобы пощеголять перед дамами.

– Не спорю, возможно, ты верил своим словам, но я отнюдь не убежден, что ты упорхнул бы с такой быстротой. Твое поведение зависело

бы от обстоятельств и случайностей, как и у всякого другого знакомого мне человека. И если бы, когда ты вскочил в седло, какой-нибудь друг сказал тебе: «Бингли, лучше подожди до следующей недели», ты, вероятно, послушался бы, ты, вероятно, отложил бы отъезд, а по настоянию кого-нибудь еще остался бы и на месяц.

— Этим вы лишь доказали, — воскликнула Элизабет, — что мистер Бингли не отдает должное своему характеру. Вы представили его в гораздо лучшем свете, чем он делал это сам.

— Я чрезвычайно польщен, — сказал Бингли, — тем, как вы превратили слова моего друга в комплимент доброте моей натуры. Но, боюсь, вы придали им смысл, какого он вовсе в виду не имел. Он, бесспорно, был бы лучшего обо мне мнения, если бы в подобных обстоятельствах я бы отказался наотрез и ускакал бы со всей быстротой, на какую способна моя лошадь.

— И мистер Дарси тогда бы счел, что опрометчивость вашего первого решения искуплена упрямством, с каким вы его выполнили?

— Честное слово, тут я ничего толком объяснить не могу. Дарси должен говорить сам за себя.

— Вы ждете от меня отчета во мнениях, которые вам было угодно приписать мне, хотя я ни разу ничего подобного не сказал. Однако допустим, что дело обстоит именно так, как вы его представили. Вам следует помнить, мисс Беннет, что друг, который предположительно пожелал, чтобы он вернулся в дом и отложил исполнение своего плана, всего лишь пожелал этого, попросил, не представив ни единого довода, почему это следовало сделать.

— Уступить настояниям друга легко и охотно в ваших глазах это не заслуга?

— Уступка без причины не делает чести ни тому, ни другому.

— Мне кажется, мистер Дарси, вы не отводите никакого места воздействию дружбы или приязни. Сердечное чувство к просящему часто побуждает выполнить его просьбу, не дожидаясь доводов или объяснения причин. Я не имею в виду выдуманный вами случай с мистером Бингли. Быть может, нам лучше подождать, пока не возникнут подобные обстоятельства, а уж тогда обсуждать благоразумность его поведения. Но в целом, при обычных обстоятельствах, когда один друг просит другого переменить не столь уж важное решение, если тот уступит, не дожидаясь уговоров, будете ли вы думать о нем дурно?

— Не следует ли, прежде чем мы продолжим эти рассуждения, сначала более точно установить степень важности, заключенной в этой просьбе, а

также и степень близости между просящим и исполняющим просьбу?

– Всеконечно! – вскричал Бингли. – Давайте выслушаем все подробности, не упустив их сравнительный рост и обхват, ибо это, мисс Беннет, может придать вес доводам, какого вы не ожидаете. Поверьте, не будь Дарси так высок и силен в сравнении со мной, я бы и вполтину не был с ним так уступчив. Право, я не знаю никого ужасней Дарси в определенных обстоятельствах и в определенных местах и уж особенно в его доме в воскресный вечер, когда ему нечем заняться.

Мистер Дарси улыбнулся, но Элизабет показалось, что шутка мистера Бингли его задела, а потому не засмеялась. Мисс Бингли горячо приняла к сердцу такой упрек ему и попеняла брату за вздор, который он наговорил.

– Я понял твою уловку, Бингли, – сказал друг. – Ты не любишь отвлеченных споров и хотел положить конец нашему.

– Может быть, может быть. Такие споры слишком уж смахивают на диспуты. Если ты и мисс Беннет прервете свой, пока я не уберусь из комнаты, я буду премного благодарен: а тогда ты можешь говорить обо мне все, что захочешь.

– То, о чем вы просите, – сказала Элизабет, – никакой жертвы от меня не требует, да и мистеру Дарси нужно дописать свое письмо.

Мистер Дарси внял ее совету и дописал письмо.

Завершив его, он попросил мисс Бингли и Элизабет сыграть что-нибудь. Мисс Бингли поспешила к фортепьяно, вежливо предложила Элизабет начать первой, а когда Элизабет отказалась столь же вежливо и куда более решительно, села за него.

Миссис Хэрст пела с сестрой, а Элизабет тем временем листала ноты, лежавшие на инструменте, и невольно заметила, что взгляд мистера Дарси очень часто обращается на нее. Ей было странно предположить, что она могла оказаться предметом восхищения такого гордеца, и все же было бы еще более странно, если бы он смотрел на нее потому, что она ему не нравилась. Затем она пришла к выводу, что его внимание привлекает нечто в ней, по его понятиям, недопустимое и отталкивающее, неуместное в их обществе. Эта мысль ее не удручила. Он ей так не нравился, что его одобрения она не искала.

После нескольких итальянских арий мисс Бингли заиграла шотландскую мелодию, и мистер Дарси, подойдя к Элизабет, сказал:

– Не испытываете ли вы неодолимого желания, мисс Беннет, воспользоваться случаем и сплясать рил?

Она улыбнулась, но ничего не ответила. Он, несколько удивленный ее молчанием, повторил свой вопрос.

– О! – воскликнула она. – Я слышала, что вы сказали, но не могла сразу решить, как вам ответить. Я знаю, вы хотели, чтобы я сказала «да» и дала вам повод отнестись с пренебрежением к моему вкусу. Но я очень люблю обманывать такие ожидания и не дать излиться уже готовому презрению. Вот почему я решила сказать вам, что не хочу сплясать рил, а теперь презирайте меня, если осмелитесь.

– О нет, я не осмелюсь.

Элизабет полагала уязвить его и была изумлена этой галантностью. Однако в ее тоне звучала такая смесь мягкости и лукавства, что ей вряд ли удалось бы сильно уязвить кого-нибудь. Дарси же еще ни одна женщина так не очаровывала, как она. Он даже полагал, что ему угрожала бы настоящая опасность, если бы положение ее семьи не было настолько ниже его собственного.

Мисс Бингли увидела или заподозрила достаточно, чтобы ее охватила ревность; и горячее желание скорейшего выздоровления ее дорогой подруги Джейн стало еще горячее от нетерпения как можно скорее избавиться от Элизабет.

Она часто пыталась вызвать у Дарси неприязнь к их госте, предсказывая их брак и описывая его счастье в таком союзе.

– Надеюсь, – сказала она на следующий день, прогуливаясь с ним по саду, – когда произойдет столь желанное событие, вы намереваетесь своей дражайшей теще, насколько ее украсит молчание; а если вам это удастся, прошу, излечите своих младших невесток от привычки гоняться за офицерами. И, если мне дозволено коснуться столь деликатной темы, попытайтесь побороть присущее даме вашего сердца маленькое нечто, граничащее с самомнением и наглостью.

– У вас есть еще какие-нибудь советы, которые обеспечат мне семейное счастье?

– О да! Непременно повесьте портреты вашего дядюшки Филиппа и тетушки Филиппы в портретной галерее Пемберли. Поместите их рядом с вашим двоюродным дедом-судьей. Они ведь принадлежат к одной профессии, хотя и не к одному кругу. Ну а портрета своей Элизабет вам лучше не заказывать. Какой художник сумеет воздать должное этим чудным глазам?

– Да, уловить их выражение было бы нелегко, но их цвет, разрез и ресницы, такие прекрасные, изобразить возможно.

Тут они встретили шедших по другой дорожке миссис Хэрст и Элизабет.

– Я не знала, что вы хотели совершить прогулку, – сказала мисс Бингли

в некотором смущении, опасаясь, не расслышали ли они чего-нибудь.

– Вы обошлись с нами нестерпимо, – ответила миссис Хэрст. – Убежали, не сказав нам, что идете гулять.

Затем, завладев свободной рукой мистера Дарси, она предоставила Элизабет следовать за ними сзади. Ширина дорожки позволяла идти рядом лишь троим. Мистер Дарси почувствовал их неучтивость и тотчас сказал:

– Дорожка слишком узка для нашего общества. Лучше свернем в аллею.

Но Элизабет, у которой не было ни малейшего желания оставаться с ними, ответила со смехом:

– Нет-нет, не сворачивайте! Вы образуете такую очаровательную группу и выглядите на редкость авантажно. Но если добавить четвертую фигуру, все обаяние будет испорчено. До свидания.

Она весело убежала от них и, кружа по дорожкам, радовалась, что через день-два будет уже дома. Джейн настолько оправилась от болезни, что подумывала присоединиться вечером к обществу часа на два.

Глава 11

Когда после обеда дамы удалились из столовой, Элизабет взбежала наверх к сестре и, присмотрев, чтобы она оделась потеплее, помогла ей спуститься в гостиную, где две ее подруги встретили ее изъявлениями величайшего своего удовольствия. Элизабет еще ни разу не видела их такими любезными, какими они оставались целый час, пока в гостиную не вошли джентльмены. Собеседницами они были превосходными. Умели в подробностях описать бал, остроумно рассказать о забавном случае и с тонкостью высмеять своих знакомых.

Однако, едва вошли джентльмены, Джейн была забыта. Глаза мисс Бингли тотчас обратились на мистера Дарси, и он не успел сделать и трех шагов, как она нашла, что ему сказать. Он же обратился прямо к мисс Беннет и поздравил ее с выздоровлением. Мистер Хэрст также слегка ей поклонился и сказал, что «очень рад». Но выразить истинную радость и восторг досталось на долю мистера Бингли. Он был само внимание. Первые полчаса ушли на то, чтобы растопить камин пожарче из опасения, как бы она не озябла после своей теплой комнаты, и по его настоянию она пересела на другую сторону камина, подальше от двери. Затем он сел рядом с ней и больше до конца вечера почти ни с кем не разговаривал. Элизабет, наклоняясь над шитьем в углу напротив, подмечала все это к большому своему удовольствию.

Когда чай был выпит, мистер Хэрст напомнил своей невестке, что пора бы разложить карточный стол, но вотще. Она успела узнать, что мистер Дарси не хочет играть в карты, и вскоре мистер Хэрст получил отказ на прямую свою просьбу. Она заверила его, что ни у кого нет желания играть, и общее молчание, казалось, подтвердило ее слова. Мистеру Хэрсту оставалось только раскинуться на диване и уснуть. Дарси взял книгу. Мисс Бингли поспешила взять другую, а миссис Хэрст любовалась своими браслетами и кольцами, изредка присоединяясь к разговору брата с мисс Беннет.

Мисс Бингли больше следила за тем, как читает мистер Дарси, чем смотрела в свою книгу, и непрерывно то задавала какой-нибудь вопрос, то заглядывала на его страницу, однако ей не удавалось заставить его разговариваться. Он коротко отвечал ей и продолжал читать. Наконец, совсем истомленная попыткой развлечься чтением своей книги, которую она выбрала только потому, что это был второй том, а он читал первый, мисс

Бингли позволила себе сладко зевнуть и сказала:

– Как приятно коротать вечер таким образом! Право, ни одно удовольствие не сравнится с чтением. Все может надоесть, но не книга! Когда у меня будет свой дом, какой несчастной я себя почувствую, если в моем распоряжении не окажется богатой библиотеки.

Никто не отозвался, и она, снова зевнув, бросила книгу и обвела глазами комнату, ища, чем бы развлечься. Затем, услышав, что ее брат что-то сказал мисс Беннет о бале, она внезапно обернулась к нему со словами:

– Кстати, Чарльз, ты серьезно хочешь дать бал в Недерфилде? Прежде чем ты примешь решение, я посоветовала бы тебе справиться о желаниях наших гостей. Я очень ошибаюсь, если для некоторых из нас бал не явится скорее наказанием, чем удовольствием.

– Если ты о Дарси, – воскликнул ее брат, – то он может, если захочет, отправиться спать еще до начала. Ну а бал – дело решенное, и как только Николс все подготовит, я разошлю приглашения.

– Мне балы нравились бы бесконечно больше, – ответила она, – если бы их устраивали по-другому. Но есть что-то нестерпимо скучное в обычных балах. Несомненно, было бы куда разумнее, если бы они посвящались не танцам, а беседе.

– Гораздо разумнее, дорогая Каролина, не спорю, но тогда бы бал не был балом.

Мисс Бингли ничего не ответила, но вскоре встала и начала прохаживаться по комнате. Фигура у нее была очень грациозная, походка – изящная, но Дарси, для которого предназначался этот маневр, был все так же погружен в чтение. Отчаявшись, она решилась на еще одну попытку и, повернувшись к Элизабет, сказала:

– Мисс Элизабет Беннет, не могла бы я убедить вас взять с меня пример и пройтись по комнате? Уверяю вас, это очень освежает, если долго сидеть в одной позе.

Элизабет была удивлена, но тотчас согласилась. А мисс Бингли преуспела и в достижении своей истинной цели. Мистер Дарси поднял глаза от страницы. Он не менее Элизабет понимал неожиданность такого знака внимания и машинально закрыл книгу. И тут же был приглашен присоединиться к ним, однако отказался, заметив, что видит лишь две причины, почему они решили прогуляться по комнате, и в обоих случаях он окажется для них помехой. Что он подразумевал? Она умирала от желания узнать, что означают его слова, и спросила Элизабет, поняла ли она его.

– Нисколько, – ответила та, – но не сомневайтесь, он намерен нас

осудить, и вернее всего мы его разочаруем, если не зададим ни одного вопроса.

Однако мисс Бингли была не способна хоть в чем-нибудь разочаровать мистера Дарси, а потому продолжала настойчиво спрашивать его, о каких двух причинах он говорил.

– Я нисколько не прочь объяснить, – сказал он, едва она позволила ему произнести хоть слово. – Вы выбрали такой способ скоротать вечер либо потому, что вы задушевные приятельницы и вам надо обсудить какие-то свои секреты, либо вы знаете, что вы, пока прогуливаетесь, выглядите особенно выгодно. Если верно первое, то я могу лишь помешать вам, а если второе, то восхищаться вами мне лучше всего сидя у камина.

– Невыносимо! – вскричала мисс Бингли. – Никогда не слышала ничего возмутительнее. Как нам наказать его за подобные слова?

– Нет ничего легче, если вам этого хочется, – сказала Элизабет. – Нам всем дано наказывать друг друга и выводить из терпения. Поддразнивайте его, поднимите на смех. При вашей короткости вам должно быть известно, как его пронять.

– Но, честное слово, я понятия не имею. Уверяю вас, наша короткость еще не открыла мне этого. Поддразнивать человека такого невозмутимого и находчивого! Нет, нет. Не сомневаюсь, он возьмет над нами верх. А что до смеха, мы, с вашего позволения, не станем смеяться, не найдя к тому повода. Мистер Дарси только поздравит себя с победой!

– Над мистером Дарси не должно смеяться! – воскликнула Элизабет. – Какое редкостное преимущество! Уповаю, оно редкостным и останется. Для меня было бы большой потерей, окажись у меня много подобных знакомых. Я очень люблю посмеяться.

– Мисс Бингли, – сказал он, – приписала мне слишком много. Самые лучшие и самые мудрые из людей... нет, самые мудрые и лучшие их деяния могут быть представлены в смешном свете теми, для кого шутка – главная цель в жизни.

– Бесспорно, такие люди есть, – ответила Элизабет, – но, надеюсь, я к ним не принадлежу. Надеюсь, я никогда не стану высмеивать то, что мудро и прекрасно. Глупость и вздорность, капризы и причуды меня, правда, развлекают. Но, полагаю, вам ничто подобное не свойственно.

– Пожалуй, никто не может быть вполне от них свободен. Но я посвятил жизнь тому, чтобы избегать тех слабостей, из-за которых даже большие умы становятся предметом насмешки.

– Например, тщеславия и гордости?

– Да, тщеславие – это поистине слабость. Но гордость при подлинном

уме никогда не выйдет из границ.

Элизабет отвернулась, чтобы спрятать улыбку.

– Полагаю, вы кончили изучать мистера Дарси, – сказала мисс Бингли. – И к какому же выводу вы пришли?

– Я полностью убедилась, что мистер Дарси во всех отношениях безупречен. Он сам в этом откровенно признается.

– Нет, – сказал Дарси, – ни на что подобное я не претендую. У меня немало недостатков, но, надеюсь, не в области ума. За свой характер я не смею поручиться. Он, как мне кажется, слишком неуступчив. Во всяком случае, для требований света. Я не умею забывать сумасбродства и пороки других так быстро, как следовало бы, не говоря уж об оскорблениях, мне нанесенных. Мои чувства нелегко поддаются попыткам воздействовать на них. Пожалуй, мой характер можно назвать непреклонным. Если кто-то упадет в моем мнении, то навсегда.

– Да, это настоящий недостаток, – сказала Элизабет. – Обидчивая неумолимость портит любой характер. Но вы хорошо выбрали свою слабость. Над ней я не могу посмеяться. От меня вам ничто не грозит.

– Насколько мне кажется, в любой натуре есть склонность к тому или иному пороку – изъян, какого не может исправить никакое воспитание.

– И ваш порок – склонность презирать всех людей.

– А ваш, – ответил он с улыбкой, – намеренно понимать их превратно.

– Может быть, немного музыки? – воскликнула мисс Бингли, утомленная разговором, в котором не принимала участия. – Луиза, ты не рассердишься, если я разбужу мистера Хэрста?

Ее сестра не стала возражать, фортепьяно было открыто, и Дарси, после минутного размышления, это не огорчило. Он все больше чувствовал, насколько опасно оказывать Элизабет слишком много внимания.

Глава 12

С согласия сестры Элизабет на следующее утро написала матери, прося, чтобы за ними прислали карету еще до вечера. Однако миссис Беннет, рассчитывавшая, что ее дочери пробудут в Недерфилде до следующего вторника, что для Джейн означало бы неделю, не желала увидеть их дома раньше. Поэтому ее ответ был не тем, какого ждала Элизабет, которой не терпелось вернуться домой. Миссис Беннет написала им, что раньше вторника прислать за ними карету никак не возможно, а в постскриптуме добавила, что, если мистер Бингли и его сестра будут настаивать, чтобы они погостили у них подольше, она ничего против не имеет. О том, чтобы погостить подольше, Элизабет и подумать не могла, да и не ждала, что такое приглашение последует. Напротив, боясь, что их сочтут навязчивыми, она начала уговаривать Джейн, не откладывая, попросить мистера Бингли одолжить им карету, и в конце концов они, как и намеревались, решили сказать, что хотели бы покинуть Недерфилд нынче же утром, и спросить о карете. В ответ послышались возражения. Их так настойчиво уговаривали остаться хотя бы до следующего дня, что Джейн не устояла, и отъезд был отложен на завтра. Мисс Бингли тут же пожалела о своей настойчивости, потому что ее ревность и неприязнь к одной сестре далеко превосходили расположение к другой.

Хозяин дома искренне огорчился их скорым отъездом и вновь и вновь пытался убедить мисс Беннет, что для нее это опасно, что она еще не совсем здорова. Но Джейн умела быть твердой, когда знала, что права.

Мистера Дарси их решение обрадовало – Элизабет и так пробыла в Недерфилде слишком долго. Она очаровывала его сильнее, чем ему хотелось бы. Мисс Бингли держалась с ней почти грубо, а его окружала знаками внимания даже больше обычного. Он благоразумно решил особенно тщательно следить, чтобы теперь ничем не выдать своего восхищения, не выказать ничего, что могло бы внушить ей надежду, будто от нее зависит его счастье; да, это умно. Если такое подозрение возникло, его поведение в течение последнего дня может значительно его подкрепить или же рассеять. Твердо соблюдая это решение, он за всю субботу не сказал ей и десяти слов; и хотя на полчаса они оказались в гостинной одни, он добросовестно сосредоточился на своей книге и даже ни разу не взглянул на Элизабет.

В воскресенье после утренней службы наступило расставание, столь

приятное почти для всех. В последние минуты любезность мисс Бингли по отношению к Элизабет необыкновенно возросла, как и ее расположение к Джейн. При прощании, заверив вторую в том, что она всегда будет рада видеть ее в Лонгборне или в Недерфилде, и нежно ее обняв, мисс Бингли даже пожала руку первой, и Элизабет рассталась с недерфилдским обществом в самом веселом расположении духа.

Дома маменька встретила их не слишком ласково. Миссис Беннет не могла понять, зачем они вернулись, сурово осудила их за то, что они доставили столько хлопот, и не сомневалась, что Джейн вновь схватила простуду. Но папенька, хотя и был весьма лаконичен в выражении этого, искренне обрадовался их возвращению, ибо ему очень их не доставало в семейном кругу. Вечерние беседы, когда они собирались вместе, в отсутствие Джейн и Элизабет значительно утратили оживленность и почти всякий смысл.

Мэри, как обычно, они застали погруженной в постижение учения о гармонии и человеческой природе; им пришлось восхититься новыми выписками и выслушать несколько новых соображений о прописных истинах. У Кэтрин и Лидии были для них новости совсем иного рода. С предыдущей среды в полку многое происходило и многое говорилось. Несколько офицеров отобедали у их дяди, солдат был наказан шпицрутенами, и намекалось — подумать только! — что полковник Фостер собирается жениться.

Глава 13

– Уповаю, душа моя, – сказал мистер Беннет своей супруге за завтраком на следующее утро, – нынче вы заказали обед получше, так как у меня есть причины полагать, что наш семейный круг пополнится.

– О чем вы, мой друг? Не могу вообразить, кто бы это мог быть? Разве только к нам заглянет Шарлотта Лукас, но, надеюсь, мои обеды для нее достаточно хороши. Не думаю, что у себя дома она часто видит такие.

– Я говорю о джентльмене, нам мало знакомом. – Глаза миссис Беннет радостно заблестели.

– Малознакомый джентльмен! Разумеется, это мистер Бингли. Ах, Джейн, ты и словечком не обмолвилась, плутовка ты такая! Разумеется, я буду в восторге увидеть мистера Бингли. Но... Боже великий! Такая незадача! Сегодня у нас нет рыбы. Лидия, душенька, позвони. Я сию же минуту должна отдать распоряжения Хилл.

– Нет, я жду не мистера Бингли, – сказал ее супруг. – Этого джентльмена я никогда в жизни не видел.

Это вызвало общее изумление, и, к его удовольствию, жена и все пять дочерей накинулись на него с вопросами.

Позабавившись их любопытством, он наконец объяснил:

– Месяц назад я получил вот эту эпистолу, а ответил на нее около двух недель назад. Речь ведь идет о довольно тонком деле, требующем принять меры заранее. Письмо от моего родственника, мистера Коллинза, который после моей кончины сможет выгнать вас из этого дома, когда будет угодно.

– Ах, друг мой! – вскричала его супруга. – Мне невыносимо это слушать! Прошу вас, не упоминайте этого несносного человека. Право, нет ничего более возмутительного на свете, чем какой-то там майорат, отнимающий ваше имущество у ваших родных детей! И, право, на вашем месте я бы уже давно постаралась так или иначе от него избавиться.

Джейн с Элизабет попытались объяснить ей суть майората. Они уже не раз предпринимали такие попытки, но миссис Беннет не внимала никаким доводам, когда речь заходила об этом предмете, и продолжала горько сетовать на жестокость, с какой имение оттягают у семьи с пятью дочерьми в пользу человека, которого никто знать не знает.

– О, бесспорно, это весьма черное деяние, – сказал мистер Беннет, – и ничто не может оправдать мистера Коллинза, виновного в том, что он наследник Лонгборна. Но, если вы послушаете, что он пишет, быть может,

вас несколько смягчит его эпистолярная манера.

– Нет, я убеждена, что нет. И, по-моему, с его стороны писать вам вообще большая наглость и мерзкое лицемерие. Не выношу таких притворных друзей. Почему он не мог и дальше быть с вами в ссоре, как прежде его отец?

– Да, правда, он, как вы услышите, испытывает некоторые угрызения, делающие честь его сыновней почтительности.

«Хансфорд под Уэстерхемом, Кент, 15 октября

Любезный сэр,

Несогласия, существовавшие между вами и моим покойным досточтимым родителем, всегда причиняли мне большое огорчение. И с тех пор, как я имел несчастье лишиться его, мне часто хотелось загладить прошлое, но некоторое время меня удерживали сомнения, не уподобится ли это неуважению к его памяти, если я буду в добрых отношениях с теми, с кем ему было благоугодно пребывать в раздоре (слышите, миссис Беннет?). Однако теперь я пришел к решению, ибо, будучи рукоположен на Пасху, имел великое счастье быть отличенным покровительством высокородной леди Кэтрин де Бэр, вдовы сэра Льюиса де Бэра, чьими благотельными щедротами я получил этот доходный приход, где приложу все усердие, дабы выразить мою почтительнейшую благодарность ее милости и неусыпно совершать все требы и обряды, кои учреждены англиканской церковью. Как духовный пастырь я, кроме того, почитаю моим долгом утверждать и восстанавливать мир во всех семействах, где сие зависит от меня; и на сем основании льщу себя мыслью, что нынешние мои изъявления доброжелательности весьма похвальны и то обстоятельство, что, согласно майорату, я являюсь ближайшим наследником Лонгборна, с вашей стороны будет любезно во внимание не принято, и вы не отвергнете протянутую оливковую ветвь. Я не могу не быть удручен, что должен стать причиной нанесения ущерба вашим милейшим дочерям, и прошу о дозволении принести в этом мои извинения, а также заверить вас в моей готовности возместить им сие в меру моих сил; но об этом позже. Если вы не откажете принять меня у себя дома, то я хотел бы иметь удовольствие посетить вас и ваше семейство в понедельник, 18 ноября, в четыре часа и мог бы злоупотребить вашим гостеприимством до субботы неделю спустя, что могу себе позволить без всяких затруднений, ибо леди Кэтрин не возражает против того, чтобы я иногда отлучался по воскресеньям при условии, что меня на этот день заменит другой священнослужитель.

Остаюсь, любезный сэр, с изъявлениями почтения вашей супруге и

дочерям, вашим доброжелателем и другом,
Уильям Коллинз».

– Посему в четыре часа мы можем ожидать сего джентльмена с оливковой ветвью, – сказал мистер Беннет, складывая письмо. – Он, право, кажется чрезвычайно добропорядочным и учтивым молодым человеком и, полагаю, окажется бесценным знакомым, если леди Кэтрин будет милостиво и впредь позволять ему вновь навещать нас.

– О наших девочках он пишет достаточно разумно и, если он предложит нам возмещение, я, со своей стороны, не скажу ему «нет»

– Хотя трудно догадаться, каким возмещением он считает себя обязанным нам, – сказала Джейн, – само это желание говорит в его пользу.

Элизабет главным образом изумило его неопишное почтение к леди Кэтрин, а также его благое намерение крестить, сочетать браком и хоронить своих прихожан, когда бы это ни потребовалось.

– Он мне кажется странноватым, – сказала она. – Я его не понимаю. Его перо дышит напыщенностью. И почему он приносит извинения за то, что стал наследником майората? Мы ведь не можем предположить, что он что-нибудь изменил, даже будь это в его силах? Здравомыслящий ли он человек, папенька?

– Нет, душа моя, не думаю. И весьма надеюсь, что он окажется полной тому противоположностью. В его письме есть смесь подобострастия и самодовольства, которая многое сулит. Мне не терпится его увидеть.

– Композиция его письма не вызывает нареканий, – сказала Мэри. – Аллегория оливковой ветви не нова, но, по-моему, выражена недурно.

Кэтрин и Лидию ни письмо, ни его автор ничуть не заинтересовали. Их родственник никак не мог приехать в алом мундире, а уже несколько недель общество мужчин в одежде иного цвета их не привлекало. Что до их матери, то письмо мистера Коллинза во многом смягчило ее недоброжелательность, и она готова была принять его со спокойствием, немало удивившим ее мужа и дочерей.

Мистер Коллинз был точен, и семья оказала ему самый любезный прием. Мистер Беннет, правда, ограничился несколькими словами, но миссис Беннет и барышни охотно поддерживали разговор, а мистер Коллинз, казалось, не нуждался в ободрении и не был склонен молчать. Он оказался высоким молодым человеком двадцати пяти лет, плотного сложения, весьма серьезным, с величавой осанкой; манеры его отличались примерной благовоспитанностью. Не успел он сесть, как сделал миссис Беннет комплимент, что она взрастила столь прекрасных дочерей, сказал,

что много наслышан об их красоте, но на этот раз истина превзошла все хвалы; а затем добавил, что, без сомнения, со временем все они на радость ей сделают отличные партии. Эта галантность пришлась по вкусу далеко не всем его слушательницам, но миссис Беннет не пренебрегала никакими комплиментами и ответила весьма охотно:

– Право, вы очень любезны, сударь, и я от всего сердца желаю, чтобы это сбылось; иначе ведь их ждет бедность. Все так странно устроено!

– Быть может, вы имеете в виду майорат?

– Ах, сударь, разумеется. Такое несчастье для моих бедных девочек, сами извольте рассудить. Не то чтобы я вас винила – так уж на свете заведено. С майоратом никогда не известно, кому достанется имение.

– Сударыня, я весьма сострадаю бедственному жребию моих прекрасных кузин и мог бы многое сказать об этом, не опасаясь я показаться дерзким и излишне торопливым. Но я могу заверить несравненных барышень, что приехал готовым смотреть на них восхищенным взором. Пока я не скажу более ничего, но, быть может, когда мы познакомимся поближе...

Его перебило приглашение к обеду, и барышни обменялись улыбками. Не только они были предметом восхищения мистера Коллинза. Гостиную, столовую и всю мебель в них он внимательно осмотрел и похвалил, и его комплименты всему и вся пролили бы бальзам на сердце миссис Беннет, если бы не горькая мысль, что видит он это как свою будущую собственность. Обед, в свою очередь, стал предметом восхищения, и мистер Коллинз пожелал узнать, какая из его прекрасных кузин придала кушаньям такое совершенство. Однако миссис Беннет поспешила вывести его из заблуждения, объяснив с некоторой досадой, что им вполне по средствам держать хорошую кухарку и ее дочерям делать в кухне нечего. Он рассыпался в извинениях, что дал ей повод к неудовольствию, и она более мягким тоном завершила его, что ничуть не обиделась, но он продолжал испрашивать прощения еще около четверти часа.

Глава 14

За обедом мистер Беннет большей частью хранил молчание, но, когда слуги вышли, он счел, что пора побеседовать со своим гостем, и коснулся темы, которая, по его мнению, должна была позволить тому особенно блеснуть, заметив, что ему как будто выпало редкое счастье обрести великодушную патронессу. Внимание леди Кэтрин де Бэр к его желаниям и ее заботливость поистине замечательны. Мистер Беннет не мог бы сделать лучшего выбора. Мистер Коллинз дал волю красноречию, превознося леди Кэтрин. Его серьезность обрела еще большую торжественность, и с великой важностью он объявил, что никогда в жизни не видел подобной доброты у знатных особ – такой ласковости и снисходительности, какие оказывает ему леди Кэтрин. Она сооблаговолила отозваться с похвалой об обеих проповедях, которые он имел честь произнести в ее присутствии. Кроме того, она дважды приглашала его отобедать в Розингсе и не далее как в прошлую субботу послала за ним, когда вечером ей потребовался четвертый партнер за карточным столом. Многие люди почитают леди Кэтрин гордой, ему это известно, но сам он не видел от нее ничего, кроме ласковости. Разговаривает она с ним всегда как с джентльменом; она не возражает против того, чтобы он вращался в местном обществе или порой покидал приход на неделю-другую, дабы посетить своих родственников. Более того: она снизошла дать ему совет жениться елико возможно скорее при условии, что он сделает разумный выбор; а однажды так запросто посетила его скромное жилище, где одобрила все переделки, какие он счел нужным предпринять, и даже изволила указать на необходимость еще некоторых касательно полок в стенных шкафах наверху.

– Очень любезно и превосходней некуда, – сказала миссис Беннет. – Она, видно, очень приятная женщина. Такая жалость, что мало какие знатные дамы на нее похожи. А проживает она поблизости от вас, сударь?

– Сад, окружающий мое смиренное жилище, отделен лишь дорогой от Розингс-Парка, резиденции ее милости.

– Вроде бы, сударь, вы упомянули, что она вдовец? Есть ли у нее дети?

– Лишь одна дочь, наследница Розингс-Парка и весьма большого состояния.

– А! – вскричала миссис Беннет. – Какая счастливица! Не то что многие и многие девицы. А какова она? Должно быть, красавица?

– Она поистине само совершенство. Леди Кэтрин изволит говорить, что истинной красотой мисс де Бэр далеко превосходит самых признанных красавиц, ибо в ее чертах есть нечто, что сразу выделяет девицу знатного происхождения. К несчастью, она слаба здоровьем, и сие помешало ей обрести ту неподражаемость в музыке, пении, рисовании и прочем, коей она, бесспорно, достигла бы, как меня заверила ее почтенная наставница, все еще проживающая у них. Однако она образец приветливости и часто изволит проезжать мимо моего скромного жилища в своем маленьком фаэтоне, запряженном пони.

– Она представлялась ко двору? Я что-то не упомяну ее фамилии среди представлявшихся девиц.

– Слабая конституция, увы, не позволяет ей бывать в столице, и, как я однажды сказал леди Кэтрин, по этой причине английский двор лишен самого блистательного своего украшения. Ее милости как будто понравилась эта мысль, и вы можете вообразить, сколь я счастлив при каждом удобном случае вставлять такие скромные комплименты, всегда столь уместные в беседах с дамами. Я не раз повторял леди Кэтрин, что ее обворожительная дочь рождена стать герцогиней, причем сей высочайший титул отнюдь не послужит к ее возвышению, но, напротив, она возвысит его. Вот такие пустячки, нравящиеся ее милости, такие знаки почтения, тещу себя мыслью, мне особенно удаются.

– Совершенно справедливо, – сказал мистер Беннет, – и как вы счастливы, что наделены талантом льстить с изяществом. Могу ли я спросить, эти комплименты к месту рождаются вдохновением минуты или они – плод предварительных размышлений?

– Подсказываются они главным образом обстоятельствами. И, хотя меня развлекает сочинять и совершенствовать маленькие изящные комплименты, подходящие к обычным случаям, я всегда тщу произносить их так, будто они только что пришли мне в голову.

Упования мистера Беннета сбылись сполна. Его родственник оказался кладезем глупостей, как он и надеялся. Он слушал его с величайшим наслаждением, сохраняя в то же время вид невозмутимейшей серьезности, и лишь изредка посматривал на Элизабет, приглашая ее разделить с ним это удовольствие.

Однако ко времени чая доза оказалась более чем достаточной, и мистер Беннет был рад вновь проводить мистера Коллинза в гостиную, а когда чай был выпит, попросил его почитать что-нибудь вслух всему обществу. Мистер Коллинз охотно согласился, ему подали книгу, но, едва взглянув (все в ней указывало, что она взята из платной библиотеки), он

отложил ее и, испросив извинения, объявил, что никогда не читает романов. Китти вытаращила на него глаза, а Лидия ахнула. Ему предложили другие книги, и, по размышлении, он остановил свой выбор на проповедях Фордайса. Когда он развернул их том, Лидия зевнула, и не успел он с торжественной монотонностью прочесть и трех страниц, как она его перебила:

– Вы знаете, маменька, дядя Филипс поговаривает о том, чтобы отказать Ричарду. А тогда его наймет полковник Фостер. Мне сама тетушка сказывала в субботу. Завтра я схожу в Меритон разузнать побольше, а еще спрошу, когда мистер Денни вернется из столицы.

Старшие сестры приказали Лидии придержать язык, но мистер Коллинз, весьма обидевшись, положил книгу и сказал:

– Мне часто доводилось замечать, сколь мало юных барышень интересуют книги серьезного содержания, хотя и написанные для их наставления. Признаюсь, меня это изумляет: ведь что может принести им более пользы, нежели мудрые поучения? Но я не стану долее досаждать моей юной кузине.

Затем, обернувшись к мистеру Беннету, он предложил ему себя в противники для партии в триктрак. Мистер Беннет принял вызов, заметив, что мистер Коллинз поступил весьма разумно, предоставив девочек их глупеньким развлечениям. Миссис Беннет и ее дочери извинились за выходку Лидии и обещали, что ничего подобного не повторится, если он возобновит чтение. Но мистер Коллинз, заверив их, что не таит обиды на свою юную кузину и ни в коем случае не усмотрел бы в ее поведении чего-либо предосудительного, сел за другой стол с мистером Беннетом и приготовился сразиться в триктрак.

Глава 15

Мистер Коллинз не был умен, и это упущение природы не поправили ни образование, ни общество. Заметная часть его жизни прошла под властью невежественного и скупого отца. И хотя он окончил университет, но лишь сдавая требуемые экзамены, и не завел полезных знакомств. Отцовский гнет поначалу придал его манерам нижайшее смирение, но теперь оно во многом сменилось самодовольством живущего в глуши глупца и другими чувствами, порожденными ранним и неожиданным преуспеванием. Счастливый случай обратил на него внимание леди Кэтрин де Бэр как раз тогда, когда хансфордский приход был вакантен, и почтение, которое он питал к ее знатности, благоговение перед ней как своей благодетельницей вкупе с весьма высоким мнением о собственной персоне, о своем влиянии как священнослужителя, о своих правах как главы прихода странным образом сочетали в нем гордыню с пресмыкательством, спесь с искательностью.

Обладая теперь хорошим домом и вполне достаточным доходом, он вознамерился жениться; и, ища примирения с лонгборнскими родственниками, рассчитывал обрести жену, выбрав одну из барышень, если они окажутся такими красивыми и благонравными, какими их описывала молва. Вот так он предполагал возместить – искупить – то обстоятельство, что ему предстояло унаследовать имение их отца. План этот мнилс ему превосходным во всех отношениях, восхитительно подходящим случаю, а также чрезвычайно великодушным и бескорыстным с его стороны.

Увидев их, он не отказался от своих намерений. Прелестное лицо мисс Беннет утвердило его в них, подкрепило его строгие понятия о соблюдении старшинства, и поэтому в первый вечер его избранницей стала Джейн.

Следующее утро, однако, принесло некоторые изменения. Ибо, оказавшись перед завтраком тет-а-тет с миссис Беннет, он завел разговор о своем доме при церкви, а затем, естественно, признался, что хозяйку этого дома он уповает найти в Лонгборне, на что она среди ободряющих улыбок и всяческих поощрений предостерегла его против интереса к той самой Джейн, на которой он остановил свой выбор. Что до ее младших дочерей, она не берет на себя сказать... она не может сразу же дать точный ответ, но ей не известны никакие препоны... Однако ее старшая дочь, как ей следует упомянуть... Она чувствует себя обязанной намекнуть, что, возможно,

очень скоро будет объявлено о ее помолвке...

Мистеру Коллинзу оставалось только перенести свой выбор с Джейн на Элизабет, что он и не замедлил сделать очень скоро – пока миссис Беннет помещивала в камине, Элизабет, равно следовавшая за Джейн и по старшинству, и по красоте, естественно, с легкостью заняла в его планах место сестры.

Миссис Беннет пришла в восторг от его намека, исполнившись надежды, что очень скоро две ее дочери обретут мужей, и человек, о котором накануне утром она и слышать не желала, был теперь у нее в большой милости.

Намерение Лидии отправиться в Меритон забыто не было, и все сестры, кроме Мэри, согласились пойти с ней. Мистеру Коллинзу выпала честь сопровождать их по просьбе мистера Беннета, который не чаял, как от него избавиться и вновь получить библиотеку в полное свое распоряжение. Ибо после завтрака мистер Коллинз последовал за ним туда и, листая самый толстый фолиант, какой только отыскался на полках, продолжал без умолку разглагольствовать, занимая мистера Беннета описанием своих дома и сада в Хансфорде, чем совсем допек мистера Беннета, привыкшего обретать в своей библиотеке покой и тихий досуг. Готовый, как он объяснил Элизабет, терпеть глупость и самодовольство во всех остальных комнатах своего дома, тут он привык отдыхать от них. Поэтому учтивость тотчас подсказала ему, что мистера Коллинза следует пригласить пойти с барышнями, а мистер Коллинз, чьим вкусам прогулка отвечала куда больше, чем чтение, с превеликой радостью захлопнул огромный фолиант и покинул библиотеку.

До Меритона они дошли под изрекаемые им напыщенные бессмыслицы и вежливые поддакивания барышень, но там две младшие кузины тотчас забыли про него и устремили взоры по сторонам улицы, высматривая офицеров. И лишь самая щегольская шляпка или новейший муслин в окне лавки могли бы отвлечь их.

Однако вскоре внимание всех барышень приковал молодой человек, которого они никогда прежде не видели и который выглядел джентльменом до кончиков ногтей. Он прогуливался по другой стороне улицы с офицером, тем самым мистером Денни, о чьем возвращении из Лондона намеревалась узнать Лидия. Он поклонился, когда они проходили мимо. Их всех обворожила наружность его спутника, все спросили себя, кто бы это мог быть такой. Китти с Лидией, решив во что бы то ни стало найти ответ, поспешили перейти улицу под предлогом, будто им необходимо что-то купить в лавке напротив, и волей судеб ступили на тротуар именно тогда,

когда джентльмены, повернув назад, достигли того же места. Мистер Денни заговорил с ними и попросил позволения представить им своего друга, мистера Уикхема, который накануне приехал с ним из столицы и, он счастлив сказать, станет офицером их полка. Ничего больше и пожелать было невозможно: ему не хватало лишь мундира, чтобы стать совсем неотразимым. Внешность его была весьма располагающей. Он был всем хорош: красивое лицо, стройность, очаровательные манеры. После церемоний представления он с большой непринужденностью вступил в разговор, причем непринужденность эта ни в чем не отступала от правил хорошего тона, отнюдь не походя на назойливость. Все они приятно беседовали, когда вдруг их внимание отвлек топот копыт и на улицу въехали Дарси и Бингли. Узнав барышень, они направили лошадей в их сторону и обменялись положенными приветствиями. Говорил главным образом Бингли, и говорил он главным образом с мисс Беннет. Он объяснил, что как раз направлялся в Лонгборн осведомиться о ее здоровье. Мистер Дарси подтвердил его слова поклоном и только решил не позволить своим глазам обратиться на Элизабет, как вдруг его взгляд упал на нового знакомого барышень, и Элизабет, случайно в этот миг посмотрев на них, была поражена, какое действие произвела эта встреча на обоих.

Оба переменились в лице, один побелел, другой покраснел. Затем мистер Уикхем прикоснулся к шляпе — знак приветствия, который мистер Дарси еле снизошел заметить. Что бы это значило? Ответ было невозможно вообразить, как невозможно было не пожелать найти разгадку.

Минуту спустя ничего не заметивший мистер Бингли распрощался и поехал дальше со своим другом.

Мистер Денни и мистер Уикхем проводили барышень до дверей мистера Филипса, а затем откланялись вопреки настояниям Лидии зайти в дом и даже вопреки миссис Филипс, которая открыла окно гостиной и во весь голос повторила это приглашение.

Миссис Филипс всегда была рада племянницам, но на этот раз особенно ласково приняла двух старших после их недельного отсутствия. Она нетерпеливо выразила удивление, что они неожиданно вернулись домой, о чем, раз за ними не послали родительскую карету, она даже не узнала бы, если бы на улице не встретила посыльного мистера Джонса и не услышала от него, что больше они микстур в Недерфилд посылать не будут, потому что мисс Беннет с сестрицей уехали домой. Но тут благовоспитанность потребовала, чтобы миссис Филипс занялась мистером Коллинзом, которого представила ей Джейн.

Она не поскупилась на любезности, а он вернул их ей сторицей,

принося извинения, что столь бесцеремонно вторгся в ее дом, не имея чести быть с ней знакомым прежде, однако он льстит себя мыслью, что этому можно найти оправдание в его родстве с барышнями, кои пожелали представить его ей. Миссис Филипс такой избыток благовоспитанности вверг почти в благоговейный ужас, однако ее интересу к одному незнакомому джентльмену был положен конец восклицаниями и расспросами о втором. Увы, о нем она могла сообщить племянницам лишь то, что им было уже известно. Он приехал из Лондона вместе с мистером Денни и должен получить патент на чин лейтенанта в ***ширском полку. Она сказала, что целый час смотрела, как он прогуливался по улице, и, появившись мистер Уикхем вновь, Китти и Лидия, несомненно, продолжили бы эти наблюдения, но, к несчастью, теперь мимо окон никто не прошел, кроме двух-трех офицеров, которые в сравнении с их новым знакомым превратились в «глупых и противных». На следующий день у Филипсов должны были обедать некоторые офицеры, и тетушка пообещала отправить мужа с визитом к мистеру Уикхему, чтобы пригласить и его, если они все пообещают приехать из Лонгборна провести тут вечер. На чем и порешили, а миссис Филипс пообещала веселую шумную игру в лотерею с легким ужином напоследок. Надежда на такие заманчивые развлечения привела всех в отличное расположение духа, и они расстались весьма довольные друг другом. Прощаясь, мистер Коллинз вторично принес свои извинения и с неизменной учтивостью был заверен в совершеннейшей их излишности.

На обратном пути Элизабет рассказала Джейн о том, что заметила при встрече мистера Дарси с мистером Уикхемом. Однако, хотя Джейн встала бы на защиту любого из них или их обоих, если бы их можно было в чем-то упрекнуть, ей оставалось только недоумевать, как и ее сестре.

Мистер Коллинз, вернувшись, весьма угодил миссис Беннет, восхваляя манеры и обходительность миссис Филипс.

Он заверил ее, что за исключением леди Кэтрин и ее дочери ему еще не доводилось встречать столь светской дамы, ибо она не только приняла его с величайшей ласковостью, но даже особливо включила в приглашение на следующий вечер, хотя прежде даже не слышала о нем. Разумеется, он полагает, какое-то объяснение есть в его родстве с ними, но тем не менее он еще ни разу не встречал такого лестного к себе внимания.

Глава 16

Барышням без малейших возражений было разрешено принять приглашение тетушки; поползновениям мистера Коллинза остаться, ибо благовоспитанность не позволяла ему покинуть мистера и миссис Беннет хотя бы на один вечер, пока он гостит у них, был дан решительный отпор. И в положенный час он в карете отправился с пятью своими кузинами в Меритон. Войдя в гостиную, барышни имели удовольствие услышать, что мистер Уикхем принял приглашение их дяди и теперь сидит в столовой за портвейном с другими джентльменами.

Когда, выслушав эту желанную новость, они расположились в гостиной, мистер Коллинз мог вволю ее осмотреть и пришел в восхищение. Его так поразили обширность комнаты и ее убранство, что, по его словам, он почти вообразил, будто находится в малой летней столовой Розингса. Сравнение это сначала было принято без особого удовольствия, но когда он поведал миссис Филипс, что такое Розингс и кто его владелица, когда она выслушала описание лишь одной из парадных гостиных леди Кэтрин и узнала, что только камин там обошелся в восемьсот фунтов, то поняла всю лестность его комплимента и, вероятно, не оскорбилась бы сравнением ее лучшей комнаты с комнатой тамошней экономки.

Превознося великолепие леди Кэтрин и ее резиденции с некоторыми отступлениями для похвалы собственному скромному жилищу и предпринятым им переделкам, мистер Коллинз весьма приятно провел время, пока к ним не присоединились джентльмены. В миссис Филипс он нашел внимательную слушательницу, его рассказы очень возвысили его в ее мнении, и она решила сообщить обо всем услышанном соседкам при первом же удобном случае. Барышни, которые не слушали кузена и не могли ничем заняться, ибо фортепьяно у тетушки не было, так что им оставалось лишь любоваться собственными подделками под фарфор на каминной полке, сочли ожидание очень долгим. Однако и ему наступил конец. Джентльмены покинули столовую, и, когда мистер Уикхем вошел в гостиную, Элизабет почувствовала, что восхищение, которое она испытала, увидев его, и продолжала испытывать, думая о нем после, ни в малейшей степени не было чрезмерным. Офицеры ***ширского полка, за небольшим исключением, выглядели истинными джентльменами, и лучшие из них были среди приглашенных, однако мистер Уикхем настолько превосходил их всех наружностью, осанкой, выражением лица и походкой, насколько

сами они превосходили широколицего, дородного, окруженного парами портвейна дядюшку Филипса, который вошел в гостиную следом за ними.

Мистер Уикхем был счастливецом, на которого обратились почти все женские взоры, а Элизабет оказалась счастливницей, возле которой он сел. Приятность же, с какой он немедля завел разговор, хотя для того лишь, чтобы заметить, что вечер выдался сырой и надо ожидать дождей, заставила ее почувствовать, что самая обычная, самая скучная, самая приевшаяся тема может показаться занимательной благодаря искусству собеседника.

Рядом с такими соперниками на внимание прекрасного пола, как мистер Уикхем и офицеры, мистер Коллинз, казалось, обратился в полное ничтожество. Барышни, разумеется, совсем о нем забыли, однако он все еще порой находил в миссис Филипс благодарную слушательницу и ее заботами не испытывал недостатка ни в кофе, ни в горячих булочках.

Когда были разложены карточные столы, настала его очередь одолжить ее, дав согласие сесть за вист.

– Пока я еще не слишком искусен в этой игре, – сказал он, – но рад случаю приобрести опыт, ибо в моем положении...

Миссис Филипс была весьма благодарна ему за любезное согласие, но не стала выслушивать, какие причины побудили его согласиться.

Мистер Уикхем в вист не играл и вызвал живейшую радость, заняв место за другим столом между Элизабет и Лидией. Вначале, казалось, была опасность, что им всецело завладеет Лидия, говорившая без умолку. Однако лотерея нравилась ей не меньше, и вскоре она увлеклась игрой, заключала пари, ахала, выигрывая, и ничего другого уже не замечала. Мистер Уикхем поэтому в ожидании своего хода мог без помех беседовать с Элизабет, а она охотно его слушала, хотя и не надеялась услышать то, что интересовало ее более всего: историю его знакомства с мистером Дарси. Она не посмела даже упомянуть этого джентльмена. Однако ее любопытство получило нежданное удовлетворение. Мистер Уикхем сам коснулся запретной темы, осведомившись, как далеко Недерфилд находится от Меритона, а когда она ответила, нерешительно спросил, как долго там гостит мистер Дарси.

– Около месяца, – ответила Элизабет и, желая поддержать этот разговор, добавила: – Насколько я понимаю, у него в Дербишире очень большое поместье.

– Да, – ответил Уикхем. – Оно великолепно. Приносит в год чистый доход в десять тысяч фунтов. И вам было бы трудно найти человека, более меня способного снабдить вас верными сведениями на этот счет, я с самых

нежных лет был связан с его семьей особыми узами.

Элизабет не могла скрыть удивления.

– Вы в полном праве изумиться такому утверждению, мисс Беннет, так как, по всей вероятности, заметили холодность нашей встречи. Вы близко знакомы с мистером Дарси?

– Не более, чем мне хотелось бы! – горячо воскликнула Элизабет. – Я провела четыре дня в одном доме с ним и нахожу его весьма неприятным человеком.

– Мне не пристало высказывать мое мнение, – заметил мистер Уикхем, – насколько он приятен или наоборот. Я не вправе выносить суждение о нем. Я знаю его слишком долго и слишком хорошо, чтобы сохранить непредубежденность взгляда. Я не могу быть беспристрастен. Однако, мне кажется, ваше мнение о нем вызвало бы удивление... и, быть может, вы бы не выразили его столь сурово в другом месте. А здесь вы в лоне собственной семьи.

– Честное слово, здесь я сказала ровно столько, сколько готова повторить в любом доме тут, кроме Недерфилда. В Хартфордшире он никому не нравится. Всех возмущает его гордыня. И никто другой не отзовется о нем мягче.

– Не стану притворяться, будто я сожалею, – сказал Уикхем, на минуту отвлеченный игрой, – что его или любого другого человека оценили так, как он того заслуживает. Однако с ним, насколько могу судить, это случается нечасто. Свет ослеплен его богатством и родственными связями или же напуган его надменными и властными манерами, а потому видит его таким, каким он хочет, чтобы его видели.

– Даже при нашем кратком знакомстве я сочла бы его человеком с дурным характером.

Уикхем только покачал головой.

– Хотел бы я знать, – сказал он, когда представился случай возобновить разговор, – долго ли еще он пробудет здесь.

– Мне это не известно, но, пока я оставалась в Недерфилде, никаких разговоров об его отъезде не было. Надеюсь, ваше желание поступить в ***ширский полк не переменится из-за его пребывания тут.

– О нет! Меня мистер Дарси отсюда не изгонит. Если ему не угодно встречаться со мной, то он должен будет уехать сам. Мы не в дружеских отношениях, и мне всегда тягостно его видеть, но у меня нет причин избегать его, кроме тех, которые я могу объявить всему свету: лишь обида на глубочайшую несправедливость и самые горькие сожаления, что он таков, каков он есть. Его отец, мисс Беннет, покойный мистер Дарси, был

одним из лучших людей, когда-либо живших на земле. И когда я вижу этого мистера Дарси, мне душу ранят тысячи светлых воспоминаний. Его поведение со мной было возмутительным, но я искренне верю, что простил бы ему и это, и что угодно, но только не обман надежд его отца и оскорбление его памяти.

Элизабет была глубоко заинтересована и слушала всем сердцем, однако деликатность темы возбраняла какие бы то ни было расспросы.

Мистер Уикхем заговорил о Меритоне, его окрестностях, местном обществе, видимо, одобряя все, что ему уже удалось увидеть, а о последнем выразился особо, с мягкой, но очень заметной хвалой.

– Поступить в ***ширский полк, – добавил он, – меня подвигла главным образом надежда обрести здесь добрые знакомства. Мне известно, что это весьма уважаемый, прославленный полк, а мой друг Денни еще больше соблазнил меня своими рассказами о городе, где они сейчас квартируют: о превосходном обществе и радушии, которым они окружены здесь. Признаюсь, я не могу обходиться без общества. Я претерпел разочарования, и мой дух не вынесет одиночества. Мне необходимы занятия и общество. Я не предназначался для военной жизни, но обстоятельства сделали ее желанной. Моим поприщем должна была стать церковь, я был воспитан и получил образование, чтобы посвятить себя церкви, и сейчас имел бы завидный приход, если бы так было благоугодно джентльмену, о котором мы только что говорили.

– Неужели!

– Да. Покойный мистер Дарси завещал мне лучший приход из имевшихся в его распоряжении, когда тот станет вакантным. Он был моим крестным отцом и питал ко мне глубокую привязанность. Я не в силах воздать должное его доброте. Он намеревался щедро меня обеспечить и думал, что сделал это. Но, когда приход освободился, он достался другому.

– Боже великий! – вскричала Элизабет. – Но как же так? Как можно было так пренебречь волей покойного? Почему вы не прибегли к помощи закона?

– Этот пункт завещания был составлен столь неясно, что закон был бы бессилён. Благородный человек не мог бы усомниться в намерении покойного, но мистер Дарси изволил усомниться... или счесть его лишь пожеланием, заявив при этом, что я сам лишил себя всяких прав мотовством, легкомыслием – короче говоря, чем угодно или вовсе ничем. Безусловно одно: приход стал вакантен два года назад, как раз когда я достиг возраста, позволяющего получить его, но он был отдан другому. И столь же безусловно, что я не смогу обвинить себя в том, будто правда тем

или иным своим поступком заслужил его лишиться. У меня пылкий неосмотрительный нрав, и, быть может, я порой слишком несдержанно высказывал свое мнение о нем и ему. Ничего хуже я припомнить не могу. Беда в том, что мы совсем разные люди и он меня ненавидит.

– Это неслыханно! Он заслуживает публичного изобличения.

– Рано или поздно он его не избежит... Но сделаю это не я. Пока я храню память о его отце, ему не угрожает от меня ни возмездие, ни обличение.

Элизабет воздала должное его благородству и подумала, что он еще никогда не выглядел столь красивым.

– Но что, – спросила она после некоторого молчания, – могло толкнуть его на это? Что заставило его поступать так жестоко?

– Глубокая неукротимая неприязнь ко мне, неприязнь, объяснение которой я могу найти лишь в зависти. Если бы покойный мистер Дарси меньше благоволил ко мне, возможно, его сын легче примирился бы со мной. Но необычайная привязанность его отца ко мне вызывала в нем злобу еще в отрочестве. Не в его характере было терпеть тот род соперничества, который возник между нами, то предпочтение, которое часто отдавалось мне.

– Я никак не предполагала, что мистер Дарси настолько низок. Хотя он мне никогда не нравился, столь дурно я о нем не думала. Я полагала, что он презирает людей вообще, но не подозревала, что он способен на такую изощренную месть, такую несправедливость, такую бесчеловечность.

После минутного размышления она продолжала:

– Но я помню, как однажды в Недерфилде он похвалялся своей неумолимой непреклонностью, своим неумением прощать. Его характер, видимо, ужасен.

– Я не могу позволить себе что-либо сказать, – ответил Уикхем. – Мне трудно быть к нему беспристрастным.

Элизабет снова задумалась и некоторое время спустя воскликнула:

– Обойтись так с крестником, с любимцем, с подопечным своего отца! – Она могла бы добавить: «И с молодым человеком вроде вас, чье лицо служит ручательством лучших качеств вашей натуры». Однако она удовольствовалась лишь: – И к тому же с тем, кто, вероятно, был товарищем его детских игр, связанным с ним, как, если не ошибаюсь, вы сказали, теснейшими узами.

– Мы родились в одном приходе, в пределах одного поместья и большую часть детства провели вместе. Обитатели одного дома, разделявшие общие забавы, предметы одной отеческой заботы. Мой отец

начал жизнь на том же поприще, на котором ваш дядя Филипс подвизается с такой честью, но он всем пожертвовал, лишь бы быть полезным покойному мистеру Дарси, и посвятил все свое время процветанию Пемберли. И мистер Дарси питал к нему высочайшее уважение, видел в нем самого близкого доверенного друга. Мистер Дарси часто признавал, сколь многим он обязан неусыпным трудам моего отца; и когда перед его кончиной мистер Дарси по собственной воле обещал ему обеспечить меня, я убежден, что им двигала не столь привязанность ко мне, сколь долг благодарности.

– Как странно! – вскричала Элизабет. – Как гнусно! Не понимаю, как гордость нынешнего мистера Дарси не понудила его быть справедливым к вам. Если не по каким-либо другим причинам, так из гордости он не должен был бы опускаться до бесчестности. Ведь иначе, как бесчестностью, я подобное назвать не могу.

– Это поистине поразительно, – ответил Уикхем, – ибо почти все его поступки проистекают из гордости; и гордость часто оказывалась его лучшим другом. Она сближала его с добродетелями больше иных его чувств. Но мы все непоследовательны, и его поступки со мной подсказывались побуждениями более сильными, чем даже гордость.

– Может ли такая чудовищная гордыня служить к его пользе?

– Да, она часто заставляла его быть щедрым и великодушным. Щедро тратить деньги, щеголять гостеприимством, помогать арендаторам и смягчать нужду бедняков. Семейная гордость и сыновья гордость – ведь он очень гордится отцом – понуждают его к этому. Не опозорить свой род, не показать отсутствие похвальных качеств, сохранить во всей силе влияние дома Пемберли – это могучая побудительная причина. Он наделен и братской гордостью, которая вкупе с некоторой братской привязанностью сделала его очень добрым и заботливым опекуном младшей сестры. Вы услышите общую хвалу ему как лучшему и безупречнейшему из братьев.

– А мисс Дарси, какая она?

Он покачал головой.

– Хотелось бы мне назвать ее доброй. Мне больно говорить дурно о тех, кто носит фамилию Дарси. Но она слишком похожа на брата – очень, очень горда. Девочкой она была ласковой, славной и очень меня любила. А я часами старался развлекать ее. Но теперь она ничто для меня. Красивая барышня пятнадцати-шестнадцати лет и, насколько мне известно, превзошла все искусства, которые украшают благородных девиц. После смерти отца она поселилась в Лондоне, где с ней живет почтенная дама, следящая за ее образованием.

После многих пауз и многих попыток завести разговор на другую тему Элизабет не удержалась и вернулась к первой, сказав:

– Меня удивляет его дружба с мистером Бингли. Как мистер Бингли, который как будто сама мягкость и, мне кажется, истинно добр, может быть близок с подобным человеком? Что между ними общего? Вы знакомы с мистером Бингли?

– Нет.

– Он милый, покладистый, очаровательный человек. Видимо, он не знает, каков мистер Дарси на самом деле.

– Вероятно, нет. Однако мистер Дарси умеет нравиться, когда он этого хочет. Ему нельзя отказать в талантах. Он способен быть приятным собеседником, когда полагает, что это стоит его усилий. Среди равных ему по положению он совсем иной, чем с теми, кому судьба улыбнулась меньше. Гордость никогда его не покидает, но с богатыми он непритязателен, справедлив, искренен, разумен, благороден, может быть, даже обходителен вдобавок к своему состоянию и красивой внешности.

Вскоре партия в вист кончилась, игроки перешли к другому столу, и мистер Коллинз занял место между своей кузиной Элизабет и миссис Филипс. Последняя, как положено, осведомилась об его успехах в картах. Они оказались не слишком велики: он проигрался вчистую. Но когда миссис Филипс принялась соболеznовать ему, он с величайшей серьезностью заверил ее, что это сущие пустяки, что деньги для него безделица, и умолял ее не огорчаться.

– Я прекрасно знаю, сударыня, – сказал он, – что люди, садясь за карты, должны быть готовы к подобным потерям, и, к счастью, я не в тех обстоятельствах, чтобы пять шиллингов представляли для меня какую-то важность. Без сомнения, многие не могли бы сказать того же, но щедротами леди Кэтрин де Бэр я свободен от необходимости обращать внимание на подобные мелочи.

Его слова привлекли внимание мистера Уикхема. Он некоторое время разглядывал мистера Коллинза, а затем тихим голосом осведомился у Элизабет, как близко ее родственник знаком с семейством де Бэр.

– Леди Кэтрин де Бэр, – ответила она, – совсем недавно дала ему приход. Не знаю, как мистер Коллинз стал ей известен, но знаком он с ней очень недолго.

– Вы, конечно, осведомлены, что леди Кэтрин де Бэр была родной сестрой леди Анны Дарси, и, значит, она тетка мистера Дарси.

– Нет, я не знала. О родстве леди Кэтрин мне ничего не известно. О самом ее существовании я услышала лишь позавчера.

– Ее дочь, мисс де Бэр, наследница огромного состояния, и никто не сомневается, что она и ее кузен соединят свои поместья.

Элизабет улыбнулась, подумав о бедной мисс Бингли. Как тщетны все ее уловки, как тщетна и бесполезна ее любовь к его сестрице и ее лесть ему самому, если он уже избрал себе другую невесту!

– Мистер Коллинз, – сказала она, – весьма высоко отзывается о леди Кэтрин и ее дочери, но, судя по некоторым его описаниям поступков ее милости, я подозреваю, что благодарность вводит его в заблуждение и, хотя он благодетельствован ею, она очень надменная и тщеславная женщина.

– Мне кажется, она именно такова, – заметил мистер Уикхем. – Я много лет ее не видел, но хорошо помню, что она мне никогда не нравилась и что ее манеры были в высшей степени властными и высокомерными. Она слывет весьма рассудительной и умной женщиной, но, полагаю, такому мнению о себе она обязана отчасти своему титулу и богатству, отчасти своему апломбу, а в остальном своему племяннику, которому угодно, чтобы все, кто с ним в родстве, отличались завидным умом.

Элизабет признала его объяснения очень убедительными, и они продолжали беседовать ко взаимному удовольствию, пока ужин не положил конец игре и остальные барышни не потребовали своей доли внимания мистера Уикхема. В шуме, царившем за столом миссис Филипс, поддерживать беседу было невозможно, но его манеры расположили к нему всех. Что бы он ни сказал, было сказано умно; что бы он ни сделал, было сделано безупречно. Элизабет отправилась домой, занятая мыслями о нем. Всю дорогу она думала только о мистере Уикхеме и о том, что он ей рассказал. Но хотя бы упомянуть его имя вслух она не смогла, так как ни Лидия, ни мистер Коллинз не умолкали ни на минуту. Лидия болтала о лотерее, о призах, которые выиграла, и о призах, которые проиграла. А мистер Коллинз, описывая радушный прием, оказанный ему мистером и миссис Филипс, заверяя, сколь мало для него значит проигрыш в вист, перечисляя все блюда, подававшиеся за ужином, и без конца осведомляясь у кузин, не слишком ли он их стесняет, мог бы еще многое добавить к сказанному, когда карета остановилась перед домом барышень.

Глава 17

Наутро Элизабет рассказала Джейн о своем разговоре с мистером Уикхемом. Джейн слушала ее с удивлением и тревогой. Она не могла поверить, что мистер Дарси настолько недостоин дружбы мистера Бингли, однако не в ее натуре было усомниться в правдивости человека столь располагающей внешности, как Уикхем. Мысль о том, что он и вправду стал жертвой подобного бессердечия, взволновала все ее чувства, и ей ничего не оставалось, кроме как думать хорошо о них обоих, оправдывать поведение каждого и приписывать воле случая или ошибке все, что не находило иного объяснения.

– Полагаю, они оба были введены в заблуждение, – сказала она, – но как и почему, мы не можем догадаться. Корыстные, недобрые люди могли очернить их друг перед другом. Короче говоря, мы не в силах представить себе причины или обстоятельства, которые могли посеять вражду между ними, причем не возложив вину на одного из них.

– Совершенно справедливо. А теперь, душечка Джейн, что ты можешь сказать в пользу корыстных, недобрых людей, столь вероятно во всем этом замешанных? Пожалуйста, оправдай и их, не то мы будем вынуждены думать о ком-то дурно!

– Смейся сколько пожелаешь, но твой смех не заставит меня переменить мнение. Душечка Лиззи, только подумай, в каком гадком свете предстанет мистер Дарси, если он так обошелся с любимым протеже своего отца, с тем, кого его отец обещал обеспечить! Это немыслимо. Ни один порядочный человек, ни один человек, сколько-нибудь дорожащий своей репутацией, на подобное не способен. Как могли бы его ближайшие друзья настолько в нем обмануться? О нет!

– Мне куда легче поверить, что доверием мистера Бингли злоупотребили, чем предположить, что мистер Уикхем способен сочинить такую историю о себе, какую он рассказал мне вчера. Фамилии, факты, ну, словом, всё, назывались и перечислялись без утайки. Если это не так, пусть мистер Дарси опровергнет его. Не говоря уж об искренности, которой дышит его лицо.

– Да, это очень трудно, очень тягостно. Просто не знаю, что и думать.

– Прошу прощения, нет никаких сомнений, что следует думать.

Однако Джейн не сомневалась лишь в одном – в том, как мистер Бингли, если он и вправду обманут, будет страдать, когда дело приобретет

огласку.

Тут появление кое-кого из тех, о ком шел их разговор, заставило барышень покинуть сад, где они его вели. Мистер Бингли и его сестры заехали, чтобы самим пригласить их на долгожданный бал в Недерфилде, назначенный на следующий вторник. Обе сестрицы были в восторге вновь свидеться со своей милой подругой, восклицали, что прошел целый век, как они расстались, и вновь и вновь осведомлялись, что она поддельвала во время их разлуки. Остальных членов семьи они не удостоили внимания: как могли, избегали миссис Беннет, Элизабет сказали два-три слова, а младшим сестрам ни единого. Очень скоро они собрались уехать и поднялись со стульев в поспешности, которая захватила их брата врасплох, и торопливо вышли, словно стараясь избежать любезностей миссис Беннет.

Вся семья, кроме мистера Беннета, с нетерпением предвкушала бал в Недерфилде. Миссис Беннет уверовала, что он дается в честь ее старшей дочери, и была особенно горда тем, что приглашение получено из уст самого мистера Бингли, тогда как другим придется довольствоваться лишь карточкой. Джейн в мечтах представлялся счастливый вечер в обществе двух ее подруг среди знаков внимания их брата. А Элизабет с удовольствием думала, как будет танцевать с мистером Уикхемом и увидит подтверждение всему в выражении лица мистера Дарси и его поведении. Счастье Лидии и Кэтрин менее зависело от одного события или от одного человека: хотя обе они, подобно Элизабет, собирались половину вечера танцевать с мистером Уикхемом, но удовольствовались бы приглашениями других кавалеров; да и бал – это ведь всегда бал. Даже Мэри заверила родителей и сестер, что ничего против бала не имеет.

– Пока я могу проводить утра за своими занятиями, – сказала она, – этого достаточно. Для меня не жертва иногда присоединяться к вечерним увеселениям. Общество имеет права на нас всех, и я принадлежу к тем, кто полагает, что перерывы для отдыха и развлечений полезны каждому.

Элизабет пребывала в таком веселом настроении, что, обычно избегая разговоров с мистером Коллинзом, кроме самых необходимых, она не удержалась и спросила, намерен ли он принять приглашение мистера Бингли, а если да, то сочтет ли приличным участвовать в бальных развлечениях. И была несколько удивлена, услышав, что он не видит этому никаких препон и отнюдь не опасается выговора архиепископа или леди Кэтрин, если и сам пройдет в танце разок-другой.

– Уверяю вас, я вовсе не склонен считать, – сказал он, – будто бал, который дает молодой человек безупречной репутации, приглашая самые почтенные семейства, может таить в себе что-либо предосудительное. И я

настолько не противник танцев, что надеюсь в течение вечера пройтись с каждой из моих прелестных кузин и пользоваться этим случаем, чтобы ангажировать вас, мисс Элизабет, на первые два танца. Предпочтение, каковое, уповаю, моя кузина Джейн истолкует верно и не сочтет неуважением к своей особе.

Элизабет почувствовала, что попала в ловушку. Она не сомневалась, что на эти танцы ее пригласит мистер Уикхем, – и взамен получить в кавалеры мистера Коллинза! Ее живость оказала ей скверную услугу. Однако оставалось только смириться. Счастье мистера Уикхема и ее собственное придется несколько отложить, и приглашение мистера Коллинза было принято со всей любезностью, какую ей удалось найти в себе. Его галантность тем более ее удручила, что она усмотрела в ней намерения нечто большее. Ей впервые пришло в голову, что из всех ее сестер она была сочтена наиболее достойной стать хозяйкой в доме священника хансфордского прихода и, в случае необходимости, занимать место четвертого партнера за карточным столом в Розингсе. Мысль эта вскоре переросла в убеждение, когда она заметила, насколько любезнее он стал с ней, и услышала, как часто он старается сделать комплимент ее уму и веселости характера. Хотя она была более удивлена, нежели польщена, торжеством своих чар, вскоре маменька дала ей понять, что будет весьма довольна этим браком. Элизабет, однако, предпочла пропустить этот намек мимо ушей, так как отдавала себе отчет, какие настояния может повлечь ее ответ. Мистер Коллинз, возможно, все-таки не попросит ее руки, а до того ссориться из-за одного лишь предположения не имело смысла.

Если бы бал в Недерфилде не требовал приготовлений и не давал бы пищи для разговоров, участь младших мисс Беннет в эти дни была бы печальной, ибо со дня приглашения до дня бала противные проливные дожди не позволили им хотя бы разок побывать в Меритоне. Нельзя было навестить тетюшку, повидать офицеров, заручиться новостями – за бантами для бальных туфель и то пришлось послать слугу. Даже для терпения Элизабет погода, воспрепятствовавшая укреплению дальнейшего знакомства между ней и мистером Уикхемом, оказалась тяжким испытанием, и лишь будущие танцы во вторник помогли Китти и Лидии вынести такие пятницу, субботу, воскресенье и понедельник.

Глава 18

До того как Элизабет вошла в недерфилдскую гостиную и тщетно поискала взглядом мистера Уикхема среди созвездия алых мундиров, собравшихся там, она ни разу даже не подумала, что его может там не быть. Уверенность во встрече с ним не поколебали даже воспоминания о некоторых подробностях их разговора, которые, здраво рассуждая, могли бы вызвать в ней тревогу. Она оделась с особым тщанием и с живейшей радостью приготовилась покорить все, что еще не завоевала в его сердце, с твердой надеждой, что для этого будет достаточно одного вечера. Но единого мига оказалось достаточно, и ее охватило страшное подозрение, что его фамилия была намеренно опущена в приглашении, которое Бингли послал офицерам, и, разумеется, по наущению мистера Дарси. Хотя это оказалось не совсем так, его друг, мистер Денни, у которого Лидия потребовала объяснений, подтвердил, что Уикхема на балу не будет; накануне ему пришлось отправиться в Лондон по делу, и вернуться он не успел. После чего мистер Денни добавил с многозначительной улыбкой:

– Полагаю, никакое дело не заставило бы его уехать, если бы он не пожелал избежать встречи здесь с неким джентльменом.

Лидия не обратила внимания на эти его слова, но Элизабет хорошо их расслышала, и они убедили ее, что мистер Дарси столь же повинен в отсутствии Уикхема, как если бы подтвердилась ее первая догадка. И разочарование настолько усилило ее неприязнь к первому, что она едва сумела ответить с положенной вежливостью на учтивые вопросы, с какими он в эту минуту обратился к ней. Внимание, снисходительность, терпение по отношению к Дарси были оскорблением Уикхему. Она твердо решила не вступать с ним в разговор и отвернулась от него с раздражением, которое не сумела совсем подавить, даже разговаривая с мистером Бингли, виновным в слепой доверчивости.

Однако Элизабет не была создана для дурных настроений, и, хотя все ее надежды на этот вечер рушились, обычная живость вскоре взяла верх, и, поведав все свои горести Шарлотте Лукас, с которой не виделась целую неделю, она вскоре с охотой перешла на глупости своего кузена и порекомендовала Шарлотте последить за ним. Однако первые два танца вновь погрузили ее в пучину уныния. Они явились тяжелым испытанием. Мистер Коллинз, неуклюжий и самодовольный, извинялся вместо того, чтобы следить за музыкой, и часто выделял не те па, даже не замечая

этого, и она испытывала весь тот стыд и всю горечь, которые способен причинить в течение двух танцев неумелый кавалер. Миг, когда она освободилась от него, был мигом блаженства.

Затем она танцевала с офицером и повеселела, так как могла заговорить об Уикхеме и услышать, что он нравится всем. Когда настал перерыв в танцах, она вернулась к Шарлотте Лукас и разговаривала с ней, как вдруг увидела перед собой мистера Дарси и так растерялась, услышав его приглашение на следующий танец, что согласилась, не успев спохватиться. Он тотчас отошел, и ей оставалось только досадовать на свою неосмотрительность. Шарлотта попробовала ее утешить:

– Возможно, ты найдешь его приятным кавалером.

– Боже сохрани! Это было бы хуже всего! Признать приятным человека, которого решила ненавидеть! Не желай мне подобного зла.

Когда музыка снова заиграла и Дарси направился к ней, Шарлотта не удержалась и шепотом посоветовала ей не быть дурочкой и не допустить, чтобы благосклонность к Уикхему заставила ее уронить себя в глазах человека, стоящего в десять раз выше него. Элизабет не ответила и заняла свое место в середине залы, поражаясь тому, сколько чести ей придало приглашение мистера Дарси, и читая в глазах окружающих, что они поражены не меньше. Некоторое время они танцевали молча, и ей начало казаться, что молчание это продлится до конца танца, но сначала она твердо решила не нарушать его. Однако тут же ей пришло в голову, что для ее кавалера будет горшим наказанием, если она понудит его говорить, и тотчас она произнесла несколько слов о следующем па. Он ответил и вновь умолк. После долгой паузы она заговорила с ним во второй раз:

– Ваш черед что-нибудь сказать, мистер Дарси. Я высказала мнение о танце, а вам положено сказать что-нибудь о величине залы или о числе танцующих.

Он улыбнулся и заверил ее, что как бы уже сказал все, что она пожелала от него услышать.

– Отлично. Пока этого ответа достаточно. Быть может, потом я смогу заметить, что балы, которые дают у себя дома, много приятнее ассамблей, но сейчас мы можем помолчать еще немного.

– Так, значит, вы, когда танцуете, разговариваете, придерживаясь правил?

– Иногда. Видите ли, немножко говорить необходимо. Провести полчаса вместе в полном молчании – это ведь странно. Тем не менее для угождения некоторым людям разговор следует вести так, чтобы они могли обременить себя не более чем двумя-тремя словами.

– Вы сейчас советуетесь с собственными чувствами или полагаете, что потакаете моим?

– И то, и другое, – ответила Элизабет с лукавством. – Я ведь всегда замечала большое сходство в складе наших натур. Мы оба чуждаемся общества, молчаливы, не склонны говорить, если только не уверены, что слова наши поразят всех присутствующих и будут сохранены для потомства, превратившись в пословицу.

– Мне кажется, тут мало сходства с вашим характером, – сказал он. – Насколько такое описание близко к моему, судить не берусь. Вы же, без сомнения, считаете портрет верным.

– Мне не пристало оценивать свой талант.

Он не ответил, и они вновь умолкли, но после нескольких фигур он заметил, что она и ее сестры как будто довольно часто совершают прогулки в Меритон. Она ответила утвердительно и, поддавшись искушению, добавила:

– Когда вы нас видели там на днях, нам как раз представился случай завести новое знакомство.

Эти слова произвели немедленное действие. Его черты изобразили еще большую высокомерность, но он не сказал ни слова. А Элизабет, пеняя себе за слабость, не решилась продолжать. В конце концов молчание нарушил Дарси, сказав очень сухо:

– Мистер Уикхем наделен такими располагающими манерами, что они помогают ему приобретать друзей, но способен ли он сохранять их, не столь достоверно.

– К своему несчастью, он лишился вашей дружбы, – ответила Элизабет многозначительно, – и при обстоятельствах, от которых, вероятно, будет страдать всю жизнь.

Дарси не ответил и, видимо, хотел переменить тему. В эту минуту рядом с ними оказался сэр Уильям Лукас, пробиравшийся между танцующими в другой конец залы. Однако, увидев мистера Дарси, он с учтивейшим поклоном остановился, дабы выразить свое восхищение тем, что он танцует, а также его дамой.

– Право слово, я весьма в восторге, любезный сэр. Нечасто увидишь такое изящество в танце. Сразу видно, что вы принадлежите к высшему свету. Позвольте мне, однако, сказать, что вашу прекрасную даму вам не в чем упрекнуть и что я уповаю часто иметь это удовольствие, особенно когда произойдет некое желанное событие, дражайшая мисс Элиза. – Он посмотрел на ее сестру и Бингли. – Какие тогда начнутся поздравления! Мистер Дарси свидетель... но не буду вам долее мешать, сударь. Вы не

поблагодарите меня за то, что я отрываю вас от обворожительной беседы с барышней, чьи прелестные глазки уже укоряют меня.

Дарси почти не слушал завершения этой тирады, но намек сэра Уильяма, касавшийся его друга, казалось, произвел на него значительное впечатление, и его глаза с самым серьезным выражением обратились на танцующих вместе Бингли и Джейн. Однако он тут же взял себя в руки, обернулся к своей даме и сказал:

– Сэр Уильям перебил нас, и я забыл, о чем мы разговаривали.

– Мне кажется, мы вовсе не разговаривали. Сэр Уильям не мог бы перебить в этом зале пару, которой было бы меньше что сказать друг другу, чем нам. Мы уже испробовали две-три темы без всякого успеха, и не могу себе представить, о чем еще мы можем поговорить.

– Ну а если о книгах? – сказал он с улыбкой.

– Книги? О нет! Полагаю, мы не читаем одни и те же книги, а если и да, так с совсем разными чувствами.

– Мне жаль, что вы держитесь подобного мнения, но, если дело и обстоит так, какая это будет богатая тема! Мы сможем сравнить наши столь различные мнения.

– Нет... Я не могу говорить о книгах в бальной зале. У меня голова полна совсем другим...

– Вас занимает происходящее перед вами, не так ли? – спросил он с некоторым сомнением.

– Да, всегда, – ответила она, не думая о том, что говорит, так как ее мысли были уже далеки от этой темы, о чем свидетельствовало ее внезапное восклицание: – Я помню, вы как-то сказали, мистер Дарси, что редко прощаете, что ваша неприязнь, раз возникнув, не может быть умиротворена. Полагаю, возникнуть ей вы позволяете с большой осторожностью?

– Да, – сказал он твердым голосом.

– И никогда не позволяете предубеждению ослепить вас?

– Надеюсь, что нет.

– Тем, кто не меняет своих мнений, особенно необходимо составить верное первоначальное суждение.

– Могу и я спросить, к чему ведут эти вопросы?

– Просто к раскрытию вашего характера, – ответила она, стараясь найти шуточный тон. – Я пытаюсь его понять.

– И насколько вы преуспели?

Она покачала головой:

– Нисколько. Я слышу столь разные отзывы о вас, что остаюсь в

полном недоумении.

– Я легко готов поверить, – ответил он очень серьезно, – что обо мне говорят самые различные вещи. И мне хотелось бы, мисс Беннет, чтобы вы пока не брались за набросок моего характера, так как есть причина опасаться, что такой портрет не сделает чести ни предмету, ни исполнению.

– Но если я не схвачу сходства сейчас, возможно, мне никогда не выпадет другого случая.

– Я ни в коем случае не хочу воспрепятствовать ни единому вашему развлечению, – ответил он холодно.

Она больше ничего не сказала, и после окончания второго танца они расстались в молчании, оба недовольные друг другом, но не в равной степени, ибо в груди Дарси крылось довольно сильное чувство к ней, которое вскоре принесло ей прощение и обратило весь его гнев в другую сторону.

Они не успели разойтись в разные стороны, как к Элизабет подошла мисс Бингли и с видом вежливого пренебрежения обратилась к ней со следующими словами:

– Как я слышала, мисс Элиза, вас совершенно очаровал Джордж Уикхем? Ваша сестрица разговаривала со мной о нем, засыпала меня тысячами вопросов, и, оказывается, этот молодой человек нарасказал вам очень много всего, но забыл среди прочего упомянуть, что он сын старика Уикхема, который был управляющим у покойного мистера Дарси. Однако разрешите дружески посоветовать вам не верить свято всем его утверждениям. То, что мистер Дарси обошелся с ним дурно, это бессовестная ложь. Напротив, он всегда был необыкновенно добр к нему, хотя Джордж Уикхем повел себя с ним самым гнусным образом. Подробности мне не известны, но я прекрасно знаю, что мистера Дарси ни в чем нельзя упрекнуть, что он не выносит никаких упоминаний о Джордже Уикхеме и что мой брат, хотя не мог избежать необходимости включить его в свое приглашение офицерам, был чрезвычайно рад, когда Уикхем предпочел не появляться здесь. Его приезд в здешние края сам по себе чрезвычайная наглость, и не понимаю, как он посмел решиться на это. Мне жаль вас, мисс Элиза. Узнать про низости вашего фаворита... Но, право, памятуя о его происхождении, ничего другого нельзя было и ожидать.

– Его низости и его происхождение, судя по вашим словам, это одно и то же! – с жаром сказала Элизабет. – Я не слышала, чтобы вы обвинили его в чем-то худшем, чем то, что он сын управляющего мистера Дарси, а об этом, заверяю вас, он сказал мне сам.

– Прошу у вас прощения, – ответила мисс Бингли, отворачиваясь с презрительной усмешкой. – Извините мое вмешательство, мои намерения были самыми добрыми.

«Какая наглость! – сказала себе Элизабет. – Но вы очень ошибаетесь, если думаете, будто можете повлиять на меня такой жалкой выходкой! Я вижу в ней только ваше нежелание признать правду и злобу мистера Дарси». Затем она отправилась искать свою старшую сестру, которая обещала узнать что-нибудь от мистера Бингли. Джейн посмотрела на нее с улыбкой такой счастливой безмятежности, с таким сияющим выражением лица, что не оставалось никаких сомнений, насколько довольна она была тем, как прошел этот вечер. Элизабет в одно мгновение поняла чувства сестры, и ее тревога за Уикхема, негодование на его врагов и все прочее отступили перед надеждой, что Джейн на верном пути к счастью.

– Мне хочется знать, – сказала она, улыбаясь столь же радостно, как и сестра, – что ты услышала про мистера Уикхема. Но, может быть, ты проводила время так приятно, что не могла думать ни о ком третьем. И, если так, я тебя прощаю.

– Нет, – ответила Джейн, – я о нем не забыла, однако ничего хорошего я тебе сказать не могу. Мистер Бингли не знает подробностей его истории, и ему не известны причины, особенно оскорбившие мистера Дарси, но он ручается за безупречное поведение, благородство и честность своего друга и полностью убежден, что мистер Уикхем заслуживал куда менее одолжений от мистера Дарси, чем получил. Мне грустно говорить это, но, судя по его словам и словам его сестры, мистер Уикхем отнюдь не добропорядочный человек. Боюсь, он был очень легкомыслен и поделом утратил расположение мистера Дарси.

– Мистер Бингли ведь не знаком с мистером Уикхемом?

– Да, он впервые увидел его в то утро в Меритоне.

– Значит, он говорил только то, что слышал от мистера Дарси. С меня этого достаточно. А что он сказал про приход?

– Ему не удалось точно припомнить обстоятельства, хотя он не раз слышал о них от мистера Дарси, но он думает, что завещан приход был лишь на определенных условиях.

– В искренности мистера Бингли я не сомневаюсь, – ласково сказала Элизабет, – но ты извинишь меня, если я не начну думать иначе на основании лишь ничем не подкрепленных заверений. Не спорю, мистер Бингли защищает своего друга весьма убедительно, но он ведь многого не знает, а остальное узнал от того же друга, и я позволю себе остаться при прежнем мнении об обоих этих джентльменах.

Затем она заговорила о предмете, более приятном для них обеих и который не мог стать причиной для разногласий. Элизабет с восхищением слушала о счастливых, хотя и робких надеждах, которые Бингли пробудил в сердце Джейн, и сказала все, что могла, лишь бы укрепить их. Когда же к ним присоединился сам мистер Бингли, Элизабет отошла к Шарlotte Лукас, но не успела ответить на ее расспросы о своем последнем кавалере, как к ним приблизился мистер Коллинз и с превеликим восторгом сообщил ей, что имел счастье сделать важнейшее открытие.

– Благодаря особой случайности я узнал, – сказал он, – что сейчас в этой зале находится близкий родственник моей благодетельницы. Мне довелось своими ушами услышать, как сам этот джентльмен изволил упомянуть барышне, хозяйке этого дома, имена своей кузины мисс де Бэр и ее матушки леди Кэтрин. Сколь чудесны такие совпадения! Кто бы подумал, что на этом балу я встречу, возможно, племянника леди Кэтрин де Бэр! Я в восхищении, что сделал это открытие как раз вовремя, чтобы успеть выразить ему свое почтение, и намерен сделать это сейчас же в уповании, что он извинит мое промедление. Моя полная неосведомленность об этом родстве должна послужить мне оправданием.

– Вы же не собираетесь представиться мистеру Дарси?!

– О, собираюсь, собираюсь. И испрошу у него прощения, что не сделал этого раньше. Я ведь предполагаю, что он доводится леди Кэтрин племянником! И в моей власти заверить его, что неделю тому назад, считая со вчерашнего дня, ее милость пребывала в добром здравии.

Элизабет настойчиво пыталась отговорить его от такого плана. Уверяла, что мистер Дарси сочтет его попытку заговорить с ним без надлежащего представления дерзкой вольностью, а не знаком уважения к своей тетушке. Добавила, что ни малейшей необходимости им вступить в разговор нет и что в любом случае желание с ним познакомиться должен выразить мистер Дарси как человек более высокого положения в обществе. Мистер Коллинз слушал ее с упрямым выражением, свидетельствовавшим, что он намерен последовать своему намерению, а когда она умолкла, ответил следующим образом:

– Дражайшая мисс Элизабет, я придерживаюсь высочайшего мнения о вашей способности здраво судить обо всем, что находится в пределах вашего разума, но позвольте мне указать, что существует великое различие между правилами, установленными для поведения мирян, и теми, которым следуют священнослужители. Ибо, позвольте мне заметить, духовный сан я полагаю равным самым высоким титулам сего королевства при условии, что при этом соблюдается надлежащее смирение. Посему вы

должны позволить мне в этом случае следовать указаниям моей совести, каковая требует от меня исполнения того, что я почитаю своим долгом. Простите, что я не последую вашему совету, хотя во всех иных случаях он будет моим путеводным факелом. Однако в настоящих обстоятельствах я полагаю, что образование и житейский опыт позволяют мне судить о том, как должно поступить, вернее юной девицы, подобной вам.

И с низким поклоном он покинул ее, чтобы взяться за мистера Дарси, за чьим впечатлением она внимательно наблюдала и чье изумление подобной фамильярностью было более чем явным. Ее кузен предварил свою речь торжественным поклоном, и, хотя до нее не доносилось ни слова, ей казалось, будто она слышит каждое, а по движению его губ различила «извинения», «Хансфорд» и «леди Кэтрин де Бэр». Ее разбирала досада при виде того, как он дает пищу для презрения подобному человеку. Мистер Дарси смотрел на него с нескрываемой досадливой гримасой, а когда мистер Коллинз наконец дал ему возможность произнести хоть слово, ответил с видом самой холодной вежливости. Впрочем, это не помешало мистеру Коллинзу вновь разразиться речью. На ее протяжении презрение мистера Дарси, казалось, все росло и росло, а по ее завершении он только чуть наклонил голову и отвернулся. Мистер же Коллинз возвратился к Элизабет.

— Заверяю вас, у меня нет причин, — сказал он, — быть разочарованным оказанным мне приемом. Мистер Дарси, несомненно, оценил такой знак внимания. Он ответил со всей учтивостью и даже сделал мне комплимент, сказав, что он совершенно убежден в проницательности леди Кэтрин и уверен, что она никого бы не удостоила своей милостью незаслуженно. Такая лестная мысль. И я весьма доволен.

Элизабет более не имела собственных целей, а потому она сосредоточила внимание на своей сестре и мистере Бингли. Ее наблюдения дали пищу таким приятным мыслям, что она почувствовала себя счастливой почти не меньше самой Джейн. Она уже видела, как ее сестра входит хозяйкой в этот дом, где ее ждут все радости, какими только может одарить брак по истинной любви, и даже думала, что при таких обстоятельствах сестрицы мистера Бингли могут завоевать ее расположение. Она ясно видела, что мысли ее маменьки сосредоточены на том же, и решила не подходить к ней слишком близко из опасения услышать что-нибудь лишнее. Поэтому, когда гостей пригласили ужинать, она сочла за злую шутку судьбы, что за столом они оказались рядом. И как же она рассердилась, когда услышала, что миссис Беннет беседует со своей соседкой (леди Лукас) откровенно, без обиняков и в полном убеждении о

скорой свадьбе Джейн с мистером Бингли. Тема была на редкость заманчивой, и миссис Беннет без устали перечисляла все выгоды такой партии. Она поздравляла себя с тем, что он такой авантажный молодой человек, и такой богатый, и живет всего в трех милях от Лонгборна; а кроме того, было таким утешением думать, как его сестрицы любят Джейн, и не сомневаться, что они радуются их будущему родству не меньше, чем она. И к тому же это столько сулит младшим сестрам Джейн! Ведь столь завидный брак откроет им знакомство с другими богатыми холостяками; и, кроме того, какое отдохновение в ее годах передать заботу о своих незамужних дочках их сестре и освободиться от докучной обязанности выезжать в свет. Выразить удовольствие по этому поводу требовал хороший тон, тем не менее мысль о том, чтобы проводить вечера дома, ничуть не прельщала миссис Беннет, пусть бы ей больше и не надо было вывозить своих дочерей. Она заключила свою речь множеством пожеланий, чтобы и леди Лукас вскоре улыбнулось подобное счастье, хотя несомненно и злорадно верила, что ничего подобного не произойдет.

Тщетно Элизабет пыталась прекратить изливания своей маменьки или хотя бы убедить ее, чтобы она описывала выпавшую ей радость не столь громким шепотом. К своей невыразимой досаде, она заметила, что мистер Дарси, который сидел напротив них, слышал почти все. Маменька же только побранила ее и попросила не говорить вздора.

— Скажи на милость, кто такой мистер Дарси, что я должна его бояться? Право, мы не обязаны быть настолько учтивы с ним, чтобы молчать о том, чего ему не хотелось бы услышать.

— Ради бога, маменька, говорите потише. Какая польза вам оскорбить мистера Дарси? Этим вы не зарекомендуете себя его другу.

Однако никакие ее доводы не помогали. Мать излагала свои мнения тем же внятным голосом. Элизабет все больше краснела от стыда и досады. Она невольно посматривала на мистера Дарси, хотя каждый взгляд подтверждал то, чего она опасалась. Правда, он не все время смотрел на ее мать, но она не сомневалась, что его слух неизменно прикован к ней. Презрительное негодование на его лице постепенно сменялось глубокой серьезностью.

Наконец миссис Беннет исчерпала все, что намеревалась сказать, и леди Лукас, которая давно уже позевывала, вновь и вновь выслушивая описание радостей, принять в которых участия не предвидела, могла теперь утешиться холодной ветчиной и курицей. Элизабет начала понемногу приходить в себя. Однако ее спокойствию скоро пришел конец. После ужина настало время пения, и она, к своей пущей досаде, увидела, как

Мэри без особых уговоров приготовилась усладить слух общества. Многозначительными взглядами, безмолвными мольбами она пыталась помешать такому доказательству тщеславия. Мэри не пожелала понять ее – подобная возможность блеснуть льстила ей, и она запела. Элизабет не спускала с нее глаз, изнывая от неловкости, и слушала куплет за куплетом с нетерпением, которое не было вознаграждено, когда песня кончилась, ибо среди изъявления благодарностей кто-то выразил надежду, что она еще раз доставит им удовольствие, и через полминуты Мэри вновь запела. Ее дарование мало подходило для такого случая. Голос у нее был слабый, а манера очень неестественная. Элизабет терпела невыносимые муки. Она взглянула на Джейн, узнать, как та переносит такое испытание, но Джейн безмятежно разговаривала с Бингли. Она посмотрела на обеих его сестер, увидела, как они пересмеиваются, а затем перевела взгляд на Дарси. Но он хранил все ту же непроницаемую серьезность. Тогда она поглядела на отца, взывая к нему о помощи, в страхе, что Мэри будет петь до конца вечера. Он понял намек и, когда Мэри смолкла, громко сказал:

– Достаточно, дитя мое. Ты уже долго доставляла нам наслаждение. Позволь и другим барышням показать себя.

Мэри, хотя притворилась, будто не услышала, все же была несколько смущена, а Элизабет жалела ее, сердилась на слова отца и опасалась, что своим вмешательством ничему не помогла. Вновь послышались просьбы сыграть что-нибудь или спеть, обращенные к разным молодым девицам и дамам.

– Если бы, – сказал мистер Коллинз, – я был бы столь счастлив, что умел бы петь, то, право, с большим удовольствием одолжил бы общество одной-другой песней, ибо полагаю музыку весьма невинным развлечением и вполне совместимым с саном священнослужителя. Однако я не намерен утверждать, будто мы поступали бы похвально, уделяя музыке слишком большое время, ибо есть немало другого, требующего наших забот. У священника, имеющего приход, очень много дел. Во-первых, он должен так распорядиться десятиной, чтобы не обидеть себя и не умалить прав владельца прихода. Далее, он должен писать свои проповеди, а это оставляет не так уж много времени для выполнения его приходских обязанностей, для забот о своем жилище и улучшении его, дабы оно стало столь удобным, сколь это в его силах. И я полагаю весьма важным, чтобы он со всеми был обходителен и особенно угождал тем, кому обязан своим местом. Я не могу считать его свободным от сего долга и не могу одобрить человека, который не воспользовался бы случаем выразить свое почтение всякому, кто находится в родстве с указанным владельцем.

И поклоном в сторону мистера Дарси он заключил свою речь, которую произнес так громко, что ее услышала добрая половина присутствующих. Многие удивленно на него смотрели, многие улыбались. Впрочем, никто не посмеивался так весело, как мистер Беннет, чья супруга весьма похвалила мистера Коллинза за столь поучительные мысли и вполголоса сообщила миссис Лукас, какой он на редкость умный и во всех отношениях превосходный молодой человек.

Элизабет казалось, что, сговорись ее близкие заранее выставляя себя весь вечер на посмеище, им не удалось бы сыграть свои роли лучше или с большим успехом. И она порадовалась за свою сестру и Бингли – он, казалось, замечал отнюдь не все их выходки, а те глупости, которые не ускользнули от его внимания, не могли переменить его чувства. Достаточно было и того, что его сестрицам и мистеру Дарси представился случай высмеять ее мать, сестру и кузена. И она не могла решить, что было более невыносимым: безмолвное презрение второго или язвительные улыбки первых.

Остальная часть вечера не доставила ей никакой радости. Ей досаждал мистер Коллинз, который упрямо не отходил от нее. И хотя он так и не уговорил ее еще раз пройтись с ним в танце, это препятствовало ей принять приглашения других кавалеров. Тщетно она уговаривала его ангажировать какую-нибудь другую даму и обещала представить его любой девице в зале. Он заверил ее, что совершенно равнодушен к танцам и своей главной целью ставит учтивыми знаками внимания заслужить ее расположение, а посему он намерен оставаться с ней до конца вечера. Возразить против этого было нечего. И хотя бы некоторым избавлением от него она была обязана своей подруге, мисс Лукас, которая часто подходила к ним и по доброте сердечной поддерживала беседу с мистером Коллинзом.

Но Элизабет была хотя бы избавлена от оскорбительного внимания мистера Дарси. Он нередко стоял в одиночестве неподалеку от нее, но не подходил ближе, чтобы начать разговор. Она решила, что причиной этому, возможно, послужили ее упоминания мистера Уикхема, и радовалась про себя.

Беннеты и их кузен отбыли последними. Благодаря уловке миссис Беннет им пришлось дожидаться кареты еще четверть часа после отъезда остальных гостей, и у них было достаточно времени убедиться, как не терпится кое-кому из обитателей Недерфилда поскорее распрощаться с ними. Миссис Хэрст и ее сестра почти не открывали рта, если не считать жалоб на то, как они устали; и, видимо, не могли дождаться, когда наконец останутся дома одни. Они отражали каждую попытку миссис Беннет

завязать разговор, отчего всеми овладела томительная скука, которую ничуть не развеивали длинные речи мистера Коллинза, заверявшего мистера Бингли и его сестер в чрезвычайной изысканности их бала, а также в радушии и учтивости, какими они окружали своих гостей. Дарси не проронил ни слова. Мистер Беннет наслаждался происходящим вокруг и хранил такое же молчание. Мистер Бингли с Джейн стояли чуть в стороне и разговаривали только друг с другом. Элизабет безмолвием не уступала миссис Хэрст с мисс Бингли; и даже Лидия настолько утомилась, что лишь изредка восклицала: «Господи, ну и устала же я!» и судорожно зевала.

Когда наконец все они встали, чтобы попрощаться, миссис Беннет с самой любезной настойчивостью изъявила надежду вскоре увидеть своего гостеприимного хозяина и его сестриц в Лонгборне и, обращаясь главным образом к мистеру Бингли, вновь и вновь заверяла его, какое счастье он им доставит, без церемоний откушав с ними их семейный обед, когда пожелает. Бингли был сама благодарность и охотно обещал сделать им визит сразу же, как возвратится из Лондона, куда должен утром уехать на короткое время.

Миссис Беннет была вполне довольна и покинула дом в счастливейшем убеждении, что после трех-четырех месяцев, потребных для составления необходимых документов, обзаведения новыми экипажами и шитья свадебных нарядов, она, несомненно, увидит свою дочь хозяйкой Недерфилда. С равной уверенностью она думала и о браке второй своей дочери с мистером Коллинзом, хотя и не с равным удовлетворением. Элизабет была наименее любимой из ее дочерей, и хотя жених и хансфордский приход были достаточно хороши для нее, тягаться с мистером Бингли и Недерфилдом они никак не могли.

Глава 19

Следующий день открылся в Лонгборне новой сценой. Мистер Коллинз сделал предложение руки и сердца по всем правилам. Положив не тратить времени попусту, так как в следующую субботу ему предстояло вернуться к своим обязанностям, и будучи свободен от робости, которая могла бы удручить его даже в эти минуты, он приступил к исполнению своего намерения весьма педантично, соблюдая все церемонии, какие считал приличествующими случаю. Вскоре после завтрака, найдя Элизабет в обществе ее матери и одной из младших сестер, он обратился к миссис Беннет со следующими словами:

– Могу ли я, сударыня, уповать на ваше заступничество перед вашей прелестной дочерью Элизабет, испрашивая честь побеседовать с ней наедине нынче утром?

Элизабет даже не успела залиться румянцем от неожиданности, как миссис Беннет уже ответила:

– Ах! Да, разумеется. Я уверена, Лиззи будет счастлива... Уверена, у нее не может быть возражений. Идем, Китти, ты мне нужна наверху.

И, собрав рукоделие, она торопливо направилась к двери, но тут Элизабет воскликнула:

– Маменька, не уходите, умоляю вас! Я прошу мистера Коллинза извинить меня. Он не может сказать мне ничего такого, чего не могут услышать другие. И я ухожу.

– Нет-нет! Какой вздор, Лиззи! Я желаю, чтобы ты осталась здесь.

А когда Элизабет с расстроенным и раздосадованным видом собралась ускользнуть, она добавила:

– Я требую, чтобы ты осталась и выслушала мистера Коллинза.

Такому приказу Элизабет не воспротивилась; к тому же она тотчас сообразила, что самым разумным будет покончить с этим как можно скорее и спокойнее. Она вновь села и наклонилась над шитьем, чтобы скрыть обуревавшие ее чувства – и удрученность, и желание рассмеяться. Миссис Беннет удалилась с Китти, и едва дверь за ними закрылась, как мистер Коллинз начал:

– Поверьте мне, дражайшая мисс Элизабет, что ваша стыдливость не только не умаляет ваших совершенств, но, напротив, добавляет к ним. В моих глазах вы были бы не столь очаровательны без этой малой толики застенчивости, но позвольте заверить вас, что я заручился для этого

объяснения дозволением вашей досточтимой матушки. Полагаю, для вас не тайна моя цель, как бы ваша природная деликатность ни вынуждала вас принимать вид неведения. Мои знаки внимания были слишком очевидными и не могли остаться незамеченными. Едва переступив порог этого дома, я почти тотчас узрел в вас спутницу моей будущей жизни. Но прежде чем я дам волю моим чувствам касательно сего предмета, быть может, мне следует изложить причины, побуждающие меня к браку, и, сверх того, объяснить, почему я отправился в Хартфордшир, дабы выбрать себе жену, ибо было именно так.

Представив себе, как мистер Коллинз со всей своей напыщенной важностью дает волю чувствам, Элизабет еле сдержала смех и не успела воспользоваться короткой паузой, которую он сделал, чтобы попытаться прервать его. А он продолжал:

– Причины, побуждающие меня к браку, таковы: во-первых, я считаю, что долг каждого священнослужителя, располагающего достаточными средствами (как я сам), подавать своим прихожанам пример образцового супружества; во-вторых, я убежден, что брак будет весьма способствовать моему счастью, и в-третьих, хотя, быть может, мне следовало бы упомянуть об этом ранее, таковы совет и пожелание высокороднейшей дамы, кою я имею честь называть своей покровительницей. Дважды она снисходила высказать мне (и без просьбы с моей стороны!) свое мнение об этом предмете; и не далее, как в субботний вечер, накануне моего отбытия из Хансфорда – в перерыве между карточными партиями, пока миссис Дженкинсон подставляла скамеечку под ножки мисс де Бэр, – она изволила сказать: «Мистер Коллинз, вы должны жениться. Священник вроде вас должен жениться. Сделайте правильный выбор, остановите его на благовоспитанной девице ради меня, а также ради вас самих. Пусть она будет деятельной, домовитой, не белоручкой, умеющей и при малом доходе сводить концы с концами. Таков мой совет. Найдите такую жену, да поскорее; привезите ее в Хансфорд, и я буду навещать ее». Дозвольте, прелестная кузина, мне, кстати, заметить, что среди благ, которые мне дано предложить, снисходительность и доброту леди Кэтрин де Бэр я отнюдь не числю среди наименьших. Я не могу, как вы сами убедитесь, воздать должное ее манерам, они выше всех похвал. Ваш ум и живость, полагаю, снищут ее одобрение, особенно умеряемые безмолвием и почтением, какие не может не внушить ее знатность. Таковы причины, склоняющие меня к браку. Теперь остается только объяснить, почему мои взоры обратились на Лонгборн, а не на ближайшее мое соседство, где, позвольте вас уверить, есть немало достойнейших девиц. Но дело в том, что мне предстоит

унаследовать это имение после кончины вашего досточтимого батюшки (каковой, однако, может прожить еще немало лет), и посему я почел долгом избрать жену из его дочерей, дабы они понесли елико возможно меньшие утраты, когда их постигнет сие несчастье, хоть, как я уже сказал, оно может не случиться еще долгие годы. Таково было мое побуждение, прелестная кузина, и льщу себя мыслью, оно не уронит меня в вашем уважении. А теперь мне остается лишь заверить вас в самых пылких выражениях в силе моей склонности к вам. К приданому я равнодушен и ничего подобного от вашего батюшки не потребую, ибо вполне понимаю, что такое требование неисполнимо. А также, что одна тысяча фунтов в четырехпроцентных бумагах, коея достанется вам после кончины вашей матушки, это все, чего вы можете ожидать в будущем. Посему на этот предмет я наброшу покров молчания, и вы можете быть уверены, что с моих уст, когда нас соединят узы брака, по этому поводу не сорвется ни единого упрека.

Необходимо было перебить его, и немедленно!

– Вы слишком торопитесь, сударь! – вскричала Элизабет. – Вы забываете, что я еще не дала вам ответа. Так разрешите, я сделаю это не откладывая. Примите мою благодарность за комплимент, которым вы меня удостоили. Я высоко ценю честь вашего предложения, но принять его не могу.

– Мне не надобно объяснять, – ответил мистер Коллинз, величественно подняв руку, – что у юных барышень принято отвергать первое признание того, кому они втайне намерены ответить согласием, и что отказ иногда повторяют дважды или трижды. Посему я отнюдь не обескуражен тем, что сейчас услышал от вас, и уповаю повести вас к алтарю через самый малый срок.

– Право, сударь! – воскликнула Элизабет. – После моего ответа ваше упование можно счесть совсем непонятым. И заверяю вас, я не принадлежу к тем девицам (если такие девицы на свете есть), которые столь дерзко не опасаются лишиться своего счастья, полагаясь, что им сделают предложение во второй раз. Мой отказ совершенно серьезен. Вы не можете сделать меня счастливой, и я убеждена, что из всех женщин на свете я наименее подхожу для того, чтобы сделать счастливым вас. И я убеждена, что ваша покровительница, леди Кэтрин, познакомившись со мной, сочтет меня во всех отношениях неподходящей для положения жены священника.

– Если бы знать наверное, что леди Кэтрин составит такое мнение... – с глубочайшей серьезностью провозгласил мистер Коллинз, – но не могу вообразить, что ее милость взглянет на вас с неодобрением. И можете быть

уверены, когда я буду иметь честь увидаться с ней, то с самой высокой похвалой отзовусь о вашей скромности и прочих украшающих вас качествах.

– Право же, мистер Коллинз, у вас не будет надобности хвалить меня. Вы должны позволить мне судить самой и оказать мне любезность, поверив моим словам. Я желаю вам всяческого счастья и богатства и, отказывая вам в своей руке, делаю все, что в моей власти, чтобы не помешать вам обрести то и другое. Сделав мне предложение, вы исполнили деликатный долг, который возложили на себя касательно моей семьи, и, когда настанет срок, можете вступить во владение лонгборнским имением без малейших угрызений совести. Таким образом, это дело можно считать окончательно решенным.

При этих словах она встала и вышла бы из комнаты, если бы мистер Коллинз не обратился к ней со следующей речью:

– Когда в следующий раз я буду иметь честь поговорить с вами на эту тему, то буду уповать на более благоприятный ответ, чем услышанный от вас сейчас. Хотя я отнюдь не виню вас в жестокости, ибо знаю, что у прекрасного пола есть давний обычай отказывать искателю вашей руки при первом его признании, и, пожалуй, все сказанное вами настолько поощряет меня в моем намерении, насколько это совместимо с тонкой деликатностью женского характера.

– Право же, мистер Коллинз! – вскричала Элизабет с некоторой горячностью. – Вы приводите меня в полное недоумение. Если все, что я вам уже сказала, кажется вам поощрением, я просто не знаю, как выразить свой отказ, чтобы вы в нем не усомнились.

– Разрешите мне, дражайшая кузина, льстить себе мыслью, что ваш отказ от моего предложения – всего лишь слова и ничего более. Причины, почему я в этом убежден, таковы: мне кажется, что моя рука не недостойна того, чтобы вы ее приняли, и что блага, которые я могу предоставить в ваше распоряжение, весьма и весьма желательны. Мое положение, мои отношения с семейством де Бэр и мое родство с вашим собственным – все это громко говорит в мою пользу; а к тому же вам следует подумать и о том, что вопреки вашей чрезвычайной привлекательности вы отнюдь не можете быть уверены, что вам когда-либо еще будет сделано предложение вступить в брак. Ваше приданое, увы, столь ничтожно, что, по всей вероятности, это обстоятельство перевесит чары вашей красоты и похвальные качества вашего характера. А посему я должен сделать вывод, что вы несерьезны в своем отказе. И приписываю его вашему желанию воспламенить мою любовь ожиданием, как в обычае у светских девиц.

– Да поверьте же, сударь, что мне чужда светскость, которая подразумевает намерение помучить достойного человека. Я предпочла бы, чтобы мне сделали комплимент, поверив в мою искренность. Вновь и вновь благодарю вас за честь, которую вы мне оказали своим предложением, но принять его я не могу. Все мои чувства противятся этому. Как мне выразиться еще яснее? Прошу, не считайте меня светской девицей, желающей подвергнуть вас мучениям, но просто девушкой, говорящей правду из самой глубины своего сердца.

– Вы несравненно очаровательны во всем! – вскричал он с неуклюжей галантностью. – И я убежден, мое предложение, поддержанное властью обоих ваших достопочтеннейших родителей, вне всяких сомнений, будет принято.

На такое упорствование в упрямом самообмане у Элизабет ответа не нашлось, и она тотчас молча ушла, решив, что если он и впредь пожелает видеть в ее отказах лестные поощрения, воззвать к своему отцу, чье «нет» будет произнесено тоном, не оставляющим места для иных толкований, и чье поведение никак не может быть принято за жеманство и кокетство светской девицы.

Глава 20

Мистер Коллинз недолго пребывал в безмолвном размышлении о своей победительной любви. Миссис Беннет, задержавшаяся в передней в ожидании конца этой важной беседы, едва увидев, что Элизабет открыла дверь и быстрой походкой направилась к лестнице, поспешила войти в малую столовую и поздравить себя и его в теплейших выражениях со счастливой надеждой на их более тесное родство в самом ближайшем будущем. Мистер Коллинз принимал и приносил эти поздравления с равным удовольствием, а затем приступил к рассказу об их объяснении, результатами которого, как мнилось ему, он имел все причины быть вполне довольным, ибо его кузина, отвечая ему отказом за отказом, разумеется, лишь подчинялась застенчивой стыдливости и тонкой деликатности своей натуры.

Однако миссис Беннет его рассказ заставил растеряться. Она бы и рада была столь же твердо уверовать, будто ее дочь, отвечая ему отказом, хотела лишь поощрить его. Но усомнилась, о чем, не удержавшись, сказала ему.

– Но не сомневайтесь, мистер Коллинз, – добавила она, – Лиззи образумится. Я сейчас же с ней поговорю. Она упрямая глупая девочка и не понимает, что для нее лучше. Но я открою ей глаза!

– Прошу прощения, что перебиваю вас, сударыня! – воскликнул мистер Коллинз. – Но если она и вправду упряма и глупа, то не знаю, насколько подходит она в жены человеку моего положения, который, натурально, ожидает обрести в браке счастье. И посему, если она станет и далее отвергать мое предложение, то не лучше ли будет ее не принуждать, ибо с такими недостатками характера она не сможет сделать меня счастливым.

– Сударь, вы меня не поняли, – с тревогой возразила миссис Беннет. – Лиззи упряма только в таких вот делах. А во всем остальном покладистее ее не сыскать. Я сейчас же иду к мистеру Беннету, и, уж конечно, скоро мы ее образумим.

Не дав ему времени ответить, она немедленно поспешила к мужу в библиотеку и уже с порога заговорила:

– Ах, мистер Беннет, вам нельзя терять ни минуты! Такой пассаж! Идите же заставьте Лиззи выйти за мистера Коллинза, а то она клянется, что не пойдет за него, и если вы не поторопитесь, он передумает и откажется от нее.

Когда она вошла, мистер Беннет поднял глаза от книги и устремил на ее лицо взгляд, исполненный спокойного равнодушия, который ни на йоту не изменился.

— Я не имел счастья понять вас, — сказал он, когда она умолкла. — О чем вы говорите?

— О мистере Коллинзе и Лиззи. Лиззи говорит, что не пойдет за мистера Коллинза, и все тут, а мистер Коллинз, того и гляди, скажет, что он не женится на Лиззи.

— И что же могу сделать я? Положение выглядит безнадежным.

— Поговорите с Лиззи. Скажите ей, что требуете, чтобы она пошла за него.

— Прикажете ее позвать, и я сообщу ей мое мнение.

Миссис Беннет позвонила, и мисс Элизабет позвали в библиотеку.

— Подойди, дитя! — воскликнул ее отец, когда она вошла. — Я послал за тобой по весьма важному делу. Как я понял, мистер Коллинз сделал тебе предложение вступить с ним в брак. Это верно?

Элизабет ответила утвердительно.

— Очень хорошо. И ты ответила ему отказом?

— Да, папенька.

— Очень хорошо. Итак, вопрос вот в чем. Твоя мать настаивает, чтобы ты дала согласие. Не так ли, миссис Беннет?

— Да, или я больше не пущу ее себе на глаза!

— Тебе, Элизабет, предстоит тяжкий выбор. С этого мига ты можешь потерять кого-то из своих родителей. Твоя мать не пустит тебя себе на глаза, если ты не выйдешь за мистера Коллинза, а я не пущу тебя себе на глаза, если ты за него выйдешь.

Элизабет не могла не улыбнуться подобному завершению подобного начала, но миссис Беннет, убедившая себя, что ее супруг хочет того же, что и она, была чрезвычайно разочарована.

— Да что вы такое говорите, мистер Беннет? Вы обещали мне, что настаите, чтобы она вышла за него.

— Душа моя, — ответил супруг, — я хочу попросить вас о двух небольших одолжениях. Во-первых, чтобы вы предоставили мне свободно распоряжаться моим мнением об этом предмете, а во-вторых — моей комнатой. Я был бы рад остаться в библиотеке один елико возможно скорее.

Однако и разочаровавшись в муже, миссис Беннет не сдалась. Она опять и опять начинала убеждать Элизабет, поочередно улещивая и угрожая. И попыталась заручиться поддержкой Джейн, но та со всей

возможной кротостью отказалась вмешиваться. А Элизабет иногда очень серьезно, а иногда с шутливостью отражала все материнские атаки. И хотя ее манера менялась, решение оставалось твердым.

Мистер Коллинз меж тем размышлял в одиночестве над происшедшим. Он был слишком высокого мнения о себе, чтобы постичь, по какой причине кузина могла ему отказать. Его гордость была ранена, но иных страданий он не испытывал. Его чувство к ней было лишь плодом воображения, а мысль о том, что, возможно, она заслуживает упреков своей маменьки, мешала ему ощутить хоть малейшее сожаление.

И в разгар этого смятения пришла Шарлотта Лукас, чтобы провести у них день. В передней ее встретила Лидия, которая кинулась к ней, восклицая полупшепотом:

– Я так рада, что ты пришла! У нас так весело! Как ты думаешь, что случилось утром? Мистер Коллинз сделал предложение Лиззи, а она ему отказала наотрез.

Шарлотта еще не успела ответить, как к ним присоединилась Китти с той же новостью. А едва они вошли в малую столовую, где миссис Беннет пребывала в одиночестве, она заговорила все о том же, взывая к сочувствию мисс Лукас и умоляя ее убедить свою подругу Лиззи уступить желанию всей ее семьи.

– Прошу вас, милая мисс Лукас, – добавила она печально, – на моей стороне нет никого! Никто за меня не вступился. Со мной обходятся жестоко, никто не думает о моих бедных нервах.

От ответа Шарлотту спасло появление Джейн и Элизабет.

– Вот, вот она! – продолжала мисс Беннет. – И выглядит как ни в чем не бывало, а о нас думает не больше, чем если бы мы были в Йорке, ей лишь бы настоять на своем. Но вот что я вам скажу, мисс Лиззи. Если вы заберете себе в голову отказывать всем женихам, так останетесь без мужа, и не знаю, кто будет вас содержать, когда ваш папенька скончается. Я-то не смогу вас кормить, так и запомните. С этого дня я вас знать не знаю. Я вас еще в библиотеке предупредила, сами знаете, что больше с вами слова не скажу. Так оно и будет, вот увидите. Что мне за радость разговаривать с непочтительными детьми. Не то чтобы мне хоть с кем-нибудь разговаривать было радостью. Те, кто, как я, страдают нервическими недугами, не склонны разговаривать. Никому не понять, как я страдаю! Но так уж заведено! Кто не жалуется, того не жалеют.

Дочери слушали эти излияния молча, зная, что всякая попытка урезонить или успокоить ее вызовет лишь пущее раздражение. И потому она продолжала говорить не умолкая, пока к ним не присоединился мистер

Коллинз, который вошел с более величавым видом, чем обычно. Увидев его, миссис Беннет сказала дочерям:

– А теперь я требую, чтобы вы, все вы, придержали языки и дали нам с мистером Коллинзом потолковать между собой.

Элизабет тихо вышла из комнаты, Джейн и Китти последовали за ней, но Лидия уперлась, намереваясь услышать все, что сумеет, а Шарлотта, сначала задержанная мистером Коллинзом, чьи учтивые вопросы о ее здравии и здравии всей ее семьи были очень подробными, затем уступила легкому любопытству, отошла к окну и сделала вид, будто ничего не слышит. Скорбным голосом миссис Беннет начала разговор

– Ах, мистер Коллинз!

– Сударыня, – ответил он, – будем вовеки хранить об этом молчание. Не в моих намерениях, – сразу же продолжал он голосом, выразившим всю глубину его обиды, – сколько-нибудь досадовать на поведение вашей дочери. Смирение перед неизбежными бедами – долг всех нас; особенно это долг молодого человека, столь взысканного судьбой, как был я, столь рано получив приход, и, уповаю, я смирился. Быть может, еще и из-за сомнений, насколько бы я был счастлив, удостоен меня моя прекрасная кухня своей руки. Ибо я часто замечал, что смирение перед судьбой никогда не бывает столь совершенным, как в тех случаях, когда блага, которых мы лишились, начинают несколько утрачивать в наших глазах свою привлекательность. Уповаю, сударыня, вы не сочтете, будто я высказываю неуважение к вашему семейству, отказавшись от попыток снискать расположение вашей дочери, не обратившись прежде к вам и мистеру Беннету с просьбой употребить вашу родительскую власть. Боюсь, мое поведение заслуживает порицания в том, что я принял отказ из уст вашей дочери, а не из ваших, но кто из нас свободен от ошибок! Мои намерения, бесспорно, все время были самыми лучшими. Моей целью было найти себе достойную спутницу жизни с надлежащей выгодой для всего вашего семейства, и если в манере моего поведения что-либо заслуживает упрека, то я явился сюда, чтобы принести свои извинения.

Глава 21

Разговоры о предложении мистера Коллинза теперь почти завершились, и Элизабет приходилось страдать только от неприятных чувств, оставленных случившимся, и, порой, от колких намеков маменьки. Что до самого джентльмена, его чувства находили выражение не в смущении, унынии или попытках избегать ее, но в сухости манер и оскорбленном молчании. Он почти не говорил с ней, а учтивые знаки внимания, столь им в себе ценимые, до конца дня оказывались теперь на мисс Лукас. Участливость, с которой она его слушала, была большим облегчением для них всех и особенно для ее подруги.

Следующий день не умалил ни дурного настроения миссис Беннет, ни ее недомогания. Мистер Коллинз тоже лелеял свою уязвленную гордость. Элизабет надеялась, что досада заставит его сократить свой визит, но, казалось, его планы ничуть не изменились. Он с самого начала обещал погостить у них до субботы и все так же намеревался остаться до субботы.

После завтрака барышни отправились в Меритон узнать, не вернулся ли мистер Уикхем, и посетовать, что он не смог быть на балу в Недерфилде.

Он повстречался им на окраине городка и проводил к тетушке, где его сожаления, а также досада и огорчение всех остальных дали пищу для общего оживленного разговора. Однако Элизабет он признался, что присутствовать на балу не пожелал сам.

– С приближением этого дня, – сказал он, – я убедился, что мне лучше не встречаться с мистером Дарси. Находиться много часов подряд в одной зале с ним, среди одного общества, – нет, я бы не стерпел этого, и могли бы воспоследовать сцены, неприятные не только для меня.

Элизабет от души одобрила его благородное решение. И у них оказалось достаточно времени и для того, чтобы подробно все это обсудить, и для взаимных комплиментов, так как Уикхем с еще одним офицером отправился проводить их до Лонгборна и всю дорогу почти не отходил от нее. То, что он провожал их, вдвойне ее обрадовало: она чувствовала, что его любезность предназначена ей, и это был превосходный случай представить его мистеру и миссис Беннет.

Вскоре после их возвращения мисс Беннет принесли письмо. Оно было из Недерфилда. Его незамедлительно вскрыли. В конверте оказался изящный листок атласной бумаги, исписанный кудрявым женским

почерком, и Элизабет заметила, как переменилась в лице ее сестра, пока пробежала его глазами, а затем внимательно перечитала некоторые места. Джейн вскоре оправилась, спрятала письмо и попыталась с обычной своей веселостью присоединиться к их разговору. Но Элизабет настолько встревожилась, что даже Уикхем не смог ее развлечь, а едва он и его товарищ откланялись, как Джейн взглядом попросила ее подняться наверх. Едва они сели у себя в комнате, Джейн достала письмо и сказала:

– Оно от Каролины Бингли, и его содержание меня очень удивило. К этому часу они уже все покинули Недерфилд и находятся на пути в Лондон без намерения вернуться. Вот послушай сама.

Она прочла вслух первую фразу, из которой следовало, что они сию минуту решили немедленно последовать за своим братцем в Лондон и намерены пообедать в доме мистера Хэрста на Гросвенор-стрит. Затем следовало: «Не стану притворяться, будто мне жаль расстаться с Недерфилдом, если не считать вашего общества, милый бесценный друг; но мы уповаем, что когда-нибудь у нас будет еще много повторений наших приятных бесед, а пока боль разлуки ведь можно смягчить, изливая мысли и чувства в частых подробных письмах. Надеюсь, вы не обманете моего ожидания».

Элизабет выслушала эти высокопарные заверения с равнодушием полного к ним недоверия. Хотя внезапность их отъезда ее удивила, ничего вызывающего сожаления она в нем не нашла. Оснований полагать, что их отсутствие в Недерфилде помешает мистеру Бингли жить там, не было никаких. А что до их общества, она не сомневалась, что Джейн скоро перестанет думать о них, наслаждаясь обществом их брата.

– Жаль, – сказала Элизабет после краткой паузы, – что ты не могла повидать своих друзей до их отъезда, но ведь мы можем надеяться, что счастливые повторения приобретут еще большую дружественность, когда вы станете сестрами. Мистера Бингли они в Лондоне не удержат.

– Каролина твердо убеждена, что никто из них зимой в Хартфордшир не приедет. Вот послушай: «Покидая нас вчера, братец полагал, что дело, которое призвало его в Лондон, можно будет завершить в два-три дня, но, по нашему мнению, оно потребует гораздо больше времени, да к тому же мы не сомневаемся, что, оказавшись в столице, Чарльз не захочет скоро ее покинуть; поэтому мы решили отправиться вслед за ним туда, чтобы он не был вынужден проводить часы досуга в гостинице, где некому будет позаботиться о его удобствах. Многие мои знакомые уже приехали в столицу на зиму; с какой радостью, милый друг, я узнала бы, что и вы оказались в их числе, но, боюсь, на это нет надежды. Искренне уповаю, что

Рождество в Хартфордшире окажется полно развлечений, обычных для этого праздника, и что у вас не будет отбоя от кавалеров, и вы не заметите отсутствия тех трех, которых мы вас лишили». Очевидно, – добавила Джейн, – что зимой он сюда не вернется.

– Очевидно лишь то, что мисс Бингли против его возвращения.

– Почему ты так думаешь? Нет, это может быть лишь его собственное решение. Ведь он в них совершенно свободен. Впрочем, ты же еще не знаешь всего. Я прочту тебе место, которое меня особенно ранило. От тебя я не хочу ничего скрывать. «Мистер Дарси в нетерпении увидеть свою сестрицу, и, признаюсь, мы почти не уступаем ему в желании вновь насладиться ее обществом. Право, не думаю, что хоть кто-нибудь может сравниться с Джорджианой Дарси красотой, изысканностью манер и совершенством талантов; дружба же, которую мы с Луизой питаем к ней, растет еще и благодаря надежде, которую мы смеем питать, что со временем она станет нашей сестрой. Не помню, говорила ли я вам когда-нибудь об этих моих упованиях, но не хочу уехать, не разделив их с вами, и надеюсь, что вы не сочтете их слишком неразумными. Братец уже весьма ею восхищается, а теперь у него часто будет случай встречаться с ней в тесном дружеском кругу. Ее родственники желают этого союза не менее, чем наши; и полагаю, пристрастие сестры не вводит меня в заблуждение, если я скажу, что Чарльз может пробудить нежность в сердце любой женщины. Когда все обстоятельства благоприятствуют рождению нежного чувства и ничто ему не препятствует, неужели, моя милая Джейн, я слишком поспешна в моих надеждах на событие, которое сделает счастливыми столь многих?»

– Что ты думаешь об этих словах, милая Лиззи? – спросила Джейн, дочитав. – Разве они не ясны? Разве не дают неопровержимо понять, что Каролина и не ждет, и не хочет, чтобы я стала ее сестрой? Что она совершенно убеждена в равнодушии своего брата ко мне? И, если подозревает о моих чувствах к нему, старается (из самых лучших побуждений) предостеречь меня? Неужели тут есть место для двух мнений?

– Бесспорно, есть. И я придерживаюсь совершенно иного. Хочешь его выслушать?

– Очень хочу.

– Вот оно в двух словах. Мисс Бингли видит, что ее брат влюблен в тебя, но хочет, чтобы он женился на мисс Дарси. Она едет за ним в город, надеясь задержать его там, а тебя пытается убедить, будто он к тебе равнодушен.

Джейн покачала головой.

– Право, Джейн, ты должна мне поверить. Всякий, кто видел вас вместе, не усомнится в его чувствах. А уж мисс Бингли тем более. Она ведь далеко не такая простушка. Подметь она на мистере Дарси хоть половину такой любви к себе, то уже заказала бы свадебный наряд. Дело обстоит так: мы для них недостаточно богаты и недостаточно знатны. И сосватать мисс Дарси за своего брата она хочет тем сильнее, что, по ее мнению, один брак между их семьями поспособствует ей в устройстве второго. План не лишен хитроумия и, полагаю, мог бы исполниться, если бы на ее пути не было мисс де Бэр. Однако, милая моя Джейн, ты же не можешь из-за заверений мисс Бингли, будто ее брат восхищается мисс Дарси, серьезно поверить, что его восхищение тобой хоть чуточку угасло после того, как вы попрощались во вторник? Или будто в ее власти убедить его, будто он влюблен вовсе не в тебя, а в мисс Дарси?

– Будь мы с тобой одного мнения о Каролине Бингли, – ответила Джейн, – твои рассуждения меня успокоили бы. Но я знаю, что они строятся на неверной основе. Каролина не способна обманывать нарочно. И мне остается надеяться лишь на то, что она сама находится в заблуждении.

– Очень хорошо. Раз уж ты не хочешь найти утешение в моем объяснении, то придумать лучшего не могла бы. Верь, будто она в заблуждении, сколько тебе ни заблагорассудится. Ты исполнила свой долг по отношению к ней и можешь далее не мучиться.

– Но, милая сестрица, даже если предположить лучшее, как я смогу быть счастливой, дав согласие человеку, чьи сестры и друзья – все желают, чтобы он женился на другой?

– Это решать тебе, – сказала Элизабет. – И если по зрелому размышлению ты убедишься, что, пойдя наперекор его сестрам, причинишь себе страдания, которые превзойдут счастье стать его женой, то от всего сердца советую тебе ему отказать.

– Как ты можешь так говорить? – сказала Джейн со слабой улыбкой. – Ведь ты знаешь, что я не поколебалась бы и минуты, пусть их неодобрение и будет мне очень тяжело.

– Я так и полагала. А поэтому не могу считать твое положение столь уж горестным.

– Однако, если он не приедет сюда зимой, мне вряд ли придется делать такой выбор. За шесть месяцев может произойти очень многое.

К предположению, что мистер Бингли больше не вернется в Недерфилд, Элизабет отнеслась с полным пренебрежением. Она сочла его

лишь указанием на тайные желания Каролины и не могла вообразить, чтобы желания эти, высказанные вслух открыто или тайными намеками, могли бы оказать влияние на молодого человека, совершенно ни от кого не зависящего.

Она как могла убедительнее изложила сестре все эти доводы и вскоре с радостью заметила, что они оказали желанное действие. Уныние было чуждо натуре Джейн, и мало-помалу она поверила – хотя порой скромность брала верх над надеждой, – что Бингли скоро вернется в Недерфилд и все мечты ее сердца сбудутся.

Они согласились, что миссис Беннет следует сообщить лишь об отъезде сестер мистера Бингли, не заронив в нее сомнений относительно самого этого джентльмена. Однако и этого оказалось достаточно, чтобы ввергнуть ее в тревогу. Она громко сетовала на такое злосчастье: и надо же было, чтобы сестры мистера Бингли уехали как раз тогда, когда они все так сблизились. Впрочем, дав волю жалобам на судьбу, она затем утешилась мыслью, что мистер Бингли скоро вернется и не замедлит отобедать в Лонгборне. В заключение она безмятежно объявила, что, разумеется, он был приглашен разделить без церемоний семейную трапезу, но уж она позаботится о двух переменах блюд.

Глава 22

Беннеты были приглашены на обед к Лукасам, и вновь мисс Лукас была так добра, что почти весь день любезно занимала мистера Коллинза, слушая его разглагольствования. Элизабет воспользовалась первым удобным случаем, чтобы поблагодарить подругу.

– Он пребывает в превосходном расположении духа, – сказала она, – и не могу выразить, как ты меня одолжила.

Шарлотта заверила ее, что рада быть полезной и это вполне вознаграждает ее за такую маленькую жертву, как ее время.

Какое доказательство дружбы! Однако доброта Шарлотты простиралась куда дальше, чем могла вообразить Элизабет, и должна была не более и не менее как навсегда оградить ее от дальнейших ухаживаний мистера Коллинза, сделав их предметом самое Шарлотту! Таков был план мисс Лукас, и все, казалось, столь ему благоприятствовало, что после их прощания в этот вечер она долее не сомневалась бы в успехе, если бы только мистеру Коллинзу не предстояло так скоро покинуть Хартфордшир. Однако она оказалась несправедлива к пылкости и независимости его нрава. Эти качества помогли ему незаметно покинуть Лонгборн-Хаус рано поутру и поспешить в Лукас-Лодж, дабы броситься к ее ногам. Он постарался не попасть на глаза своим кузинам в убеждении, что барышни не замедлят разгадать его замысел, а он желал, чтобы замысел этот стал известен только вместе с успехом, который его увенчает. Хотя в этом успехе мистер Коллинз почти не сомневался – и с полным на то основанием, настолько Шарлотта поощряла его любезности, – все же после конфуза в среду его не оставляла некоторая робость. Однако прием его ждал самый лестный. Мисс Лукас, увидев его из окна, когда он приблизился к воротам, немедленно поторопилась случайно встретиться с ним в аллее. Однако и в самых смелых своих мечтах она не предугадала, какие любовь и красноречие ожидали ее там.

В наиболее краткий срок, какой допускали длинные речи мистера Коллинза, между ними все было уговорено ко взаимному удовольствию. И когда они входили в дом, он уже умолял ее назначить день, который сделает его счастливейшим из смертных. И хотя мольбе этой пока пришлось остаться без ответа, избранница его сердца ничуть не хотела играть его счастьем. Глупость, которой природа одарила мистера Коллинза, лишала его ухаживания того очарования, которое могло бы пробудить желание

продлить их; и мисс Лукас, готовая отдать ему свою руку только из чистого и бескорыстного стремления обзавестись собственным домом, полагала, что чем скорее это совершится, тем лучше.

Сэра Уильяма и леди Лукас незамедлительно попросили об их согласии, и оно было дано с самой радостной поспешностью. Нынешнее положение мистера Коллинза уже делало его весьма подходящей партией для их дочери, почти бесприданницы, не говоря о почти верных надеждах получить в будущем весьма приличное состояние. Леди Лукас с интересом, которого прежде этот вопрос совсем не вызывал, тут же начала подсчитывать, сколько еще лет может прожить мистер Беннет; а сэр Уильям высказал твердое мнение, что, когда бы мистер Коллинз ни вступил во владение лонгборнским имением, ему и его супруге надлежит появиться при дворе. Короче говоря, вся семья была в восторге. Младшие сестры вознадеялись, что начнут выезжать на год-другой раньше, чем предполагалось прежде, а братья избавились от тревоги, что Шарлотта умрет старой девой. Сама Шарлотта особого волнения не испытывала. Она добилась своего и успела все обдумать и взвесить заранее, придя к вполне удовлетворительному выводу.

Разумеется, мистер Коллинз не был ни умен, ни приятен; его общество утомляло, а любовь к ней могла быть лишь плодом воображения. Но тем не менее ее мужем он станет. Ни мужчины, ни брак никогда не стояли высоко в ее мнении, однако выйти замуж всегда было ее целью. Для благовоспитанных девиц без состояния это был единственный пристойный способ обеспечить свое будущее, и как бы мало счастья ни сулил им брак, он все-таки представлялся наиболее приемлемой защитой от нужды. Эту-то защиту Шарлотта теперь и обрела, и, никогда не отличаясь красотой, она в свои двадцать семь лет в полную меру ценила свою удачу. Неприятным оставалось только удивление Элизабет Беннет, дружбой которой она дорожила, как ничьей другой. Элизабет изумится и, быть может, осудит ее. И такое неодобрение, хотя не изменит ее намерения, больно ранит ее чувства. Поэтому она решила сама сообщить ей о своей помолвке и заручилась обещанием мистера Коллинза хранить молчание, когда он вернется в Лонгборн к обеду, и никому из семьи даже не намекнуть на событие этого утра. Обещание он, разумеется, дал, но хранить тайну оказалось весьма трудно, так как его долгое отсутствие пробудило сильнейшее любопытство, и, когда он вернулся, на него посыпались очень прямые вопросы, так что от него потребовались и немалая находчивость, чтобы уклоняться от ответа, и, кроме того, самопожертвование, ибо он жаждал во всеуслышание объявить об успехе, увенчавшем его любовь.

Так как он намеревался отправиться в Хансфорд спозаранку, когда еще никто не встанет, церемония прощания произошла перед тем, как настало время сна; и миссис Беннет с величайшей любезностью и сердечностью заверила мистера Коллинза, что они будут счастливы вновь принять его в Лонгборне в любое время, когда дела позволят ему посетить их.

– Дражайшая сударыня, – ответил он, – сие приглашение мне особенно приятно, ибо я уповал получить его; и вы можете быть уверены, что я воспользуюсь им елико возможно скорее.

Они все очень удивились, и мистер Беннет, отнюдь не желавший скорого его возвращения, поспешил сказать:

– Но, любезный сэр, не грозит ли это вызвать неодобрение леди Кэтрин? Не лучше ли пренебречь своими родственниками, нежели вызвать неудовольствие вашей покровительницы?

– Сударь, – ответил мистер Коллинз, – я чрезвычайно обязан вам за это дружеское предостережение, и вы можете не сомневаться, что я не предприму столь важного шага без согласия ее милости.

– Тут потребна величайшая осторожность. Пренебрегите чем угодно, лишь бы не навлечь на себя ее неудовольствия. И если вы сочтете, что ваш новый визит к нам чреват такой опасностью, а я считаю это весьма вероятным, лучше не покидайте дома и не сомневайтесь, что мы не усмотрим в этом ничего для нас обидного.

– Поверьте, сударь, такое заботливое внимание пробуждает во мне горячую благодарность; и не сомневайтесь, вы незамедлительно получите от меня письмо с выражением признательности и за это, и за все другие знаки расположения, которые я получал от вас, пока пребывал в Хартфордшире. Что до моих прелестных кузин, то, хотя мое отсутствие, полагаю, будет не столь долгим, чтобы сделать это необходимым, я все же позволю себе пожелать им здоровья и счастья, не исключая и моей кузины Элизабет.

С надлежащими словами прощания и благодарности барышни и маменька удалились, по-прежнему удивляясь его обещанию вновь навестить их в недалеком времени. Миссис Беннет было угодно истолковать это намерением сделать предложение какой-нибудь из ее младших дочерей, и она полагала, что сумеет уговорить Мэри ответить ему согласием. Ведь та усматривала в нем куда больше достоинств, чем остальные сестры, – ее часто поражала весомость его суждений. И хотя он, разумеется, не был равен ей умом, она полагала, что он может стать очень приятным спутником жизни, если ей удастся своим примером подвигнуть его на чтение и пополнение образования. Но на следующее утро все

подобные надежды были разбиты. Вскоре после завтрака пришла мисс Лукас и наедине с Элизабет рассказала ей о том, что произошло накануне.

В последний день Элизабет как-то пришло в голову, что мистер Коллинз, возможно, воображает, будто влюблен в ее подругу, но что Шарлотта будет его поощрять казалось столь же невероятным, как если бы его поощряла она сама. Ее изумление было столь велико, что в первую минуту возобладали над правилами приличия, и она невольно вскричала:

– Помолвлена с мистером Коллинзом! Милая Шарлотта, не может быть!

Невозмутимость, которую мисс Лукас старалась сохранять, ведя свой рассказ, на миг сменилась смущением, когда она услышала столь прямой упрек. Впрочем, она ожидала чего-то подобного и тут же, взяв себя в руки, ответила спокойно:

– Почему ты так удивилась, милая Элиза? Ты полагаешь невозможным, что мистер Коллинз мог завоевать чье-то расположение лишь потому, что не имел счастья заслужить твое?

Однако Элизабет уже опомнилась и, сделав над собой большое усилие, смогла заверить подругу, что их будущее родство весьма ей приятно и что она желает ей всяческого счастья.

– Я понимаю, что ты чувствуешь, – ответила Шарлотта. – Ты должна быть удивлена, очень удивлена, ведь мистер Коллинз так недавно искал твоей руки. Но, когда у тебя будет время подумать, надеюсь, ты не станешь порицать меня за то, что я сделала. Ты ведь знаешь, я не мечтательна. И никогда не была склонна к романтическим фантазиям. Я хочу лишь иметь свой дом, и, памятуя о характере мистера Коллинза, его связях и положении, я убеждена, что у меня не меньше надежд на счастье с ним, чем у большинства вступающих в брак.

Элизабет негромко ответила «несомненно», и после неловкого молчания они вернулись в гостиную. Шарлотта вскоре удалилась, а Элизабет оставалось только раздумывать над тем, что она услышала. Прошло много времени, прежде чем она более или менее примирилась с мыслью о столь неожиданном браке. Странность того, что мистер Коллинз в пределах трех дней дважды предложил руку и сердце двум разным избранницам, была ничто в сравнении с тем, что второе его предложение было принято. Она всегда чувствовала, что взгляды Шарлотты на замужество отличались от ее собственных, но она не полагала возможным, что ее подруга, когда ей придется принять решение, поступит всеми лучшими чувствами ради житейских благ. Шарлотта – супруга мистера Коллинза! Какой удручающей была эта картина! И к грусти, что подруга

унизила себя и пала в ее уважении, добавилась горестная уверенность, что в избранном ею жребии подруга эта не обретет хотя бы подобия счастья.

Глава 23

Элизабет сидела с матерью и сестрами, все еще обдумывая услышанное и не зная, вправе ли она рассказать об этом остальным, когда явился сэр Уильям собственной персоной, посланный дочерью сообщить соседям о ее помолвке. Осыпая их комплиментами и поздравляя себя с будущей родственной связью между их семьями, он изложил цель своего визита слушательницам, которые были не только поражены, но и отказывались поверить своим ушам. Миссис Беннет с упорством в ущерб хорошему тону утверждала, что он, несомненно, впал в заблуждение, а Лидия, всегда несдержанная, а часто и невежливая, громко воскликнула:

– Господи! Сэр Уильям, ну что вы такое говорите? Разве вы не знаете, что мистер Коллинз хочет жениться на Лиззи?

Только галантность придворного могла помочь без гнева снести такое обхождение; однако учтивость мистера Уильяма помогла ему вытерпеть все. И хотя он просил их поверить, что он сказал чистую правду, их невежливость он сносил с самой многотерпеливой любезностью.

Элизабет, чувствуя, что обязана выручить его из столь неприятного положения, вмешалась и подтвердила истину его слов, упомянув, что уже узнала эту новость от самой Шарлотты. А затем, пытаясь положить конец восклицаниям матери и сестер, принесла сэру Уильяму свои искреннейшие поздравления, к которым не замедлила присоединиться и Джейн, а также упомянула о счастье, которое, разумеется, воспоследует из этого брака, о прекрасных качествах мистера Коллинза и о столь удобной близости Хансфорда от Лондона.

Миссис Беннет, сказать правду, была слишком ошеломлена и до ухода сэра Уильяма почти не открывала рта; но едва он откланялся, как ее чувства вырвались наружу. Во-первых, она упорствовала в уверенности, что все это неправда; во-вторых, она не сомневалась, что мистера Коллинза поймали в ловушку; в-третьих, она уповала, что они никогда не будут счастливы вместе, и, в-четвертых, утверждала, что еще не известно, дойдет ли дело до свадьбы. Однако из всего этого ясно вытекали два вывода: во-первых, во всем виновата Элизабет, а во-вторых, все они обошлись с ней чудовищно, и до конца дня говорила она главным образом на эти две темы. Ничто не могло ни утешить ее, ни умиротворить. И ее досада не угасла вместе со светом дня. Прошла неделя, прежде чем она перестала бранить Элизабет, едва ее увидев; миновал месяц, прежде чем она перестала говорить

колкости сэру Уильяму и леди Лукас; и пронеслось много месяцев, прежде чем она смогла простить их дочь.

Мистер Беннет не испытывал столь бурных чувств, а те, которые он испытывал, были, по его словам, чрезвычайно приятными, так как, сказал он, его весьма радует открытие, что Шарлотта Лукас, которую он прежде полагал достаточно разумной, оказалась столь же глупой, как его жена, и глупее его дочери.

Джейн призналась, что несколько удивлена, но говорила не столько о своем удивлении, сколько о счастье, которого им искренне желает. И Элизабет никак не могла убедить ее, что надежды на это весьма мало. Китти и Лидия ничуть не завидовали мисс Лукас – ведь мистер Коллинз был всего-навсего священником, и для них это было лишь свежей новостью, с какой следовало поскорее отправиться в Меритон.

Леди Лукас не могла не торжествовать, получив возможность объяснять миссис Беннет, какое это утешение, когда дочка делает хорошую партию, и зачастила в Лонгборн рассказывать, как она счастлива, хотя кислый вид миссис Беннет и ее язвительные замечания, казалось, должны были бы омрачить это счастье.

Между Элизабет и Шарлоттой появилась сдержанность, заставлявшая их взаимно хранить молчание касательно помолвки, и Элизабет чувствовала, что бывшее доверие и откровенность между ними уже никогда не вернутся. Разочарование в Шарлотте усилило ее нежную привязанность к сестре – она была уверена, что ее мнение о чистоте побуждений Джейн и ее душевной тонкости никогда не изменится. Но с каждым днем ее опасение за счастье сестры росло, так как с тех пор, как уехал Бингли, прошла неделя и не приходило никаких известий о его возвращении.

Джейн незамедлительно ответила на письмо Каролины и считала дни, прикидывая, когда от ее подруги следует ждать второе письмо. Обещанная эпистола с благодарностями от мистера Коллинза прибыла во вторник, адресованная их отцу и заполненная такими изъявлениями признательности, каких можно было бы ожидать от гостя, проведенного под их кровом не меньше года. Успокоив свою совесть в этом отношении, он в самых восторженных выражениях сообщил им о выпавшем на его долю счастье завоевать расположение их прелестной соседки, мисс Лукас, а затем объяснил, что он с такой готовностью согласился исполнить их любезное пожелание вновь увидеть его в Лонгборне лишь ради возможности наслаждаться обществом своей нареченной и надеется прибыть к ним в понедельник через две недели. Ибо леди Кэтрин, добавил он, столь милостиво одобрила его брак, что изъявила желание, чтобы

свадьба состоялась как можно скорее, и он уповает, что для его прелестной Шарлотты это послужит неопровержимым доводом без отлагательств назвать самый ближайший день, когда она сделает его счастливейшим из смертных.

Возвращение мистера Коллинза в Хартфордшир более не радовало миссис Беннет. Напротив, она была склонна ворчать по этому поводу не меньше своего супруга. Странно, что он едет в Лонгборн, а не в Лукас-Лодж. А кроме того, столько неудобств и бесчисленных хлопот! Она не выносит, если у них кто-нибудь гостит, когда она так недомогает! А уж помолвленные вообще самые несносные из гостей. Таков был кроткий ропот миссис Беннет, и лишь еще большее огорчение из-за отсутствия мистера Бингли отвлекало ее.

Тревожило это и Джейн с Элизабет. День проходил за днем, не принося о нем никаких известий, кроме полученных из Меритона сведений, что, по слухам, он зимой в Недерфилд не приедет. Слухи эти весьма раздражили миссис Беннет, и она не упускала случая опровергать их как самую глупую ложь.

Даже Элизабет начинала опасаться – нет, не перемены в чувствах Бингли, но того, что сестрам удастся задержать его в столице. Как ни тяжка была эта мысль, столь губительная для счастья Джейн и подвергающая такому оскорбительному сомнению верность ее возлюбленного, она все чаще приходила ей в голову. Объединенное влияние двух его бессердечных сестер и властного друга вкупе с привлекательностью мисс Дарси и столичными развлечениями могло, боялась она, возобладать над силой его любви.

Тревога Джейн из-за такой неопределенности, разумеется, была мучительнее, но, каковы бы ни были ее чувства, она старалась их скрыть, и поэтому они с Элизабет в своих разговорах никогда этой темы не касались. Но подобная деликатность не сдерживала их маменьку, и редко выпадал час, когда бы она не упоминала Бингли, не сообщала, с каким нетерпением ждет его приезда, или даже не требовала от Джейн признания, что она сочтет себя очень обиженной, если он так и не вернется. Требовалась вся кротость Джейн, чтобы выдержать эти нападки с достаточным спокойствием. Мистер Коллинз с похвальной пунктуальностью прибыл в понедельник две недели спустя, но встретил в Лонгборне не столь радушный прием, как в первый раз. Однако он был так счастлив, что не нуждался в знаках внимания, и, к счастью для всех, необходимость пылких ухаживаний на долгие часы избавляла их от его общества. Большую часть каждого дня он проводил в Лукас-Лодж и нередко в Лонгборн возвращался

как раз вовремя, чтобы успеть извиниться за свое отсутствие прежде, чем все отправлялись спать.

Миссис Беннет была поистине совершенно измучена. Малейшее упоминание об этом браке повергало ее в мучения и самое скверное расположение духа, а кого бы она ни навещала, без упоминаний не обходилось. На мисс Лукас она не могла смотреть без отвращения, видя в ней свою преемницу в доме, где прожила столько лет, и вспылала к ней ревнивой ненавистью. Когда Шарлотта приходила с визитом, миссис Беннет усматривала в этом предвкусение часа, когда та войдет сюда хозяйкой; а если Шарлотта обменивалась с мистером Коллинзом двумя-тремя словами вполголоса, это означало, что они говорят о лонгборнском имении и решают выгнать ее с дочерьми из дома, едва мистер Беннет скончается. И она горько жаловалась мужу на такую несправедливость.

– Право, мистер Беннет, – сказала она, – так тяжело думать, что Шарлотта Лукас когда-нибудь станет хозяйкой этого дома, что мне придется уступить мое место ей, что я доживу до этого!

– Душа моя, к чему такие мрачные мысли? Будем надеяться на лучшее. Почему бы нам не уповать, что я проживу дольше?

Это не слишком утешило миссис Беннет, и потому она продолжала все о том же:

– Мне нестерпимо думать, что они соберут все имение. Если бы не майорат, я бы так из-за этого не мучилась.

– Из-за чего вы не мучились бы?

– Ни из-за чего.

– Ну, так будем благодарны, что вы избавлены от подобной бесчувственности.

– Нет, мистер Беннет, за этот майорат я никогда благодарна не буду. Понять не могу, как у кого-то хватило совести отнять имение у собственных дочерей! И все ради мистера Коллинза, подумать только! Почему оно должно достаться ему, а не кому-нибудь другому?

– Это я предоставляю решить вам самой, – сказал мистер Беннет.

Глава 24

Пришло письмо от мисс Бингли и положило конец сомнениям. Первые же строки заверяли, что все они остаются в Лондоне на зиму; а заключила она их сожалениями своего брата, что у него не было времени засвидетельствовать почтение друзьям в Хартфордшире прежде, чем он оттуда уехал.

Надежда угасла, совсем угасла. А когда у Джейн хватило силы прочесть письмо дальше, она не нашла в нем ничего, что могло бы ее утешить, кроме заверений в нежной к ней привязанности. Почти все оно было занято восхвалениями мисс Дарси. Вновь описывалась ее необыкновенная привлекательность. Каролина радостно похвасталась, что их дружеская близость все возрастает, и позволила себе предсказать исполнение желаний, о которых говорилось в первом письме. С большим удовольствием она также упомянула, что ее брат стал совсем своим в доме мистера Дарси, и с восторгом сообщила о планах последнего по-новому меблировать парадные комнаты.

Элизабет, которой Джейн вскоре пересказала большую часть письма, слушала в безмолвном возмущении. Ее сердце разрывалось между сочувствием к сестре и негодованием против них всех. Утверждению Каролины, будто ее брат отдал сердце мисс Дарси, она не поверила. В том, что он по-прежнему питает к Джейн истинное чувство, она не усомнилась ни на йоту; однако, как ни была она всегда расположена к нему, ей трудно было думать без гнева и даже без презрения о покладистости, о благодушии, которые теперь сделали его рабом своекорыстных друзей и толкнули принести в жертву свое счастье их капризам с тайным намерением. Впрочем, если бы он жертвовал только своим счастьем, то имел бы полное право играть им по своей воле. Но это касалось ее сестры, о чем, как считала Элизабет, ему самому следовало бы подумать. Короче говоря, над этим предметом можно было долго размышлять, но без всякой пользы. Да только ни о чем другом она думать не могла. И все-таки действительно ли чувство Бингли умерло или вмешательство друзей его подавило, догадывался ли он о любви Джейн или она ускользнула от его внимания, как бы там ни было (хотя ее мнение о нем зависело от ответа на эти вопросы), в положении ее сестры ничто не менялось, мир ее души был равно нарушен.

Прошло два дня, прежде чем Джейн собралась с духом, чтобы

заговорить с Элизабет о своих чувствах. Но наконец, когда миссис Беннет оставила их вдвоем после более, чем обычно, длинных поношений Недерфилда и его хозяина, ее старшая дочь не удержалась и сказала:

– Ах, если бы милая маменька была более сдержанной! Она не представляет себе, как меня ранят ее постоянные упреки ему. Но я не стану страдать. Это не может длиться долго. Он будет забыт, и все будет как прежде.

Элизабет посмотрела на сестру с состраданием, отнюдь не убежденная ее словами, но промолчала.

– Ты сомневаешься! – воскликнула Джейн, слегка краснея. – Но, право, у тебя для этого нет причин. Он может остаться в моей памяти как самый располагающий к себе молодой человек из всех мне знакомых, но и только. Мне больше не на что надеяться и нечего опасаться, и мне не в чем его упрекнуть. Слава Богу, от этой боли я избавлена. Еще немного времени... Я постараюсь справиться...

Вскоре более твердым голосом она добавила:

– Меня уже утешает мысль, что это была лишь игра моего воображения и она никому не причинила вреда, кроме меня.

– Милая Джейн, – вскричала Элизабет, – ты слишком добра! Твои кротость и скромность поистине ангельские. Я не знаю, что сказать тебе. Мне кажется, я никогда не воздавала тебе должного, не любила тебя так, как ты того заслуживаешь.

Мисс Беннет быстро возразила, что никак не заслуживает таких похвал, и превознесла любовь сестры к ней.

– Нет, – сказала Элизабет, – это нечестно. Ты хочешь верить, что все на свете достойно уважения, и огорчаешься, если я дурно отзываюсь о ком-то. Я же хочу видеть совершенство лишь в одной тебе, а ты даже слушать об этом не хочешь. Не опасайся, что я позволю себе лишнее и покушусь на твою привилегию доброжелательности ко всем и вся. В этом нет нужды. В мире очень мало людей, кого я люблю по-настоящему, и еще меньше таких, о ком я высококого мнения. Чем больше я знакомлюсь со светом, тем меньше он мне нравится. И каждый день подтверждает мое убеждение в непостоянстве человеческих характеров и в том, как мало можно доверять истинности достоинств и здравомыслия, какими бы убедительными они ни выглядели. Совсем недавно я столкнулась с двумя примерами этого. Про один я умолчу, а второй – это замужество Шарлотты. У него нет оправданий. С какой стороны ни посмотреть, у него нет оправданий.

– Милая Лиззи, не поддавайся таким чувствам. Они помешают тебе быть счастливой. Ты слишком мало принимаешь во внимание различие в

обстоятельствах и характерах. Подумай об основательности мистера Коллинза, о твердом, осмотрительном характере Шарлотты. Вспомни, что она старшая дочь в большой семье. С практической точки зрения это отличная партия; и, пожалуйста, постарайся, ради всех, поверить, что она может питать к нашему кузену симпатию и уважение.

— Ради тебя я постаралась бы поверить во что угодно, но такая вера никому ни малейшей пользы не принесет: ведь убедись я, что Шарлотта питает к нему симпатию, мое мнение об ее уме стало бы хуже моего нынешнего мнения о ее сердце. Милая Джейн, мистер Коллинз самодовольный, напыщенный, глупый человек самых узких взглядов, и ты это знаешь не хуже меня. И ты, как и я, не можешь не чувствовать, что женщине, согласившейся выйти за него, недостает стойкости характера. Ты не должна защищать ее, пусть даже это Шарлотта Лукас. Ты не должна ради нее одной изменять требования нравственных начал и душевного благородства, пытаться убедить себя и меня, будто себялюбие — это осмотрительность, а безрассудство — залог счастья.

— Мне кажется, — сказала Джейн, — ты слишком строго судишь их обоих. И, надеюсь, убедишься в этом, когда увидишь, как они счастливы вместе. Но довольно об этом. Ты намекнула еще на что-то. Ты говорила о двух примерах. Я не могла не понять тебя, но умоляю, милая Лиззи, не огорчай меня, полагая, что он в чем-то виноват, и говоря, что он упал в твоём мнении. Не следует с такой легкостью воображать, будто нам причинили боль нарочно. Нельзя ожидать, чтобы молодой человек с живым нравом всегда был осмотрителен и на страже своих слов и поступков. Нас так часто обманывает тщеславие. Женщины усматривают в лестном внимании гораздо больше, чем оно обозначает на самом деле.

— А мужчины делают для этого все.

— Если намеренно, им нет оправдания. Но я не думаю, что в мире столько коварных расчетов, как воображают некоторые.

— Я вовсе не приписываю хоть что-то в поведении мистера Бингли коварному расчету, — возразила Элизабет. — Однако и без намерения поступить плохо или сделать других несчастными можно совершить ошибку или причинить горе. Для этого вполне достаточно легкомыслия, неумения замечать чувства других и безволия.

— И ты объясняешь случившееся чем-то из перечисленного?

— Да. И первым, и вторым, и третьим. Но если я стану продолжать, то огорчу тебя, сказав, что я думаю об особах, которые тебе дороги. Останови меня, покуда можно.

— Значит, ты продолжаешь настаивать, что на него повлияли его

сестры?

– Да. В союзе с его другом.

– Не могу этому поверить. Зачем бы им понадобилось влиять на него? Они ведь только желают ему счастья, а если он отдал сердце мне, никакая другая женщина не сделает его счастливым.

– Твоя посылка неверна. Они могут желать очень многого, помимо его счастья. Они могут желать, чтобы он приумножил свое богатство и занял более высокое положение в обществе. Они могут желать, чтобы он женился на девушке, обладающей всеми достоинствами, которые зиждутся на деньгах, знатности и гордости.

– Вне всяких сомнений, они хотели бы, чтобы он женился на мисс Дарси, – ответила Джейн, – однако возможно, что их побуждения гораздо лучше, чем ты полагаешь. Они знакомы с ней много дольше, чем со мной, и неудивительно, если любят ее сильнее. Но, каковы бы ни были их желания, весьма маловероятно, что они стали бы противиться желаниям своего брата. Какая сестра сочла бы себя вправе на подобное вмешательство, кроме случаев, когда речь идет о чем-то недопустимом? Если они верят, что он расположен ко мне, то не стали бы нас разлучать; если бы его чувство и правда было бы таким, им этого не удалось бы. Предполагая подобное, ты приписываешь им всем неестественные и дурные поступки и причиняешь мне большие страдания. Не огорчай меня такими мыслями. Мне не стыдно, что я ошибалась... ну, разве самую чуточку, но это пустяк в сравнении с тем, что я буду чувствовать, думая плохо о нем или о его сестрах. Позволь мне смотреть на случившееся в самом благоприятном свете – в свете, оправдывающем его и их.

Элизабет не могла воспротивиться такому желанию, и с этой минуты в их разговорах имя мистера Бингли почти не упоминалось.

Миссис Беннет продолжала удивляться и стенать, что он все не возвращается, и хотя Элизабет, что ни день, находила этому разумное объяснение, казалось, ничто не могло рассеять горьких недоумений маменьки. Дочь пыталась убедить ее в том, чему не верила сама: что его внимание к Джейн было лишь следствием обычного мимолетного увлечения, которое забылось, едва он перестал видаться с ней. Однако, хотя маменька признавала убедительность этих доводов, Элизабет приходилось повторять их вновь и вновь. Миссис Беннет находила утешение лишь в том, что летом мистер Бингли непременно приедет в Недерфилд.

Мистер Беннет смотрел на дело иначе.

– Итак, Лиззи, – сказал он однажды, – твоя сестрица страдает от несчастной любви. Я ее поздравляю. Если не считать замужества, всякой

барышне больше всего нравится время от времени страдать от несчастной любви. Это занимает ее мысли и придает ей интересность в глазах подружек. А когда настанет твой черед? Вряд ли ты сумеешь долго смиряться с таким преимуществом Джейн перед тобой. Сейчас самое подходящее время. В Меритоне достаточно офицеров, чтобы разбить сердца всех барышень в наших краях. Избери Уикхема. Он обходительный юноша и натянет тебе нос с большой грацией.

– Благодарю вас, сударь, но меня удовлетворит и менее приятный человек. Мы ведь не можем ожидать, что всем нам выпадет такая удача, как Джейн.

– Справедливо, – сказал мистер Беннет. – Однако весьма утешительно думать, что, какой бы тебе ни выпал жребий, у тебя есть любящая мать, которая извлечет из него все возможное.

Общество мистера Уикхема очень помогало рассеивать уныние, в которое недавние превратности судьбы ввергли многих членов лонгборнской семьи. Они часто виделись с ним, и к прочим располагающим к нему качествам добавилась и ничем не стесненная откровенность. Все, о чем он тогда поведал Элизабет, теперь стало всеобщим достоянием – его права, попранные мистером Дарси; гонения, которые ему пришлось претерпеть от этого последнего, подробно обсуждались, и все с удовольствием думали о том, что мистер Дарси им всегда не нравился, когда они еще ничего не знали.

Только мисс Беннет была способна полагать, что, вероятно, есть смягчающие обстоятельства, не известные хартфордширскому обществу. Ее кротость и глубокая искренность всегда искали оправдания для других, напоминали о возможности ошибки; но все остальные судили мистера Дарси как худшего из людей.

Глава 25

После недели, потраченной на изъявления любви и планы грядущего счастья, настала суббота и разлучила мистера Коллинза с его любезной Шарлоттой. Однако для него муки расставания могли смягчаться приготовлениями для приема молодой жены, ибо он имел основания полагать, что вскоре после его следующего приезда в Хартфордшир будет назначен день, который сделает его счастливейшим из смертных. Он попрощался со своими родственниками в Лонгборне с теми же церемониями, что и прежде, вновь пожелал своим прелестным кузинам здоровья и счастья, а их отцу обещал еще одно письмо с выражением своей признательности. В следующий понедельник миссис Беннет имела удовольствие принять своего брата и его жену, которые, как обычно, приехали провести Рождество в Лонгборне. Мистер Гардинер был умным человеком с манерами джентльмена, далеко превосходившим сестру и качествами своей натуры, и образованностью. Сестрицам мистера Бингли было бы трудно поверить, что человек, который занимался торговлей и жил в двух шагах от собственных складов, мог быть столь воспитанным и приятным во всех отношениях. Миссис Гардинер, на несколько лет моложе миссис Беннет и миссис Филипс, была доброй умной женщиной с превосходным вкусом и пользовалась большой любовью всех своих лонгборнских племянниц. Между ней и двумя старшими привязанность была особенно теплой, и они часто гостили у нее в столице.

По приезде первым делом миссис Гардинер было раздать подарки и описать новейшие моды. Когда оно завершилось, вторым ее делом было в свою очередь сидеть и слушать. У миссис Беннет имелось много горестей, о которых следовало рассказать, и еще больше причин для жалоб и сетований. С тех пор, как она в последний раз виделась с сестрой, с ними со всеми обошлись очень жестоко. Две ее дочери, казалось, вот-вот выйдут замуж, и все кончилось ничем.

– Я не виню Джейн, – продолжала она, – потому что Джейн вышла бы за мистера Бингли, если бы могла. Но Лиззи! Ах, сестрица! Так тяжело думать, что теперь она уже могла быть женой мистера Коллинза, если бы не ее вздорное упрямство. Он сделал ей предложение в этой самой комнате, а она ему отказала. И вот теперь леди Лукас выдаст дочку раньше меня, а лонгборнское имение так и осталось майоратом. Лукасы очень хитрые люди, сестрица. Только и думают, как бы прибрать к рукам все, что сумеют.

Мне не по душе говорить о них так, да что поделать. У меня нервы разыгрываются, и мне дурно становится из-за такой дерзкой непокорности в собственной семье и из-за соседей, которые только о себе и думают, нет чтобы подумать о других! Однако твой приезд в такое время – великое для меня утешение, и я очень рада была услышать то, что ты рассказывала о длинных рукавах.

Миссис Гардинер, которая уже знала большую часть этих новостей из писем Джейн и Элизабет, сказала в ответ два-три ничего не значащих слова и, из жалости к племянницам, перевела разговор на другую тему.

Однако потом, оставшись наедине с Элизабет, она к ней вернулась.

– Видимо, это была бы прекрасная партия для Джейн, – сказала она. – Мне жаль, что все кончилось ничем. Но подобное встречается так часто! Молодой человек вроде мистера Бингли, если судить по твоему описанию, легко влюбляется в хорошенькую девушку на несколько недель, а затем, если случай их разлучает, столь же легко ее забывает. Такое непостоянство совсем, совсем не редкость.

– По-своему прекраснейшее утешение, – сказала Элизабет, – но не для нас. Мы страдаем не по воле случая. Не так-то часто бывает, чтобы вмешательство друзей убедило бы молодого человека, обладателя собственного независимого состояния, забыть о девушке, в которую он был безумно влюблен всего лишь несколько дней назад.

– Выражение «безумно влюблен» настолько избито; настолько неопределенно и неточно, что оно мне ничего не говорит. Его столь же часто употребляют для описания чувства, возникшего после получасового знакомства, как и настоящей сильной и постоянной любви. Так насколько безумной была любовь мистера Бингли?

– Я никогда не видела более многообещающей склонности. Он совсем не обращал внимания на других, видел и слышал только ее. При каждой их новой встрече это становилось все заметнее и определеннее. На собственном балу он обидел двух-трех барышень, не пригласив их танцевать, и я сама дважды заговаривала с ним и не получала ответа. Могут ли быть более ясные признаки? Ведь невежливость ко всем окружающим – это же самая суть любви?

– О да! Той любви, которой, по моему мнению, пылал он. Бедняжка Джейн! Мне так ее жаль – ведь с ее характером она вряд ли скоро оправится. Уж лучше бы это случилось с тобой, Лиззи! Ты бы куда раньше излечила свою рану смехом. Но как ты думаешь, удастся ли ее уговорить уехать с нами, когда мы вернемся? Перемена места может помочь, да не помешает и немножко отдохнуть от родительского дома.

Элизабет предложение тетушки чрезвычайно обрадовало, и она не сомневалась, что ее сестра тотчас согласится.

– Надеюсь, – прибавила миссис Гардинер, – что мысли об этом молодом человеке ей не помешают. Мы живем совсем в другой части столицы, все наши знакомства в совсем разных кругах, и, как тебе известно, мы очень мало выезжаем, так что весьма маловероятно, что они могут встретиться. Разве только он сам приедет сюда с визитом.

– Вот это совершенно невозможно, так как он теперь находится под полным влиянием своего друга, а мистер Дарси не потерпит, чтобы он отправился с визитом к Джейн в эту часть Лондона! Милая тетенька, как вы могли вообразить подобное? Быть может, мистер Дарси и слышал, что в Лондоне есть Грейсчерч-стрит, но он сочтет, что и за месяц не отмоемся от вульгарности, если ступит туда хоть ногой. А мистер Бингли, поверьте, без него и шагу не ступит.

– Тем лучше. Надеюсь, они не встретятся. Но ведь Джейн переписывается с его сестрой? Вот ей будет необходимо навестить ее.

– Она просто положит конец своему знакомству с Джейн.

Однако вопреки уверенности, с какой Элизабет высказала это предположение вместе с даже еще более интересным, что мистеру Бингли мешают увидеться с Джейн, она ощутила тревогу, после некоторого раздумья убедившую ее, что она не считает положение совершенно безнадежным. Ведь было вполне возможно, а иногда ей казалось – так и очень вероятно, что его любовь вновь пробудится, а влияние его близких будет побеждено более естественным влиянием красоты и душевной прелести Джейн.

Мисс Беннет приняла приглашение тетушки с удовольствием, и Бингли появлялся в ее мыслях, лишь когда она тешила себя надеждой, что сможет иногда проводить утро с Каролиной без опасения встретиться с ее братом, так как та живет не у него.

Гардинеры погостили в Лонгборне неделю, причем и дня не обходилось без приглашения то от Лукасов, то от Филипсов и без встреч с офицерами. Миссис Беннет так усердно заботилась о развлечениях для брата с невесткой, что они даже ни разу не пообедали в тесном семейном кругу. Среди приглашенных обязательно оказывалось несколько офицеров, а из них одним обязательно оказывался мистер Уикхем. В таких случаях миссис Гардинер, у которой Элизабет, горячо его расхваливая, пробудила некоторые подозрения, внимательно за ним наблюдала. Ей не показалось, что они серьезно влюблены друг в друга, но их взаимное предпочтение вызывало у нее некоторое беспокойство, и она положила поговорить

с Элизабет до своего отъезда из Хартфордшира, чтобы убедить ее в том, как неосторожно поощрять подобную склонность.

Для миссис Гардинер Уикхем оказался очень приятным собеседником по причине, далекой от прочих его достоинств. Лет за десять – двенадцать до этого Рождества, еще до своего замужества, она довольно долго жила в той самой части Дербишира, откуда был родом он. А потому у них оказалось много общих знакомых. И хотя после того, как пять лет назад скончался отец Дарси, Уикхем редко бывал там, он все-таки мог сообщить ей более свежие новости о ее бывших друзьях, чем те, которыми она располагала.

Миссис Гардинер побывала в Пемберли и понаслышке очень хорошо знала покойного мистера Дарси. Это служило неисощимой темой для разговоров. Сравнивая свои воспоминания о Пемберли с подробными описаниями, на которые не скупился Уикхем, отзываясь с почтением и похвалами о прежнем владельце поместья, она доставляла большое удовольствие и себе, и своему собеседнику. Узнав, как обошелся с ним нынешний мистер Дарси, она попыталась припомнить, не приходилось ли ей слышать какие-нибудь упоминания о характере этого джентльмена, пока он был еще в нежных летах, которые пояснили бы его нынешнее поведение. И под конец не сомневалась, что о мистере Фицуильяме Дарси тогда говорили как об очень гордом, заносчивом мальчишке.

Глава 26

При первом же разговоре с Элизабет наедине миссис Гардинер не замедлила с большой добротой предостеречь ее. Прямо высказав ей свои соображения по этому поводу, она продолжала так:

– Ты достаточно благоразумная девушка, Лиззи, чтобы не влюбиться, если тебя против этого предупреждают, и поэтому я не боюсь говорить откровенно. Поостерегись, прошу тебя. Не дай пробудиться в себе и не старайся пробудить в нем чувство, которое из-за отсутствия у вас обоих состояния было бы весьма неразумным. Я не могу сказать о нем ничего плохого. Он очень интересный молодой человек, и, если бы получил завещанный ему приход, я бы сочла, что вы с ним отличная пара. Но при нынешних обстоятельствах не позволяй своему воображению взять над тобой власть. Ты обладаешь здравым смыслом, и мы все ждем, что ты его послушаешься. Твой отец, я не сомневаюсь, полагается на твое благоразумие и примерное поведение. Ты не должна разочаровать своего отца.

– Милая тетенька, вы говорите так серьезно!

– Да, и надеюсь, ты отнесешься к моим словам столь же серьезно.

– В таком случае вам не о чем тревожиться, я позабочусь о себе и о мистере Уикхеме тоже. Он в меня не влюбится, если в моих силах помешать этому.

– Элизабет, будь же серьезной!

– Прошу у вас прощения. Попытаюсь еще раз. Пока я не влюблена в мистера Уикхема. Решительно нет. Однако он, вне всяких сомнений, самый привлекательный молодой человек из всех, кого я знаю, и если он начнет испытывать ко мне нежное чувство... я полагаю, лучше, чтобы подобного не случилось. Я понимаю, насколько это было бы неразумно. Ах, я не выношу мистера Дарси! Мнение папеньки обо мне большая для меня честь, и я не хотела бы его лишиться. Однако папенька благоволит к мистеру Уикхему. Короче говоря, милая тетенька, мне было бы очень грустно причинить кому-нибудь из вас горе. Однако каждый день мы видим, что для влюбленных отсутствие у них средств к существованию лишь очень редко становится помехой, так как же я могу поручиться, что окажусь разумнее столь многих, если подвергнусь соблазну? Или даже сочту, что противиться ему разумно? Поэтому я могу лишь обещать вам, что не буду спешить. Что не потороплюсь поверить, будто я для него важнее всего на

свете. И в его обществе не буду предаваться мечтам. То есть я сделаю все, что в моих силах.

– Пожалуй, будет лучше, если ты постарайся, чтобы он не бывал здесь столь часто. Хотя бы не напоминай своей маменьке, что она забыла его пригласить.

– Как я сделала вчера! – сказала Элизабет с виноватой улыбкой. – Совершенно верно, будет разумно избегать подобного. Но не думайте, будто он всегда бывает здесь столь часто. На этой неделе его приглашали ради вас. Вы ведь знаете, как маменька убеждена, будто ее гостям необходимо общество. Но, честное слово, я правда попробую поступать как можно благоразумнее, и, надеюсь, вы мною довольны?

Тетушка заверила ее, что только этого и желала. Элизабет поблагодарила ее за добрые советы, и они расстались. Замечательный пример того, как подобные наставления не были выслушаны с раздражением и досадой.

Мистер Коллинз прибыл в Хартфордшир вскоре после отбытия Гардинеров с Джейн, но остановился у Лукасов, избавив миссис Беннет от всяких хлопот. Приближался день его свадьбы, и она наконец настолько смирилась, что признала ее неизбежной, и очень кислым тоном повторяла, как она желает, чтобы «они были счастливы». Бракосочетание было назначено на четверг, и в среду мисс Лукас пришла к ним с прощальным визитом. Когда она поднялась, собираясь уходить, Элизабет, стыдясь неприязни, с какой ее маменька произносила свои добрые пожелания, и искренне расчувствовавшись, вышла из гостиной вместе с ней. Когда они спускались по лестнице, Шарлотта сказала:

– Я надеюсь, ты будешь мне часто писать, Элиза.

– В этом ты не обманешься.

– И я хочу просить тебя еще об одном одолжении. Ты не приедешь повидать меня?

– Мы, надеюсь, будем часто видеться в Хартфордшире.

– Некоторое время я, конечно, буду жить в Кенте безвыездно. Поэтому обещаю, что приедешь в Хансфорд.

Отказать ей Элизабет не могла, хотя полагала, что визит этот никакой радости ей не доставит.

– Папенька и Мария приедут ко мне в марте, – добавила Шарлотта, – и я бы очень хотела, чтобы ты приехала с ними. Право, Элиза, я буду ждать тебя с неменьшим нетерпением, чем их.

Бракосочетание свершилось, молодожены прямо от церковных дверей отбыли в Кент, и всем нашлось что сказать и что выслушать по этому

поводу ровно в той мере, какая положена в подобных случаях. Элизабет вскоре получила от подруги первое письмо, и они начали обмениваться посланиями так же часто и аккуратно, как в прежнее время, но бывшая откровенность теперь стала невозможной. Элизабет всякий раз, когда садилась за письмо, не могла не почувствовать, что утешительной душевной близости между ними больше нет, и хотя решила поддерживать переписку, но лишь ради прежних дней, а не нынешних. Первые письма Шарлотты вскрывались с большим любопытством. Элизабет не терпелось узнать, как она отзовется о своем новом доме, как ей понравилась леди Кэтрин и насколько счастливой она посмеет себя назвать. Однако всякий раз, кончая читать, Элизабет убеждалась, что обо всем этом Шарлотта писала именно так, как она и ожидала. Письма дышали бодростью, Шарлотта, казалось, ни в чем не испытывала недостатка и ни о чем не отзывалась кроме как с похвалой. Дом, меблировка, окрестности и дороги оказались совершенно в ее вкусе, а обхождение леди Кэтрин было самым добрым и любезным. Именно так мистер Коллинз рисовал Хансфорд и Розингс, только в более восторженных тонах. И Элизабет пришла к выводу, что узнать остальное она сможет, только когда поедет туда сама.

Джейн уже прислала сестре коротенькую записку, сообщая, что они благополучно добрались до Лондона. И Элизабет надеялась, что в своем втором письме она сможет что-нибудь сообщить о Бингли и его сестрах.

Нетерпение, с каким она ждала этого второго письма, было вознаграждено именно так, как обычно вознаграждается нетерпение. Джейн провела в столице неделю, не повидав Каролины и не получив от нее даже записочки. Однако она нашла этому объяснение: видимо, ее последнее письмо из Лонгборна по несчастной случайности где-то затерялось.

«Тетенька, – продолжала она, – завтра едет в ту часть города, и я воспользуюсь случаем побывать на Гросвенор-стрит».

Она написала после этого визита, когда повидала мисс Бингли. «Мне показалось, что Каролина невесела, – были ее слова, – но она была очень рада мне и попрекала меня за то, что я не сообщила ей, когда приеду в Лондон. Я была права: она не получила моего письма. Разумеется, я осведомилась о ее брате. Он здоров, но все время проводит с мистером Дарси, и они почти его не видят. Я узнала, что они ждут к обеду мисс Дарси. Как бы я хотела ее увидеть! Мой визит продолжался недолго, потому что Каролина и миссис Хэрст как раз собирались ехать с визитами. Полагаю, я скоро увижу их здесь».

Читая это письмо, Элизабет покачивала головой. Оно убедило ее, что

мистер Бингли не узнает про приезд Джейн в столицу, если только не вмешается случай.

Миновали четыре недели, но Джейн его так и не увидела. Она пыталась убеждать себя, что ничуть об этом не жалеет. Но уже не могла оставаться слепа к пренебрежению мисс Бингли. Две недели, проводя каждое утро в ожидании и каждый вечер придумывая новые оправдания Каролине, она наконец удостоилась ее визита. Но его краткость и перемена в обхождении мисс Бингли не позволили Джейн долее себя обманывать. Письмо, которое она написала сестре тогда же, откроет все ее чувства.

«Моя милая Лиззи, я уверена, не способна позлорадствовать, если ее суждение оказалось вернее моего, когда я признаюсь, что глубоко заблуждалась касательно расположения мисс Бингли ко мне. Однако, милая сестрица, хотя ты оказалась права, не сочти меня упрямой, если я по-прежнему считаю, что, памятуя, как она со мной обходилась, мое доверие к ней было столь же естественным, как твои подозрения. Я совершенно не понимаю, зачем она пожелала подружиться со мной, но, повторись что-либо подобное, я уверена, что вновь обманулась бы. Каролина вернула мой визит лишь вчера, а до этого я не получила ни единой записки, ни единой строчки. Когда же она приехала, было видно, что ей этого совершенно не хотелось. Она небрежно извинилась, что не заехала раньше, ни слова не сказала о том, что хочет снова со мной увидеться, и во всех отношениях так переменилась, что я, когда она уехала, твердо решила больше не поддерживать это знакомство. Мне жаль ее, хотя я не нахожу ей оправдания. Она поступила очень дурно, оказывая мне столь особое внимание. Я могу не колеблясь утверждать, что она, а не я искала нашей дружбы. Однако я жалею ее, потому что она не может не чувствовать, насколько дурно поступала, и потому, что причиной, я совершенно убеждена, была тревога за брата. Думаю, ты понимаешь, что я подразумеваю. Хотя мы обе знаем беспричинность подобной тревоги, но если она ее испытывает, то в ней-то и кроется причина такого обхождения Каролины со мной. Он так – и вполне заслуженно – дорог своей сестре, что любая тревога, которую она за него испытывает, вполне естественна и похвальна. Но я не могу не удивляться, что она и сейчас питает подобный страх, ведь если бы он испытывал ко мне хоть какую-нибудь нежность, то мы увиделись бы уже давным-давно. Ему известно, что я в Лондоне, в этом меня убедили некоторые ее слова. Тем не менее она держалась так, будто хотела убедить себя в его расположении к мисс Дарси. Я не могу этого понять. Если бы я не опасалась судить ее слишком строго, то, наверное, не

удержалась бы и сказала, что все это слишком похоже на обдуманный обман. Но я постараюсь отогнать все печальные мысли и буду думать только о том, что делает меня счастливой. О твоей любви ко мне и неизменной доброте милых дяди и тети. Поскорее ответь мне. Мисс Бингли сказала что-то о том, что он больше не вернется в Недерфилд, не станет продлевать аренду. Однако без большой уверенности, так что лучше не упоминай об этом. Я чрезвычайно рада, что ты получаешь такие хорошие известия о наших друзьях в Хансфорде. Прошу, поезжай повидать их с сэром Уильямом и Марией. Я уверена, ты очень хорошо проведешь там время.

Твоя... и прочее, и прочее».

Это письмо немного расстроило Элизабет, но она повеселела, подумав, что Джейн хотя бы больше не будет обманываться в Каролине Бингли. Все надежды на брата последней надо было оставить. И она даже не хотела бы, чтобы его ухаживания возобновились. Он все больше и больше падал в ее мнению. И она начинала серьезно думать, что самой заслуженной карой для него, да и лучшим для Джейн, был бы его скорый брак с мисс Дарси, так как, судя по рассказу Уикхема, та заставила бы его горько пожалеть о том, что он так легкомысленно отверг.

Примерно тогда же миссис Гардинер напомнила Элизабет о ее обещании касательно Уикхема и потребовала новостей. То, что могла ответить Элизабет, должно было скорее обрадовать ее тетушку, чем доставить удовольствие ей самой. Его видимое предпочтение было забыто, он больше не оказывал ей знаков внимания и теперь ухаживал за другой. Элизабет была достаточно наблюдательной, чтобы все заметить. Но и смотреть на это и писать об этом не причиняло ей особой боли. Ее сердце было покорено лишь самую чуточку, а тщеславие вполне удовлетворялось мыслью, что она была бы его первой и единственной избранницей, если бы того пожелала фортуна. Нежданно обретенные десять тысяч были главным очарованием барышни, поклонником которой он теперь стал. Тем не менее Элизабет, пожалуй, оказалась тут более близорукой, чем с Шарлоттой, и не ставила ему в вину его желание обрести благосостояние и независимость. Напротив, ничто не могло быть натуральнее. И, полагая, что отказ от нее очень разумное решение, удачное для них обоих, могла искренне пожелать им счастья.

Все это она сообщила миссис Гардинер и, изложив обстоятельства, продолжала так: «Теперь я убеждена, милая тетенька, что несколько не была влюблена; ведь если бы я действительно испытывала эту чистую и

возвышенную страсть, я сейчас ненавидела бы самое его имя и желала бы ему всяческого зла. Однако я испытываю добрые чувства не только к нему, но даже и к мисс Кинг. Я не нахожу в себе никакой ненависти к ней, никакого желания выискивать в ней изъяны и недостатки. Значит, никакой любви не было. Моя осторожность принесла плоды, и хотя, без сомнения, я была бы предметом особого интереса всех моих знакомых, будь я без памяти в него влюблена, не могу сказать, что меня огорчает отсутствие такого интереса. Всеобщее внимание иногда покупается слишком дорогой ценой. Китти и Лидия куда больше принимают к сердцу эту его измену. Они слишком юны, чтобы разбираться в путях света, и еще не пришли к грустному заключению, что красивым молодым людям средства к существованию нужны не менее, чем некрасивым».

Глава 27

Никаких более значительных событий в лонгборнском семействе не произошло, и январь с февралем миновали ничем не ознаменованные, кроме прогулок в Меритон, иногда по грязи, иногда по холоду. Март должен был увидеть Элизабет в Хансфорде. Сначала она не думала серьезно, что отправится туда, однако Шарлотта, как ей вскоре пришлось убедиться, очень ждала ее приезда, и сама она постепенно начала предвкушать эту поездку со все большим удовольствием и уже не собиралась от нее отказаться. Долгая разлука пробудила в ней желание увидеться с Шарлоттой и смягчила отвращение к мистеру Коллинзу. Всякая новизна заманчива, а с такой матерью и с сестрами, чьи интересы она не разделяла, жизнь дома имела свою оборотную сторону, и некоторая перемена казалась заманчивой сама по себе. К тому же поездка обещала возможность ненадолго свидеться с Джейн. Короче говоря, с приближением назначенного дня любая задержка ее огорчила бы. Однако все шло гладко и наконец устроилось в точности с первоначальным предложением Шарлотты. Ей предстояло сопровождать сэра Уильяма и его вторую дочь. Затем было решено переночевать в Лондоне, и план оказался настолько совершенным, насколько можно ожидать от любого плана.

Ее огорчала только разлука с отцом, которому, несомненно, будет ее не хватать и который, когда настало время прощаться, настолько расстроился, что велел ей написать ему и даже почти обещал ответить на ее письмо.

Ее прощание с мистером Уикхемом было очень дружеским, а с его стороны так даже и более. Хотя теперь он ухаживал за другой, однако это не мешало ему помнить, что Элизабет первая привлекла и заслужила его внимание, первая слушала его и жалела, первая отнеслась к нему с восхищением. И в том, как он прощался с ней, как желал провести время елико можно веселее, как напоминал о том, чего ей следует ожидать от леди Кэтрин де Бэр, и как выражал надежду, что их мнение об этой даме, их мнение обо всех всегда будут совпадать, – во всем этом была заботливость, живой интерес, и она почувствовала, что он прочно завоевал ее самое искреннее расположение. Она рассталась с ним в полной уверенности, что, женатый или холостой, он навсегда останется для нее идеалом обходительности и очарования.

На следующий день ее спутники нисколько не умалили его в ее глазах. Сэр Уильям Лукас и его дочь Мария, добрая душа, но такая же

пустоголовая, как ее отец, не говорили ничего достойного внимания, и их слова доставляли слушательнице почти столько же удовольствия, как погромыхивания экипажа. Элизабет любила смешные глупости, но она была давно знакома с сэром Уильямом, и он не мог рассказать ей ничего нового о чудесах представления ко двору или о почетности рыцарского звания. А его любезности были столь же новы, как и его повествования.

Ехать им предстояло всего двадцать четыре мили, и они отправились в путь, чтобы добраться до Грейсчерч-стрит к полудню. Когда они подъехали к дверям мистера Гардинера, Джейн, в ожидании стоявшая у окна гостиной, встретила их в прихожей, и Элизабет, внимательно поглядев на ее лицо, обрадовалась, что она выглядит такой же прелестной и здоровой, как прежде. На лестнице толпились детишки, мальчики и девочки, которые не утерпели и выбежали из гостиной, чтобы поскорее поздороваться с кухней. Но они не видели ее целый год, и застенчивость помешала им спуститься вниз. В доме воцарились радость и приветливость. День прошел очень приятно – первая половина в хлопотах и поездках по магазинам, а вечером они отправились в театр.

Там Элизабет сумела сесть рядом с тетушкой. Сначала они поговорили о ее сестре, и она была более огорчена, чем удивлена, когда в ответ на свои подробные расспросы услышала, что Джейн все время старается сохранять бодрость, но все-таки иногда грустит. Впрочем, можно было надеяться, что в довольно скором времени она станет совсем прежней. Миссис Гардинер, кроме того, подробно рассказала ей о визите мисс Бингли, а также повторила некоторые свои разговоры с Джейн, которые свидетельствовали, что та твердо решила отказаться от этого знакомства.

Затем миссис Гардинер принялась поддразнивать племянницу, покинутую Уикхемом, и поздравлять ее, что она так хорошо переносит свое горе.

– Но, милочка Элизабет, – добавила она, – что ты можешь сказать мне про мисс Кинг? Мне не хотелось бы счесть нашего друга корыстолюбивым.

– Милая тетенька, если речь идет о женитьбе, то в чем разница между корыстолюбием и благоразумием? Где кончается предусмотрительность и начинается алчность? В то Рождество вы опасались, как бы он не женился на мне, потому что это было бы неблагоразумно, а теперь, когда он ухаживает за девушкой всего с десятью тысячами фунтов приданого, вы хотите узнать, не корыстолюбив ли он.

– Если ты опишешь мне мисс Кинг, я буду знать, что думать.

– Мне кажется, что она очень хорошая девушка. Ничего дурного я про нее не знаю.

– Но он не обращал на нее никакого внимания до того, как ее дед скончался и оставил ей эти десять тысяч?

– Да, не обращал. И зачем бы? Если ему не следовало завоевывать мое сердце, потому что у меня нет приданого, так с какой стати он должен был ухаживать за девушкой, которая ему не нравилась и была бедна, как и я?

– Но есть какая-то неделикатность в том, что он начал свои ухаживания сразу же, как она получила наследство.

– У человека в стесненных обстоятельствах нет времени соблюдать все тонкости этикета, которые другие люди считают обязательными. Если она не имеет ничего против, так почему негодовать нам?

– То, что она не против, его не оправдывает, а лишь показывает, что в ней есть какой-то изъян – то ли она неумна, то ли бесчувственна.

– Отлично! – вскричала Элизабет. – Пусть будет, как вы желаете. Он корыстолюбив, а она глупа.

– Нет, Лиззи, я вовсе этого не желаю. Ты знаешь, мне было бы грустно думать дурно о молодом человеке, который долго жил в Дербишире.

– О, если это так, то я весьма низкого мнения о дербиширских молодых людях, а их близкие друзья, проживающие в Хартфордшире, немногим лучше. Я их всех не переносу. Слава Богу, завтра я еду туда, где встречу с человеком, у которого нет ни единого приятного качества – ни манер, ни здравого смысла, за которые его можно было бы уважать. Что ни говори, водить знакомство следует только с глупыми мужчинами.

– Берегись, Лиззи! В твоей тираде звучит разочарование.

Прежде чем конец спектакля прервал их беседу, Элизабет обрадовало неожиданное приглашение сопровождать дядю с тетей в небольшом путешествии, которое они задумали совершить летом.

– Мы еще не совсем решили, далеко ли отправимся, – сказала миссис Гардинер, – но, может быть, в Озерный край.

Ничего более приятного Элизабет и вообразить не могла, и она тут же приняла приглашение с большой благодарностью.

– Милая, милая тетенька! – вскричала она в восторге. – Как восхитительно! Какое наслаждение! Вы одарили меня новой жизнью и силами. Прощайте, разочарование и хандра. Что такое мужчины в сравнении со скалами и горами? Какие чудесные часы нас ждут! А когда мы вернемся, то не как другие путешественники, которые толком ни о чем рассказать не могут. Мы будем знать, где побывали. Мы запечатаем в памяти все, что увидим. Озера, горы и реки не перепутаются в наших воспоминаниях, а когда мы попробуем описать какой-нибудь прекрасный пейзаж, то не затеем спора, где мы им любовались. Пусть наши

восторженные рассказы будут менее непереносимыми, чем большинства путешественников.

Глава 28

Все, что открывалось глазам Элизабет на следующий день, когда они отправились дальше, казалось ей новым и интересным, и она пребывала в самом радостном настроении. Ведь ее сестра выглядела такой цветущей, что можно было больше не опасаться за ее здоровье, а мысль о предстоящем путешествии по северным графствам стала постоянным источником чудесных предвкушений.

Когда они свернули с тракта на Хансфордскую дорогу, во все глаза начали выглядывать дом священника, и каждый поворот сулил, что он вот-вот появится перед ними. С одной стороны дороги тянулась ограда Розингс-Парка, и Элизабет улыбнулась, вспомнив все, чего наслышалась об обитательницах Розингса.

Наконец они увидели дом посреди сада, спускающегося к самой дороге; живая изгородь из лавров, зеленый заборчик – все указывало, что они достигли цели своего путешествия. В дверях показались мистер Коллинз и Шарлотта, экипаж остановился у калитки, за которой короткая усыпанная гравием дорожка вела к дому. Все счастливо заулыбались и закивали друг другу. Миссис Коллинз приветствовала подругу с живейшей радостью, и Элизабет, встретив такой радушный прием, окончательно убедилась, что не напрасно решила навестить Шарлотту. Она тут же заметила, что женитьба ничуть не изменила манер ее кузена – его церемонная учтивость ни на йоту не утратила напыщенности, и он на несколько минут задержал ее у калитки, осведомляясь о здравии ее родителей, а также всех сестер и выслушивая ответы. Затем без дальнейших проволочек они, после того как он пригласил их полюбоваться крыльцом, были проведены в дом, где, едва вошли в гостиную, он вновь церемонно приветствовал их под своим скромным кровом и слово в слово повторил вопрос жены, не хотят ли они перекусить после дороги.

Элизабет приготовилась узреть мистера Коллинза во всем его великолепии и не могла не заметить, что, обращая их внимание на изящные пропорции комнаты, вид из окон и меблировку, он постоянно обращался к ней, словно желая дать ей почувствовать, чего она лишилась, отказав ему. Однако, хотя все выглядело очень аккуратным и уютным, она не смогла утешить его хотя бы вздохом сожаления, а, напротив, изумлялась, что ее подруга способна сохранять веселый вид при таком спутнике жизни. Когда мистер Коллинз изрекал что-нибудь, что могло бы сконфузить его супругу,

Элизабет невольно взглядывала на Шарлотту. Раза два она как будто заметила легкую краску стыда на ее щеках. Но чаще Шарлотта благоразумно пропускала его слова мимо ушей. После того как они просидели в гостиной достаточно долго, чтобы полюбоваться каждым предметом мебели в ней, начиная от буфета и кончая каминной решеткой, а также подробно рассказать о дороге и о том, что поделывали в Лондоне, мистер Коллинз пригласил их прогуляться по саду, весьма обширному, отлично спланированному, уходом за которым он занимался самолично. Работа в саду была одним из его самых похвальных удовольствий, и Элизабет могла только восхищаться невозмутимым выражением, с каким Шарлотта говорила, как оно полезно для здоровья, и призналась, что всячески поощряет мужа. Там, водя их по всем продольным и поперечным дорожкам и почти не давая им времени произнести похвалы, которых он требовал, мистер Коллинз описывал все открывавшиеся оттуда прелестные виды с таким педантичным тщанием, что от красоты не оставалось ничего. Он перечислял все луга в каждом направлении и мог сказать, сколько деревьев в самой дальней рощице. Однако виды, открывавшиеся из его сада, да и все прочие, какими могли похвастать графство, да и страна, не шли ни в какое сравнение с видом на Розингс в просвете между деревьями парка почти прямо напротив его дома. Здание было красивое, в новомодном стиле и удачно расположено на пригорке.

Из сада мистер Коллинз намеревался провести их по двум его лугам, но барышни, чьи башмачки не годились, чтобы гулять по заиндевелой траве, пошли назад, и с мистером Коллинзом остался только сэр Уильям. Шарлотта провела сестру и подругу по всему дому, возможно, радуясь случаю показать им его без мужа. Он был невелик, но хорошо построен и удобен. И все было прилажено и расположено с практичностью и изяществом, в которых Элизабет узнала руку Шарлотты. Когда можно было забыть о мистере Коллинзе, дом действительно дышал уютом, и по явному удовольствию, которое в нем черпала Шарлотта, Элизабет заключила, что мистер Коллинз бывает забыт довольно часто.

Она уже узнала, что леди Кэтрин все еще не отбыла в столицу, о чем было вновь упомянуто за обедом, когда мистер Коллинз, присоединившись к ним, объявил:

– Да, мисс Элизабет, вы будете иметь честь увидеть леди Кэтрин де Бэр в ближайшее воскресенье в церкви, и мне незачем упоминать, каким восторгом вы преисполнитесь. Она – сама благосклонность и снисходительность, и я не сомневаюсь, что после окончания службы она удостоит вас частичкой своего внимания. Я могу без колебаний сказать, что

она будет включать вас и мою сестру Марию в каждое приглашение, которым почитит нас, пока вы будете гостить тут. Ее обхождение с моей любезной Шарлоттой – само очарование. Мы обедаем в Розингсе дважды в неделю, и нам никогда не приходится возвращаться домой пешком. Для нас закладывают экипаж ее милости. Мне следовало бы сказать «один из экипажей ее милости», ведь у нее их несколько.

– Леди Кэтрин поистине весьма почтенная и умная дама, – добавила Шарлотта. – И внимательнейшая из соседок.

– Совершенно верно, моя дорогая, это самое я и говорю. Она принадлежит к тем знатым особам, перед которыми следует благоговеть.

Вечер прошел главным образом за обсуждением хартфордширских новостей, в рассказах о том, о чем уже писалось, а когда он подошел к концу, Элизабет в уединении своей спальни могла поразмыслить над тем, насколько Шарлотта довольна своей жизнью, как умело она управляет мужем, с каким спокойствием терпит его, и отдала должное подруге. Кроме того, она попробовала представить себе, как пройдет ее визит: тихие приятные занятия, докучные вторжения в них мистера Коллинза и развлечения, ожидающие их в Розингсе. Ее живое воображение быстро нарисовало самые убедительные картины.

На следующий день, вскоре после полудня, когда она переодевалась у себя в комнате для прогулки, внезапно какой-то шум внизу словно вверг весь дом в смятение. Она прислушалась и вскоре услышала, как кто-то стремглав бежит вверх по лестнице и громко зовет ее. Она открыла дверь и увидела на площадке Марию, которая, задыхаясь от волнения, вскричала:

– Ах, милая Элиза! Поспеши в столовую. Оттуда ты увидишь такое! Нет, я не скажу тебе что! Поторопись! Спустись поскорее!

Элизабет напрасно задавала ей вопросы, Мария не пожелала ничего ей больше сказать, и они вдвоем вбежали в столовую и прильнули к окну, выходящему на дорогу, чтобы увидеть обещанное диво. У садовой калитки стоял низенький фаэтон, и в нем Элизабет узрела две женские фигуры.

– И все? – воскликнула она. – Я уж подумала, что в сад забрались свиньи, а это всего лишь леди Кэтрин и ее дочь!

– Душечка, – сказала Мария, возмущенная подобной ошибкой. – Это не леди Кэтрин. Старуха – миссис Дженкинсон, которая живет у них. А вторая – мисс де Бэр. Нет, ты только посмотри на нее. Она же просто карлица. Кто бы мог подумать, что она такая тощенькая и так мала ростом!

– И она нестерпимо груба, если заставляет Шарлотту стоять на таком ветру! Почему она не зашла в дом?

– Шарлотта говорит, что в дом она заходит очень редко. Если мисс де Бэр переступает их порог, это величайшая честь.

– Мне нравится ее наружность, – сказала Элизабет, вдруг подумав совсем о другом. – Она выглядит болезненной злючкой. Да, она будет ему отличной парой. Именно та жена, которая ему нужна.

Мистер Коллинз и Шарлотта вместе стояли у калитки, беседуя с мисс де Бэр и ее спутницей. А сэр Уильям, к большому удовольствию Элизабет, застыл в дверях, созерцая воплощение знатности в фаэтоне и кланяясь всякий раз, когда мисс де Бэр обращала взгляд в его сторону.

Наконец все было сказано, фаэтон покатиł дальше, а сэр Уильям, его зять и дочь вернулись в дом. Едва мистер Коллинз увидел Элизабет с Марией, как начал поздравлять их с великим счастьем, выпавшим на их долю. Затем Шарлотта объяснила, что все они приглашены к обеду в Розингс на следующий день.

Глава 29

Это приглашение довершило триумф мистера Коллинза. Его заветным желанием было самому представить пораженным гостям величие и роскошь, окружающие его покровительницу, дать им своими глазами увидеть, сколь она любезна с ним и с его супругой. То, что случай для этого представился так незамедлительно, явилось знаменательнейшим примером снисходительности леди Кэтрин, и он не находил слов для изъявления восторга.

– Признаюсь, – сказал он, – меня бы не удивило, если бы в воскресенье ее милость пригласила нас на чай, с тем чтобы мы провели вечер в Розингсе. Зная ее доброту, я был в ожидании, что это произойдет. Но кто бы мог предвидеть знак внимания, подобный этому? Кто бы мог вообразить, что мы получим приглашение отобедать там (и приглашения всем нашим гостям!) на другой же день после вашего приезда?

– Я менее удивлен тем, что произошло, – ответил сэр Уильям, – так как благодаря моему положению в обществе мне известны истинные манеры великих мира сего. При дворе такие примеры светской благовоспитанности не так уж редки.

До конца дня и все следующее утро разговоры шли только лишь о предстоящем визите в Розингс. Мистер Коллинз подробно объяснял все, что им предстояло увидеть, дабы зрелище подобных апартаментов, бесчисленность слуг и великолепие обеда не заставили их совсем уж онеметь от изумления.

Когда они расходились, чтобы переодеться, он сказал Элизабет:

– Дражайшая кузина, пусть мысль о вашем туалете вас не смущает. Леди Кэтрин отнюдь не требует от нас той элегантности, какая пристала ей и ее дочери. Я посоветовал бы вам надеть то платье, которое наряднее остальных, более ничего не требуется. Леди Кэтрин не подумает о вас хуже из-за простоты вашей одежды. Она предпочитает, чтобы внешность отвечала положению людей в обществе.

Пока они одевались, он два-три раза подходил к дверям их комнат, прося поторопиться, ибо леди Кэтрин весьма не любит, когда ее заставляют ждать с обедом. Такие грозные описания характера и образа жизни ее милости совсем перепугали Марию Лукас, не привыкшую бывать в свете, и она думала о предстоящем визите в Розингс почти с тем же трепетом, как ее папенька – о своем представлении ко двору.

День выдался прекрасный, и они совершили приятную прогулку в полмили по парку. Любой парк обладает своей прелестью, своими красотами, и Элизабет многое понравилось, хотя она не пришла в тот восторг, какого ожидал мистер Коллинз, и на нее почти никакого впечатления не произвело перечисление окон на фасаде, каким он ублажил их, как и сообщение, во что их застекление обошлось в свое время сэру Льюису де Бэру.

Пока они поднимались по ступеням крыльца, ужас Марии возрастал с каждым шагом, и даже сэр Уильям не совсем сохранил спокойствие. Элизабет же ничуть не утратила присутствия духа. Из того, чего она слышала о леди Кэтрин, ничто не указывало на особые, внушающие трепет достоинства или необыкновенные добродетели, а величественность, которую придают деньги и родовитость, никакого страха ей не внушала.

Из передней, где мистер Коллинз не замедлил с восторгом указать им на гармонические пропорции и изысканные украшения, лакеи проводили их в гостиную, где сидели леди Кэтрин, ее дочь и миссис Дженкинсон. Ее милость поднялась им навстречу с величайшей снисходительностью, а так как миссис Коллинз заранее убедила мужа, что церемонию представления следует поручить ей, все приличия были соблюдены без извинений и излияния благодарностей, которые счел бы необходимыми он.

Сэра Уильяма, хотя он и побывал в королевском дворце, окружающая роскошь ввергла в полную растерянность, так что у него хватило храбрости лишь на то, чтобы отвесить самый низкий поклон и сесть, не произнеся ни слова, а его дочь, перепуганная почти до бесчувствия, пристроилась на самом краешке стула, не зная, куда девать глаза. Элизабет ничуть не смутилась и могла с полным спокойствием рассмотреть двух дам и благородную девицу. Леди Кэтрин оказалась высокой дородной женщиной с резкими чертами лица, которое когда-то могло быть красивым. В ее облике не было никакой мягкости, и приняла она их в манере, не позволявшей ее гостям забыть, кто они и кто она. Внушительного молчания она не хранила, но любое ее слово произносилось столь властным тоном, с такой уверенностью в своей значительности, что Элизабет тотчас вспомнился мистер Уикхем, и дальнейшие наблюдения убедили ее, что леди Кэтрин была именно такой, какой он ее нарисовал.

Когда, рассмотрев мать, в чьем лице и манере держаться она нашла некоторое сходство с мистером Дарси, Элизабет обратила взгляд на дочь, она почти так же, как Мария, была поражена ее тщедушием, маленьким ростом и тем, насколько она не походила на мать ни фигурой, ни лицом. Мисс де Бэр выглядела бледной и болезненной, черты ее лица, хотя и не

лишенные миловидности, были незначительными, и она почти все время хранила молчание, изредка тихим голосом обращаясь к миссис Дженкинсон, в чьей наружности не было ничего примечательного. И она только слушала ее и помещала экран на надлежащем расстоянии от ее глаз.

Они просидели так несколько минут, а затем их всех послали к окну полюбоваться видом. Мистер Коллинз сопровождал их, чтобы указать на все красоты, а леди Кэтрин благосклонно объяснила им, что летом вид этот много красивее.

Обед был весьма великолепным, со всеми лакеями и серебряной посудой, обещанными мистером Коллинзом; и, как он тоже предсказал, по желанию ее милости ему предложили место в другом конце стола, напротив хозяйки дома, так что чаша его счастья переполнилась. Он разрезал жаркое и дичь, ел и одобрял с восхищенной поспешностью, и каждое кушанье удостаивалось сначала его похвалы, а затем похвалы сэра Уильяма, который уже настолько пришел в себя, что поддерживал каждое слово зятя с такой истовостью, что Элизабет не понимала, как леди Кэтрин это терпит. Однако леди Кэтрин, казалось, была довольна их чрезмерными восторгам и отвечала самыми милостивыми улыбками, особенно когда оказывалось, что они никогда прежде не пробовали того или иного блюда. Общая беседа за столом так и не завязалась. Элизабет была готова заговорить, едва представилась бы возможность, но она сидела между Шарлоттой и мисс де Бэр – первая была занята тем, что слушала леди Кэтрин, а вторая за все время обеда не сказала ни слова. Миссис Дженкинсон главным образом ахала, как мало ест мисс де Бэр, уговаривала ее попробовать что-нибудь еще и опасалась, что она захворает. Мария и подумать не могла о том, чтобы заговорить, джентльмены же только ели и восхищались.

Затем дамы удалились в гостиную, и до того, как подали кофе, могли развлекаться лишь тем, что слушали леди Кэтрин, которая не умолкала ни на секунду, высказывая свои мнения о всевозможных предметах с внушительностью, свидетельствовавшей о том, насколько она не привыкла к возражениям. Она весьма бесцеремонно и придирчиво расспрашивала Шарлотту о ее домашних делах, надавала множество советов, как с ними управляться, объяснила ей, как должно вести хозяйство в столь маленькой семье, и не скупилась на поучения, как ей следует заботиться о коровах и домашней птице. Элизабет убедилась, что эта знатная дама достойным своего внимания полагает всякую всячину, лишь бы она позволяла ей отдавать властные распоряжения. Между наставлениями Шарлотте она задавала самые разные вопросы Марии и Элизабет, но особенно последней,

так как была меньше о ней осведомлена, а также сочла ее, о чем не преминула сказать миссис Коллинз, вполне благовоспитанной и миловидной девицей. Она время от времени спрашивала ее, сколько у нее сестер, старше они ее или моложе, которые из них могут надеяться на замужество, красивы ли они, где воспитывались, какой экипаж держит ее отец и какую фамилию носила ее мать в девичестве. Элизабет понимала все неприличие таких вопросов, но отвечала на них с полным самообладанием. Затем леди Кэтрин заметила:

– Если не ошибаюсь, имение вашего отца должен унаследовать мистер Коллинз. Ради вас, – она обернулась к Шарлотте, – я этому рада, хотя не вижу никакой надобности в майоратах, не допускающих наследования по женской линии. В роду сэра Льюиса де Бэра не видели надобности в майорате. Вы играете и поете, мисс Беннет?

– Немного.

– О, в таком случае... мы будем рады как-нибудь вас послушать. Наш инструмент превосходен, и, полагаю, лучше... вы как-нибудь его попробуете. Ваши сестры играют и поют?

– Одна из них.

– Почему вас всех этому не обучили? Учить следовало вас всех. Все мисс Уэббс играют и поют, а доход их отца меньше, чем у вашего. Вы рисуете?

– Нет.

– Как? Ни одна из вас?

– Да, ни одна.

– Очень странно! Но, полагаю, у вас не было такой возможности. Вашей матушке следовало бы возить вас в столицу каждую весну и брать вам учителя рисования.

– Маменька ничего против не имела бы, но папенька терпеть Лондон не может.

– Ваша гувернантка уже ушла от вас?

– У нас никогда не было гувернантки.

– Не было гувернантки? Как возможно? Пять дочерей росли дома без гувернантки! В жизни не слышала подобного. Ваша матушка, верно, совсем измучилась, занимаясь вашим образованием.

Элизабет едва удержалась от улыбки, заверяя ее, что это далеко не так.

– Так кто же учил вас? Без гувернантки вы не могли усовершенствоваться.

– Полагаю, в сравнении с некоторыми другими семьями так и было. Но те из нас, кто хотел учиться, не были лишены такой возможности. Нас

всегда поощряли читать побольше, и у нас были все необходимые учителя. Но те, кто предпочитал лениться, не находили этому никаких помех.

– Да, разумеется. Для того-то и нужны гувернантки, и будь я знакома с вашей матушкой, я настоятельно посоветовала бы ей взять для своих дочерей гувернантку. Я не устаю повторять, что никакое образование невозможно без постоянных занятий под наблюдением опытной наставницы. А кто лучше подходит для этого, чем опытная гувернантка? Право, удивительно, скольким семьям я посодействовала в их поисках! Я всегда рада помочь молодой особе найти хорошее место. Четыре племянницы миссис Дженкинсон благодаря мне превосходно устроены, и совсем недавно я дала рекомендации еще одной молодой особе, про которую мне случайно упомянули, и семья в совершенном восторге от нее. Миссис Коллинз, я говорила вам, что леди Меткаф заезжала вчера поблагодарить меня? Она нашла в мисс Поуп истинное сокровище. «Леди Кэтрин, – сказала она мне, – вы подарили мне истинное сокровище». Кто-нибудь из ваших сестер уже выезжает, мисс Беннет?

– Да, сударыня, они все.

– Как, все пятеро одновременно? Весьма странно! А вы ведь вторая по старшинству. Младшие выезжают, когда старшие еще не замужем! Ваши младшие сестры ведь должны быть еще очень юными.

– Да, самой младшей еще не исполнилось шестнадцати. Пожалуй, она правда еще слишком молода, чтобы часто бывать в обществе. Но, право, сударыня, мне кажется, очень жестоко лишать младших сестер возможности выезжать и развлекаться потому лишь, что у старших не было случая или желания рано вступить в брак. Самая юная в семье имеет такое же право наслаждаться радостями молодости, как и самая старшая. И лишаться их по подобной причине! Думаю, это не очень способствует любви между сестрами или деликатности характера.

– Гм, – сказала ее милость. – Свое мнение вы высказываете очень решительно для столь молодой особы. Скажите, сколько вам лет?

– Если три мои младшие сестры уже выросли, – ответила Элизабет с улыбкой, – ваша милость не может ожидать, что я признаюсь в своем возрасте.

Леди Кэтрин, казалось, была поражена, не получив прямого ответа, и Элизабет подумала, что, видимо, она первая осмелилась ответить шуткой на подобную высокомерную бесцеремонность.

– Вам не может быть более двадцати лет, а потому вам незачем скрывать свой возраст.

– Во всяком случае, мне не двадцать один год.

Когда джентльмены присоединились к ним и чай был выпит, разложили карточные столики. Леди Кэтрин, сэр Уильям, мистер и миссис Коллинз сели сыграть партию в кадриль, а так как мисс де Бэр предпочла казино, двум барышням вкупе с миссис Дженкинсон досталась честь играть с ней. За их столом царил нестерпимая скука. Молчание нарушалось, лишь когда этого требовали карты или же когда миссис Дженкинсон выражала опасение, что мисс де Бэр слишком жарко или слишком холодно, что свет слишком для нее яркий или слишком тусклый. За соседним столом игра шла оживленнее. Говорила главным образом леди Кэтрин – указывала остальным троим на их ошибки или рассказывала о каком-либо случае из собственной жизни. Мистер Коллинз усердно соглашался со всем, что изволила сказать ее милость, благодарил ее за каждую выигранную фишку и извинялся, если ему казалось, что он выиграл их слишком много. Сэр Уильям больше помалкивал, старательно запоминая занимательные случаи и аристократические фамилии.

Когда леди Кэтрин и ее дочери карты наскучили, столики были убраны, миссис Коллинз предложили экипаж, она должным образом поблагодарила, и тут же было приказано его заложить. Затем общество собралось у камина выслушать, какую погоду, по решению леди Кэтрин, им следует ожидать на завтра. Затем доложили, что экипаж подан, и после множества изъявлений признательности мистера Коллинза и такого же множества поклонов, отвешенных сэром Уильямом, они отправились восвояси. Едва экипаж отъехал от крыльца, как кузен потребовал, чтобы Элизабет высказала мнение обо всем, что ей довелось увидеть в Розингсе, и отзыв ее, ради Шарлотты, был более хвалебным, нежели искренним. Однако эти похвалы, хотя они стоили ей немалых усилий, несколько не удовлетворили мистера Коллинза, и вскоре он почувствовал себя обязанным самому взяться за панегирик леди Кэтрин.

Глава 30

Сэр Уильям провел в Хансфорде всего неделю, но ее оказалось достаточно, чтобы он убедился, что жизнь его дочери исполнена всяческого благополучия и что мужа лучше и соседки лучше, чем у нее, вообразить невозможно. Пока сэр Уильям гостил у них, мистер Коллинз каждое утро катал его в шарабане по окрестностям, но после его отъезда жизнь в доме вошла в обычную колею, и Элизабет с радостью убедилась, что из-за этого они не стали видеть ее кузена чаще. Большую часть времени между завтраком и обедом он теперь посвящал либо работе в саду, либо чтению, либо писанию проповедей или писем, либо созерцанию проезжей дороги, на которую выходили окна его рабочего кабинета. Комната, в которой сидели барышни с его супругой, была обращена окнами во двор. Вначале Элизабет удивлялась, почему Шарлотта не предпочла для этого столовую, более обширную и не с таким унылым видом из окон. Но вскоре она убедилась, что у ее подруги имелась весьма веская на то причина, ибо мистер Коллинз, несомненно, проводил бы в кабинете гораздо меньше времени, если бы они выбрали для себя более привлекательный приют. И она воздала Шарлотте должное за ее мудрый выбор. Из гостиной они не могли видеть дорогу и только благодаря мистеру Коллинзу знали, какие экипажи проследовали по ней, и особенно сколько раз мимо проезжала мисс де Бэр в своем фаэтоне, о чем тут же торопился сообщить им, хотя это происходило почти каждый день. Довольно часто она останавливалась, чтобы побеседовать с Шарлоттой, но уговорить ее выйти из экипажа не удавалось почти никогда.

Редко выпадали дни, когда бы мистер Коллинз не отправлялся в Розингс. Немного было и таких, когда его супруга не решала бы, что ей следует пойти туда с ним; и до тех пор, пока Элизабет не сообразила, что, возможно, в распоряжении семьи его покровительницы есть и другие приходы, она не могла понять, ради чего приносилось в жертву столько часов, которые можно было бы использовать с большей пользой. Иногда ее милость удостаивала их чести своего визита, и тогда от ее внимания не ускользало ничего. Она спрашивала, чем они занимаются, рассматривала плоды их трудов и советовала все делать иначе; указывала, что мебель расставлена неверно, или обнаруживала доказательства, что их служанка ленится. И если она соглашалась откусать у них, то словно бы лишь для того, чтобы убедиться, что миссис Коллинз покупает слишком много мяса

на жаркое для столь небольшой семьи. Элизабет вскоре заметила, что эта знатная дама, хотя и не занимала судейской должности в графстве, в своем приходе посрамила бы самого деятельного мирового судью, так как от мистера Коллинза до мельчайших подробностей знала обо всем, что там происходило. И если те или иные затевали свары, роптали на жалкий жребий или бедствовали, она величественно появлялась в деревне, дабы уладить их споры, положить конец их жалобам и, выбравив, принудить их к дружественной гармонии и благосостоянию.

Удовольствие отобедать в Розингсе повторялось примерно дважды в неделю, и, если не считать, что с отъездом сэра Уильяма раскладывался только один карточный столик, каждый вечер там был точным повторением самого первого. Другие приглашения они получали редко, так как почти все окрестные помещики жили на куда более широкую ногу, чем Коллинзы. Однако Элизабет это нисколько не удручало, и время она проводила очень приятно; часто выпадали полчаса, когда они с Шарлоттой могли поболтать; погода для этого времени года стояла чудесная, и она с большим удовольствием совершала длинные прогулки. Больше всего она любила гулять, когда остальные отправлялись на поклон к леди Кэтрин, по неогороженной роще, примыкавшей к парку, где вилась очаровательная тропинка, которая никого не привлекала, кроме нее. Там она чувствовала себя в безопасности от любопытства леди Кэтрин.

Вот так спокойно протекли первые две недели ее визита. Приближалась Пасха, и предшествующая ей неделя должна была пополнить семью в Розингсе – важное добавление к столь тесному кружку. Вскоре после своего приезда Элизабет узнала, что в поместье недели через три ожидают мистера Дарси. И хотя она предпочла бы встретиться с любым другим своим знакомым, а не с ним, его появление обещало внести разнообразие в вечера, которые они проводили в Розингсе, и ее забавляла возможность узнать, насколько тщетны планы мисс Бингли, наблюдая за тем, как он будет вести себя со своей кузиной, для которой леди Кэтрин, несомненно, его предназначала. Последняя говорила о его приезде с величайшим удовлетворением, отзывалась о нем самым лестным образом и как будто очень рассердилась, услышав, что мисс Лукас и Элизабет с ним уже знакомы.

О его приезде в доме мистера Коллинза слышали незамедлительно от самого мистера Коллинза, который все утро прохаживался по дороге там, откуда ему были видны ворота парка, выходившие на Хансфордскую дорогу, чтобы первым узнать о приезде долгожданного гостя. И, отвесив поклон карете, свернувшей в ворота, он поспешил домой с великой

новостью. На следующее утро он без проволочек отправился в Розингс засвидетельствовать свое почтение, как оказалось, не одному, а двум племянникам леди Кэтрин, так как мистер Дарси приехал с полковником Фицуильямом, младшим сыном его дяди лорда Н. И, к величайшему удивлению Шарлотты и ее гостей, домой мистер Коллинз вернулся в сопровождении обоих джентльменов. Шарлотта из окна кабинета увидела, как они переходили через дорогу, и, немедля предупредила сестру и Элизабет, какой чести их удостоят, добавив:

– За эту учтивость я должна поблагодарить тебя, Элиза. Мне мистер Дарси никогда не нанес бы визита столь скоро.

Элизабет только-только успела объявить, что она тут ни при чем, как дверной колокольчик возвестил об их приходе, и вскоре в гостиную вошли гости и мистер Коллинз. Полковнику Фицуильяму, который шел впереди, было лет тридцать. Он не отличался особой красотой, но все в его облике и манерах говорило, что он истинный джентльмен. Мистер Дарси выглядел точно так же, как прежде в Хартфордшире. Он с обычной сдержанностью поздоровался с миссис Коллинз и, каковы бы ни были его чувства к ее подруге, поклонился ей с полной невозмутимостью. Элизабет ответила ему реверансом, не произнеся ни слова.

Полковник Фицуильям сразу же завязал разговор с учтивостью и непринужденностью благовоспитанного человека, и беседовать с ним оказалось очень приятно. Однако его кузен, обронив несколько слов миссис Коллинз о доме и саде, долгое время хранил молчание. Наконец вежливость в нем пробудилась настолько, что он осведомился у Элизабет о здоровье ее близких. Она ответила ему общими фразами и после некоторой паузы добавила:

– Моя старшая сестра последние три месяца гостит в Лондоне. Вам не доводилось встретиться с ней там?

Она прекрасно знала, что этого не было, но хотела посмотреть, не выдаст ли он, что ему известно, как Бингли и его сестра обошлись с Джейн. И ей показалось, что он немного смутился, когда ответил, что не имел счастья видеть там мисс Беннет. Тема эта была тут же оставлена, и кузены вскоре откланялись.

Глава 31

Манеры полковника Фицуильяма очаровали всех обитательниц дома мистера Коллинза, и они не сомневались, что его присутствие очень скрасит их визит в Розингс. Однако, прежде чем они были туда приглашены, миновало несколько дней – ведь пока гости оставались там, в их присутствии не слишком нуждались. И чести этой они удостоились только в первый день Пасхи, почти через неделю после приезда племянников леди Кэтрин, причем им просто сказали, когда они выходили из церкви, что вечером их ждут в Розингсе. Всю неделю они почти не видели ни леди Кэтрин, ни ее дочери. Полковник Фицуильям несколько раз заглядывал к ним в течение этого срока, но мистера Дарси они видели только в церкви.

Разумеется, приглашение было принято, и в положенный час они присоединились к обществу в гостиной леди Кэтрин. Ее милость приняла их вежливо, но далеко не так, как в дни, когда у нее не было других гостей. И теперь она занималась только своими племянниками, разговаривая с ними, а особенно с мистером Дарси, гораздо больше, чем с кем-либо еще из присутствующих. Полковник Фицуильям, казалось, был искренне рад им – в Розингсе он невыразимо скучал, и любое, даже пустячное, событие облегчало эту скуку, а кроме того, хорошенькая подруга миссис Коллинз заметно его очаровала. Теперь он сел подле нее и так занимательно рассказывал о Кенте и Хартфордшире, о путешествиях и домашней жизни, о новых книгах и музыке, что Элизабет никогда еще не было в этой гостиной столь весело. Они беседовали с таким оживлением и интересом, что привлекли к себе внимание не только мистера Дарси, но и леди Кэтрин. Глаза первого все чаще обращались на них с любопытством, и ее милость вскоре разделила с ним это чувство, но тут же выдала его, бесцеремонно перебив их:

– Что ты такое говоришь, Фицуильям? О чем вы разговариваете? Что ты втолковываешь мисс Беннет?

– Мы беседуем о музыке, сударыня, – сказал он, когда больше уже нельзя было уклоняться от ответа.

– О музыке! В таком случае, прошу, говори громче. Из всех предметов разговора этот мне приятнее всего. И я должна принять участие в вашей беседе, раз вы говорите о музыке. Полагаю, в Англии найдется немного людей, которые упиваются музыкой сильнее, чем я, или обладают от

природы столь взыскательным вкусом. Если бы я в свое время училась ей, то превзошла бы все тонкости. Как и Анна, если бы здоровье позволило ей сесть за инструмент. Я убеждена, что она играла бы восхитительно. Дарси, а как играет Джорджиана?

Мистер Дарси похвалил успехи сестры с братской нежностью.

– Я очень рада слышать такой благоприятный отзыв о ее стараниях. Прошу, передай ей от меня, что достичь совершенства она сможет, лишь постоянно упражняясь.

– Уверяю вас, сударыня, – ответил он, – в таком совете нет нужды. Она упражняется каждый день.

– Превосходно. И чем больше, тем лучше. Когда в следующий раз я буду писать ей, непременно укажу, чтобы она ни в коем случае не манкировала. Я часто повторяю молодым девицам, что достигнуть совершенства в музыке можно, лишь постоянно упражняясь. Я несколько раз говорила мисс Беннет, что она никогда не будет играть хорошо, если не будет упражняться больше. И хотя у миссис Коллинз инструмента нет, я часто говорила, что она может приходить в Розингс каждый день и играть на фортепьяно в комнате миссис Дженкинсон. В той части дома она, знаете ли, никому мешать не будет.

Мистеру Дарси как будто стало стыдно за бесцеремонность тетушки, и он ничего не ответил.

Когда кофе был выпит, полковник Фицуильям напомнил Элизабет, что она обещала сыграть ему. Она тотчас села за инструмент. Он придвинул стул поближе к ней. Леди Кэтрин дослушала пьесу до половины, а затем громко заговорила со своим вторым племянником. Но он вскоре отошел от нее, с обычной своей неторопливостью направился к фортепьяно и встал так, чтобы видеть лицо прелестной музыкантши. Элизабет заметила его маневр и в первую же удобную паузу сказала ему с лукавой улыбкой:

– Вы намерены испугать меня, мистер Дарси, подойдя во всем вашем величии послушать меня. Но я ничуть не испугаюсь, хотя ваша сестрица и играет столь бесподобно. Во мне прячется упрямство, которое восстает, когда меня хотят утратить. Моя храбрость просыпается при каждой попытке заставить меня бояться.

– Не стану говорить, что вы в заблуждении, – ответил он, – потому что вы ведь не думаете серьезно, будто я лелею намерение вас испугать. А я уже достаточно долго имею честь быть с вами знакомым, чтобы знать, как вам иногда нравится высказывать мнения, которые на самом деле вам не принадлежат.

Элизабет искренне посмеялась над таким своим портретом и сказала

полковнику Фицуильяму:

– Ваш кузен прекрасно вам меня аттестует и научит вас не верить ни единому моему слову. Сколь я несчастна, что встретила здесь с человеком, который так умело представляет мой характер в истинном свете там, где я уповала показать себя в авантаже. Право, мистер Дарси, очень невеликодушно с вашей стороны упомянуть обо всех моих изъянах, которые вы подсмотрели в Хартфордшире, – и позвольте вам сказать, это дурная политика, так как мне хочется отплатить вам, и тогда могут выясниться такие вещи, которые шокируют ваших близких.

– Я вас не боюсь, – сказал он с улыбкой.

– Прошу, позвольте мне услышать, в чем вы его вините! – воскликнул полковник Фицуильям. – Я очень хотел бы услышать, как он ведет себя среди малознакомых людей.

– Ну, так вы услышите! Однако приготовьтесь узнать нечто ужасное. Когда я увидела его в самый первый раз в Хартфордшире, это, вообразите, было на балу, и как, по-вашему, он вел себя на этом балу? Танцевал всего четыре раза, хотя кавалеров не хватало и, как мне отлично известно, не одной барышне приходилось сидеть у стены, потому что ангажировать ее было некому. Мистер Дарси, вы не можете отрицать, что так и было.

– Я не имел чести быть знакомым ни с одной дамой или барышней на ассамблее, кроме тех, с кем приехал туда.

– Справедливо. И на балах ведь никого никому представлять не принято! Полковник Фицуильям, так что же мне еще сыграть? Мои пальцы ждут ваших распоряжений.

– Быть может, – сказал Дарси, – я поступил бы разумнее, если бы искал представления, но во мне слишком мало того, что рекомендовало бы меня новым знакомым.

– Не спросить ли нам у вашего кузена о причине? – сказала Элизабет, все еще обращаясь к полковнику Фицуильяму. – Не спросить ли, почему человек, блестящий умом и образованностью, к тому же вращающийся в высшем свете, имеет слишком мало того, что его рекомендовало бы новым знакомым?

– На ваш вопрос я могу ответить, не обращаясь к нему, – сказал полковник Фицуильям. – Потому, что его это не заботит.

– Разумеется, я лишен дара, присущего некоторым людям, – сказал Дарси. – Дара непринужденно беседовать с теми, кого я вижу впервые. Я не способен подделаться под тон их беседы или притвориться, будто мне интересно то же, что и им, хотя и часто наблюдаю подобное.

– Мои пальцы, – сказала Элизабет, – не порхают по клавишам с

легкостью, которую я наблюдаю у многих музыкантш. В них нет ни необходимой для этого силы, ни быстроты, и они не способны играть с тем же искусством. Но я всегда полагала, что вина тут моя, так как я не тружусь упражняться. Но не потому, что считаю, будто мои пальцы менее способны к совершенству, чем у других музыкантш.

Дарси ответил с улыбкой:

– Вы правы. И свое время вы употребляли с гораздо большей пользой. Никто из имевших честь слушать вашу игру не нашел бы, в чем вас упрекнуть. Ни вы, ни я не садимся за инструмент перед незнакомыми людьми.

Тут их перебила леди Кэтрин, которая громко осведомилась, о чем они разговаривают. Элизабет тотчас снова заиграла. Леди Кэтрин подошла к фортепьяно, послушала одну-две минуты, а затем сказала Дарси:

– Мисс Беннет играла бы совсем недурно, если бы больше упражнялась и имела бы лондонского учителя. Пальцы у нее достаточно гибкие, но ее вкус уступает вкусу Анны. Анна играла бы восхитительно, если бы здоровье позволило ей учиться музыке.

Элизабет взглянула на Дарси, чтобы узнать, с какой охотой он поддержит этот комплимент своей кузине. Однако ни в этом случае, ни в других она не подметила ни малейших признаков любви; и его поведение с мисс де Бэр навело ее на следующую утешительную для мисс Бингли мысль: будь мисс Бингли его родственницей, то у нее было бы ровно столько же надежд стать его избранницей.

Леди Кэтрин продолжала говорить об игре Элизабет, не скупясь на поучения, касавшиеся владения инструментом и ее вкуса. Элизабет выслушивала их с вежливым терпением и по просьбам джентльменов продолжала играть, пока не подали карету ее милости, чтобы отвезти их всех домой.

Глава 32

На следующее утро Элизабет сидела за письмом к Джейн в одиночестве, потому что миссис Коллинз и Мария отправились по делам в деревню, как вдруг ее отвлек звон дверного колокольчика – верный знак, возвещавший о визитерах. Она не слышала перед этим стука колес, а потому подумала, что это может быть леди Кэтрин, и поспешила спрятать недоконченное письмо, чтобы избежать бесцеремонных расспросов, но тут дверь отворилась и, к ее великому изумлению, вошел мистер Дарси – и один. Он, казалось, тоже удивился, что застал ее одну, и извинился за свое вторжение – служанка не предупредила его, что хозяйки и ее сестры нет дома.

Затем они сели, и, когда она осведомилась о здоровье леди Кэтрин и остальных обитателей Розингса, возникла опасность, что наступит полное молчание. Настоятельно требовалось найти какую-нибудь тему, и в ее поисках Элизабет вспомнила о том вечере, когда видела его в Хартфордшире в последний раз, и, любопытствуя услышать, чем он объяснит их поспешный отъезд, сказала:

– Как внезапно вы все покинули Недерфилд в ноябре, мистер Дарси! И, наверное, мистер Бингли был приятно удивлен, увидев вас всех столь скоро после вашего расставания. Ведь, если память мне не изменяет, он простился с вами накануне. Уповаю, он и его сестрицы были здоровы, когда вы покинули Лондон.

– О, совершенно, благодарю вас.

Она убедилась, что другого ответа не последует, и после небольшой паузы добавила:

– Насколько мне известно, мистер Бингли больше не намерен возвращаться в Недерфилд?

– Я не слышал, чтобы он говорил об этом, но, вероятно, в будущем он станет проводить там очень мало времени. У него много друзей, и он в том возрасте, когда число друзей и приглашений постоянно увеличивается.

– Раз он намерен лишь изредка заглядывать в Недерфилд, то для наших мест было бы лучше, если бы он вовсе отказался от аренды. Ведь тогда бы там могла поселиться семья, которая останется в поместье надолго. Но, быть может, мистер Бингли снял Недерфилд не столько ради соседей, сколько ради себя самого, и нам следует полагать, что он сохранит аренду или откажется от нее по тем же причинам.

– Меня не удивит, – сказал Дарси, – если он откажется от Недерфилда, едва представится случай приобрести в собственность поместье, отвечающее его вкусам.

Элизабет промолчала. Она боялась продолжать разговор о его друге, но не находила, что сказать еще, и предоставила ему искать тему для разговора.

Он понял намек и вскоре заметил:

– Этот дом мне кажется очень уютным. Леди Кэтрин, если не ошибаюсь, произвела в нем много переделок, когда мистер Коллинз получил Хансфордский приход.

– Да, насколько мне известно, и я убеждена, что она не могла удостоить своей добротой более благодарного человека.

– Мистер Коллинз как будто оказался очень счастлив в выборе супруги.

– О да! Его друзья с полным правом могут радоваться, что ему довелось встретить одну из очень немногих здравомыслящих женщин, которые были бы способны дать ему согласие или, согласившись, сделать его счастье. Моя подруга очень благоразумна, хотя я не уверена, что считаю ее брак с мистером Коллинзом самым мудрым ее поступком. Однако она кажется очень счастливой, а с практической точки зрения это, бесспорно, была для нее хорошая партия.

– Вероятно, ей очень приятно, что она поселилась столь недалеко от своей семьи и друзей.

– Недалеко? Однако это же почти пятьдесят миль!

– Но что такое пятьдесят миль по хорошей дороге? Много менее дня пути. Да, такое расстояние я считаю недалеким.

– Я бы никогда не сочла это расстояние одним из преимуществ ее брака! – вскричала Элизабет. – Я бы никогда не сказала, что миссис Коллинз поселилась поблизости от своей семьи.

– Это лишь доказывает вашу собственную любовь к Хартфордширу. Все, что лежит за пределами лонгборнских окрестностей, наверное, кажется вам очень далеким.

При этих словах по его губам скользнула улыбка, смысл которой Элизабет, как ей казалось, прекрасно поняла. Конечно, он полагает, что она подумала о Джейн и Недерфилде. И, отвечая, она залилась румянцем.

– Я вовсе не хотела сказать, будто женщине следует жить по соседству со своей семьей. «Далеко» и «близко», разумеется, понятия относительные и зависят от многих разнообразных обстоятельств. Когда богатство делает любые дорожные расходы незначительными, расстояние перестает быть

препятствием. Но тут другой случай. Мистер и миссис Коллинз обладают приличным доходом, но не таким, который допускал бы частые поездки, и я уверена, что моя подруга сочла бы, что живет неподалеку от своей семьи, только если бы их разделяло вдвое меньше миль.

Мистер Дарси придвинул свой стул чуть ближе к ней и сказал:

– Вам не следует питать столь сильную любовь к родным местам. Вам не придется навсегда остаться в Лонгборне.

Элизабет посмотрела на него с удивлением. В мистере Дарси словно бы произошла какая-то перемена, он отодвинул стул, взял газету со столика и, взглянув через верхний ее край, спросил более холодным голосом:

– Вам нравится Кент?

Последовала беседа о достоинствах этого графства, которую они вели с полным спокойствием и не отвлекаясь от темы, но их разговор скоро прервала вернувшаяся Шарлотта, которая вошла с сестрой в гостиную. Их обоих удивил такой тет-а-тет. Мистер Дарси объяснил недоразумение, ставшее причиной того, что он нарушил уединение мисс Беннет, просидел еще несколько минут, больше почти ничего никому не сказав, и откланялся.

– Что это может означать? – спросила Шарлотта, едва он ушел. – Милая Элиза, он, должно быть, влюблен в тебя, иначе он никогда бы не пришел к нам так запросто.

Однако, когда Элизабет объяснила, что он больше молчал, Шарлотта, вопреки своим надеждам, была вынуждена признать, что ее догадка маловероятна. И после всяческих предположений им оставалось только прийти к выводу, что он, как было вероятнее всего в это время года, нанес этот визит от скуки, не найдя для себя никаких занятий. Сезон охоты и лисьей травли кончился. В стенах дома были леди Кэтрин, книги и бильярд, но джентльмены не способны проводить все время в четырех стенах. И то ли близость дома священника, то ли приятная прогулка до него, то ли его обитатели явились достаточным соблазном, но с этого дня оба кузена посещали его почти каждый день. Они появлялись в разные часы утра, порой поодиночке, порой вместе, а иногда – сопровождая тетушку. Им всем было ясно, что полковник Фицуильям приходит ради удовольствия, которое ему доставляет их общество, и мысль эта, разумеется, еще более повысила его в их мнении. Элизабет же его видимое восхищение и собственное удовольствие от его общества напомнили о ее недавнем фаворите Джордже Уикхеме. И хотя, сравнивая их, она находила манеры полковника Фицуильяма не столь обворожительными, она признала за ним гораздо большую образованность.

Однако гораздо труднее было понять, почему мистер Дарси их

навещал так часто. Не ради их общества, так как обычно он не открывал рта в течение десяти минут, а когда говорил, то, казалось, неохотно, лишь по необходимости, принося приличиям жертву, не доставлявшую ему ни малейшего удовольствия. Миссис Коллинз его не понимала. Полковник Фицуильям порой подшучивал над его неразговорчивостью, а это доказывало, что это не обычное его поведение, чего сама она заметить, разумеется, не могла, почти совсем его не зная. А так как ей хотелось верить, что причина перемены – влюбленность, и влюбленность в ее подругу Элизу, она положила себе узнать, так ли это: внимательно наблюдала за ним и когда они бывали в Розингсе, и когда он приходил к ним, но безуспешно. Бесспорно, он часто смотрел на ее подругу, однако истолковать это можно было по-разному. Его взгляд казался серьезным, упорным, но Шарлотта часто сомневалась, что он прячет восхищение, а иногда даже думала, что его порождает рассеянность. Раз два она говорила Элизабет, что Дарси, возможно, питает к ней нежное чувство, но Элизабет только посмеивалась в ответ. И миссис Коллинз отступала, опасаясь вызвать надежды, которые могли завершиться лишь разочарованием. Ведь она ничуть не сомневалась, что неприязнь ее подруги к Дарси исчезнет, едва она поверит в свою власть над ним.

Строя планы счастья Элизабет, Шарлотта иногда думала, не выйти ли той за полковника Фицуильяма. Он, вне всяких сравнений, был гораздо более приятным человеком, бесспорно, восхищался Элизабет, а его положение в свете не оставляло желать ничего лучшего. Но в противовес всем этим преимуществам мистер Дарси имел в своем распоряжении немало приходов, тогда как у его кузена могло не быть ни единого.

Глава 33

Гуляя по парку, Элизабет не раз неожиданно встречала мистера Дарси. Она сердилась на капризы случая, которые приводили его туда, где никто другой никогда не прогуливался, и, чтобы предотвратить дальнейшие встречи, она во время первой позаботилась сообщить ему, что это ее любимые дорожки. Так почему же они встретились там во второй раз? Непонятно! Тем не менее вторая встреча произошла, а за ней и третья. Это казалось злокозненностью или же наложенной на себя епитимьей. Потому что их встречи не ограничивались обычными церемонными фразами, неловкой паузой и расставанием ко взаимному облегчению; нет, он считал необходимым повернуть назад и сопровождать ее. Говорил он мало, но она не особенно утруждала себя тем, чтобы отвечать или слушать. Однако во время их третьей встречи ее удивило, что он задавал странные, не проистекающие друг из друга вопросы: как ей нравится гостить в Хансфорде, про ее любовь к одиноким прогулкам, про ее мнение о супружеском счастье мистера Коллинза и миссис Коллинз. И еще: говоря о Розингсе, о том, что у нее как будто сложилось превратное представление об этом доме, он словно бы предполагал, что, вновь приезжая в Кент, она будет гостить там. Его слова как будто подразумевали именно это. Не думает ли он о полковнике Фицуильяме? Она решила, что его слова, если они означали что-то, клонили в ту сторону. Это ее слегка огорчило, и она была очень рада, оказавшись у калитки в ограде напротив дома мистера Коллинза.

Во время другой прогулки она перечитывала последнее письмо Джейн и размышляла над некоторыми местами в нем, которые доказывали, что настроение ее сестры, когда она его писала, было не очень веселым, и тут, подняв глаза, она с удивлением увидела перед собой не мистера Дарси, а полковника Фицуильяма. Быстро спрятав письмо и заставив себя улыбнуться, она сказала:

– Я не знала прежде, что вы прогуливаетесь и здесь.

– Я обходил парк, – ответил он, – как делаю обычно каждый год, и решил в заключение заглянуть к Коллинзам. Вы собираетесь еще погулять?

– Нет, я как раз намеревалась вернуться.

Она тут же повернулась, и они вместе пошли к калитке.

– Верно, что вы покидаете Кент в субботу? – спросила она.

– Да... если Дарси снова не отложит отъезд. Но я в его распоряжении.

Он все устраивает, как ему заблагорассудится.

– И если недоволен тем, что устроит, у него остается радость выбора. А я не знаю никого, кто так бы наслаждался правом следовать своим капризам, как мистер Дарси.

– Ему очень нравится поступать по-своему, – ответил полковник Фицуильям. – Но кому из нас это не нравится? Просто у него для этого куда больше простора, чем у многих других, так как он богат, а многие другие бедны. Я говорю по собственному опыту. Младшему сыну, вы знаете, приходится привыкать к ограничению желаний и к зависимости.

– По-моему, младшему сыну графа обычно не приходится испытывать ни того, ни другого. Часто ли недостаток денег препятствовал вам поехать, куда вам было угодно, или обрести то, что вам понравилось?

– Очень злокозненные вопросы! Да, возможно, мне нельзя утверждать, будто я испытывал много подобных превратностей. Однако в более важных делах недостаток денег может стать моим несчастьем. Младшие сыновья не женятся так, как им хотелось бы.

– Если только их выбор не падает на богатых невест, что, мне кажется, бывает очень часто.

– Наша привычка к роскоши делает нас зависимыми, и среди людей моего положения в свете лишь немногие могут вступить в брак, не думая о деньгах.

«Это говорится для меня?» – подумала Элизабет и покраснела при этой мысли, но опомнилась и сказала шутливо:

– А сколько обычно стоит младший сын графа? Если только старший сын не отличается болезненностью, полагаю, вы не запросите более пятидесяти тысяч фунтов?

Он ответил ей в том же тоне, и тема была оставлена. Чтобы нарушить молчание, которое могло внушить ему мысль, будто она расстроена тем, что произошло, Элизабет вскоре сказала:

– Полагаю, ваш кузен привез вас с собой главным образом для того, чтобы иметь кем распорядиться. Поражаюсь, почему он еще не женился и не обзавелся кем-то более постоянным для этой цели. Однако его сестра, возможно, пока восполняет этот недостаток. А так как он ее единственный опекун, то может делать с ней все, что пожелает.

– Нет, – ответил полковник Фицуильям. – это преимущество он должен делить со мной. Опекунство над мисс Дарси поручено нам обоим.

– Неужели? Прошу, скажите, какой он опекун? А ваша опекаемая доставляет вам много хлопот? Барышни ее возраста иногда бывают немного своенравными, а если она истинная Дарси, то, возможно, любит

поставить на своем?

Говоря это, она заметила, что он глядит на нее очень внимательно. А то, как он тут же осведомился, почему она полагает, будто мисс Дарси доставляет им много хлопот, убедило ее, что ее догадка верна. И она тотчас ответила:

– Не пугайтесь. Я никогда не слышала про нее ничего дурного и вполне готова поверить, что она самое покладистое существо на свете. Некоторые мои знакомые души в ней не чают – миссис Хэрст и мисс Бингли. По-моему, вы упоминали, что знакомы с ними.

– Да, немного. Их брат очень приятный человек, настоящий джентльмен и большой друг Дарси.

– О да, – ответила Элизабет сухо, – мистер Дарси необыкновенно добр к мистеру Бингли и чрезвычайно о нем заботится.

– Заботится о нем! Да, пожалуй, Дарси действительно помогает ему, когда он настоятельно нуждается в помощи. Судя по тому, о чем он мне рассказал по дороге сюда, у меня есть основания полагать, что Бингли в большом у него долгу. Впрочем, я обязан ему извинением, так как у меня нет уверенности, что речь шла именно о Бингли. Все это лишь предположения.

– О чем вы говорите?

– Об истории, которую Дарси, натурально, не хотел бы предать огласке, так как, дойди она до семьи барышни, это было бы весьма неприятно.

– Вы можете положиться на то, что я никому не скажу ни слова.

– И помните, у меня нет особых оснований полагать, что в ней замешан именно Бингли. Дарси сказал мне лишь, что поздравляет себя с тем, как недавно ему удалось спасти своего друга от чрезвычайно неразумного брака, но не упомянул ни имен, ни каких-либо обстоятельств. И я заподозрил, что дело касается Бингли, потому лишь, что он из тех молодых людей, которые легко попадают в подобные положения. Ну и, кроме того, все прошлое лето они были неразлучны.

– А мистер Дарси объяснил вам причины своего вмешательства?

– Насколько я понял, против барышни имелись сильнейшие возражения.

– И к какому же искусству он прибегнул, чтобы разлучить их?

– Он не говорил со мной о своем искусстве, – ответил Фицуильям с улыбкой. – Он сказал мне лишь то, что я сейчас сказал вам.

Элизабет ничего не ответила, но, пока она продолжала идти, ее сердце переполнялось негодованием. Понаблюдав за ней некоторое время,

Фицуильям спросил, о чем она так задумалась.

– Я думаю о том, что сейчас от вас услышала, – сказала она. – Поведение вашего кузена возмущает меня. Почему он берет себе право судить?

– Вы склонны назвать его вмешательство непростительным?

– Я не вижу, какое у мистера Дарси есть право решать, насколько уместна или неуместна сердечная склонность его друга. Или почему, полагаясь только на свое суждение, он берется указывать и распоряжаться, как именно должен быть счастлив его друг. Однако, – продолжала она, спохватившись, – поскольку обстоятельства нам не известны, нечестно было бы осудить его. Достаточно ясно, что речь шла не об истинной склонности.

– Заключение достаточно правдоподобное, – сказал Фицуильям, – но оно отнимает заметную часть блеска у победы кузена.

Сказано это было в шутку, но ей показалось таким точным портретом мистера Дарси, что она побоялась ответить, и, тотчас оставив эту тему, всю оставшуюся дорогу до дома священника говорила о разных пустяках, а там, едва полковник откланялся, поднялась в свою комнату, чтобы без помех обдумать все от него услышанное. Не могло быть никаких сомнений, что речь шла о ее близких. И, конечно же, в мире не могло существовать двух людей, равно находящихся под безграничным влиянием мистера Дарси. Она никогда не сомневалась, что он был причастен к уловкам, пущенным в ход, чтобы разлучить мистера Бингли и Джейн, однако она считала, что замысел и главная роль принадлежали мисс Бингли. Однако, если только самомнение не ввело Дарси в заблуждение, он был причиной – его гордыня и каприз были причиной всех страданий Джейн и прежде, и теперь. Он на время погубил всякую надежду на счастье в самом нежном, в самом отзывчивом сердце в мире. И никто не мог бы предсказать, насколько долго продлится власть содеянного им зла.

«Против барышни имелись серьезнейшие возражения», – сказал полковник Фицуильям. Возражениями этими, вероятно, были двое дядей, провинциальный стряпчий и лондонский негодант.

– Против самой Джейн, – воскликнула она, – разумеется, никаких возражений быть не могло! Ведь она сама прелесть и доброта! Она умна, образованна, ее манеры обворожительны. Ничего нельзя сказать и против папеньки, ведь он, несмотря на некоторые чудачества, обладает достоинствами, какие даже мистер Дарси не может презреть, и почтенностью, которой сам он, вероятно, никогда не обретет. – Тут она подумала о своей матери, и ее уверенность несколько поколебалась. Но она

не желала признать, что возражения могли быть связаны с миссис Беннет, так как, по ее убеждению, гордыню мистера Дарси куда глубже уязвила бы неродовитость, чем отсутствие здравого смысла у новой родни его друга. Наконец она бесповоротно решила, что мистер Дарси отчасти повиновался этой худшей из худших гордостей, а отчасти – желанию приберечь мистера Бингли для своей сестры.

Волнение и слезы, вызванные этими мыслями, стали причиной головной боли, которая к вечеру настолько усилилась, что вкупе с нежеланием видеть мистера Дарси понудила ее не пойти со своими родственниками в Розингс, где их ожидали к чаю. Миссис Коллинз, заметив, что ей действительно нездоровится, не стала настаивать и, как могла, помешала настаивать своему мужу. Однако мистер Коллинз не мог скрыть опасений, как бы леди Кэтрин не разгневалась, что она осталась дома.

Глава 34

Когда они ушли, Элизабет, словно намереваясь еще сильнее восстановить себя против мистера Дарси, занялась перечитыванием всех писем, которые Джейн присылала ей в Кент. В них не было ни сетований, ни воспоминаний о произошедшем, ни намеков на то, что она продолжает страдать. И все же почти в каждой строчке недоставало той веселости, какой они всегда дышали прежде, веселости, питаемой безмятежностью и добрым расположением ко всем людям, а потому никогда не омрачавшейся. Элизабет теперь чувствовала скрытую во многих фразах грусть, которую не заметила, читая письмо в первый раз.

Мистер Дарси бессовестно похвалялся горем, которое сумел причинить, и это помогло ей глубже понять страдания сестры. Некоторым утешением служила мысль, что через два дня его уже не будет в Розингсе, а еще большим – уверенность, что через неделю с небольшим она вновь встретится с Джейн и поможет своей любовью вернуть ей прежний покой.

Подумав об отъезде Дарси, она вспомнила, что его кузен покинет Кент вместе с ним, но полковник Фицуильям дал ясно понять, что никаких серьезных намерений у него нет, и, хотя его общество доставляло ей большое удовольствие, страдать из-за его отъезда она не намеревалась.

Едва она пришла к этому заключению, как зазвенел дверной колокольчик, и она немного смутилась, полагая, что это мог быть полковник Фицуильям, который как-то раз заходил к ним столь же поздно, а сейчас мог прийти осведомиться о ее здоровье. Однако тут же оказалось, что она ошиблась, и она почувствовала совсем другое, когда, к величайшему своему изумлению, увидела, что в гостиную входит мистер Дарси. Он тут же торопливо справился, не прошла ли ее мигрень, давая понять, что его привело сюда желание узнать, что ей стало лучше. Она ответила ему с холодной вежливостью. Он было сел, но тут же вскочил и прошелся по комнате. Элизабет удивилась, но ничего не сказала. После нескольких минут молчания он подошел к ней и с большим волнением заговорил:

– Я тщетно боролся. Это бесполезно. Мои чувства подавить невозможно. Вы должны позволить мне выразить, как пылко я восхищаюсь вами и люблю вас.

Изумление Элизабет не знало границ. Она смотрела на него краснея, не веря своим ушам, не в силах произнести ни слова. Он счел это

благоприятным знаком и тут же признался в нежной страсти, которую питает к ней, и питает уже давно. Он изъяснялся красноречиво, но коснулся иных чувств, кроме сердечных, и о гордости говорил с неменьшим жаром, чем о нежности. Ее более низкое положение в обществе, неравенство такого брака, семейные препятствия – все то, что противостояло влечению сердца, перечислялось и растолковывалось с горячностью, которая, видимо, рождалась раной, наносимой его достоинству, но никак не могла содействовать успеху его объяснения со своей избранницей.

Несмотря на свою глубокую неприязнь к нему, Элизабет не могла не быть тронута лестностью предложения такого человека, и хотя ее намерение осталось неколебимым, сначала она сожалела о боли, которую должна будет ему причинить. Но то, что последовало дальше, заставило ее забыть о жалости, которая тотчас сменилась возмущением. Однако она попыталась овладеть собой, чтобы, когда он договорит, ответить ему спокойно. В заключение он описал ей силу влюбленности, которую, вопреки всем своим усилиям, он не смог побороть, и затем выразил надежду, что она вознаградит его, отдав ему свою руку. Когда он произнес эти слова, она без труда поняла, что он не сомневается в ее согласии. Правда, он сказал, что со страхом и трепетом ждет решения своей судьбы, но в его лице не было и тени сомнения. Это могло лишь усугубить ее возмущение, и, когда он смолк, она сказала, зардевшись румянцем гнева:

– Мне кажется, в подобных случаях принято выражать благодарность за лестное расположение, даже если оно не находит ответа. Вполне естественно быть признательной за него, и если бы я могла испытывать благодарность, то теперь поблагодарила бы вас. Но я не могу. Я никогда не искала вашего доброго мнения, а вы, бесспорно, одарили меня им весьма неохотно. Я предпочла бы никому не причинять боли. И причинила ее, не подозревая об этом, но, надеюсь, она будет недолгой. Чувства, которые, по вашим словам, столь долго препятствовали вашему признанию, легко возобладают над вашей сердечной склонностью после этого объяснения.

Мистер Дарси, опиравшийся на каминную полку и не спускавший глаз с лица Элизабет, казалось, слушал ее с досадой не менее, чем с удивлением. Лицо его побледнело от гнева, и во всех его чертах отразилось смутение. Он старался совладать с собой и не хотел ничего говорить, пока не счел, что достаточно успокоился. Пауза эта была для Элизабет ужасной. Наконец с вымученной невозмутимостью он сказал:

– И это единственный ответ, которым меня удостоят! Быть может, я бы хотел узнать причину, почему я отвергнут со столь малой попыткой соблюсти правила вежливости. Впрочем, это не имеет никакой важности.

– И я могла бы спросить, – ответила она, – почему со столь видимым намерением оскорбить и унижить меня вы изволили сказать мне, что питаете ко мне нежность против вашей воли, против вашего рассудка и даже против самой своей натуры? Нет ли во всем этом оправдания для некоторой невежливости? Но у меня есть и другие причины. И они вам известны. Если бы мои собственные чувства не отвергали вас, если бы я была равнодушна или даже расположена к вам, неужели вы думаете, что хоть что-то толкнуло бы меня ответить согласием человеку, чьи усилия погубили, и, быть может, навсегда, счастье горячо любимой сестры?

Пока она говорила, мистер Дарси переменился в лице, однако ненадолго, и продолжал слушать ее не перебивая, а она продолжала:

– У меня есть достаточно поводов думать о вас дурно. Никакие побуждения не могут оправдать несправедливости и бессердечия этих ваших поступков. Вы не посмеете, вы не можете отрицать, что вы были главным, если не единственным, кто разлучил их, обрек одного осуждению света за легкомыслие и непостоянство, другую – насмешкам за обманутые надежды, а их обоих – сердечным страданиям.

Она умолкла и с немалым негодованием увидела по его лицу, что ее слова не пробудили в нем ни малейшего раскаяния. Он даже посмотрел на нее с улыбкой нарочитого недоверия.

– Можете вы отрицать все это?

С притворной невозмутимостью он наконец ответил:

– Я не намерен отрицать, что сделал все, что в моих силах, чтобы разлучить моего друга с вашей сестрой, или что радуюсь моему успеху. Ему я оказал большую услугу, чем себе.

Элизабет не показала виду, что заметила этот галантный намек, хотя его смысл был ей ясен. Но он не мог ее смягчить.

– Моя неприязнь вызвана не только этими вашими поступками, – продолжала она. – Мнение о вас сложилось у меня задолго до них. Ваш характер раскрылся мне в рассказе, который много месяцев тому назад я выслушала от мистера Уикхема. Что вы можете сказать об этом? Какой ссылкой на воображаемую дружескую услугу можете вы оправдаться? Какое неверное толкование того, что произошло, можете вы приписать другим?

– Вы принимаете живейшее участие в делах этого джентльмена, – сказал Дарси менее спокойным тоном, и на его лице проступила краска.

– Кто, знающий, какие несчастья ему пришлось перенести, не принял бы в нем участия?

– Его несчастья! – презрительно повторил Дарси. – Да, его несчастья

правда были велики.

– И навлечены на него вами! – с жаром вскричала Элизабет. – Вы ввергли его в нынешнюю бедность. Вы отняли у него блага, которые, как вам было известно, предназначались ему. Вы лишили его лучшие годы той независимости, которая была его правом, вполне им заслуженным. Все это сделали вы! И тем не менее вы способны встретить упоминание о его несчастьях презрительной насмешкой!

– Таково ваше мнение обо мне! – воскликнул Дарси, быстрым шагом пересекая комнату. – Так вы смотрите на меня! Благодарю, что вы все так подробно изъяснили. Мои вины, согласно этой оценке, поистине велики! Но, может быть, – добавил он, останавливаясь и поворачиваясь к ней, – все эти проступки могли быть оставлены без внимания, если бы вашу гордость не уязвило мое честное признание в сомнениях, которые столь долго препятствовали мне принять решение. Эти горькие упреки могли бы остаться несказанными, если бы я более расчетливо скрыл свои борения и лестью заставил бы вас поверить в то, что мной движет беспредельная, не видящая никаких препон нежная склонность, которая поддержана рассудком, долгим обдумыванием – ну, словом, всем. Но мне противно любое притворство. И я не стыжусь чувств, о которых рассказал. Они естественны и оправданны. Могли ли вы ждать, что меня будет радовать ваше происхождение? Что я буду поздравлять себя с тем, что породнюсь с людьми, чье положение в обществе настолько ниже моего?

С каждым мгновением гнев все больше овладевал Элизабет. И тем не менее она приложила все усилия, чтобы сохранить спокойствие, когда сказала:

– Вы ошибаетесь, мистер Дарси, если полагаете, будто форма, в которую вы облекли свое признание, как-то повлияла на меня, если не считать того, что она избавила меня от жалости, которую я могла почувствовать, отказывая вам, если бы вы вели себя как подобает джентльмену.

Она увидела, как Дарси вздрогнул при этих словах, однако он ничего не сказал, и она продолжала:

– В каких бы словах вы ни предложили мне свою руку, они не соблазнили бы меня принять ее.

Вновь он не сумел скрыть изумления и взглянул на нее с выражением недоверия и растерянности. А она добавила:

– С самого начала, с первой же минуты, могу я сказать, моего знакомства с вами ваши манеры вполне показали мне вашу надменность, вашу спесь и ваше эгоистичное пренебрежение чувствами других и

послужили тем фундаментом неодобрения, которое благодаря последующим событиям превратилось в прочную неприязнь. Мы были знакомы менее месяца, когда я поняла, что вы – последний человек в мире, за которого я вышла бы замуж, как бы меня ни уговаривали.

– Вы сказали достаточно, сударыня. Я вполне понимаю ваши чувства и теперь могу лишь стыдиться того, что чувствовал сам. Простите меня за отнятое у вас время и примите мои наилучшие пожелания здоровья и счастья.

С этими словами он поспешно вышел из комнаты, а мгновение спустя Элизабет услышала, как за ним захлопнулась дверь дома. Она была в полном смятении, не понимала, как успокоиться, села, потому что ноги ее не держали, и проплакала полчаса. Ее удивление, когда она вновь и вновь думала о произошедшем, все более возрастало. Мистер Дарси сделал ей предложение! И был в нее влюблен уже столько месяцев! Так влюблен, что хотел на ней жениться вопреки всем тем возражениям, которые подвигли его помешать женитьбе его друга на ее сестре и уж тем более должны были иметь силу в его глазах, когда речь шла о нем самом! Все это представлялось ей почти невероятным. Ей льстило, что она, сама того не зная, могла внушить столь сильное чувство. Но его гордость, его невыносимая гордыня, бесстыдное признание в том, как он поступил с Джейн, его непростительная уверенность в своей правоте, хотя он ничем не мог оправдать своего поведения, и бесчувственность, с какой он упомянул мистера Уикхема, даже не считая нужным отрицать свою жестокость по отношению к тому, – все это вскоре заставило ее забыть о жалости, какую было пробудила мысль о его любви к ней.

Она все еще не могла прийти в себя, когда стук колес экипажа леди Кэтрин заставил ее поспешить в свою комнату, чтобы избежать проницательных глаз Шарлотты.

Глава 35

На следующее утро Элизабет тотчас вернулась к тем мыслям, которые накануне долго мешали ей уснуть. Она еще не оправилась от удивления и не могла думать ни о чем другом. Не в силах чем-нибудь заняться, она после завтрака решила погулять, подышать свежим воздухом и направилась было к своей любимой дорожке. Однако воспоминание, что мистер Дарси иногда тоже гуляет там, остановило ее, и вместо того, чтобы свернуть в парк, она пошла по проселку, который уводил в сторону от тракта. Однако с одной стороны вдоль него тянулась ограда парка, и вскоре Элизабет миновала боковую калитку. Пройдясь раза два по началу проселка, она, соблазненная красотой утра, остановилась у калитки и залюбовалась парком. Пять недель, которые она провела в Кенте, внесли большую перемену в пейзаж, и с каждым днем деревья, рано разворачивающие листья, зеленели все больше. Она уже собиралась продолжить прогулку, как вдруг заметила в прилегающей к парку рощице фигуру какого-то человека. Он шел по направлению к ней, и, опасаясь, что это может оказаться мистер Дарси, она было пошла назад. Однако не осталась незамеченной, и он, ускорив шаг, ее окликнул. Хотя она узнала голос мистера Дарси, но все-таки повернулась и направилась назад к калитке. Дарси уже стоял там, протягивая ей письмо, которое она машинально взяла, а он сказал с видом надменного спокойствия:

– Я уже давно прогуливался в роще в надежде встретить вас. Вы окажете мне честь, прочитав это письмо?

С легким поклоном он повернулся и вскоре скрылся среди деревьев.

Не ожидая ничего приятного, но сгорая от любопытства, Элизабет вскрыла письмо и с удивлением обнаружила два листа, исписанные очень мелким почерком, как и третий лист, в который они были вложены. Она пошла дальше по проселку и начала читать. Письмо было помечено Розингсом, восемью часами утра, и гласило следующее:

«Получив это письмо, сударыня, не тревожьтесь, что найдете в нем повторение тех чувств или возобновление того предложения, которые вчера вечером вызвали у вас такое отвращение. Я пишу без намерения причинить вам боль или уронить себя, напомнив о желаниях, которые для душевного спокойствия нас обоих следует поскорее забыть. Вероятно, следовало бы избежать тех усилий, которые понадобятся, чтобы написать это письмо и

прочитать его, но моя честь требует, чтобы оно было написано и прочитано. А потому вы должны извинить вольность, с какой я потребовал вашего внимания. Знаю, сколь противно это будет вашим чувствам, но я взываю к вашей справедливости.

Вчера вы обвинили меня в двух низостях совсем разного свойства и отнюдь не равных по значимости. Во-первых, что я, не считаясь с их чувствами, разлучил мистера Бингли с вашей сестрой, и, во-вторых, что я, презрев его права, презрев человечность и благородство, лишил мистера Уикхема обеспеченного существования и погубил его надежды на будущее. Беспричинно и злокозненно отвергнуть товарища моей юности и признанного протеже моего отца, юношу, не имевшего иной опоры, кроме нашего покровительства, твердо обещанного ему с нежных лет, было бы гнусностью, с которой разлучение тех, чье взаимное расположение росло и крепло лишь несколько недель, не может идти ни в какое сравнение. Однако я уповаю, что моя вина и в том, и в другом не будет вновь подвергнута столь суровому осуждению, как вчера, после того, как вы прочтете изложение моих поступков и побуждений к ним. Если при их объяснении, необходимом мне, я буду вынужден рассказывать о чувствах, могущих вас оскорбить, мне остается лишь испросить вашего прощения. Необходимости следует покориться, а дальнейшие извинения были бы нелепы.

Я пробыл в Хартфордшире совсем недолго, когда вместе со многими другими заметил, что Бингли отдает вашей старшей сестре предпочтение перед всеми остальными девицами. Однако лишь на балу в Недерфилде я понял, насколько его чувство может быть серьезным. Прежде я часто видел, как он влюблялся. На этом балу, когда я имел честь танцевать с вами, из случайных слов сэра Уильяма Лукаса мне впервые стало ясно, что внимание Бингли к вашей сестре внушило всем убеждение, будто они поженятся. Он упомянул некое желанное событие так, словно оно было лишь вопросом времени. С этого мгновения я начал пристально следить за поведением моего друга и вскоре понял, что его чувство к мисс Беннет совсем иное, чем прежние его влюбленности, которые я наблюдал. Я следил и за вашей сестрой. Ее выражение и манеры были искренними, веселыми и обворожительными, как всегда, но ничто в них не говорило об особом предпочтении, и наблюдения этого вечера оставили меня в убеждении, что она, хотя и принимала знаки его внимания с удовольствием, не поощряла их ответным чувством. Если вы не в заблуждении касательно этого, значит, я ошибался. Вы знаете свою сестру много лучше, чем я, а потому второе более вероятно. Если это так, если моя ошибка обернулась

для нее страданиями, то ваше возмущение оправданно. Но я не побоюсь сказать, что безмятежность облика и поведения вашей сестры даже самому проникательному наблюдателю внушила бы мысль, что сердце ее, как она ни мила в обхождении, вряд ли так уж легко завоевать. Не спорю, мне хотелось верить в ее равнодушие к Бингли, но смею сказать, что, разбираясь в обстоятельствах и принимая решения, я редко поддаюсь влиянию моих пожеланий или опасений. Я поверил в ее равнодушие не потому, что хотел, чтобы она была равнодушна. Я поверил в него только после беспристрастной оценки всех обстоятельств, как того требовал здравый смысл. Мои же возражения против их брака были не только теми, которые, как я признался вчера, от меня самого для их преодоления потребовали всю силу страсти. Неродовитость была бы для моего друга куда меньшим злом, чем для меня. Но есть другие причины считать такой брак нежелательным, причины, которые, хотя они существуют и сейчас, причем в равной для обоих случаев степени, я постарался забыть, благо, их не было у меня перед глазами. Причины эти следует назвать, хотя и кратко. Родство вашей матери, хотя и нежелательное, — ничто в сравнении с пренебрежением законами приличий, которое столь постоянно, если не сказать всегда, являют она сама, три ваши младшие сестры, а порой — так и ваш отец. Простите меня, мне больно ранить вас. Но, огорчаясь из-за невоспитанности ваших близких, сердясь на подобное упоминание о них, почерпните утешение в мысли, что умение ваше и вашей старшей сестры вести себя так, чтобы избегать подобного осуждения, делает честь благоразумию и характеру вас обеих и вызывает всеобщую хвалу. Добавлю лишь, что происходившее в тот вечер укрепило мое мнение о всех участниках и усилило желание уберечь моего друга от того, что я считал самым нежелательным родством. На следующий день, как, полагаю, вы помните, он уехал из Недерфилда в Лондон с намерением поскорее возвратиться.

Теперь надо объяснить, какую роль сыграл я. Его сестры встревожились не менее меня, мы вскоре убедились в совпадении наших мнений, и, понимая, что нельзя терять времени, мы, чтобы помешать их брату, решили безотлагательно присоединиться к нему в Лондоне. Мы отправились туда, и там я с готовностью взялся разъяснить моему другу некоторые нежелательные стороны такого выбора. Я описывал их с большой настойчивостью. Однако, как бы такие доводы ни колебали и ни ослабляли его решимость, не думаю, что они все-таки заставили бы его отказаться от этого брака, если бы я не подкрепил их, без колебаний заверив его в равнодушии вашей сестры к нему. Прежде он полагал, что

она отвечает ему искренней взаимностью, хотя и не такой пылкой. Но природа наделила Бингли большой скромностью, и он привык больше полагаться на мои суждения, нежели на свои собственные. А потому внушить ему, что он ошибся, не составило особого труда. Когда же это было достигнуто, на то, чтобы убедить его не возвращаться в Хартфордшир, потребовалось не более минуты. И в моей роли до той минуты я не нахожу ничего недостойного. Но кое в чем мое поведение я не могу счесть безупречным. В том, что я унизился до хитростей, чтобы скрыть от него приезд вашей сестры в Лондон. Я знал об этом, как знала и мисс Бингли, но ее брат и сейчас пребывает в неведении. Вполне вероятно, что их встреча не имела бы никаких дурных последствий, однако мне кажется, его чувство к ней еще не угасло настолько, что для него было бы безопасным вновь ее увидеть. Быть может, это сокрытие, этот обман были меня недостойны. Но, как бы то ни было, я прибегнул к ним, и прибегнул из наилучших намерений. Больше ничего я об этом предмете сказать не могу, как не могу предложить иных извинений. Если я ранил чувства вашей сестры, то по неведению. И хотя побуждения, которыми я руководствовался, вам, вполне естественно, могут показаться неоправданными, сам я все еще не нахожу в них ничего, достойного осуждения.

Что касается другого, более тяжкого обвинения, будто мистер Уикхем терпел из-за меня невзгоды, я могу опровергнуть его, лишь изложив вам всю историю его отношений с нашей семьей. Мне не известно, в чем именно он меня обвинил, но в подтверждение того, что вы теперь узнаете от меня, я могу сослаться на многих свидетелей, в чьей правдивости усомниться невозможно.

Мистер Уикхем – сын весьма почтенного человека, который много лет был управляющим Пемберли и чье безукоризненное исполнение своих обязанностей, естественно, вызвало у моего отца желание быть ему полезным. Эту признательность он щедро изливал на Джорджа Уикхема, своего крестника. Мой отец платил за его учение в школе, а затем в Кембридже – весьма существенная помощь, так как его родной отец всегда пребывал в бедности из-за мотовства своей жены и не мог бы воспитать его как джентльмена. Мой отец не только любил общество этого молодого человека, чьи манеры неизменно вызывали к нему общее расположение, но был о нем самого высокого мнения и, надеясь, что он изберет своим поприщем церковь, намеревался помочь ему на этом пути. Что до меня, то прошло уже много, много лет с тех пор, как я увидел его совсем в ином свете. Порочные склонности, отсутствие нравственных

устоев – все то, что он тщательно скрывал от своего лучшего друга и покровителя, не могло ускользнуть от молодого человека, почти его ровесника, в отличие от мистера Дарси имевшего случаи наблюдать его в минуты, когда он не считал нужным остерегаться. Теперь я вновь причиню вам боль – насколько сильную, ведомо лишь вам. Однако, каковы бы ни были чувства, вызванные мистером Уикхемом, догадка о них не воспрепятствует мне обличить его истинный характер, но, напротив, дает еще одно основание для этого.

Мой досточтимый родитель скончался около пяти лет тому назад и до самого конца оставался настолько верен своему расположению к мистеру Уикхему, что в завещании выразил желание, чтобы я всячески способствовал ему на избранном поприще и, если он примет духовный сан, отдал бы ему самый доходный из приходов, имеющихся в распоряжении нашей семьи, едва тот станет вакантным. И еще он завещал ему тысячу фунтов. Его родной отец ненадолго пережил моего, и примерно через полгода после этого мистер Уикхем написал мне, сообщая, что, наконец твердо решив сана не принимать, он уповает, что я не сочту неразумным его желание получить денежное возмещение за приход, которого он, таким образом, лишается. У него, добавил он, есть намерение заняться юриспруденцией, а для этого, как я, несомненно, понимаю, дохода с одной тысячи фунтов совершенно недостаточно. Я более хотел поверить в его искренность, нежели поверил, однако был готов охотно исполнить его просьбу, так как знал, что для духовного сана мистер Уикхем совершенно не подходит. Вскоре все было устроено. Он отказался от какой бы то ни было помощи на церковном поприще, буде возникнут обстоятельства, когда она ему потребуется, а взамен получил три тысячи фунтов. На этом все отношения между нами, казалось, прекратились. Я был слишком дурного о нем мнения, чтобы приглашать его в Пемберли или искать его общества в столице, где, мне кажется, он жил большую часть времени. Однако занятия юриспруденцией были лишь предлогом, его более ничто не сдерживало, и он бездельничал и проматывал деньги в погоне за развлечениями. Около трех лет я почти ничего о нем не слышал, но священнослужитель того прихода, который предназначался ему, скончался, и он прислал мне письмо, прося этот приход. Он находится – тут я легко ему поверил – в крайне стесненных обстоятельствах. Юриспруденция оказалась весьма неблагоприятным занятием, и он бесповоротно решил принять сан, если я отдам ему указанный приход, в чем, он уповает, затруднений не возникнет, так как ему известно, что нет другого, кого я должен был бы обеспечить, и я не могу оставить в небрежении волю моего блаженной памяти отца. Вряд

ли вы можете осудить меня за мой отказ исполнить его просьбу или за то, что я повторял этот отказ при все новых его настояниях. Его озлобление соответствовало тяжести его положения, и, без сомнения, он был столь же не сдержан в очернении меня перед другими, как в своих упреках мне. После этого всякое знакомство между нами кончилось. Как он жил, мне не известно. Но прошлым летом он вновь самым уязвляющим образом напомнил мне о себе.

Теперь я вынужден коснуться обстоятельств, которые хотел бы изгнать из памяти и открыть которые кому бы то ни было меня могла принудить только нынешняя настоятельная необходимость. Думаю, сказанного достаточно, и я могу не сомневаться, что все нижеследующее вы сохраните в тайне. Опека над моей сестрой, которая моложе меня более чем на десять лет, была возложена на племянника моей матери полковника Фицуильяма и на меня. Примерно год назад, по окончании пансиона, мы поселили ее в Лондоне, поручив заботам компаньонки, и прошлым летом она поехала с этой дамой в Рамсгет. Туда же отправился мистер Уикхем, несомненно, не случайно, ибо выяснилось, что он был ранее знаком с миссис Юнг, в которой мы, к несчастью, горько обманулись. И благодаря ее помощи и уловкам он настолько увлек Джорджиану, чье доброе сердечко хранило прочную память о том, как он играл с ней в детстве, что она внушила себе, будто влюбилась в него, и дала согласие бежать с ним. Ей тогда было всего пятнадцать лет, что может послужить ей извинением, и, рассказав о ее неосмотрительности, я счастлив добавить, что узнал обо всем от нее самой. Я неожиданно навестил их накануне дня, назначенного для побега, и Джорджиана не нашла в себе сил так огорчить и оскорбить брата, в котором всегда видела почти отца, и призналась мне во всем. Вы можете вообразить, что я почувствовал и как поступил. Оберегая репутацию и чувствительность сестры, я не мог допустить, чтобы случившееся получило огласку, но я написал мистеру Уикхему, и он тотчас покинул Рамсгет, а миссис Юнг, разумеется, была тотчас рассчитана. В первую очередь мистера Уикхема, несомненно, влекло состояние моей сестры, равное тридцати тысячам фунтов, но я не могу не подозревать, что немалым соблазном явилось желание отомстить мне. Да, его месть была бы поистине полной!

Таково, сударыня, верное изложение всех обстоятельств, касающихся меня и его, и, если только вы не отвергнете мои объяснения как полную ложь, надеюсь, с этих пор вы не станете винить меня в жестокости по отношению к мистеру Уикхему. Не знаю, каким образом, с помощью какой лжи он ввел вас в заблуждение, но что он в этом преуспел, не удивительно,

если вспомнить про вашу полную неосведомленность об истинном положении вещей. Обнаружить неправду вы не могли, а подозрительность вам, безусловно, чужда.

Быть может, вы удивляетесь, почему все это не было сообщено вам вчера вечером. Но я тогда плохо владел собой и не мог решить, что должно и не должно было открыть вам. В подтверждение истинности всего мной рассказанного я могу особенно сослаться на полковника Фицуильяма, который ввиду нашего родства и тесной дружбы, а тем более как один из душеприказчиков моего отца так или иначе был осведомлен о всех подробностях происходившего. Если ваше отвращение ко мне лишает мои слова всякой убедительности, подобная причина не может внушить вам недоверие к моему кузену. И для того, чтобы не лишить вас возможности прямо справиться у него теперь же, я постараюсь вручить вам это письмо в утренние часы. Могу прибавить лишь: да хранит вас Господь!

Фицуильям Дарси».

Глава 36

Элизабет, когда мистер Дарси отдал ей это письмо, не предполагала, что в нем он вновь попросит ее стать его женой, и не строила догадок о его содержании. Однако нетрудно вообразить, какой интерес оно в ней тотчас возбудило и какую бурю противоречивых чувств вызвало. Чувства эти трудно поддаются определению. Сначала изумление, едва она поняла, что он полагает, будто ему есть извинения; она пребывала в полном убеждении, что правдивых объяснений быть не может, кроме тех, в которых стыд не позволит признаться. О событиях в Недерфилде она начала читать в сильнейшем предубеждении против всего, что он мог написать. Читала она с такой жадностью, что почти утратила способность понимать читаемое, и с таким нетерпением торопилась узнать таящееся в следующей фразе, что не вникала в смысл той, которую пробежала глазами. Его уверенность в безразличии ее сестры к Бингли она тут же сочла ложью, а указание на истинные и гораздо худшие возражения против их брака так ее разгневало, что уничтожило всякое намерение быть к нему беспристрастной. Он не выразил сожаления о своих поступках, которое могло бы ее смягчить: в его словах не было ни намека на раскаяние, лишь одно высокомерие. Лишь гордыня и бесчувственность.

Но, когда он перешел к мистеру Уикхему, она с несколько большим вниманием начала читать описание поступков, которое, будь оно правдивым, опровергало каждое лелеемое ею мнение о достоинствах этого молодого человека. И ведь описание это во многом почти совпадало с тем, что она слышала от самого мистера Уикхема! Ее чувства возмутились еще больше, и определить их было бы совсем затруднительно. Элизабет изнемогала от удивления, дурных предчувствий и даже ужаса. Ей хотелось все опровергнуть, и она непрестанно восклицала:

– Какая ложь! Этого не может быть! Разумеется, это гнусные выдумки!

А когда дочла письмо, почти совершенно не поняв последнюю страницу, то поспешно спрятала его и поклялась, что не верит ему, что больше никогда на него даже не взглянет.

В полном смятении, не в силах ни на чем сосредоточить мысли, Элизабет продолжала идти вперед; но не совладала с собой, и через полминуты письмо было вновь развернуто. Взяв себя в руки, насколько ей удалось, она вновь с мукой начала перечитывать все, что касалось Уикхема, и заставляла себя вдумываться в смысл каждой фразы. Рассказ о его

отношениях с владельцами Пемберли точно совпадал с его собственным рассказом. И упоминание о доброте к нему покойного мистера Дарси, хотя раньше она не знала ее полной меры, также не противоречило его словам. До этого места оба рассказа подтверждали друг друга, однако, когда речь зашла о завещании, несовпадение было разительным. То, что говорил Уикхем о приходе, запечатлелось у нее в памяти. Припоминая самые его выражения, она не могла не почувствовать, что кто-то из двоих бессовестно лжет, и на мгновение утешилась мыслью, что оказалась права в своих подозрениях. Однако, вновь и вновь с глубоким вниманием перечитывая описание того, что последовало за отказом Уикхема от прихода, о получении им взамен такой внушительной суммы, как три тысячи фунтов, она опять заколебалась, сложила письмо и взвесила каждую подробность, как она надеялась, с полной беспристрастностью, обдумала правдоподобность каждого утверждения, но без всякого успеха.

С обеих сторон были лишь слова. И она вновь развернула письмо. Однако каждая строка все яснее доказывала, что дело, которое, по ее убеждению, никакие ухищрения не могли бы обернуть так, чтобы поведение мистера Дарси предстало в ином свете, чем в самом черном, получало объяснение, с начала и до конца делающее это поведение безупречным.

Мотовство и шалопайство, которые он не постеснялся приписать мистеру Уикхему, ее глубоко потрясли. Тем более что она не находила никаких доказательств их лживости. Она ничего не знала о мистере Уикхеме до его поступления в ***ширский полк по совету молодого человека, который, случайно встретив его в столице, возобновил шапочное с ним знакомство. В Хартфордшире о его прежней жизни знали только из его собственных рассказов. Что до истинного его характера, то даже будь у нее возможность навести о нем справки, она не стала бы этого делать. Его наружность, голос, манеры незамедлительно позволили приписать ему все возможные добродетели. Она попыталась припомнить хотя бы один пример доброты, какое-нибудь подтверждение чести или благородства, которые могли бы оградить его от нападков мистера Дарси. Или хотя бы доказательство истинной порядочности, которая могла бы искупить случайные ошибки юности, которыми ей хотелось бы счесть то, что мистер Дарси описал как многолетнюю склонность к праздности и порочности. Но ни единое подобное воспоминание ее не поддержало. Она словно видела его перед собой столь обворожительного и лицом, и манерами, но не сумела вспомнить ничего, говорящего в его пользу, кроме расположения, которое он снискал в Меритоне и у окрестных помещиков, да дружеского

отношения к нему других офицеров, завоеванного его веселостью и непринужденностью.

После довольно долгих размышлений над всем этим она начала читать дальше. Но, увы! Следующая затем история с его замыслом относительно мисс Дарси подтверждалась разговором между ней и полковником Фицуильямом накануне утром. А под конец за подтверждением истинности любой подробности ее отсылали к тому же полковнику Фицуильяму, от которого она уже знала про его осведомленность во всех делах кузена и в чьей правдивости она не имела никаких поводов сомневаться. Была минута, когда она совсем уже решила поговорить с ним, но затем отказалась от этой мысли, подумав о неловкости подобных расспросов, после чего пришла к заключению, что мистер Дарси никогда бы не сослался на своего кузена, если бы не был уверен, что тот все подтвердит.

Она прекрасно помнила весь ее разговор с мистером Уикхемом в тот первый вечер у мистера Филипса. Многие его фразы были свежи в ее памяти. И вот теперь ее вдруг поразило неприличие такой откровенности в беседе с посторонним человеком, и она удивилась, каким образом не заметила этого раньше. Она увидела всю вульгарность самовосхваления, которое он себе позволил, а также несоответствие его слов поступкам. Она вспомнила, как он хвастал, что не боится встречи с мистером Дарси: пусть уезжает мистер Дарси, он же и не подумает уступить ему место – однако на следующей же неделе он уехал, лишь бы не появляться на балу в Недерфилде. И еще она вспомнила, что до отъезда обитателей Недерфилда он поведал свою историю только ей, но едва они покинули графство, как его несчастья стали известны всем в Меритоне и его окрестностях; и что он без всякого зазрения совести усердно чернил мистера Дарси, хотя в том разговоре заверил ее, что уважение к отцу никогда не позволит ему очернить сына.

Как по-иному предстало все, что касалось его! Его ухаживание за мисс Кинг выглядело теперь всего лишь отвратительным расчетливым корыстолюбием, а скромность ее состояния доказывала теперь не его умеренность, но стремление завладеть хоть чем-то. Его поведение с ней самой не находило теперь достойного объяснения: либо он заблуждался относительно ее состояния, либо тешил свое тщеславие, завоевав расположение, которое, как ей теперь казалось, она весьма неосторожно ему выказывала. Еще не угасшая надежда найти ему оправдание становилась все слабее, а в подтверждение правоты мистера Дарси она не могла не вспомнить, что мистер Бингли еще давно в ответ на расспросы Джейн заявил о полной безупречности его поведения с Уикхемом, что

какими бы гордыми и отталкивающими ни были его манеры, она за все время их знакомства – знакомства, которое за последние дни укрепилось частыми встречами и открыло ей в нем много нового, – не заметила ничего, указывающего на непорядочность или несправедливость, ничего, говорящего о его безбожности или безнравственности; что люди, близкие с ним, уважают и ценят его и что даже Уикхем признал его заботливым братом, а она часто слышала, как он говорил о сестре с нежностью, опровергающей обвинение в бесчувственности. К тому же, будь его поступки такими, какими их представил Уикхем, столь возмутительное нарушение всех понятий о чести и справедливости не укрылось бы от глаз света, да и дружба между негодяем, способным на подобное, и таким превосходным человеком, как мистер Бингли, была бы немыслимой.

Ей стало невыносимо стыдно за себя. Она не могла думать об Уикхеме или о Дарси и не почувствовать, какой она была слепой, пристрастной, предубежденной и неразумной.

– Как непростительно я себя вела! – вскричала она. – Я, столь гордившаяся своей проницательностью! Я, столь ценившая себя за свой ум, так часто презиравшая благородную доброжелательность моей сестры и баловавшая свое тщеславие незаслуженным недоверием. Как унижительно подобное открытие! И все же как справедлива эта унижительность! Будь я влюблена, и то не могла быть более слепой. Но в моей глупости повинна не любовь, а тщеславие. Польщенная предпочтением, оказанным мне одним, обиженная пренебрежением другого в самом начале нашего знакомства, я во всем, что касалось их, опиралась на предвзятое мнение и неосведомленность, отвергая здравый смысл. До этой минуты я не знала самой себя.

От себя – к Джейн, от Джейн – к Бингли, и этот ход мысли вскоре напомнил ей, что объяснения мистера Дарси, касавшиеся их, показались ей совершенно неубедительными, и она вновь перечла эту часть письма. Насколько иным оказалось ее впечатление! Как она могла и дальше отрицать его утверждения в одном случае, хотя вынуждена была признать их верность в другом? Он утверждал, что совершенно не подозревал о чувстве ее сестры – и она не могла не вспомнить, какого мнения придерживалась Шарлотта. Не могла она и отрицать справедливость его описания Джейн. Да, чувства Джейн, хотя и глубокие, всегда тщательно скрывались, а в ее лице и манерах была та тихая безмятежность, которая редко сочетается с пылкостью сердца.

Когда она дошла до упоминания остальных членов ее семьи в словах столь обидных, но заслуженных, она испытала жгучий стыд.

Справедливость их поразила ее слишком сильно, и она не могла ничего отрицать. А обстоятельства, на которые он, упомянув бал в Недерфилде, особо указал как подтверждающие правоту его изначального неодобрения, запечатлелись в ее памяти, вероятно, даже более ясно, чем в его.

Комплимент ей и Джейн не остался незамеченным. Он успокаивал ее гордость, но не мог утешить, не избавил от мысли о презрении, которое навлекли на себя остальные ее близкие. Когда же она подумала, что горе Джейн, в сущности – вина ее матери и сестер, когда поняла, как сильно компрометирует их обеих столь вульгарное поведение этих последних, ее охватило уныние, какого она еще никогда не испытывала.

Вот так она два часа прохаживалась по проселку, предаваясь самым разным размышлениям, по-новому понимая события, взвешивая вероятности и стараясь по мере сил свыкнуться со столь внезапной и столь важной переменной в себе, но затем усталость и мысль о своем долгом отсутствии заставили ее вернуться. В дом она вошла, стараясь придать себе обычный веселый вид и твердо решив пока не возвращаться к размышлениям, которые, несомненно, помешали бы ей поддерживать общий разговор.

Ей тотчас сообщили, что в ее отсутствие по отдельности заходили оба джентльмена из Розингса. Мистер Дарси лишь на несколько минут, чтобы попрощаться, но полковник Фицуильям просидел с ними не меньше часа, надеясь, что она вернется, и чуть было не отправился на ее розыски. Элизабет могла лишь изобразить сожаление, что не увидела его, так как в душе радовалась этому. Полковник Фицуильям больше не занимал ее мыслей. Она могла думать только о письме Дарси.

Глава 37

Оба джентльмена покинули Розингс на следующее утро, и мистер Коллинз, поджидавший у ворот, чтобы на прощание отвесить им еще поклоны, вернулся домой с приятным известием, что оба выглядели в добром здравии и в столь превосходном расположении духа, сколь можно было ожидать после печального расставания в Розингсе. Затем он поспешил в Розингс, дабы утешить леди Кэтрин и ее дочь, а вернувшись, с большим торжеством передал слова ее милости – ей очень скучно, и она желает, чтобы они все пообедали у нее.

Элизабет, глядя на леди Кэтрин, не могла не подумать, что, пожелай она, и как раз сейчас была бы, возможно, представлена ей, хозяйке Розингса, как ее будущая племянница, а потом с улыбкой представила себе негодование ее милости. «Что она сказала бы? Как повела бы себя?» – вот какими вопросами она себя забавляла.

Разговор начался с упоминания потери, которую понесло общество в Розингсе.

– Уверяю вас, я очень расстроена! – сказала леди Кэтрин. – Мне кажется, никого так не огорчает разлука с друзьями, как меня. Но к ним обоим я привязана особенно и знаю, как горячо они привязаны ко мне! Им было так жаль уезжать! Впрочем, не менее, чем всегда. Милый полковник почти до конца сохранял бодрость духа, но Дарси как будто очень страдал – более, мне кажется, чем в прошлом году. Его любовь к Розингсу, несомненно, растет.

Тут мистер Коллинз вставил комплимент с тонким намеком, что было принято матерью и дочерью с милостивыми улыбками.

Леди Кэтрин после обеда изволила заметить, что мисс Беннет, кажется, не в духе, и тут же сама объяснила это, предположив, что ей не хочется возвращаться домой столь скоро. А затем добавила:

– Но если так, напишите своей маменьке и испросите дозволения остаться тут подольше. Не сомневаюсь, миссис Коллинз будет рада вашему обществу.

– Я весьма благодарна вашей милости за ваше любезное приглашение, – ответила Элизабет, – но не в моей власти принять его. Я должна быть в столице в следующую субботу.

– В таком случае вы пробудете здесь лишь полтора месяца, а я полагала, что ваш визит продлится не менее двух. Я сказала это миссис

Коллинз до вашего приезда. Вам нет причин уезжать так скоро. Миссис Беннет, конечно же, может обойтись без вас еще две недели.

– Но мой отец не может. На прошлой неделе он написал, чтобы я поторопилась с отъездом.

– О, разумеется, ваш отец может обойтись без вас, раз уж ваша мать вас не торопит. Отцы никогда не нуждаются в дочерях. А если вы прогостите здесь второй полный месяц, я смогу подвезти одну из вас до Лондона, так как в начале июня поеду туда на неделю. Даусон отлично устроится и на козлах ландо, так что для одной из вас места будет достаточно, а если погода выдастся не жаркая, то я даже возьму вас обеих, вы же обе не в теле.

– Вы сама доброта, сударыня, но, мне кажется, мы должны остаться при первоначальном намерении.

Леди Кэтрин как будто смирилась.

– Миссис Коллинз, вы должны послать с ними слугу. Вы знаете, я всегда говорю без обиняков, и мне нестерпима мысль, что две молодые барышни поедут одни в почтовой карете. Это неприлично! Вы должны кого-нибудь послать с ними. Я не терплю подобного. Молодые девицы всегда должны быть оберегаемы и сопровождаемы согласно с их положением в обществе. Когда моя племянница Джорджиана прошлым летом отбыла в Рамсгет, я настояла, чтобы ее сопровождали два лакея. Мисс Дарси, дочь мистера Дарси, владельца Пемберли, и леди Анны, должна иметь приличествующее сопровождение. Я весьма взыскательна в подобных вещах. Вы должны послать с барышнями Джона, миссис Коллинз. Я рада, что мне пришла эта мысль. Ведь вас очень уронило бы, если бы вы отпустили их одних.

– Мой дядя должен прислать за нами слугу.

– О! Ваш дядя? Он держит слугу? Я рада, что у вас есть кто-то, кто думает о подобных вещах. Где вы будете менять лошадей? О, в Бромли! Ну разумеется. Если вы упомянете мое имя в «Колоколе», вам окажут всяческое внимание.

У леди Кэтрин нашлось еще много вопросов об их возвращении домой, а так как сама она отвечала не на все, нельзя было отвлекаться, что Элизабет сочла счастливым для себя обстоятельством, иначе, занятая своими мыслями, она могла бы забыть, где находится. Размышления следует оставлять до часов одиночества. И стоило ей остаться одной, как она с величайшим облегчением вновь предавалась раздумьям. Не проходило дня без одинокой прогулки, когда она могла без помех испытывать все радости неприятных воспоминаний.

Письмо мистера Дарси она вскоре уже знала почти наизусть. Изучила каждую фразу, и ее чувства к написавшему все время менялись. Когда она вспоминала выражения, к которым он прибегнул, в ней вновь вспыхивало негодование, однако стоило ей подумать, сколь несправедливо она осудила и упрекала его, как ее гнев обращался против нее самой, а перенесенные им разочарования пробуждали в ней сочувствие. Его чувство к ней вызывало благодарность, а его характер – уважение. Однако одобрить его поведения она не могла, ни на миг не раскаивалась в своем отказе и не испытывала ни малейшего желания вновь увидеться с ним. Ее собственное прошлое поведение служило постоянным источником досады и сожалений, а злосчастные недостатки ее близких были еще одной причиной для более тяжелой печали. Ее отцу было довольно посмеиваться над ними, и он никогда ничего не сделает, чтобы обуздать ветреные выходки своих младших дочерей, а ее мать, чьи манеры были тоже прискорбными, не видела в этих выходках ничего дурного. Элизабет вместе с Джейн часто пыталась образумить Кэтрин и Лидию, но пока мать продолжала потакать своей любимице, что могли сделать они? Кэтрин, бесхарактерная, обидчивая, находилась под полным влиянием Лидии и всегда сердилась на их советы, а Лидия, своевольная и пустоголовая, оставляла их слова без всякого внимания. Обе они были невежественными, ленивыми и тщеславными. Пока в Меритоне останется хоть один офицер, они будут кокетничать с ним, а пока Меритон будет оставаться в полумиле от Лонгборна, их ничто не удержит от постоянных прогулок туда.

Угнетали ее и опасения за Джейн. Объяснение мистера Дарси, полностью восстановившее ее прежнее доброе мнение о Бингли, лишь усугубило мысль о том, чего лишилась ее сестра. Его любовь оказалась искренней, а поведение безупречным, если не поставить ему в вину неколебимую доверчивость к другу. Как горестно было думать, что столь блестящей, столь завидной во всех отношениях судьбы, сулившей столько счастья, Джейн лишилась из-за глупостей и вульгарного поведения ее собственных сестер и матери!

Когда ко всем этим мыслям добавлялась правда о характере Уикхема, легко поверить, что веселость, прежде почти не оставлявшая ее, теперь настолько угасла, что ей трудно было сохранять хотя бы подобие бодрости.

Последнюю ее неделю в Кенте приглашения в Розингс вновь стали столь же частыми, как и вначале. Самый последний вечер был проведен там, и ее милость подробнейшим образом расспрашивала об их пути, наставляла, как следует упаковать их вещи, и столь убедительно описывала единственный способ практичного размещения платьев в дорожном

сундуке, что Мария, едва вернувшись под кров сестры, почувствовала, что должна распаковать сундук и переложить заново все платья, которые с таким старанием укладывала в него все утро.

Когда они расставались, леди Кэтрин милостиво пожелала им доброго пути и пригласила приехать в Хансфорд в следующем году, а мисс де Бэр снизошла до того, что сделала реверанс и протянула руку каждой.

Глава 38

В субботнее утро Элизабет и мистер Коллинз спустились к завтраку на несколько минут раньше остальных, и он воспользовался случаем для церемонного прощания, которое считал совершенно обязательным.

– Не знаю, мисс Элизабет, – сказал он, – успела ли миссис Коллинз изъяснить вам признательность за доброту, с коей вы навели нас, но я убежден, вы не покинете наш дом, не выслушав ее благодарности. Вы с великой любезностью почтили нас своим обществом, и, поверьте, ее чувствуют всем сердцем. Мы знаем, сколь малым может прельстить наше скромное жилище. Наша простая жизнь, наши небольшие комнаты, немногочисленная прислуга и то, как мало мы выезжаем, – все это должно сделать Хансфорд очень скучным для молодой девицы вроде вас. Однако, уповаю, вы поверите, сколь мы благодарны за такое снисхождение, а также, что мы, как могли, старались скрасить ваше пребывание тут.

Элизабет поторопилась выразить собственную благодарность и заверить его, что была у них очень счастлива. Шесть недель пролетели чудесно, а радость быть с Шарлоттой и оказанные ей знаки внимания заставляют ее чувствовать, что она у них в неоплатном долгу. Мистер Коллинз, весьма польщенный, ответил с еще большей торжественностью и улыбками:

– Мне доставляет величайшее удовольствие слышать, что вы провели время здесь не без приятности. Мы, разумеется, делали все, что в наших силах. И, по счастью, открыв вам доступ в столь высокий круг, могли благодаря нашему положению в Розингсе разнообразить скромные домашние вечера. Полагаю, мы можем льстить себя мыслью, что ваш визит в Хансфорд не был совсем уж докучным. Наша связь с семейством леди Кэтрин поистине величайшее благо и преимущество, какими могут похвалиться лишь немногие. Вы видите, сколь мы к ним приближены. Вы видите, сколь часто нас туда приглашают. Поистине, нельзя отрицать, что при всей скромности этого смиренного жилища никто из гостей под его кровом не может стать предметом сожаления, ежели их, как и нас, принимают в Розингсе запросто.

Слова не могли выразить его восторги, и он был вынужден пройти по комнате, пока Элизабет пыталась соединить вежливость и правду в двух-трех коротких фразах.

– Правду сказать, дражайшая кузина, вы можете сообщить о нас

в Хартфордшире самые лучшие известия. Во всяком случае, льщу себя мыслью, что так полагаете и вы сами. Ежедневно вы были свидетельницей внимания, которое леди Кэтрин оказывает миссис Коллинз. И я уповаю, что никому не покажется, будто вашей подруге выпал несчастный... но на это лучше набросить покров молчания. Лишь разрешите мне заверить вас, дражайшая мисс Элизабет, что я могу от всего сердца пожелать вам обрести в супружестве равное счастье. Моя любезная Шарлотта и я едины душой и мыслями. Во всем видно поразительное сходство наших характеров и помыслов. Мы словно были предназначены друг для друга.

Элизабет могла лишь сказать, что подобное всегда великое счастье, и с той же искренностью добавила, что не сомневается в разных благах, которые дарит ему домашняя жизнь, и очень этому рада. Однако она нисколько не пожалела, когда появление подательницы сих благ прервало подробное их перечисление. Бедняжка Шарлотта! Как жаль было оставлять ее в подобном обществе! Но она сделала свой выбор с открытыми глазами и, хотя, видимо, сожалела, что ее гости уезжают, о сочувствии как будто не просила. Ее дом и хозяйство, приходские дела и ее птичник, как и все прочее, требовавшее ее участия, еще не утратили своего обаяния.

Наконец экипаж был подан, сундуки привязаны снаружи, свертки уложены внутри, и кучер объявил, что можно трогаться. После нежного прощания с Шарлоттой мистер Коллинз проводил Элизабет до экипажа. И пока они шли через сад, он поручал ей передать его наилучшие пожелания всей ее семье, не забыв добавить благодарность за доброту, оказанную ему в Лонгборне зимой, а также его нижайшее почтение мистеру и миссис Гардинер, с коими он не имеет счастья быть знакомым. Затем он подсадил ее в экипаж, за ней Марию, и они уже собирались захлопнуть дверцу, когда он озабоченно напомнил им, что они все еще не поручили ему ничего передать леди Кэтрин и мисс де Бэр.

— Однако, — добавил он, — вы, несомненно, пожелаете, чтобы я передал им выражение вашего величайшего почтения и нижайшую благодарность за их доброту к вам, пока вы гостили тут.

Элизабет ничего не возразила, дверце было позволено захлопнуться, и лошади тронулись.

— Только подумать! — воскликнула Мария после нескольких минут молчания. — Кажется, и двух дней не прошло, как мы сюда приехали, а сколько всего случилось!

— Да, очень многое, — ответила ее спутница со вздохом.

— Мы девять раз обедали в Розингсе, а кроме того, два раза пили там чай! Как много у меня найдется, чего порассказать!

А Элизабет про себя добавила: «И как много мне придется скрыть!»

В дороге они разговаривали мало, никакой беды с ними не приключилось, и уже через четыре часа после отъезда из Хансфорда экипаж остановился перед домом мистера Гардинера, где им предстояло погостить несколько дней.

Джейн выглядела хорошо, а понять, что она чувствует, Элизабет было трудно среди всевозможных развлечений, которые придумывала для них добрая тетушка. Впрочем, Джейн должна была возвратиться домой вместе с ней, а в Лонгборне времени для наблюдений будет предостаточно.

Однако она лишь с трудом удержалась, чтобы еще до возвращения в Лонгборн не рассказать сестре о предложении мистера Дарси. Знать, что в ее власти поразить Джейн изумлением и потешить собственное тщеславие в той мере, в какой оно еще не уступило доводам рассудка, это был большой соблазн для откровенных признаний! И удержалась она лишь потому, что не решила, насколько откровенными должны быть эти признания, а кроме того, опасалась, как бы, заговорив на эту тему, нечаянно не сказать лишнее про Бингли и тем еще более удручить сестру.

Глава 39

Шла уже вторая неделя мая, когда три барышни вместе покинули Грейсчерч-стрит и отправились в город N в Хартфордшире. Когда они подъезжали к гостинице, где их должна была ждать карета мистера Беннета, то тут же убедились в пунктуальности кучера, так как из окна столового зала на втором этаже выглядывали Китти и Лидия. Эти юные девицы пробыли в городе уже больше часа и получили большое удовольствие, посетив мастерскую модистики напротив гостиницы, рассматривая часового на посту и готовя салат с огурцами.

Поздоровавшись с сестрами, они с гордостью указали на стол, уставленный такими холодными блюдами, какие обычно подаются в подобных заведениях, восклицая наперебой:

– Правда, это очень мило? Правда, очень приятный сюрприз?

– И мы намерены угостить вас всем, только для этого вы должны одолжить нам деньги, потому что все свои мы как раз потратили вон в той лавке. – Тут она показала свои покупки. – Посмотрите, какую шляпку я купила. По-моему, она не очень красивая, но я подумала, почему бы и не купить ее? Как только вернусь домой, распорю ее и посмотрю, нельзя ли сделать ее помоднее.

А когда сестры объявили, что шляпка безобразна, она добавила с полной беззаботностью:

– Так в лавке было две-три еще безобразнее! А когда я куплю для отделки атлас покрасивее, так она будет выглядеть вполне сносно. Да к тому же не все ли равно, что носить в это лето, после того, как ***ширцы покинут Меритон, а они выступают через две недели.

– Неужели? – воскликнула Элизабет, очень довольная.

– Их расквартируют под Брайтоном, и я так хочу, чтобы папенька отвез нас в Брайтон на лето! Вот было бы бесподобно! А обошлось бы, право, совсем недорого. И маменька хочет поехать, подумать только! Вообразите, какое скучное лето нам иначе придется провести!

«Да, – сказала себе Элизабет, – куда уж бесподобнее! И лучше для нас ничего не придумать! Боже великий! Брайтон и целый военный лагерь, когда нам было более чем достаточно одного жалкого полка милиции и ежемесячных балов в Меритоне».

– А у меня для вас есть хорошая новость, – сказала Лидия, когда они сели за стол. – Догадайтесь! Отличная новость, чудесная новость, и

касается того, кто нам всем нравится.

Джейн и Элизабет переглянулись, а половому было сказано, что его услуги пока не нужны. Лидия засмеялась и воскликнула:

– Да-да, ваше вечное соблюдение приличий и осмотрительность! Вы не хотите, чтобы половой услышал, будто ему до этого есть дело! И, конечно же, он частенько слышит вещи, куда похуже той, о которой я сейчас расскажу. Но он такой урод! Я рада, что он ушел. В жизни не видела подбородка длиннее! Ну а теперь о моей новости. Она касается милого Уикхема. Слишком хороша для полового, верно? Нет никакой опасности, что Уикхем женится на Мэри Кинг, вот! Она уехала к своему дяде в Ливерпуль и будет жить там. Уикхему больше ничего не угрожает!

– И Мэри Кинг ничего не угрожает, – добавила Элизабет. – Во всяком случае, брак неразумный из-за неравенства их состояний.

– Если он ей нравился, то она дура, что уехала.

– Но я надеюсь, что никакого особого расположения с обеих сторон не было, – сказала Джейн.

– Во всяком случае, не с его стороны. Уж за это я ручаюсь. Она ему никогда не нравилась. Да и кому понравится такая противная пигалица, вся в веснушках?

Элизабет с ужасом подумала, что, хотя и не была способна на столь вульгарные выражения, скрывавшееся за ними недостойное чувство совсем недавно испытывала она сама и воображала себя правой!

Как только сестры кончили есть и старшие уплатили, была подана карета, и после некоторых ухищрений вся компания, все их сундуки, сумки и свертки, к которым добавились совершенно лишние непредвиденные покупки Китти и Лидии, кое-как разместились внутри.

– Как мило мы устроились! – воскликнула Лидия. – Я рада, что купила шляпку, хотя бы из-за еще одной шляпной коробки! Ну, расположимся поудобнее, поуютнее и будем болтать и смеяться всю дорогу до дома. А теперь рассказывайте, что с вами было с тех пор, как вы уехали. Познакомились с очаровательными кавалерами? Много кокетничали? Я так надеялась, что одна из вас до возвращения обзаведется мужем! Джейн ведь очень скоро уже станет старой девой, честное слово! Ей ведь почти двадцать три года! Господи, до чего же стыдно мне будет, если я не выйду замуж до двадцати трех лет! Тетенька Филипс так хочет, чтобы вы обзавелись мужьями. Она говорит, что Лиззи напрасно упустила мистера Коллинза. Но я не думаю, что это было бы так уж весело! Ох, как мне хочется выйти замуж прежде вас всех! И тогда бы я вывозила вас на балы! Ах да! Нам на днях было так весело у полковника Фостера! Нас с Китти

пригласили провести у них весь день, и миссис Фостер обещала устроить вечером танцы... Кстати, мы с миссис Фостер такие подруги! Ну, и она пригласила обеих мисс Харрингтон, но Харриет больна, так что Пен пришлось прийти одной. И знаете, что мы придумали? Одели Чемберлена в женское платье, чтобы он притворился дамой, – только вообразите, что за умора! Никто про это не знал, только полковник, миссис Сностер, Китти и я, ну и еще тетенька, потому что нам пришлось платье попросить у нее. И вы вообразить не можете, как он чудесно выглядел! Когда явились Денни, Уикхем и Прэтт и еще двое-трое, они его не узнали. Ну ничутьюшки! Как я смеялась! И миссис Фостер тоже. Я думала, что умру. Ну и поэтому они заподозрили, что дело нечисто, и скоро вывели нас на чистую воду.

Вот такими историями о весело проведенных вечерах и всяких их шутках Лидия, с помощью намеков и добавлений Китти, развлекала старших сестер всю дорогу до Лонгборна. Элизабет старалась не слушать, но имя Уикхема повторялось слишком часто.

Дома их встретили очень ласково. Миссис Беннет была в восторге увидеть, что Джейн цветет по-прежнему, а мистер Беннет за обедом ни с того ни с сего говорил Элизабет:

– Я рад, что ты вернулась, Лиззи.

Обедали они не одни, так как почти все Лукасы явились встретить Марию и послушать новости. Занимало их самое разное. Леди Лукас через стол расспрашивала Марию о здоровье и птичнике своей старшей дочери; миссис Беннет трудилась вдвойне – расспрашивая о последних модах Джейн, сидевшую несколько в стороне от нее, а затем пересказывая все услышанное младшим мисс Лукас, Лидия же голосом более громким, чем у кого-нибудь еще, сообщала о своих разнообразных утренних развлечениях всем, кто готов был ее слушать.

– Ах, Мэри, – сказала она, – ну почему ты не поехала с нами? Было так весело! По дороге мы с Китти опустили шторы и притворялись, будто в карете никого нет, и я бы так и дальше ехала, только Китти начало тошнить. А когда мы доехали до «Георга», мы, по-моему, поступили ну просто бесподобно, устроили им троим самое лучшее холодное угощение на свете! Если бы ты поехала, мы бы и тебя угостили. А когда собрались уезжать, было так весело! Я думала, мы ни за что в карете не поместимся, чуть не умерла со смеха. И нам было так весело на обратном пути! Мы болтали и смеялись до того громко, что нас, наверное, слышали на десять миль вокруг.

На это Мэри ответила с неколебимой серьезностью:

– Я отнюдь, милая сестра, не осуждаю подобные развлечения.

Полагаю, они гармонируют с обычной направленностью женских умов. Однако, признаюсь, меня они не влекут. Я всегда предпочту им книгу.

Но Лидия не услышала ни единого слова из этого ответа. Она редко слушала кого-либо дольше полминуты, а когда говорила Мэри, то и ни секунды.

Под вечер Лидия начала настаивать, чтобы они отправились в Меритон и узнали, как там дела, но Элизабет отказалась наотрез. Как можно позволить злым языкам утверждать, будто старшие мисс Беннет не успели пробыть дома после возвращения и получаса, как уже начали гоняться за офицерами! Для возражений у нее была и другая причина. Она страшилась снова увидеть Уикхема и решила избегать этого, насколько ей удастся. Невозможно выразить, каким утешением ей служила мысль, что полк вскоре покинет Меритон. Через две недели его уже не будет в их краях, и она надеялась, что тогда мысли об Уикхеме перестанут ей досаждают.

Не провела она дома и нескольких часов, как узнала, что поездка в Брайтон, на которую Лидия намекнула в гостинице, составляет предмет постоянных споров между ее родителями. Элизабет сразу поняла, что ее отец не собирается уступить. Однако его ответы были настолько уклончивыми и неопределенными, что ее мать хотя порой и отчаивалась, но все-таки не оставляла надежды в конце концов поставить на своем.

Глава 40

Элизабет не терпелось поскорее сообщить Джейн о том, что произошло, и на следующее утро, решив скрыть все, что касалось Бингли, она пообещала удивить ее и поведала ей о своем объяснении с мистером Дарси.

Мисс Беннет изумилась, но ненадолго. Любя Элизабет, она находила совершенно естественным, что ее сестрой восхищаются, а затем и вовсе забыла об удивлении, сожалея, что мистер Дарси облек свое признание в форму, которая меньше всего способствовала тому, чтобы пробудить ответное чувство, но еще больше ее огорчала мысль о том, какие страдания должен был причинить ему отказ.

– Очень дурно, что он был так уверен в успехе, – сказала она. – И, разумеется, ему не следовало выставлять напоказ свою гордость, но, подумай, как сильно она должна усугублять его разочарование.

– Да, правда, – сказала Элизабет, – и я от всего сердца жалею его, но другие чувства, полагаю, вскоре превозмогут его расположение ко мне. Ты не винишь меня за то, что я ему отказала?

– Виню тебя? О нет.

– Но ты винишь меня за то, что я так горячо защищала Уикхема?

– Нет... Мне не кажется, будто ты поступила неверно, сказав то, что сказала.

– Но покажется, когда я расскажу тебе, что произошло на следующее же утро.

И она перешла к письму Дарси, повторив все, что в нем говорилось о Джордже Уикхеме. Какой это был удар для бедняжки Джейн! Ведь она охотно прожила бы жизнь, так и не поверив, что род людской может таить в себе столько зла и коварства, а тут они сосредоточились в одном человеке! Даже полное оправдание Дарси, хотя и было ей приятно, не могло принести утешения после подобного открытия. Она приложила все старания, чтобы доказать возможность какой-то ошибки и найти объяснение, которое очистило бы одного, не бросив тень на другого.

– Так нельзя! – сказала Элизабет. – Тебе ни за что не удастся обелить того и другого. Выбери, кто, по-твоему, прав, но удовлетворишь одним. Достоинств у них на двоих ровно столько, чтобы кто-то один мог быть признан хорошим человеком, и в последние дни чаша весов склонялась то туда, то сюда. Однако я склонна верить, что все эти достоинства

принадлежат мистеру Дарси, но у тебя есть право сделать собственный выбор.

Однако прошло довольно много времени, прежде чем Джейн улыбнулась.

– Не помню, чтобы я когда-нибудь была поражена больше, – сказала она. – Уикхем – и такой негодяй! Просто невозможно поверить. А бедный мистер Дарси! Милая Лиззи, только вообрази, как он должен был страдать! Такое разочарование! И тут же услышать, какого ты низкого о нем мнения! А необходимость рассказать подобное о своей сестре! Право, это невыносимо тяжело, и я уверена, ты чувствуешь то же.

– Нет-нет, мои сожаления и сострадания рассеялись, когда я увидела, как полна ими ты. Я знаю, ты в полной мере воздашь ему должное, и я с каждым мгновением становлюсь все равнодушнее и безучастнее. Твой избыток чувств позволяет мне приберечь мои, и если ты будешь и дальше скорбеть над его судьбой, сердце у меня станет легче пушинки.

– Бедный Уикхем! Его лицо дышит таким благородством! В его манерах столько искренности и обходительности!

– Да, с воспитанием этих двух людей произошло какое-то странное недоразумение. Одному достались истинные достоинства, а другому – внешнее их воплощение.

– Я никогда в отличие от тебя не считала, будто мистер Дарси совсем лишен внешних достоинств.

– А я полагала, что очень-очень проницательна, если так невзлюбила его без всякой причины. Подобная неприязнь прищипывает ум, открывает такой простор для язвительного остроумия! Можно без конца поносить, не сказав ни единого справедливого слова. Однако невозможно постоянно смеяться над человеком и совсем обойтись без удачных шуток.

– Лиззи, я уверена, в первый раз читая письмо, ты не отнеслась к нему, как сейчас.

– Разумеется, нет. Мне было не по себе, очень не по себе, можно даже сказать, что я чувствовала себя несчастной. И не с кем поговорить о своих чувствах, никакой Джейн, чтобы утешить меня и сказать, что я, конечно, не была такой уж слабой, и тщеславной, и глупой, какой, я твердо знаю, что была! Ах, как мне тебя не хватало!

– Как жаль, что ты употребила столь резкие выражения, когда говорила про Уикхема мистеру Дарси, ведь теперь видно, что он, вероятно, совершенно их не заслуживал.

– Разумеется. Но эти злополучные обличения были естественным следствием предубеждений, которые я питала. Но мне нужен твой совет вот

о чем: скажи, следует или не следует открыть нашим знакомым глаза на истинный характер Уикхема?

Мисс Беннет помолчала, а затем ответила:

– Мне кажется, нет причины для столь безжалостного его разоблачения. А как думаешь ты сама?

– Что не следует. Мистер Дарси не поручал мне сделать его рассказ достоянием огласки. Напротив, все, что относилось к его сестре, он просил сохранить в тайне. А если я буду говорить только о прочих его низостях, кто мне поверит? Общее предубеждение против мистера Дарси настолько сильно, что попытка представить его в более благоприятном свете убьет половину добрых жителей Меритона. Это свыше моих сил. Уикхем вскоре уедет, и поэтому ни для кого тут ни малейшего значения не имеет, каков он на самом деле. Со временем все выяснится, и тогда мы посмеемся над тем, как они были глупы, что не догадались раньше. Пока же я ничего об этом говорить не стану.

– Ты совершенно права. Если сделать его ошибки достоянием гласности, это может бесповоротно его погубить. Сейчас он, возможно, сожалеет о том, что сделал, и хочет восстановить свою репутацию. Мы не должны ввергать его в отчаяние.

Этот разговор утишил смятение Элизабет. Она избавилась от двух секретов, которые полмесяца мучили ее, и знала, что всегда найдет в Джейн сочувствующую слушательницу, если ей захочется вновь их обсудить. Однако оставалось то, о чем благоразумие не позволило ей упомянуть. Она не посмела рассказать о первой половине письма мистера Дарси, не решилась сказать Джейн, как искренне ею восхищался его друг. Этим секретом она не могла поделиться ни с кем. Оправдать такое вмешательство могло лишь восстановление их прежних отношений. «А тогда, – подумала она, – если, против всякого вероятия, подобное произойдет, сам Бингли сможет все объяснить куда более убедительно и приятно, чем это сделала бы я. У меня появится свобода рассказать, только когда это утратит всякое значение!»

Теперь, дома, она могла, не торопясь, понять истинное душевное состояние своей сестры. Джейн вовсе не чувствовала себя счастливой. Она все еще хранила нежную склонность к Бингли. Никогда прежде она не воображала себя влюбленной, и потому ее любовь хранила весь пыл первой сердечной склонности, а возраст и характер придавали ее чувству большую прочность, чем это обычно свойственно первым влюбленностям. Она с таким жаром лелеяла воспоминания о нем и ставила его выше всех мужчин, что ей требовался весь ее здравый смысл, вся заботливость о

чувствах, чтобы не дать вырваться наружу своим сожалениям, что, конечно, повредило бы ее здоровью и их душевному спокойствию.

– Что же, Лиззи, – в один прекрасный день сказала миссис Беннет, – какое теперь у тебя мнение о печальной истории с Джейн? Сама я твердо положила ни с кем больше об этом не разговаривать. На днях я так и сказала моей сестрице Филипс. Но я не сумела узнать, видела ли Джейн его в Лондоне. Ну, он очень недостойный молодой человек, и, я полагаю, уж теперь нет никакой возможности, чтобы она его заполучила. О том, чтобы он приехал в Недерфилд летом, больше и речи нет. А я справлялась у всех, кто мог бы это знать.

– Мне кажется, он больше никогда жить в Недерфилде не будет.

– Ну что же, как ему угодно. Никто не хочет, чтобы он опять приехал, хотя я не устану повторять, что он обошелся с моей дочерью очень низко. И будь я на ее месте, я бы этого ему так не спустила. Меня утешает только мысль, что Джейн, наверное, умрет от разбитого сердца, и вот тогда он пожалеет о том, что сделал!

Элизабет, однако, не нашла ничего утешительного в таких надеждах и промолчала.

– Так значит, Лиззи, – вскоре продолжала ее маменька, – Коллинзы словно сыр в масле катаются, а? Ну-ну, уповаю, так и дальше будет. А какой стол они держат? Шарлотта, воображаю, рачительная хозяйка. Если она и вполтину так бережлива, как ее маменька, то на всем экономничает. Уж конечно, расточительности за ними не водится.

– Да, никакой.

– Считают каждый пенни, можешь на это положиться. Да-да! Уж они-то позаботятся сводить концы с концами. Уж они-то никогда нуждаться в деньгах не будут. Ну да пусть их! И, воображаю, они частенько поговаривают о том, как приберут к своим рукам Лонгборн, чуть твой папенька скончается. Воображаю, они уже смотрят на имение как на свое собственное.

– При мне они, разумеется, ни о чем подобном не говорили.

– Да, было бы странно, скажи они хоть что-нибудь! Но, поверь, между собой они только об этом и толкуют. Что ж, если им совесть позволяет забрать имение против всех законов, тем лучше. Я бы постыдилась, достанься оно мне через какой-то там майорат.

Глава 41

Первая неделя после их возвращения домой пролетела быстро. Началась вторая. Последняя неделя пребывания полка в Меритоне! И все барышни в городке и его окрестностях погрузились в меланхолию. Уныние воцарилось почти всеобщее. Только старшие мисс Беннет еще были способны есть, пить, спать и продолжать обычные свои занятия. Китти и Лидия часто укоряли их за такую бесчувственность – их собственная печаль не знала пределов, и они просто не могли понять подобной черствости своих сестер.

– Боже правый, что с нами станется? Что нам делать? – восклицали они в муках горя. – Лиззи, ну как ты можешь улыбаться?

Любящая маменька разделяла их печаль. Она припомнила, как сама страдала в подобном случае двадцать пять лет тому назад.

– Право слово, – сказала она, – я два дня рыдала, когда полк полковника Миллера отбыл. Я думала, мое сердце разобьется.

– А мое так непременно разобьется! – вскричала Лидия.

– Если бы мы могли поехать в Брайтон! – заметила миссис Беннет.

– Ах да! Если бы мы поехали в Брайтон, но папенька такой недобрый!

– Морские купания поправили бы мое здоровье навсегда.

– А тетенька Филипс полагает, что они пойдут очень на пользу мне, – добавила Китти.

Однако тяжкие предчувствия Лидии вскоре рассеялись, так как миссис Фостер, супруга командира полка, пригласила ее отправиться с ней в Брайтон. Эта бесценная подруга была очень молода и вышла замуж совсем недавно. Свойственная обеим беззаботность сблизила их, и они были задушевными подругами целых два месяца из трех своего знакомства.

Восторги Лидии, ее обожание милой миссис Фостер, радость миссис Беннет, расстройство и зависть Китти не поддаются описанию. Совершенно не заботясь о страданиях сестры, Лидия порхала по дому в совершеннейшем экстазе, требовала от всех поздравлений, смеялась и болтала даже еще несдержаннее, чем раньше, а злосчастная Китти продолжала в гостиную оплакивать свой жребий упреками судьбе, настолько же безрассудными, насколько ее тон был сердитым и обиженным.

– Не понимаю, почему миссис Фостер не могла пригласить и меня, – твердила она. – Пусть я и не такая ее близкая подруга, но у меня не меньше

права на подобное приглашение, чем у Лидии, и даже больше, ведь я на два года старше.

Тщетно Элизабет пыталась образумить ее, а Джейн уговаривала примириться с неизбежным. У Элизабет это приглашение не вызвало восторга, как у ее маменьки и Лидии, но она сочла его смертным приговором всем надеждам, что последняя когда-либо образумится. И, какие горькие упреки ни навлек бы на нее этот шаг, стань он известен, она не удержалась и втайне посоветовала отцу не отпускать Лидию в Брайтон. Она напомнила ему о неприличности обычного поведения Лидии, указала, как мало пользы может принести ей дружба с такой женщиной, как миссис Фостер, и на вероятность того, что в обществе такой подруги она будет вести себя еще более неосмотрительно в Брайтоне, где соблазнов несравненно больше. Он внимательно выслушал ее, а затем сказал:

– Лидия не успокоится, пока не покажет себя с самой скандальной стороны в том или ином публичном месте, и, если она даст себе волю в Брайтоне, семье это будет стоить меньших неудобств и неприятностей.

– Если бы вы понимали, – сказала Элизабет, – как дорого легкомыслие и распушенные манеры Лидии в обществе могут обойтись нам – нет, уже обошлись! – я уверена, вы бы посмотрели на них совсем иначе.

– Уже дорого обошлись! – повторил мистер Беннет. – Как! Она отпугнула каких-нибудь твоих поклонников? Бедняжка Лиззи! Но не огорчайся. Такие привередливые юнцы, которых отпугивает малая толика пустоголовости, не стоят сожалений. Ну-ка, перечисли мне жалких хлыщей, которых оттолкнули глупости Лидии.

– Вы заблуждаетесь. Мне не о чем скорбеть. Я сейчас говорю не о каких-то отдельных случаях, но о зле, которое может нам быть причинено. Наша безупречная репутация, наше положение в обществе не могут не пострадать от полнейшей взбалмошности, от пренебрежения всеми правилами приличия и презрения к ним, свойственных характеру Лидии. Простите меня, но я должна сказать все прямо. Если вы, милый папенька, не потрудитесь сейчас укротить ее безрассудность, не внушите ей, что она не может провести всю жизнь в нынешней ее погоне за удовольствиями, то скоро будет уже поздно. Ее характер сложится окончательно, и в шестнадцать лет она будет такой закоренелой кокеткой, какая только может поставить себя и свою семью в самое смешное и неловкое положение. И к тому же кокеткой в наихудшем и самом низком смысле, без какой-либо привлекательности, кроме юности и миловидности, из-за невежества и пустоты ума ни в малейшей степени не способной предотвратить то всеобщее презрение, которое возбудят ее неразумные

усилия завоевать восхищение. И та же опасность грозит Китти. Она пойдет туда, куда поведет ее Лидия. Тщеславные, невежественные, ленивые, не поддающиеся никакому доброму влиянию! Ах, милый папенька, неужто вы полагаете возможным, что их не станут осуждать и презирать, где бы они ни появились, и что осуждение это не коснется их сестер?

Мистер Беннет увидел, что она вложила в свои слова всю душу, и, ласково взяв ее за руку, ответил:

– Не тревожься, милочка. Все, кто бы ни узнал тебя и Джейн, будут уважать вас и ценить. И в глазах света вас ничуть не уронит то, что две, вернее, три ваши сестры очень глупы. Но у нас в доме не будет ни минуты покоя, если Лидия не поедет в Брайтон. Так пусть едет. Полковник Фостер – разумный человек и не допустит, чтобы она совсем себя скомпрометировала, а для охотников за приданым она, к счастью, слишком бедна. В Брайтоне ее кокетство не будет таким компрометирующим, как здесь. Офицеры обрящут там девиц, более достойных их внимания. А посему будем уповать, что это заставит ее понять свою незначительность. И, как бы то ни было, хуже она уже стать не может, разве что нам придется посадить ее под замок до конца ее дней.

Элизабет была вынуждена удовлетвориться таким ответом, но осталась при своем мнении и вышла из кабинета отца разочарованная и опечаленная. Однако не в ее натуре было распалить досаду, продолжая раздумывать над тем, что эту досаду породило. Свой долг она исполнила, а расстраиваться из-за неизбежных зол или усугублять их тревогой было не в ее привычках.

Знай Лидия и ее маменька о содержании ее разговора с отцом, даже их объединенного красноречия навряд ли хватило бы, чтобы до конца излить их негодование. В воображении Лидии поездка в Брайтон представлялась пределом земного счастья. Фантазия рисовала улицы этого модного морского курорта, полные офицеров. Она видела себя окруженной десятками, нет, сотнями их – пока еще ей не знакомых. Она видела все великолепие военного лагеря – палатки, уходящие вдаль стройными рядами, и толпы веселых молодых людей в ослепительно алых мундирах. В довершение же блаженства она видела, как внутри такой палатки кокетничает одновременно с по меньшей мере шестью офицерами.

Знай она, что ее сестра попыталась положить конец таким ее надеждам, отнять у нее такое их осуществление, какие чувства ее охватили бы? Понять их могла лишь ее маменька, которая, несомненно, испытала бы точно такие же. Поездка Лидии была ее единственным утешением, когда она убедилась, что ее супруг никогда и не намеревался отвезти их всех

туда.

Однако они ничего не знали об этом разговоре и продолжали без конца изливать свои восторги до самого дня отъезда Лидии.

Элизабет теперь предстояло увидеться с мистером Уикхемом в последний раз. Так как после своего возвращения она часто оказывалась в одном с ним обществе, смятение ее почти улеглось, а от смятения из-за ее былой расположенности к нему и вовсе не осталось ничего. Она даже распознала в мягкой обходительности, которая прежде так ей нравилась, одно притворство и однообразие, способные вызвать лишь отвращение и скуку. А в его нынешнем поведении с ней она нашла новый источник для досады. Вскоре ставшее явным его намерение возобновить ухаживания, с каких началось их знакомство, теперь, после всего, что произошло, могло лишь возмущать ее. Она утратила последние остатки симпатии к нему, едва он сделал ее предметом подобной праздной и фатовской галантности. И хотя она упрямо подавляла эту мысль, но все равно не могла не чувствовать, каким упреком ей была его уверенность, что на какой бы срок и по какой бы причине он ни прервал свои ухаживания, ее тщеславие будет польщено, и она возвратит ему свое расположение, стоит ему вновь оказать ей знаки внимания.

В последний день пребывания полка в Меритоне он с несколькими другими офицерами обедал в Лонгборне, и Элизабет настолько мало была склонна расстаться с ним в добрых отношениях, что на его вопрос, как они проводили время в Хансфорде, тут же упомянула, что полковник Фицуильям и мистер Дарси гостили в Розингсе три недели, и спросила, знаком ли он с первым.

На лице Уикхема отразились удивление, досада, тревога, но, тут же опомнившись, он вновь улыбнулся и ответил, что прежде часто с ним встречался, а затем, назвав полковника истинным джентльменом, осведомился, как он ей понравился. Ее ответ был полон похвалы. А Уикхем с напускным равнодушием спросил:

- Как долго, вы сказали, он оставался в Розингсе?
- Почти три недели.
- И вы часто его видели?
- Да, почти каждый день.
- Его манеры совсем иные, чем у его кузена.
- Да, совсем иные, но, мне кажется, мистер Дарси много выигрывает при более близком знакомстве.

– Неужели! – вскричал Уикхем с выражением, которое не ускользнуло от ее внимания. – И могу ли я спросить... – Но тут, спохватившись, он

добавил шутливым тоном: – Выигрывают его манеры? Снизол ли он добавить к ним любезности? Ибо я не смею надеяться, – продолжал он более серьезно, понижая голос, – что он изменился в главном.

– О нет, – сказала Элизабет, – в главном, мне кажется, он такой же, каким был всегда.

По лицу Уикхема было видно, что он не знает, то ли радоваться ее словам, то ли заподозрить в них иной смысл. Что-то в ее выражении заставило его ждать ее дальнейших слов с тревогой и опасениями.

– Когда я сказала, что он много выигрывает при более близком знакомстве, я не имела в виду, будто его характер или манеры изменились, но то лишь, что при более близком знакомстве его натура становится понятнее.

Теперь тревога Уикхема выдала себя краской, залившей его щеки, и испугом в глазах. Несколько минут он молчал, а затем, подавив растерянность, снова обернулся к ней и сказал очень мягко:

– Вы знаете мои чувства к мистеру Дарси и легко поймете, как искренне я должен радоваться, что он оказался достаточно умен, чтобы приложить старания и попытаться хотя бы выглядеть порядочным человеком. В этом смысле его гордость может оказать услугу если не ему, то многим другим, ибо она удержит его от тех низостей, жертвой которых стал я. Боюсь только, что того рода обходительность, какую, мне кажется, имели в виду вы, он лишь напускает на себя, когда гостит у тетушки, чьим добрым мнением он весьма дорожит. Я знаю, когда они бывали вместе, его страх перед ней всегда заставлял его вести себя осмотрительно, и во многом это следует объяснить его желанием добиться брака с мисс де Бэр, которого, я уверен, он весьма желает.

Элизабет не смогла не улыбнуться на эти его слова, но ответила лишь легким наклоном головы. Она поняла, что он хочет вновь вернуться к теме своих былых обид, но у нее не было никакого желания удружить ему. Остальная часть вечера прошла в усилиях с его стороны изображать обычную беспечную веселость, но вовлечь Элизабет в разговор он больше не старался, и наконец они расстались со взаимным обменом любезностями и, возможно, со взаимным желанием никогда больше не встречаться.

Когда вечер кончился, Лидия уехала с миссис Фостер в Меритон, откуда им предстояло рано поутру отправиться в Брайтон. Ее прощание с родителями и сестрами было более шумным, чем трогательным. Слезы пролила только Китти, но плакала она от досады и зависти. Миссис Беннет не поспешила на пожелания дочке всяких радостей и весьма настоятельно

советовала ей веселиться столько, сколько она сможет, и имелись все основания полагать, что совет этот отнюдь не будет забыт. А громогласные восторги самой Лидии в минуты расставания не дали ей услышать более тихие слова прощания ее сестер.

Глава 42

Если бы Элизабет выводила свои заключения, наблюдая лишь собственную семью, она не смогла бы нарисовать приятную картину супружеского счастья и мирной домашней жизни. Ее отец, плененный юностью и красотой, а также мягкостью характера, которая словно бы всегда сопутствует юности и красоте, связал себя узами брака с женщиной, чья глуповатость и необразованность почти в самом начале брака убили в нем истинную любовь. Уважение, почитание и доверие исчезли навсегда, и все его понятия о семейном счастье были обмануты. Однако мистер Беннет не был склонен искать лекарства от разочарования, навлеченного на себя собственным легкомыслием, в тех удовольствиях, в которых люди слишком часто обретают утешение от последствий собственного легкомыслия или порока. Он любил сельскую жизнь и книги – они-то и служили ему главным источником его развлечений. Что до жены, то в этом смысле он был обязан ей лишь в той мере, в какой ее невежество и глупости его забавляли. Совсем не то счастье, каким обычно муж хочет быть обязанным жене. Но когда иных развлечений нет, истинный философ довольствуется теми, какие ему остаются.

Элизабет, однако, никогда не была слепа к предосудительности поведения ее отца как мужа. Оно всегда причиняло ей боль; но она уважала его ум и образованность, с ней он был неизменно ласков, и из благодарности она старалась не думать о том, чего не могла не замечать, и изгоняла из своих мыслей постоянное нарушение декорума и правил приличия в отношениях с женой, которое, когда он выставлял ее в смешном виде перед их собственными дочерьми, заслуживало всяческого неодобрения. Однако никогда прежде ей не приходилось с такой силой чувствовать тягостность положения детей при столь необычном браке, и, пожалуй, впервые ей стало ясно, сколько зла причинял ее отец, столь неразумно распоряжаясь своим умственным превосходством, которое при верном его применении хотя бы удерживало его дочерей от легкомысленности, пусть и не могло пробудить рассудительность в его жене.

Как ни радовалась Элизабет отъезду Уикхема, других причин быть довольной переводом полка у нее не находилось. Званные вечера утратили недавнее веселье, развлечения стали менее разнообразными, а дома мать и Китти без усталости сетовали на скуку, ввергая в уныние их домашний круг.

И хотя Китти могла со временем обрести некоторый здравый смысл, так как тех, кто толкал ее на всякие безрассудства, теперь рядом не было, младшая сестра, чей характер внушал самые худшие опасения, напротив, должна была укрепиться в безрассудности из-за двойной угрозы – соблазнов морского курорта и близости военного лагеря. Вот так она обнаружила, как не раз обнаруживали и до нее, что событие, которое она нетерпеливо предвкушала, свершившись, не принесло с собой ожидаемого удовлетворения. И возникла необходимость назначить другой срок наступления счастливых дней, обрести иную мечту, чтобы сосредоточить на ней желания и надежды, и, вновь поддавшись радости предвкушения, найти утешение в настоящем и силы для нового разочарования. Теперь ее приятные мысли сосредоточились на путешествии по Озерному краю. Они поддерживали ее в те тягостные часы, на которые ее обрекло дурное настроение матери и Китти. Если бы с ней поехала Джейн, ей больше нечего было бы желать.

«Но как удачно, – размышляла она, – что мне есть чего желать! Иначе меня неизбежно подстерегало бы новое разочарование. А если я буду все время сожалеть, что со мной нет сестры, то можно с правом надеяться на исполнение остальных моих желаний. Планы, в которых все сулит радость, всегда несбыточны, и от полного разочарования спасает только какое-то одно».

Уезжая, Лидия свято обещала писать матери и Китти часто и очень подробно, однако письма от нее приходили редко и были очень короткими. В письмах матери она сообщала очень мало, кроме того, что они только что вернулись из библиотеки, куда их проводили такие-то и такие-то офицеры и где она видела великолепные украшения, которые совсем свели ее с ума; что у нее новое платье или новый зонтик, и она описала бы их очень подробно, но ей надо торопиться – ее зовет миссис Фостер, чтобы ехать в лагерь. А из ее писем сестре можно было узнать и того меньше. Хотя они были заметно длиннее, она подчеркивала в них столько слов, что Китти никак не могла дать их прочесть кому-нибудь еще.

Через две-три недели после ее отъезда в Лонгборне мало-помалу опять воцарились здоровье, бодрость и веселость. Все принимало более приятный вид. Возвращались соседи, уезжавшие на зиму в столицу, летние моды и летние развлечения вступали в свои права. Миссис Беннет вновь обрела свою сварливую безмятежность, а к середине июня Китти настолько пришла в себя, что уже могла ходить по улицам Меритона, не обливаясь слезами, – счастливейшее предзнаменование, которое внушило Элизабет надежду, что к Рождеству Китти совсем образумится и будет упоминать про

офицеров не чаще раза на дню, если только военное министерство злокозненно и жестоко не расквартирует в Меритоне еще какой-нибудь полк.

Время путешествия по северным графствам теперь приближалось очень быстро – оставалось ждать лишь две недели, но тут пришло письмо от миссис Гардинер, сообщавшее, что оно не только откладывается, но и укорачивается. Дела позволяют мистеру Гардинеру отправиться в путь только еще через две недели, в июле, причем призовут его назад в Лондон не позже чем через месяц. Такой срок слишком мал, чтобы они могли побывать так далеко и увидеть так много, как намеревались, – во всяком случае, не наспех, ни в чем себя не ограничивая. Поэтому им придется отказаться от посещения Озерного края и удовольствоваться более коротким путешествием. Теперь они думают не уезжать севернее Дербишира. В этом графстве столько достопримечательностей, что на осмотр уйдет добрая часть трех недель, да и миссис Гардинер особенно влекло туда. Городок, где она прожила несколько лет и где им предстояло провести несколько дней, манил ее не менее всех прославленных красот Матлока, Чатсворта, Довдейла и Пика.

Элизабет была безмерно разочарована, она так ждала увидеть озера! И она полагала, что времени вполне хватило бы и на Озерный край. Однако не ей было возражать, обычная ее веселость взяла верх, и вскоре она обрела прежнюю бодрость духа.

Упоминание Дербишира вызвало много мыслей и воспоминаний. Название графства сразу же привело ей на память Пемберли и его владельца. «Но, конечно же, – сказала она себе, – я могу безнаказанно проникнуть в его графство и похитить несколько красивых камней без того, чтобы попасться ему на глаза».

Время ожидания теперь удвоилось. До приезда ее дяди и тетушки должен был миновать месяц. Однако он миновал, и мистер Гардинер, его супруга и четверо детей наконец все-таки приехали в Лонгборн. Дети – две девочки, шести и восьми лет, и два их младших братца оставались на попечении милой кузины Джейн, чья спокойная рассудительность и доброта словно предназначали ее заботиться о них, учить их, играть с ними и нежно любить.

Гардинеры только переночевали в Лонгборне и рано утром отправились вместе с Элизабет на поиски новизны и развлечений. Залогом будущих удовольствий служило то, что они очень подходили друг другу как спутники, обладая и здоровьем, и готовностью бодро терпеть дорожные неудобства, и веселостью, которая обещала делать каждое удовольствие

еще приятнее, а также осведомленностью и взаимной любовью, которые в случае разочарования помогли бы им находить это удовольствие просто в обществе друг друга.

Эта книга не ставит своей задачей описать Дербишир, а также прославленные места, через которые лежал их путь: Оксфорд, Бленхейм, Уорик, Кенильворт, Бирмингем и т. д., и т. д. – все достаточно известны. Нас же интересует лишь один небольшой уголок Дербишира, город Лэмтон, где прежде жила миссис Гардинер и где, как ей недавно стало известно, она могла найти немало прежних знакомых, – вот куда, осмотрев все главные достопримечательности графства, они направили свои стопы. И Элизабет услышала от тетушки, что Пемберли находится в пяти милях от Лэмтона, правда, чуть в стороне от тракта, но не более чем в одной-двух милях. И, когда они накануне обсуждали свой путь, миссис Гардинер выразила желание вновь его увидеть. Мистер Гардинер изъявил полное согласие, и они осведомились о мнении Элизабет.

– Душенька, разве тебе не хочется посмотреть имение, о котором ты столько слышала? – сказала ее тетушка. – И ведь с ним к тому же связано столько твоих знакомых! Ты ведь помнишь, что там прошла юность Уикхема.

Элизабет не знала, как поступить. Она чувствовала, что ей не следует показываться в Пемберли, и поэтому притворилась, будто ей не хочется его осматривать. Она призналась, что ей надоели величественные резиденции – она уже столько их видела, что, право же, великолепные ковры и атласные занавесы ее ничуть не интересуют.

Миссис Гардинер побранила ее за такой вздор.

– Если бы речь шла просто о красивом роскошно обставленном доме, он меня тоже ничуть не привлек бы, но парк восхитителен. Другого такого нет во всем графстве.

Элизабет промолчала, но все в ней противилось этому плану. Что, если в парке она повстречает мистера Дарси? Это будет ужасно! Она залилась румянцем при одной только мысли о подобной встрече и подумала, что уж лучше все объяснить тетушке прямо, чем подвергнуться подобной опасности. Однако против такой откровенности имелись свои возражения, и под конец она решила, что прибегнет к этому средству, только если, осторожно осведомившись у прислуги, не в отъезде ли господ, услышит нежеланный ответ.

А потому в гостинице перед тем, как лечь спать, она спросила у горничной, правда ли, что Пемберли очень красив, и как фамилия владельца, и (не без страха) приехала ли семья провести там лето? В ответ

на последний вопрос она с радостью услышала «нет» и, перестав тревожиться, почувствовала большое любопытство своими глазами увидеть не только парк, но и дом. Поэтому утром, когда речь вновь зашла о Пемберли и у нее опять спросили ее мнение, она была готова и с достаточным равнодушием сказала, что ничего против не имеет.

И они отправились в Пемберли.

Глава 43

Элизабет в некотором смятении ожидала, когда впереди появится Пемберлийский парк, и, когда они свернули в ворота, ее охватил трепет.

Парк был весьма обширен и очаровывал разнообразием пейзажей. Они въехали в него из низины, и некоторое время дорога вела через чудесный лес. Элизабет была слишком взволнованна, чтобы поддерживать разговор, но она с восхищением замечала каждый прекрасный вид или красивую перспективу. Мало-помалу они проехали вверх по склону около полумили и оказались на вершине довольно высокого холма, где лес кончился, и взгляд сразу остановился на Пемберли-Хаусе по ту сторону долины, куда дорога спускалась довольно круто. Величественное каменное здание стояло на возвышенности, позади него тянулась гряда высоких лесистых холмов, а со стороны фасада струила воды речка, разливаясь все шире без каких-либо искусственных ухищрений. Ее берега не были ни спрямлены, ни приукрашены. Элизабет пришла в восторг. Ей еще не приходилось видеть место, которое природа наделила бы такой первозданной красотой, причем красоту эту нигде не испортил дурной вкус. Они все трое не скупилась на искренние похвалы, и в эту минуту она почувствовала, что значило бы стать хозяйкой Пемберли!

Экипаж спустился с холма, проехал по мосту и подкатил к подъезду. Увидев дом вблизи, Элизабет вновь испугалась мысли о встрече с его владельцем. Что, если горничная в гостинице ошиблась? Когда они сказали, что хотели бы осмотреть парадные апартаменты, их пригласили в переднюю, и Элизабет, пока они ждали экономку, имела время подивиться тому, что оказалась там.

Появилась экономка, почтенного вида пожилая женщина, гораздо менее чванная и гораздо более обходительная, чем ожидала Элизабет. Они последовали за ней в столовую, обширную комнату гармоничных пропорций и великолепно обставленную. Элизабет, окинув ее взглядом, отошла к окну, чтобы полюбоваться видом из него. Холм, с которого они недавно спустились, выглядел в отдалении еще более крутым и замечательно красивым. Но все вокруг тоже ласкало взгляд, и она с восхищением смотрела на речку, на купы деревьев по берегам и на теряющиеся вдали изгибы долины. Их вели из комнаты в комнату, и из каждой эти красоты выглядели по-иному и открывались все новые. Комнаты были прекрасными, с высокими потолками и с мебелью,

соответствовавшей богатству владельца. Однако Элизабет заметила отсутствие пышности, бесполезной роскоши и отдала должное его вкусу. Тут было меньше великолепия, чем в Розингсе, зато больше истинного изящества.

«И я могла бы стать хозяйкой всего этого! – думала она. – Все эти комнаты могли стать мне привычно знакомыми! Вместо того чтобы осматривать их, как посторонняя, я могла бы радоваться им, как моим собственным, и принимать в них дядю и тетюшку как дорогих гостей! Но нет, – спохватилась она, – этого никогда не случилось бы. Дядю и тетюшку я никогда бы здесь не увидела. Мне было бы запрещено приглашать их». Это была счастливая мысль – она избавила ее от чувства, похожего на сожаление.

Элизабет очень хотелось узнать у экономки, правда ли, что ее хозяин в отъезде, но у нее не хватило смелости. Наконец об этом осведомился ее дядя, и она испуганно отвернулась. Миссис Рейнольдс ответила, что да, но добавила:

– Однако мы ожидаем его завтра с большим числом гостей.

И Элизабет возрадовалась, что они не задержались в пути на лишний день.

Тут тетюшка подозвала ее взглянуть на картину. Она подошла и увидела на каминной полке среди других миниатюр портрет мистера Уикхема. Тетюшка с улыбкой спросила, как ей нравится эта миниатюра. Экономка подошла к ним и объяснила, что это портрет молодого джентльмена, сына управляющего ее покойного хозяина, который дал ему образование, оплачивая все расходы из своего кармана.

– Теперь он стал военным, – сказала она, – но, боюсь, из него не вышло ничего путного.

Миссис Гардинер посмотрела на племянницу с улыбкой, но Элизабет не сумела улыбнуться ей в ответ.

– А это, – сказала миссис Рейнольдс, указывая на другую миниатюру, – мой хозяин, и он очень похож. Рисовано тогда же, когда и та, лет восемь назад...

– Я много наслышана о благородной внешности вашего хозяина, – заметила миссис Гардинер, глядя на портрет. – И такое красивое лицо! А вот велико ли сходство, нам, Лиззи, можешь сказать ты.

При этом намеке на знакомство Элизабет с хозяином Пемберли миссис Рейнольдс взглянула на нее с заметным уважением.

– Барышня знает мистера Дарси?

Элизабет порозовела и сказала:

– Немного.

– И вы согласны, что он очень красивый джентльмен, мисс?

– Да, очень.

– Я думаю, красивей его не найти. Ну, в галерее наверху вы увидите его большой портрет получше. Мой покойный хозяин особенно отличал эту комнату, и все тут осталось как при нем. Он очень любил эти миниатюры.

Теперь Элизабет поняла, почему среди них остался портрет мистера Уикхема.

Затем миссис Рейнольдс обратила их внимание на миниатюру мисс Дарси, нарисованную, когда ей было восемь лет.

– А мисс Дарси так же красива, как ее брат? – спросил мистер Гардинер.

– О да! Красивей барышни не сыскать, и так хорошо образованна! Играет на фортепьяно и поет весь день. В соседней комнате стоит новый инструмент, подарок ей от моего хозяина. Она придет с ним завтра.

Мистер Гардинер, чьи манеры были мягкими и приятными, поддерживал ее разговорчивость уместными вопросами и замечаниями. Миссис Рейнольдс то ли из гордости, то ли из преданности, видимо, получала большое удовольствие, рассказывая о своем хозяине и его сестре.

– А ваш хозяин подолгу живет в Пемберли в течение года?

– Не так подолгу, как мне хотелось бы, сэр. Но, пожалуй, проводит тут полгода, а мисс Дарси всегда приезжает на лето.

«Если только, – подумала Элизабет, – не отправляется в Рамсгет».

– Когда ваш хозяин женится, вы станете видеть его чаще.

– Да, сэр, да только не знаю, когда это случится! Представить себе не могу, какая невеста будет ему парой!

Мистер и миссис Гардинер улыбнулись, а Элизабет не удержалась и заметила:

– Право, если вы так думаете, это большая ему похвала.

– Я говорю чистую правду, и так скажут все, кто его знает, – ответила экономка.

Элизабет подумала, что это уж чересчур, и еще больше изумилась, когда миссис Рейнольдс добавила:

– Я за всю мою жизнь ни разу от него сердитого слова не слышала, а знаю его с той поры, как ему было четыре годика.

Такая хвала превзошла все остальные и совсем уж не соответствовала ее представлению о мистере Дарси. Ей всегда казалось, что его характер никто бы не назвал добрым. Она была вся внимание, жаждала услышать больше и была очень благодарна дяде, когда он сказал:

– Немного найдется людей, про кого можно сказать столько хорошего. Вам выпала большая удача, раз у вас такой хозяин.

– Мне ли не знать, сэр. Да обойди я весь мир, лучшего не нашла бы. Так я всегда замечала, что те, кто в детстве добры, и вырастают добрыми; а он всегда был самым ласковым, самым добросердечным мальчиком на свете.

Элизабет была поражена. «Неужели речь идет о мистере Дарси?» – подумала она.

– Его отец был превосходным человеком, – сказала миссис Гардинер.

– Да, сударыня, что так, то так. И сын будет таким же, таким же щедрым с неимущими.

Элизабет слушала, дивилась, сомневалась и с нетерпением ждала услышать больше. Ничто другое в словах миссис Рейнольдс ее не занимало. Тщетно экономка объясняла сюжеты картин, называла размеры комнат, цену мебели. Мистера Гардинера очень забавляла преданность господам, которой он объяснял такие восхваления мистера Дарси, поэтому вскоре он вернулся к той же теме, и, пока они поднимались по парадной лестнице, экономка с жаром описывала всяческие его добродетели.

– А уж как он заботится о поместье и о тех, кто ему служит! Не то что нынешние молодые господа, которые ни о ком, кроме себя, не пекутся. Да любой арендатор, любой слуга здесь то же скажет. Вот про него говорят, будто он гордец, а я ничего такого не замечала. По-моему, дело тут в том, что он не болтун не в пример другим молодым господам.

«В каком прекрасном свете она его представляет», – думала Элизабет.

– Такие похвалы ему, – шепнула ей тетушка, – не совсем согласуются с тем, как он обошелся с нашим бедным другом.

– Может быть, мы обманывались.

– Не очень вероятно. Ведь источник наших сведений такой надежный.

Когда они поднялись на широкую верхнюю площадку, их проводили в прелестную гостиную, совсем недавно обставленную в самых светлых тонах с еще большим изяществом, чем комнаты внизу, и миссис Рейнольдс объяснила, что она предназначена для мисс Дарси: когда она последний раз была в Пемберли, эта комната ей особенно понравилась.

– Он, бесспорно, прекрасный брат, – заметила Элизабет, подходя к окну.

Миссис Рейнольдс предвкушала радость мисс Дарси, когда та войдет в свою новую гостиную

– И он всегда так, – продолжала она. – Если что-нибудь может доставить удовольствие его сестрице, он сразу же все сделает. Ну просто

все, что ей угодно.

Им оставалось осмотреть картинную галерею и две-три парадные спальни. Галерею украшало много прекрасных картин, но Элизабет ничего не понимала в живописи и еще внизу с большим удовольствием рассматривала рисунки мисс Дарси пастелью, по большей части изображавшие что-то более ей интересное, да и более понятное.

Висело в галерее и большое число портретов, однако в них не было ничего, что могло бы привлечь внимание посторонних. Элизабет прошла вперед в поисках единственного знакомого ей лица. Наконец она остановилась перед ним – удивительно похожим портретом мистера Дарси, на чьих губах играла улыбка, которую, вспомнилось ей, она иногда замечала у него, когда он смотрел на нее. Она несколько минут простояла перед портретом в серьезном созерцании и вернулась к нему еще раз перед тем, как они покинули галерею. Миссис Рейнольдс сообщила им, что портрет был написан еще при жизни отца мистера Дарси.

Несомненно, в эту минуту Элизабет испытывала к оригиналу куда лучшие чувства, чем когда-либо прежде за все время их знакомства. Похвалы, которыми его осыпала миссис Рейнольдс, значили очень много. Какая похвала имеет больший вес, нежели отзыв наблюдательной прислуги? Брат, владелец поместья, хозяин дома – благополучие и счастье скольких людей от него зависит! В его власти доставить им столько радости или же столько горя! Сколько добра он может сделать, сколько зла причинить! Вот о чем думала Элизабет. Каждая мысль, подсказанная словами экономки, говорила в его пользу. И, стоя перед портретом, на котором он был изображен так, что его глаза были устремлены на нее, она подумала о его чувстве к ней с куда большей благодарностью, чем когда-либо прежде, – она вспомнила пылкость этого чувства и почти извинила неуместную форму его выражения.

Когда осмотр комнат, открытых для публики, был завершен, они спустились вниз и попрощались с экономкой, которая поручила их садовнику, поджидавшему у входной двери.

Они направились через лужайку к речке, но остановились, чтобы оглянуться на дом, и пока мистер Гардинер старался определить век, когда он был построен, из-за угла, по дорожке, которая вела от конюшен, вдруг вышел его владелец. От Элизабет его отделяло лишь шагов двадцать, и он появился перед ней столь внезапно, что было невозможно сделать вид, будто она его не заметила. Их глаза тут же встретились, и по лицам обоих разлилась жаркая краска. Он был поражен и на мгновение словно окаменел от изумления. Но тотчас взял себя в руки, подошел к ним и заговорил

с Элизабет, если и не твердым голосом, то, во всяком случае, с безупречной учтивостью.

Она было невольно отвернулась, но остановилась, когда он направился к ней, и слушала его приветствие со смущением, преодолеть которое была не в силах. Даже если бы манера его появления и сходство с портретом, который они только что видели, не сказали бы ее дяде и тетушке, кто он такой, выражение удивления на лице садовника, когда он внезапно увидел своего хозяина, объяснило бы им все. Они оставались немного в стороне, пока он разговаривал с их племянницей, которая от изумления и смущения едва осмеливалась поднять на него глаза и не понимала, что отвечает на его вежливые вопросы о здоровье ее близких. Пораженная переменой в его манерах после их последней встречи, теряясь все больше после каждой произнесенной им фразы, изнемогая от неловкости, что он застал ее здесь, Элизабет чувствовала, что недолгие минуты их разговора были, пожалуй, самыми тягостными в ее жизни. Да и он, казалось, испытывал неменьшую неловкость. В его голосе не было обычной невозмутимости, и он с такой поспешностью несколько раз осведомился, давно ли она покинула Лонгборн и долго ли пробудет в Дербишире, что нельзя было не догадаться о смятении, царившем в его мыслях.

Наконец он словно бы утратил дар слова и несколько секунд молчал, но затем спохватился и с поклоном ушел.

Тут к ней подошли дядя с тетушкой и заговорили о том, какое прекрасное впечатление производит его наружность, но Элизабет не слышала ни единого слова и, всецело поглощенная своими мыслями, следовала за ними в полном молчании. Ее снедали стыд и досада. Что могло быть злополучнее и безрассуднее ее согласия поехать в Пемберли! Каким странным должен был найти это он! В каком неподобающем свете способен истолковать ее поступок столь тщеславный человек? Он может подумать, будто она намеренно подстроила встречу с ним! Ах, зачем, зачем она приехала сюда! И зачем он приехал на день раньше, чем намеревался? Выйди они из дома на какие-то десять минут раньше, то уже успели бы скрыться из виду – ведь он, несомненно, только что приехал, только что спрыгнул с лошади или подножки экипажа. Она вновь и вновь краснела из-за неуместности их встречи. А его поведение, столь разительно изменившееся, – что оно может означать? Даже то, что он заговорил с ней, уже было поразительным! Но притом столь учтиво, справляясь о здоровье ее родителей и сестер! Никогда еще он не держался так просто, не говорил с такой мягкостью, как во время этой нежданной встречи. Какая противоположность его поведению с ней, когда они виделись в последний

раз у ограды Розингского парка и он вложил ей в руку свое письмо! Она не знала, что и думать, какое найти объяснение.

Теперь они свернули на красивую аллею, тянувшуюся по берегу речки, и каждый шаг открывал то новый красивый склон, то прекрасную рощу впереди, но Элизабет еще долго ничего вокруг не замечала и, хотя машинально отзывалась на постоянные приглашения дяди и тетушки взглянуть на то или на это и словно бы смотрела в указанную сторону, смотрела она, не видя. Ее мысли уносились к той комнате в доме, в которой мог сейчас находиться мистер Дарси. Она томила желанием узнать, какие мысли в эти мгновения мелькают у него в голове, как и что он думает о ней и не может ли быть, что, против всякой вероятности, она все еще дорога ему? Быть может, он был учтив лишь потому, что остался равнодушен к их встрече? Однако что-то в его голосе не свидетельствовало о спокойном равнодушии. Почувствовал ли он больше боли или радости, увидев ее, она не знала, но, бесспорно, невозмутимости в его взгляде не было.

Наконец замечания ее спутников о том, как она рассеянна, заставили ее опомниться, и она почувствовала, что ей следует постараться вести себя как обычно.

Они вошли в рощу и, на время попрощавшись с речкой, поднялись на холм, где просветы между деревьями позволяли любоваться красотой долины, холмов напротив, в большинстве своем лесистых, а кое-где взгляду открывались и извивы речки. Мистер Гардинер изъявил желание обойти весь парк, но высказал предположение, что для этого одной прогулки мало. Садовник с торжествующей улыбкой ответил, что окружность парка равна десяти милям. Это решило вопрос, и они продолжали следовать обычному пути посторонних посетителей, который через некоторое время привел их к склону, и под густыми ветвями деревьев они спустились к речке там, где она сужалась, и перешли ее по самому простому мосту, гармонизировавшему с почти нетронутой природой вокруг. Долина тут превратилась почти в овраг, где места хватало лишь для потока и для тропки среди нависавших над водой деревьев. Эта выющаяся тропка манила Элизабет, но, когда они перешли мост и увидели, как далеко они от дома, миссис Гардинер, не большая любительница длинных пеших прогулок, отказалась идти дальше и хотела только поскорее добраться до их экипажа. Племяннице поэтому пришлось покориться, и они направились к дому по другому берегу, самым кратчайшим путем. Однако шли они медленно, так как мистер Гардинер, большой любитель рыбной ловли, хотя у него было мало досуга для этого развлечения, с таким вниманием вглядывался в воду, не мелькнет ли в ней форель, и с таким удовольствием беседовал о своем пристрастии с

садовником, что они чаще останавливались, чем шли. И тут они были вновь удивлены, а Элизабет изумилась не менее, чем в первый раз, увидев, что к ним приближается мистер Дарси. Дорожка тут была менее укрыта деревьями, чем на другом берегу, и они заметили его прежде, чем он подошел совсем близко. Элизабет, несмотря на свое изумление, все же теперь растерялась меньше и решила держаться и говорить спокойно, если он нарочно вышел к ним навстречу. Несколько мгновений она даже полагала, что он свернет на другую дорожку. Сомнения ее продолжались, пока на повороте его заслоняли деревья, но затем он вышел из-за них и оказался прямо перед ней. Один взгляд убедил ее, что он сохранил всю свою новую учтивость, и, подражая ему в любезности, она начала восторгаться красотой парка, но не успела произнести «восхитительный» и «чудесный», как опасное воспоминание внушило ей мысль, что ее похвалы Пемберли могут быть истолкованы очень и очень превратно. Она переменялась в лице и умолкла.

Миссис Гардинер стояла чуть позади нее, и, когда Элизабет замолчала, мистер Дарси осведомился, не представит ли она его своим друзьям. К такому доказательству вежливости она была совершенно не готова и с трудом удержалась от улыбки при мысли, что он ищет знакомства с одними из тех, мысль о ком столь возмущала его гордыню, когда он делал ей предложение! «Каково же будет его удивление, – подумала она, – когда он услышит, кто они такие! Он ведь, кажется, полагает, что они принадлежат к высшему обществу!»

Тем не менее она незамедлительно познакомила его с ними, а объясняя, кем они ей приходится, исподтишка посмотрела, как он это перенесет, и почти не сомневалась, что он тут же поспешит удалиться. Что их родство его удивило, сомнений не вызывало, однако он перенес это открытие стойко и не только не поспешил прочь, но повернулся и пошел назад вместе с ними, вступив в беседу с мистером Гардинером. Элизабет не могла не обрадоваться, не могла удержаться от торжества. Теперь он узнает, что у нее есть родственники, за которых можно не краснеть, и это было очень утешительно. Она внимательно прислушивалась к их разговору и ликовала при каждом замечании, каждой фразе ее дяди, которые свидетельствовали о его уме, его вкусе или безупречности манер.

А они вскоре заговорили о рыбной ловле, и она слышала, как мистер Дарси с величайшей учтивостью пригласил его удить здесь в речке, когда бы он ни захотел, пока будет оставаться по соседству, и даже снабдить его рыболовными принадлежностями, а по дороге указывал заводи, где рыба клюет особенно хорошо. Миссис Гардинер, которая шла под руку

с Элизабет, бросала на нее удивленные взгляды. Элизабет помалкивала, но ей чрезвычайно льстила подобная обходительность мистера Дарси, ведь она, несомненно, предназначалась для нее. Однако и ее удивление было огромным. То и дело она повторяла про себя: «Почему он настолько изменился? Чем это вызвано? Не может быть, чтобы его манеры стали настолько мягче из-за меня, ради меня! Мои упреки в Хансфорде не могли вызвать подобной перемены. Невозможно, чтобы он продолжал меня любить!»

Некоторое время они шли таким порядком – Элизабет с тетушкой впереди, два джентльмена позади, но, когда они спустились к воде посмотреть редкостное водяное растение, произошла небольшая перемена. Причиной явилась усталость миссис Гардинер, которая предпочла теперь опираться не на руку Элизабет, но на более сильную руку своего супруга. Место рядом с ее племянницей занял мистер Дарси, и так они пошли дальше. Недолгое молчание первой нарушила Элизабет. Она хотела дать ему понять, что приехала в Пемберли, только когда ее заверили, что его там не будет, и поэтому сказала, что его, видимо, в этот день не ждали.

– Ваша экономка, – добавила она, – упомянула, что вы будете здесь никак не раньше завтрашнего утра, да и прежде, чем покинуть Бейкуэлл, мы удостоверились, что вас пока в Пемберли не ожидают.

Он объяснил, что его намерения действительно были такими, но неотложное дело к управляющему поместьем заставило его на несколько часов опередить своих друзей, с которыми он выехал из Лондона.

– Они придут завтра утром, – продолжал он, – и среди них есть и ваши знакомые – мистер Бингли с сестрами.

Элизабет ответила лишь легким наклоном головы. Ее мысли мгновенно воскресили минуту, когда имя мистера Бингли было в последний раз упомянуто между ними. И, если судить по цвету его лица, ему вспомнилась та же минута.

– С ними есть еще одна молодая особа, – продолжал он после паузы, – которая очень хотела бы иметь удовольствие познакомиться с вами. Вы позволите мне – или я прошу слишком о многом? – представить вам мою сестру, пока вы будете гостить в Лэмтоне?

Такая просьба ее совершенно ошеломила, и она так растерялась, что не знала, как ответить. Ей тут же стало ясно, что желание познакомиться с ней мог внушить мисс Дарси только ее брат, и, если не думать о дальнейшем, оставалось лишь радоваться. Было очень приятно убедиться, что, несмотря на свою обиду, он не стал думать о ней дурно.

Теперь они шли молча, погруженные в свои мысли. Элизабет

чувствовала себя неловко. Нет, это невозможно! И все-таки она была польщена и обрадована. В его желании познакомиться ее со своей сестрой она видела лучший из комплиментов. Они уже далеко опередили остальных, и, когда дошли до экипажа, мистер и миссис Гардинер отстали от них на четверть мили.

Он пригласил ее войти в дом, но она сказала, что не устала, и они остались стоять на лужайке. В такие минуты можно сказать многое, и молчание становилось все более неловким. Ей хотелось заговорить, но на каждую тему, казалось, был наложен запрет. Наконец она вспомнила про свое путешествие, и они побеседовали о Матлоке и Довдейле с большим упорством. Однако время и ее тетушка двигались очень медленно, и даже эта тема почти истощилась, когда их тет-а-тет был наконец прерван.

Когда мистер и миссис Гардинер подошли к ним, последовали настойчивые приглашения войти в дом и перекусить перед дорогой, но они отказались и простились с величайшей учтивостью с обеих сторон. Мистер Дарси посадил дам в экипаж, лошади тронулись, и Элизабет увидела, как он медленно направился к дому. Ее дядя и тетушка тотчас принялись обсуждать его и дружно признались, что он оказался несравненно лучше, чем они ожидали.

– Он держался так безупречно, учтиво и без малейшей спесивости, – объявил ее дядя.

– Нет, в нем есть какая-то важность, – возразила его супруга, – но лишь в наружности, и она идет ему. Я могу только повторить за его экономкой: хотя некоторые люди и называют его гордецом, я в нем ничего подобного не заметила.

– Его поведение с нами чрезвычайно меня удивило. Не просто учтивое, но истинно обходительное. А причин для подобной обходительности нет. Ведь с Элизабет он едва знаком.

– Разумеется, Лиззи, – сказала ее тетушка, – он не такой красавец, как Уикхем, или, вернее, в нем нет очарования Уикхема, но черты его лица очень благородны. Почему ты говорила нам, что у него невыносимые манеры?

Элизабет, как могла, попыталась оправдать себя. Сказала, что он ей, когда они встретились в Кенте, понравился больше, чем прежде, и что таким обходительным, как в этот день, она еще никогда его не видела.

– Впрочем, возможно, любезен он только на словах, как в обычае у сильных мира сего, – заметил ее дядя. – Поэтому я не приму приглашения половить рыбу в его речке. Что, если он передумает и попросит меня удалиться из его парка?

Элизабет чувствовала, что они совершенно не поняли его характера, но промолчала.

– Теперь, когда мы его видели, – продолжала миссис Гардинер, – я, право, не в силах понять, как он мог поступить с кем-то так жестоко, как поступил с бедным Уикхемом. По его лицу никак не скажешь, что у него дурная натура. Напротив, когда он разговаривает, в выражении его губ есть что-то очень приятное. И достоинство в осанке, которое мешает думать, что сердце у него злое. Ну а добрая старушка, водившая нас по дому, аттестовала его наипревосходнейшим образом! Иногда я еле удерживалась, чтобы не рассмеяться. Однако, полагаю, он щедрый хозяин, а это в глазах прислуги делает его воплощением всех добродетелей.

Элизабет почувствовала, что должна сказать что-то в оправдание его поступков с Уикхемом, и осторожно дала им понять, что, судя по словам его родственников в Кенте, его действия поддаются совсем другому истолкованию и что его характер отнюдь не так плох, а характер Уикхема отнюдь не так хорош, как считают в Хартфордшире. В подтверждение этого она рассказала про денежные расчеты между ними, не открыв, от кого это узнала, но добавила, что сведения эти вполне надежны.

Миссис Гардинер удивилась и расстроилась, но они уже подъезжали к местам, где она провела такие чудесные годы, и радость воспоминания вытеснила все прочее. Она то и дело указывала мужу на достопримечательности в окрестностях городка и больше ни о чем думать не могла. Как ни утомила ее утренняя прогулка, едва они пообедали в гостинице, как она поспешила нанести визиты своим старым знакомым, и вечер прошел очень приятно в восстановлении былых дружеских отношений после многолетней разлуки.

Однако события утра так поглощали мысли Элизабет, что новые знакомства нисколько ее не занимали. Она могла лишь думать, думать и изумляться учтивости мистера Дарси, а главное – его желанию познакомить ее со своей сестрой.

Глава 44

Элизабет полагала, что мистер Дарси нанесет ей визит вместе с сестрой на другой день после прибытия мисс Дарси в Пемберли, и намеревалась не покидать гостиницы до полудня. Однако ее предположение оказалось неверным; визит этот состоялся на следующий же день после того, как они сами приехали в Лэмтон.

Утром они погуляли по городу со своими новыми знакомыми и вернулись в гостиницу, чтобы переодеться к обеду у тех же знакомых, как вдруг стук колес подозвал их к окну, и они увидели подъезжающую легкую коляску, в которой сидели джентльмен и молоденькая барышня. Элизабет тотчас узнала ливрею кучера, догадалась, кто они, и немало удивила своих родных, объяснив им, какая честь их ожидает. Дядя и тетушка изумились, а ее смущение вкупе с обстоятельством, которое его вызвало, а также со многими обстоятельствами, которые они наблюдали накануне, навели их на совсем новую мысль о происходящем. Хотя ничто прежде, казалось, на это не указывало, но подобное внимание могло объясняться лишь особым расположением к их племяннице. Пока эти подозрения мелькали у них в голове, смятение чувств самой Элизабет росло с каждым мгновением. Это волнение ее изумляло. Разумеется, причин для него было немало, однако больше всего она боялась, что расположение мистера Дарси обернулось излишними похвалами ей, и, более обычного желая понравиться, она опасалась, что не сумеет понравиться вовсе. Элизабет отступила от окна, страхась, как бы ее не увидели, но, пройдясь по комнате, чтобы немного успокоиться, она заметила, что дядя с тетушкой смотрят на нее вопросительно и удивленно, отчего вовсе расстроилась.

Мисс Дарси и ее брат вошли в комнату, и внушавшая столько опасений церемония представления свершилась.

Элизабет поразились, заметив, что ее новая знакомая смущается не менее, чем она сама. В Лэмтоне она успела услышать, что мисс Дарси ужасная гордячка, но теперь, уже через несколько минут, она поняла, что та просто очень застенчива. Ей с трудом удавалось добиться от мисс Дарси хоть слова, кроме «да» или «нет».

Мисс Дарси была выше ростом, чем Элизабет, и более плотного сложения. Ей исполнилось всего шестнадцать лет, но ее фигура совсем сформировалась, и она выглядела очень женственной и грациозной. Красотой она уступала брату, но ее лицо дышало умом и живостью, а

манеры были сама скромность и деликатность. Элизабет опасалась найти в ней столь же проницательного и взыскательного критика, каким ей всегда казался мистер Дарси, и поэтому испытала большое облегчение, убедившись, что характер у нее совсем иной.

Дарси незамедлительно сообщил ей, что Бингли тоже собирается навестить ее. Элизабет успела только сказать, что будет ему очень рада, и приготовиться к встрече с ним, как на лестнице послышались быстрые шаги, и в гостиную вошел Бингли. Элизабет уже давно перестала сердиться на него, но, даже будь это не так, ее гнев тотчас рассеялся бы, со столь глубокой сердечностью он выразил радость, что снова ее видит. Затем он осведомился о ее близких самым дружеским тоном, хотя никого особо не назвал, и держался с обычной своей приятной непринужденностью.

Ее дяде и тетушке он был почти столь же интересен, как и ей. Они хотели его увидеть. Да и остальные трое вызывали у них живейшее любопытство. Подозрения относительно мистера Дарси и их племянницы пробудили у них особое внимание и к нему, и к ней; поэтому они очень осторожно, но пристально наблюдали за ними. И вскоре пришли к заключению, что кем-то из этих двоих владеет любовь. В чувствах Элизабет они не были вполне уверены, однако восхищение Дарси сомнения не вызывало.

У Элизабет хватало своих забот. Ей надо было понять чувства всех ее гостей, надо было утишить свое волнение и обворожить их. В этой последней цели, которая мнилась ей недостижимой, она преуспела лучше всего, так как те, кому она старалась понравиться, были уже предрасположены в ее пользу. Бингли хотел, Джорджиана была готова, а Дарси колеблимо решил находить ее обворожительной.

При виде Бингли ее мысли, естественно, обратились к сестре, и как желала она узнать, не о Джейн ли думает и он! Иногда ей казалось, что он стал молчаливее, чем был раньше, а раза два она с радостью замечала, что он глядит на нее так, словно ищет в чертах ее лица другие черты. Разумеется, это могло быть лишь игрой воображения, но она никак не могла обмануться в том, как Бингли держался с мисс Дарси, которую изображали соперницей Джейн. Она не заметила между ними ни единого взгляда, который говорил бы об особом расположении, и между ними не произошло ничего, что могло бы оправдать надежды его сестер. Очень скоро последние сомнения ее оставили, а кое-какие мелочи, прежде чем гости простились, она поспешила истолковать как свидетельство, что он думает о Джейн не без нежности и хотел бы каким-то образом навести разговор на нее, но у него не хватало смелости. Выбрав минутку, когда

остальные были заняты беседой, он сказал тоном искреннего сожаления, что «прошло столько времени с тех пор, как он имел удовольствие видеть ее», а прежде чем она успела ответить, добавил:

– Больше восьми месяцев. Мы не встречались с двадцать шестого ноября, когда все мы танцевали в Недерфилде.

Элизабет порадовалась, что память у него столь точна, а некоторое время спустя он воспользовался случаем и спросил, все ли ее сестры сейчас в Лонгборне. И этот вопрос, и предыдущие слова сами по себе значили мало, но его взгляд, его тон придавали им особый смысл.

Ей нечасто удавалось перевести глаза на мистера Дарси, но она всякий раз видела любезное выражение его лица, а в его голосе не было ни намека на высокомерие или пренебрежение к своим собеседникам, и она поверила, что изменение его манер, которое она заметила накануне, каким бы временным оно ни было, сохранилось хотя бы до следующего дня. Когда она увидела, как он старается заслужить доброе мнение людей, самое знакомство с которыми несколько месяцев назад считал бы для себя неприличным, когда увидела, как он любезен не только с ней, но и с теми самыми ее родственниками, которых открыто презирал, и вспомнила их последнее бурное объяснение в доме мистера Коллинза, перемена была столь разительной и так ее ошеломила, что она лишь с трудом могла скрыть свое изумление. Никогда прежде, ни в Недерфилде среди его дорогих друзей, ни в Розингсе среди его аристократической родни, она ни разу не видела, чтобы он прилагал столько усилий, стараясь понравиться своим собеседникам, и был настолько далек от высокомерия или надменной сдержанности, как теперь, когда успех его стараний не сулил ничего сколько-нибудь значительного, а самое знакомство с теми, кого он окружал такими знаками внимания, навлекло бы насмешки и осуждение дам и девиц Недерфилда и Розингса.

Гости просидели у них более получаса, а когда встали и начали прощаться, мистер Дарси попросил сестру вместе с ним выразить их желание, чтобы мистер и миссис Гардинер и мисс Беннет отобедали бы у них в Пемберли, прежде чем покинут Лэмтон. Мисс Дарси, хотя и с некоторой робостью, выдававшей, как мало ей было это привычно, с большой охотой поддержала его приглашение. Миссис Гардинер посмотрела на племянницу, желая узнать, склонна ли Элизабет, которой это приглашение касалось больше всех, принять его, однако Элизабет чуть отвернулась. Рассудив, что это нарочитое молчание больше свидетельствует о внезапном смущении, чем о желании отказаться, и видя, что ее супруг, любящий общество, готов принять его с радостью, она

ответила согласием за всех троих, и обед был назначен на послезавтра.

Бингли выразил большую радость, что снова увидит Элизабет – ему надо еще столько сказать ей и подробно расспросить ее о всех их хартфордширских друзьях. Элизабет заключила, что он надеется узнать что-нибудь о Джейн, и была на седьмом небе. По этой причине, а также по некоторым другим она, когда гости удалились, могла вспоминать об их визите с удовольствием, хотя, пока он продолжался, ей было скорее не по себе. Теперь ей хотелось поскорее остаться одной, она боялась расспросов или намеков дяди с тетушкой и поэтому, едва узнав, что Бингли произвел на них самое благоприятное впечатление, поспешила в свою комнату переодеться.

Однако она совершенно напрасно опасалась любопытства мистера и миссис Гардинер, они вовсе не собирались искать ее откровенности. Было очевидно, что она знакома с мистером Дарси гораздо ближе, чем им казалось прежде. Несомненным было и то, что он пылко в нее влюблен. Все это возбуждало их интерес, но не давало им права ее расспрашивать.

Теперь им было важно думать о мистере Дарси хорошо, и в той мере, в какой они успели его узнать, никаких недостатков они в нем не находили. Их не могла не подкупить его любезность, и, если бы они описали его характер, полагаясь только на собственное впечатление и рассказы экономки, в Хартфордшире никто из тех, кому он был известен, не догадался бы, что речь идет о мистере Дарси. Однако теперь у них была причина поверить миссис Рейнольдс, и вскоре они пришли к выводу, что свидетельство экономки, которая знала его с четырехлетнего возраста, а сама выглядела весьма почтенной женщиной, не следует отвергать слишком поспешно. Да и их лэмтонским друзьям не было известно ничего, что могло бы опровергнуть ее похвалы хоть в чем-то существенном. Обвинить его они могли лишь в гордости. Возможно, он был горд, а если нет, то обыватели рыночного городка, с которыми его семья не поддерживала знакомства, конечно, приписали бы ему это качество. Однако никто не отрицал, что он очень щедр и много помогает беднякам.

Что касается Уикхема, наши путешественники вскоре убедились, что о нем тут высокого мнения не придерживаются; и хотя никто толком не знал, почему он рассорился с сыном своего благодетеля, всем было известно, что он покинул Дербишир, оставив после себя много долгов, которые затем уплатил мистер Дарси.

Элизабет же в этот вечер думала о Пемберли много больше, чем в предыдущий, и, хотя он длился словно бы очень долго, она все равно так и не сумела разобраться в своих чувствах к одному из обитателей этого

поместья и еще целых два часа лежала без сна, стараясь их понять. Бесспорно, она его не ненавидела. Нет, ненависть исчезла уже давно, и почти такой же срок она стыдилась того, что хотя бы какое-то время испытывала к нему неприязнь, которую можно было счесть ненавистью. Уважение, рожденное признанием его высоких достоинств, хотя вначале и весьма неохотное, уже некоторое время не возмущало другие ее чувства, а теперь и вовсе перешло в нечто более дружеское благодаря полученным накануне убедительнейшим свидетельствам в его пользу, которые представили его характер в столь благоприятном свете. Но даже сильнее всего этого, сильнее уважения, сильнее признания его достоинств в ней говорило еще одно чувство, которое она не могла отвергнуть. Это была благодарность – благодарность не просто за то, что он прежде любил ее, но за то, что и сейчас продолжал любить настолько, что простил сердитое возмущение и язвительность, с какой она ему отказала, и все несправедливые обвинения, сопровождавшие ее отказ. Она не сомневалась, что он будет стараться избегать ее, как злейшего врага, а он во время их случайной встречи, казалось, стремился во что бы то ни стало поддержать их знакомство и без неподобающего изъяснения своих чувств в том, что касалось их одних или странностей в манере держаться, постарался заслужить доброе мнение ее родных и настоял на том, чтобы познакомить ее со своей сестрой. Такая перемена в столь гордом человеке вызывала не только изумление, но и благодарность – за любовь, пылкую любовь, ибо ничто другое не заставило бы его стать другим. Вот почему впечатление, которое произвела на нее эта перемена, оказалось самым благотворным, и ей хотелось сохранить это новое чувство, хотя оно не вполне поддавалось определению. Она уважала его, ценила его достоинства, искренне желала ему счастья. И не знала лишь, в какой мере ей хотелось бы, чтобы счастье это зависело от нее, и насколько она поспособствует счастью их обоих, если воспользуется властью, которой, мнилось ей, она еще обладает над ним, и поощрит его возобновить свои ухаживания.

Вечером они с тетушкой уже решили, что столь лестная любезность мисс Дарси, которая нанесла им визит в первый же день своего прибытия в Пемберли, куда приехала лишь к позднему завтраку, требует от них ответной любезности, разумеется, не сравнимой с оказанной им, и поэтому они непременно должны сделать ей визит на следующее же утро. Значит, завтра они поедут туда! Элизабет была очень довольна, хотя, спросив себя почему, ответа не нашла.

Мистер Гардинер расстался с ними вскоре после завтрака. Приглашение поудить рыбу накануне было возобновлено, и в полдень ему

предстояло встретиться в Пемберли с приехавшими туда другими любителями ужения.

Глава 45

Элизабет теперь не сомневалась, что неприязнь мисс Бингли к ней объяснялась ревностью, понимала, каким ударом ее появление в Пемберли явится для той, и с любопытством ждала, в каких пределах вежливости возобновится знакомство между ними.

Когда они приехали, их проводили через переднюю парадную в гостиную, выходящую окнами на север и оттого особенно приятную в летнюю погоду. За окнами открывался чудесный вид на лесистую гряду холмов позади дома, а также на величественные дубы и каштаны, кое-где живописно осенявшие широкий луг, простиравшийся до ее подножия.

Их приняла мисс Дарси, сидевшая там с миссис Хэрст, мисс Бингли и дамой, опекавшей ее в Лондоне. Джорджиана встретила их очень любезно, но с той стеснительностью, которая, хотя ее причиной были застенчивость и страх допустить какой-нибудь промах, легко могла показаться тем, кто считал себя неровней ей, свидетельством гордости и высокомерия. Миссис Гардинер и ее племянница, однако, прекрасно понимали, что она чувствует, и жалели ее.

Миссис Хэрст и мисс Бингли удостоили их лишь самым легким реверансом, и, когда все сели, на минуту воцарилось молчание – неловкое, как всегда в подобных случаях. Первой его нарушила миссис Эннесли, приятного вида дама, чья попытка завязать разговор доказывала ее истинную благовоспитанность в сравнении с миссис Хэрст и мисс Бингли. Миссис Гардинер тотчас ей ответила, и с некоторой помощью Элизабет они продолжали поддерживать беседу. Судя по лицу мисс Дарси, ей очень хотелось преодолеть робость и присоединиться к ним, порой она даже отваживалась на коротенькую фразу, когда почти не было опасности, что ее услышат.

Элизабет вскоре заметила, что мисс Бингли пристально наблюдает за ней, и стоило ей произнести хоть слово и особенно обратиться с вопросом к мисс Дарси, как мисс Бингли сразу настораживалась. Впрочем, это не помешало бы ее попыткам разговаривать юную барышню, если бы они сидели поближе друг к другу. Однако она не жалела, что избавлена от такой необходимости, так как была поглощена своими мыслями. Она ожидала, что вот-вот в гостиную войдет кто-нибудь из джентльменов, и надеялась, и страшилась, что между ними будет хозяин дома. И не могла решить, что было сильнее – надежда или страх. Просидев так четверть часа и ни разу не

услышав голоса мисс Бингли, Элизабет очнулась от своих мыслей, когда та ледяным тоном осведомилась о здоровье ее родителей и сестер. Она ответила с такой же холодностью и краткостью, и мисс Бингли вновь замолчала.

Следующее разнообразие в их визит внесло появление лакеев, внесших блюда с холодным мясом, тортом и отборнейшими разнообразными фруктами этого времени года. Однако произошло это лишь после того, как миссис Эннсли много раз посмотрела на мисс Дарси с многозначительной улыбкой, напоминая ей о ее обязанностях хозяйки дома. Теперь хотя бы для общества нашлось занятие: пусть разговаривать они все не могли, зато все могли есть, и соблазнительные пирамиды нектаринов, персиков и винограда скоро собрали их вокруг стола.

Вот тут-то Элизабет и представился прекрасный случай решить, надеялась ли она, или страшилась увидеть мистера Дарси, по тому, какое чувство возобладало, когда он вошел. А тогда, хотя ей только что казалось, что надежда была сильнее, она тут же пожалела о его приходе.

Он некоторое время провел на берегу речки с мистером Гардинером, который в обществе двух-трех джентльменов, гостивших в Пемберли, занимался ужением, но расстался с ним, едва услышав, что супруга и племянница последнего как раз теперь находятся в обществе Джорджианы. Едва он вошел, как Элизабет благоразумно решила держаться непринужденно и безмятежно – решение тем более необходимое, хотя, пожалуй, тем труднее выполнимое из-за того, что у всех присутствующих были кое-какие подозрения на их счет, и едва он вошел в комнату, как все глаза устремились на него, чтобы подмечать, как он будет себя вести. И особенный интерес был написан на лице мисс Бингли – его не прятали даже улыбки, с какими она обращалась к предметам своего любопытства, так как ревность еще не ввергла ее в полное отчаяние и она отнюдь не перестала оказывать мистеру Дарси самые лестные знаки внимания. С появлением брата мисс Дарси стала чуть более разговорчивой, и Элизабет заметила, что ему очень хотелось бы сблизить их и что он всячески поддерживает их попытки вступить в разговор. Заметила это и мисс Бингли, и с неосторожностью, вызванной злобой, она воспользовалась первым случаем, чтобы осведомиться с вежливостью, более походившей на насмешку:

– Скажите, мисс Элиза, верно ли, что ***ширский полк покинул Меритон? Какая потеря для вашей семьи!

В присутствии Дарси она не посмела упомянуть имя Уикхема, но Элизабет сразу поняла, что думает она именно о нем, и собственные

связанные с ним воспоминания на мгновение заставили ее растеряться. Однако, энергично собравшись с силами, чтобы отразить этот выпад, она почти сразу ответила на язвительный вопрос достаточно безразличным тоном. Пока она говорила, невольный взгляд в их сторону показал ей, что Дарси, чуть покраснев, внимательно смотрит на нее, а его сестра не может поднять глаз от смущения. Знай мисс Бингли, какую боль она причинила своей драгоценной подруге, то, без сомнения, удержалась бы от этого намека. Но она просто намеревалась уколоть Элизабет, напомнить ей об Уикхеме, к кому та, по ее мнению, была равнодушна, заставить ее выдать чувство, которое могло бы повредить ей во мнении Дарси, а может быть, и напомнить ему о том, на какие безрассудства и глупые выходки толкало присутствие полка в городке некоторых членов ее семьи. Ведь мисс Бингли понятия не имела о предполагавшемся бегстве мисс Дарси. Кроме тех, кто с самого начала знал эту тайну, в нее была посвящена одна лишь Элизабет, и брат особенно желал скрыть случившееся от сестер своего друга из-за того самого желания, которое когда-то приписала ему Элизабет, – из-за надежды, что когда-нибудь они станут ее сестрами. Бесспорно, такой план у него был, и, хотя не поэтому он приложил все усилия, чтобы разлучить Бингли с мисс Беннет, вполне вероятно, что план этот поспособствовал возникновению у него такого намерения.

Невозмутимость Элизабет, однако, вскоре его успокоила, а так как мисс Бингли, раздосадованная и обманутая в своих расчетах, не осмелилась яснее намекнуть на Уикхема, то и Джорджиана немного пришла в себя – но не настолько, чтобы вновь попытаться вести разговор. Но ее брат, чей взгляд она страшилась встретить, даже не вспомнил о том, что намек мисс Бингли мог задеть и ее. И та уловка, которая должна была отвлечь его мысли от Элизабет, напротив, привлекла их к ней со все большей пылкостью.

Вскоре после упомянутых вопроса и ответа их визит подошел к концу, и пока мистер Дарси провожал их до экипажа, мисс Бингли дала выход своим чувствам, выискивая недостатки в наружности Элизабет, ее манерах и туалете. Однако Джорджиана не присоединилась к ее критике. Рекомендации брата было достаточно, чтобы завоевать ее расположение: его суждения она считала безошибочными, а о Элизабет он говорил в таких выражениях, что Джорджиана просто не могла не найти ее прелестной и восхитительной. Когда Дарси вернулся в гостиную, мисс Бингли не удержалась и повторила ему кое-что из сказанного его сестре.

– Какой дурнушкой выглядит Элиза Беннет, мистер Дарси! – вскричала она. – В жизни не видела, чтобы кто-то так изменился, как она с прошлой

зимы. Выглядит ну просто обгорелой дочерна и такой огрубелой! Мы с Луизой как раз говорили, что не узнали бы ее, если бы вы нас не предупредили.

Как ни мало такие слова могли понравиться мистеру Дарси, он удовлетворился невозмутимым ответом, что не нашел в ней никаких перемен, хотя она и загорела, как обычно случается во время летних путешествий.

– Что до меня, – возразила она, – должна признаться, что я никогда никакой красоты в ней не замечала. Лицо у нее чересчур худое, цвет его ничем не примечателен, его черты лишены правильности. Нос – ни то ни се, никакого благородства линий, зубы сносные, но жемчужными их никак не назовешь, а что до глаз, которые иногда объявляли столь прекрасными, я никогда ничего особенного в них не замечала. Вот только выражение – такая язвительность мне уж и вовсе не нравится. Во всей ее наружности есть нестерпимое самодовольство без малейшей светскости.

Поскольку мисс Бингли не сомневалась, что Дарси восхищается Элизабет, это был не лучший способ возвысить себя в его глазах. Но люди, поддавшиеся злобе, не всегда в силах сохранить благоразумие, и, заметив, что он наконец выглядит задетым, она поздравила себя с успехом. Однако он упорно хранил молчание, и, решив принудить его что-нибудь сказать, она продолжала:

– Помнится, когда мы только познакомились с ней в Хартфордшире, как нас всех удивило, что она слывет красавицей, и я не забыла, как однажды вечером, когда они обедали у нас в Недерфилде, вы сказали: «Она – красавица? Уж скорее я назову ее маменьку остроумицей!» Но потом она как будто несколько выиграла в ваших глазах, и, если не ошибаюсь, вы одно время даже находили ее миловидной.

– Да, – ответил Дарси, не в силах больше сдерживаться, – но было это, когда я с ней только-только познакомился. А с тех пор я уже много месяцев считаю ее одной из первых красавиц среди всех, с которыми я знаком.

И он вышел из гостиной, а мисс Бингли осталось утешаться тем, что она все-таки заставила его произнести слова, которые никому не причинили боли, кроме нее самой.

На обратном пути миссис Гардинер и Элизабет обсудили все подробности своего визита, кроме той, которая особенно интересовала их обеих. Они говорили о наружности и манерах всех, кого видели там, за одним исключением, наиболее занимавшим их внимание. Они обсуждали его сестру, его друзей, его дом, фрукты из его оранжереи, ну, словом, все, кроме него самого, хотя Элизабет очень хотелось узнать, что о нем думает

миссис Гардинер, а миссис Гардинер весьма обрадовалась бы, коснись ее племянница этой темы.

Глава 46

Элизабет была очень разочарована, когда по приезде в Лэмтон не нашла в гостинице письма от Джейн, и это разочарование повторялось каждое утро, уже проведенное там. Однако на третье утро ее тревоге пришел конец, а ее сестра была полностью оправдана, когда она получила от нее сразу два письма с пометкой на одном, что его по ошибке доставили не туда. Элизабет это ничуть не удивило, так как Джейн написала адрес на редкость неразборчиво.

Письма принесли, когда они собирались на прогулку, и дядя с тетушкой отправились одни, предоставив ей возможность прочитать их не торопясь и без помех. Начала она с попавшего не по адресу, так как написано оно было пять дней назад. Первый листок занимали описания всех их развлечений и вечеров в гостях, а также различные деревенские новости, однако помеченная днем позже вторая половина письма, написанная с видимым волнением, содержала куда более важную новость. А именно:

«После того как я написала это, моя милая Лиззи, случилось нечто совершенно неожиданное и очень серьезное; но боюсь, я напугала тебя – успокойся, мы все здоровы. А то, о чем я сообщу, касается бедняжки Лидии. Вчера в двенадцать ночи, когда мы все уже легли, нарочный доставил письмо от полковника Фостера, извещавшего нас, что она уехала в Шотландию с одним из офицеров. Представь себе – с Уикхемом! Вообрази наше удивление. Впрочем, для Китти как будто это не явилось такой уж неожиданностью. Я очень, очень огорчена. Такой необдуманный брак с обеих сторон! Но я все-таки надеюсь на лучшее и на то, что его характер был понят неверно. Я легко поверю в его легкомысленность и неблагоразумие, но такой шаг (и будем радоваться этому) ни на что дурное в сердце не указывает. Во всяком случае, его выбор бескорыстен, ведь он же должен знать, что папенька не может дать ей никакого приданого. Бедная маменька очень удручена. Папенька переносит это легче. Я очень рада, что мы ничего им не сказали про то, как о нем отзываются. Нам с тобой тоже следует про это забыть. Предполагают, что они уехали в субботу около полуночи, но хватились их только утром, около восьми. Нарочного отправили тотчас. Моя милая Лиззи, они ведь должны были проехать в каких-то десяти милях от нас! Полковник Фостер дал нам

понять, что скоро прибудет сюда. Лидия оставила записку его жене с сообщением об их намерении. Кончаю, так как не могу надолго оставить бедную маменьку. Боюсь, тебе трудно будет что-нибудь понять, но сама я почти не знаю, что пишу».

Не дав себе времени на размышления, не пытаясь разобраться в своих чувствах, Элизабет едва дочитала это письмо, как схватила второе, нетерпеливо вскрыла его и прочла о том, что произошло день спустя.

«К этому времени, милая сестрица, ты уже получила мое наспех нацарапанное письмо. Я бы хотела, чтобы это оказалось более внятным, но, хотя я не стеснена временем, мои мысли так спутаны, что я не могу обещать ясности их изложения. Моя милая Лиззи, просто не знаю, как написать, но у меня для тебя плохие новости, и они не терпят отсрочки. Каким бы легкомысленным ни был брак мистера Уикхема и нашей бедной Лидии, теперь мы очень хотим, чтобы они поженились, так как есть много причин опасаться, что они отправились вовсе не в Шотландию. Полковник Фостер приехал вчера, покинув Брайтон накануне всего через несколько часов после того, как отправил нарочного. Хотя из записки, оставленной Лидией для миссис Ф., следовало, что они едут в Гретна-Грин, Денни упомянул про свою уверенность, что У. и не собирался ехать туда или вообще жениться на Лидии. Об этом сообщили полковнику Ф., а он сразу встревожился и уехал из Б. с намерением проследить их путь. И убедился, что они доехали до Клэпхема, но дальше их следы затерялись, так как там они отпустили коляску, в которой уехали из Эпсома, и взяли наемную карету. Кроме этого, известно лишь, что их видели, когда они свернули на лондонский тракт. Не знаю, что и думать. Наведя все возможные справки почти до самого Лондона, полковник Ф. отправился в Хартфордшир, осведомляясь о них на каждой заставе, а также в гостиницах Барнета и Хартфилда, но тщетно – никто не видел проезжих, похожих на них. Он был так добр, что приехал в Лонгборн и сообщил нам о своих опасениях с тактом, делающим честь его сердцу. Я искренне сочувствую ему и миссис Ф., но ни у кого нет права в чем-либо их винить. Наше горе, милочка Лиззи, очень велико. Папенька и маменька предполагают самое худшее, но я не в силах думать о нем столь дурно. Из-за самых разных обстоятельств они могли предпочесть без огласки вступить в брак в столице, чем последовать своему первоначальному плану. И даже если он мог замыслить подобное коварство против молодой девицы из такой семьи, как Лидия, – а это очень маловероятно, – то как могу даже предположить, что она столь

забылась? Невозможно! Однако я с грустью узнала, что полковник Ф. совсем не уверен, что они поженились. Когда я выразила свои надежды, он покачал головой и высказал опасение, что У. нельзя доверять. Бедная маменька совсем больна и не выходит из своей спальни. Было бы лучше, если бы она попыталась совладать с собой, но на это нельзя рассчитывать. Что до папеньки, я в жизни не видела, чтобы он был так расстроен. На бедную Китти очень сердятся за то, что она скрывала их интерес друг к другу, но ведь ей об этом сообщалось по секрету, так что же тут удивительного? Я истинно рада, моя милая Лиззи, что ты была избавлена от этих тягостных сцен, но теперь, когда первое ошеломление прошло, признаться ли, что я очень жду твоего скорейшего возвращения? Однако я не настолько эгоистична, чтобы на нем настаивать, если оно причинит неудобства. Adieu!.. Я опять берусь за перо, чтобы все-таки сделать то, чего строчкой выше обещала не делать. Однако обстоятельства таковы, что я должна умолять вас всех приехать елико возможно скорее. Я так хорошо знаю милых дядю и тетюшку, что не боюсь просить об этом. Однако к дядюшке у меня есть еще одна просьба. Папенька сейчас же отправляется в Лондон с полковником Фостером искать ее. Я, право, не знаю, как он намерен поступить, но в своем глубоком огорчении он не сумеет заняться розысками наилучшим и наиболее безопасным способом, а полковник Фостер завтра вечером должен быть в Брайтоне. В такой беде дядюшкины советы и помощь были бы бесценны. Он сразу же поймет, что я чувствую, и я могу положиться на его доброту».

– Ах, где же дядюшка? – вскричала Элизабет, едва дочитав последнюю строчку, и вскочила, чтобы побежать за ним, не теряя ни одной драгоценной минуты. Но тут лакей распахнул дверь, и вошел мистер Дарси. При виде ее побледневшего лица и смятения он вздрогнул, но, прежде чем успел опомниться и что-то сказать, Элизабет, способная думать только о положении Лидии, произнесла торопливо:

– Прошу извинить меня, но я должна вас покинуть. Мне необходимо безотлагательно найти мистера Гардинера по делу, которое не терпит отсрочки. Дорога каждая секунда.

– Боже великий! Что случилось? – в волнении вскричал он, забыв о правилах вежливости, но тут же спохватился. – Я не задержу вас, но позвольте мне или лакею отправиться за мистером Гардинером и миссис Гардинер. Вы не в состоянии, вы не можете пойти.

Элизабет заколебалась, но у нее подкашивались ноги, и она поняла, как мало будет толку, если она попытается догнать дядю и тетюшку.

Поэтому она позвала слугу и поручила ему, еле выговаривая слова от расстройства, немедленно попросить его хозяина и хозяйку вернуться в гостиницу.

Едва слуга вышел, она села, но лицо у нее было таким несчастным, что Дарси не мог уйти и, не удержавшись, сказал голосом, полным сочувствия и нежности:

– Позвольте, я позову вашу горничную. Нет ли чего-нибудь, что могло бы вам помочь? Глоток вина? Я схожу принесу? Вам дурно!

– Нет, благодарю вас, – ответила она, стараясь взять себя в руки. – Со мной ничего не случилось. Я совершенно здорова и только удручена страшным известием, которое только что пришло из Лонгборна.

Тут она разрыдалась и несколько минут не могла выговорить ни слова. Дарси в мучительном недоумении сумел пробормотать что-то невнятное о своей готовности помочь ей, а затем лишь смотрел на нее в сострадательном молчании. Наконец она вновь заговорила:

– Я только что получила письмо от Джейн с таким ужасным известием! И скрыть случившееся невозможно. Моя младшая сестра покинула всех своих друзей... бежала... отдалась во власть мистера... мистера Уикхема. Они вместе уехали из Брайтона. Он слишком хорошо известен вам, чтобы можно было усомниться в дальнейшем. У нее нет ни денег, ни родства – ничего, что могло бы подвинуть его на... Она погибла навсегда!

Дарси онемел от удивления.

– Когда я думаю, – продолжала она еще более взволнованным голосом, – что могла бы предотвратить это! Ведь мне было известно, каков он на самом деле. Если бы я рассказала хотя бы часть... хотя бы часть того, о чем узнала, моим близким! Будь его характер им известен, этого не могло бы произойти. Но теперь поздно, слишком поздно!

– Я крайне огорчен! – воскликнул Дарси. – Огорчен, поражен. Но верно ли это? Никакой ошибки быть не может?

– Ах, нет! Они покинули Брайтон вместе в ночь на воскресенье, и их удалось проследить почти до Лондона, но не дальше. И они отправились не в Шотландию, тут никаких сомнений нет.

– И что было сделано? Что было предпринято, чтобы отыскать ее?

– Мой отец уехал в Лондон, а Джейн в письме умоляет, чтобы дядюшка поскорее оказал ему помощь, и, надеюсь, мы сможем тронуться в путь через полчаса. Однако ничего сделать нельзя! Я прекрасно понимаю, что ничего сделать нельзя. Как можно повлиять на такого человека? Да и как их удастся найти? У меня нет никакой надежды. Ужасно, с какой

стороны ни посмотреть!

Дарси молча покачал головой, соглашаясь с ней.

– И ведь мне был известен его подлинный характер! Мои глаза были открыты. Ах! Если знать, что мне следовало бы... что я должна была сделать! Но я не знала, я боялась сделать лишнее. Злосчастная, злосчастная ошибка!

Дарси ничего не ответил. Он, казалось, почти не слышал ее и прохаживался по комнате, погруженный в размышления. Его брови сдвинулись, лицо помрачнело. Элизабет заметила это и тотчас поняла причину. Ее власти над ним подходил конец. Всему-всему должен наступить конец при таком бесчестии для ее семьи, при такой неизбежности величайшего позора! Она не была в силах ни удивиться, ни осудить, однако убеждение, что он совладал со своим чувством, не могло принести ей утешения, смягчить ее страдания. Напротив, это словно нарочно произошло, чтобы открыть ей ее собственные желания. И никогда еще она с такой ясностью не чувствовала, что теперь могла бы полюбить его – теперь, когда о любви следовало забыть.

Однако мысли о собственной судьбе занимали ее недолго. Лидия, позор, горе, которые она навлекла на них всех, – вот что их вытеснило. Скрыв лицо в носовом платке, Элизабет вскоре уже не могла думать ни о чем другом. И только через несколько минут ее заставил опомниться голос мистера Дарси, сказавшего тоном сострадания, однако очень сдержанно:

– Боюсь, вам уже давно в тягость мое присутствие, да мне и нечем его оправдать, кроме искреннейшего, но бесполезного сочувствия. Как мне хотелось бы, чтобы я мог словами или делом облегчить такое горе! Но не стану терзать вас бесплодными пожеланиями, словно напрашиваясь на вашу благодарность. Это несчастье, боюсь, лишит мою сестру удовольствия видеть вас сегодня в Пемберли.

– О, разумеется! Будьте так добры, извинитесь за нас перед мисс Дарси. Скажите, что неотложное дело потребовало нашего незамедлительного возвращения домой. Постарайтесь подольше скрывать истинную злосчастную причину. Но, я знаю, это будет недолго.

Он тут же заверил ее в своем молчании, еще раз выразил сочувствие ее горю, пожелал, чтобы все окончилось счастливее, чем представляется сейчас, и, попросив передать поклон ее родственникам, удалился, бросив на нее печальный прощальный взгляд.

Когда он вышел из комнаты, Элизабет подумала, что теплая сердечность, которой были отмечены их встречи в Дербишире, более не возродится, даже если они еще когда-нибудь свидятся. И мысленно обозрев

всю историю их знакомства, столь полную разнообразных противоречий, она вздохнула над непоследовательностью чувств, которые теперь внушали ей желание, чтобы оно продолжалось, хотя прежде заставили бы обрадоваться его концу.

Если благодарность и уважение служат надежной основой для более нежного расположения, то перемена в душе Элизабет не была ни маловероятной, ни заслуживающей осуждения. Если же, наоборот, нежность, возникающая из подобных источников, неразумна или неестественна по сравнению с той, которую принято описывать как вспыхивающую в первую же минуту знакомства, то в защиту Элизабет можно лишь сказать, что она уже испробовала второй способ, когда сразу же восхитилась Уикхемом, и плачевные результаты, быть может, давали ей право подарить свое расположение не столь интересным образом. Но, как бы то ни было, она с сожалением смотрела на дверь, закрывшуюся за Дарси, и в этом столь раннем примере того, чем для них неизбежно обернется позор Лидии, она, когда вновь задумалась о случившемся, нашла новый источник страданий. После того как она прочла второе письмо Джейн, в ней ни на миг не пробудилась надежда, что Уикхем все-таки намерен жениться. Только Джейн, думала она, способна тешить себя подобными упованиями. Такой оборот событий отнюдь не вызывал у нее удивления. Да, пока она знала лишь содержание первого письма, то удивлялась, изумлялась, что Уикхем женится на девушке, которую никак не мог избрать в невесты из корыстолюбия; и чем Лидии удалось настолько пленить его, также оставалось непостижимым. Теперь же все встало на свои места. Для подобной связи в ней могло быть достаточно очарования. И хотя она не предполагала, будто Лидия убежала с ним, не собираясь выйти за него замуж, для нее было совершенно очевидно, что благонравие и ум ее младшей сестры никак не воспрепятствуют ей стать легкой добычей соблазнителя.

Пока полк стоял в Хартфордшире, она ни разу не замечала, чтобы Лидия выказывала особое расположение к нему, однако она не сомневалась, что ее младшей сестре требовалось лишь немного поощрения, чтобы отдать кому-то свое сердце. То один офицер, то другой становился ее избранником, стоило ему поухаживать за ней. Предмет ее чувств менялся, но ими непременно кто-то владел. И, ах, с какой болью Элизабет теперь понимала, насколько опасно было оставлять девушку с такими нравственными понятиями без всякого надзора и уж тем более потакать ей!

Ей не терпелось поскорее оказаться дома – услышать, увидеть, быть там, чтобы разделить с Джейн заботы, которые пока все легли на плечи

старшей сестры среди полного смятения в доме: отец уехал, мать не способна что-либо предпринять и требует постоянного ухода... И хотя она почти убедила себя, что для Лидии сделать уже ничего нельзя, вмешательство ее дяди представлялось ей крайне важным; и когда он наконец вошел в комнату, она уже совсем изныла от ожидания. Мистер и миссис Гардинер поспешили вернуться вне себя от тревоги, со слов слуги предположив, что их племяннице внезапно стало дурно. Но, тотчас рассеяв эту их тревогу, она торопливо объяснила, почему позвала их, прочитала вслух оба письма и трепетно, но настойчиво повторила просьбу, содержащуюся в приписке ко второму. Хотя Лидия никогда не была их любимицей, они, разумеется, совершенно расстроились. Ведь случившееся касалось не только Лидии, но их всех. И после первых восклицаний удивления и ужаса мистер Гардинер немедленно вызвался оказать всю помощь, какая была в его силах. Элизабет, хотя ничего иного не ожидала, поблагодарила его со слезами на глазах, и все трое, повинаясь единому желанию, быстро обсудили все, что необходимо было сделать для скорейшего отъезда. Они намеревались тронуться в путь незамедлительно.

– Но как же Пемберли? – воскликнула миссис Гардинер. – Джон сказал нам, что здесь, когда ты послала его за нами, был мистер Дарси, это верно?

– Да. И я сказала ему, что мы не сможем побывать у них. Тут все улажено.

«Что улажено? – мысленно повторила ее тетушка, когда Элизабет убежала к себе укладываться. – И разве они в таких отношениях, что она могла открыть ему правду? Ах как я хотела бы знать, что тут произошло!»

Но желание ее было тщетным или в лучшем случае могло развлекать ее в суматохе и хлопотах следующего часа. Будь у Элизабет несколько свободных минут, она пребывала бы в убеждении, что в подобном горе у нее не найдется сил чем-либо заняться. Однако у нее, как и у тетушки, хватало всяких дел. Надо было написать всем их друзьям в Лэмтоне и извиниться за поспешный отъезд, сочинив для него убедительную причину. Тем не менее все удалось сделать за час, а мистер Гардинер тем временем расплатился по счету, и можно было трогаться в путь. После тревожных утр Элизабет никак не ожидала, что так скоро уже будет катить в карете по дороге на Лонгборн.

Глава 47

– Я поразмышлял, Элизабет, – сказал ее дядя, когда они выехали из городка, – и, взвесив все, готов согласиться с твоей старшей сестрой. Мне представляется настолько маловероятным, чтобы какой бы то ни было молодой человек мог поступить так с девушкой, отнюдь не беззащитной или без друзей, да к тому же гостившей у жены его полковника, что я склонен надеяться на лучшее. Не может же он полагать, что ее близкие не вступятся за нее? Не может же он рассчитывать, что вернется в полк после такого афронта полковнику Фостеру? Никакой соблазн не перевесит подобных соображений!

– Вы правда так думаете? – вскричала Элизабет, на мгновение повеселев.

– Право, – сказала миссис Гардинер, – я склонна разделить мнение твоего дяди. Слишком уж велико нарушение всех понятий о чести и порядочности, не говоря уж о его собственных интересах, чтобы он мог быть повинен в подобном. Так дурно думать об Уикхеме я не в силах. Неужели, Лиззи, ты настолько разочаровалась в нем, что веришь, будто он способен на такое коварство?

– Пожалуй, нет, когда это касается его собственных интересов, но на все остальное, да, мне кажется, он вполне способен. Ах, если бы я ошибалась! Но боюсь на это надеяться. Будь так, почему они не поехали в Шотландию?

– Во-первых, – возразил мистер Гардинер, – неопровержимых доказательств, что они туда не поехали, у нас нет.

– О, но то, что они пересели в наемную карету, уже доказательство. И к тому же на Барнетском тракте их никто не видел.

– Ну что же... предположим, они в Лондоне. Они могли отправиться туда, чтобы их не нашли, и только. Вряд ли у них много денег, и им могло прийти в голову, что сочетаться браком в Лондоне будет дешевле, чем в Шотландии, хотя это и сопряжено с некоторыми проволочками.

– Но к чему вся эта секретность? Почему опасаться, что их найдут? Почему вступать в брак тайно? Ах, нет-нет, это вряд ли так. Вы ведь знаете из письма Джейн, что самый его близкий друг был убежден, что никакого намерения жениться на ней у него нет. Уикхем никогда не женится на бесприданнице. Он слишком беден, чтобы позволить себе такой шаг. А чем могла Лидия... что в ней есть, кроме юности, здоровья и веселости, чтобы

он ради нее отказался от возможности поправить свои дела выгодной женитьбой? Насколько страх перед скандалом в полку мог удержать его от бегства с ней без намерения жениться, я судить не могу, так как ничего не знаю о том, к каким последствиям оно может привести. Что же до другого вашего возражения, по-моему, оно не имеет веса. У Лидии нет братьев, чтобы вступить за ее честь, а поведение папеньки, его бездеятельность и постоянное невнимание к тому, что происходило у нас в семье, могло внушить ему мысль, будто папенька палец о палец не ударит и будет думать о случившемся настолько мало, насколько вообще способен отец.

– Но как ты можешь думать, что Лидия настолько забыла обо всем, кроме любви к нему, что согласится жить с ним на иных условиях, кроме как брак?

– К несчастью, и признать это тягостно сверх всякой меры, – ответила Элизабет со слезами на глазах, – понятия Лидии о пристойности и добродетельности допускают подобные сомнения. Однако я правда не знаю, что сказать. Возможно, я несправедлива к ней. Но ведь она так молода! Ее никогда не учили думать о серьезных вещах, а последние полгода... да нет, целый год она предавалась одним только развлечениям да тщеславию. Ей разрешалось проводить все ее время самым праздным и легкомысленным образом и забивать голову всяческим вздором. С того дня, как полк расквартировали в Меритоне, в мыслях у нее были только любовь, кокетство и офицеры. Думая и разговаривая только о них, она делала все, что было в ее силах, чтобы... как бы это выразить?... сделать свои чувства, и без того слишком несдержанные, еще более податливыми. А мы все знаем, что наружность и манеры Уикхема могут пленить любую девушку.

– Но ведь Джейн, – сказала ее тетушка, – не думает об Уикхеме настолько дурно, чтобы поверить, будто он способен на подобную низость.

– О ком и когда Джейн думала дурно? И каким бы ни было их прежнее поведение, она никого не сочтет способным на подобную низость, пока не будут представлены неопровержимые ее доказательства. Но Джейн не менее меня осведомлена о том, каков Уикхем на самом деле. Мы обе знаем, что он вертопрах во всех смыслах этого слова, что в нем нет ни честности, ни чести. Что он настолько же фальшив и лжив, насколько обольстителен.

– И тебе правда известно все это? – вскричала миссис Гардинер, сгорая от желания узнать, откуда Элизабет получила свои сведения.

– Да, правда, – ответила Элизабет, заливаясь румянцем. – Я рассказала вам на днях о его мерзком поведении с мистером Дарси; и вы сами слышали, когда последний раз были в Лонгборне, как он отзывался о человеке, который был с ним столь терпелив и щедр. Есть и другие

обстоятельства, о которых я не вправе... которые не стоят того, чтобы о них рассказывать. Однако его ложь о всей семье Дарси поистине неисчерпаема. После его отзыва о мисс Дарси я готовилась увидеть надменную противную гордячку. Однако сам он прекрасно знал, что она совсем другая. Он не мог не знать, что она скромна и приветлива, какой нашли ее мы с вами.

– Но неужели Лидии ничего об этом не известно? Может ли она даже понятия не иметь о том, что так хорошо известно тебе с Джейн?

– Да-да – и это хуже всего. Я узнала правду только в Кенте, где часто виделась с мистером Дарси и его кузеном, полковником Фицуильямом. А когда я вернулась домой, то услышала, что полк вот-вот покинет Меритон. Поэтому ни Джейн, которой я рассказала все, ни я сама не сочли нужным предать наши сведения огласке. Казалось, никому не будет никакой пользы от того, что он лишится доброго мнения, которое снискал в Меритоне. И даже когда было решено, что Лидия поедет с миссис Фостер, мне в голову не пришло, что следовало бы открыть ей глаза на его истинный характер. Я и подумать не могла, что она окажется жертвой его обмана. Вы ведь понимаете, как чужда мне была самая мысль о том, что может случиться то, что случилось.

– Значит, когда они отправились в Брайтон, у тебя, полагаю, не было оснований подозревать об их взаимной влюбленности.

– Ни малейших. Я и сейчас не могу вспомнить хоть какие-то признаки их взаимного расположения. А если было бы, что заметить, вы же знаете, в нашей семье утаить подобное невозможно. Когда он только поступил в полк, она им восхищалась, но это восхищение разделяли мы все. В Меритоне и его окрестностях первые два месяца не нашлось бы девицы, которая не была бы без ума от него, но Лидию он никак не выделял, и после недолгого неумеренного, безоговорочного восхищения она оставила мысли о нем, а ее избранниками вновь стали другие офицеры, оказывавшие ей больше внимания.

Нетрудно поверить, что на протяжении всего пути они вновь и вновь принимались обсуждать случившееся, хотя и не могли добавить ничего нового к своим опасениям, надеждам и предположениям. Однако никакая другая тема не могла надолго отвлечь их. Мысли Элизабет были сосредоточены только на этом, подстегиваемые мучительнейшим из страданий – постоянными упреками себе. Ни отвлечься от них, ни забыть их, хотя бы на минуту, она не могла.

Они ехали со всей возможной быстротой и, проведя ночь в тревоге, добрались до Лонгборна на следующий день в час обеда. Маленькие

Гардинеры, заметившие карету издали, выстроились на крыльце, когда она подкатила к крыльцу, и счастливое изумление, озарявшее их личики, заставлявшее их прыгать и скакать от радости, было самым приятным приветствием в подобных обстоятельствах.

Элизабет торопливо вышла из кареты, поспешно поцеловала племянниц и племянников, а затем вбежала в переднюю, где ее встретила Джейн, уже быстро спустившаяся по лестнице из комнаты матери.

Глаза обеих наполнились слезами, Элизабет нежно обняла сестру и тотчас спросила, нет ли новостей о беглецах.

– Пока еще никаких, – ответила Джейн. – Но теперь, когда приехал милый дядюшка, я надеюсь, что все будет хорошо.

– Папенька в Лондоне?

– Да, он отправился во вторник, как я тебе и написала.

– Он часто присылает вам известия?

– Всего один раз. Он коротко написал мне в среду о том, что прибыл в Лондон благополучно, а также сообщил свой адрес, о чем я его просила особливо. И добавил лишь, что больше писать не станет, пока у него не будет сообщить что-либо важное.

– А маменька? Как она? Как вы все?

– Маменька, надеюсь, здорова, хотя и в большом расстройстве. Она у себя наверху и будет очень рада увидеть вас всех. Она пока не покидает свой будуар. Мэри и Китти, слава Богу, совсем здоровы.

– Но ты... как ты? – воскликнула Элизабет. – Ты такая бледная! Сколько тебе пришлось перенести!

Джейн, однако, заверила ее, что совершенно здорова, и тут их разговор, происходивший, пока мистер и миссис Гардинер здоровались со своими детьми, был прерван появлением этих последних. Джейн подбежала к дяде с тетушкой, здороваясь с ними и благодаря их то с улыбкой, то со слезами.

Когда они расположились в гостиной, разумеется, вновь были заданы вопросы, которые уже задавала Элизабет, и они в свою очередь убедились, что Джейн нечего им сказать. Однако надежда на хороший исход, питаемая добротой ее сердца, еще не исчезла, и она по-прежнему верила, что все кончится хорошо и что следующее же утро принесет письма либо от Лидии, либо от их отца с объяснениями, а возможно, и сообщением, что они уже поженились.

Миссис Беннет, к которой они поднялись, едва побеседовали между собой, приняла их именно так, как следовало ожидать, – со слезами и горькими сетованиями, с гневными обличениями злодейского поведения

Уикхема, с жалобами на свои страдания и на бессердечное обхождение с ней; виня всех и вся, кроме той, чье неразумное попустительство, несомненно, было причиной ошибок, совершенных ее дочерью.

– Ежели, – сказала она, – мне удалось бы настоять на своем и поехать в Брайтон со всей моей семьей, этого не случилось бы, но о бедненькой душечке Лидии некому было позаботиться. Почему Фостеры не приглядывали за ней лучше? Уж конечно, причина всему неслыханный недосмотр. Ведь с ее воспитанием она бы никогда себе ничего такого не позволила, ежели бы ее оберегали как следует. Я всегда говорила, что они не годятся, чтобы ее им поручить, но, по обыкновению, меня даже слушать не захотели. Бедная моя голубушка! А теперь вот мистер Беннет уехал, и я знаю, он вызовет Уикхема на дуэль, где бы с ним ни повстречался, и будет убит, а тогда что станется со всеми нами? Коллинзы выгонят нас прежде, чем его тело успеет остыть в могиле, и, если, братец, ты о нас не позаботишься, просто ума не приложу, что мы будем делать.

Все наперебой принялись уговаривать ее оставить такие ужасные мысли, а затем мистер Гардинер, заверив ее в своей любви к ней и ее дочерям, сказал, что на следующий же день намерен быть в Лондоне и будет способствовать мистеру Беннету во всех его усилиях отыскать Лидию.

– Не тревожься понапрасну, – сказал он. – Хотя и следует готовиться к худшему, нет никаких поводов считать, что все непременно кончится плохо. Они покинули Брайтон менее недели тому назад. В ближайшие дни мы, наверное, что-нибудь о них узнаем. А до тех пор, пока мы не убедимся, что они не только не поженились, но и не намерены связать себя узами брака, не следует думать, будто все потеряно. Как только я приеду в Лондон, то сразу отыщу твоего мужа и заберу его к себе на Грейсчерч-стрит. И там мы обсудим, что следует предпринять.

– Ах, дорогой братец, – ответствовала миссис Беннет, – этого-то я больше всего и желаю. И чуть ты приедешь в город, отыщи их, где бы они ни были, и, коли они еще не поженились, тут же их и жени. Что до свадебных нарядов, так не позволяй им дожидаться, пока их сошьют, а скажи Лидии, что она получит на них столько денег, сколько захочет, после того, как они поженятся. А главное, не позволяй мистеру Беннету драться на дуэли. Расскажи ему, в каком я ужасном расстройстве, что от страха я места себе не нахожу и такая меня дрожь берет во всем теле, так меня трясет и еще такие спазмы в боку, такая боль в голове, что я ни днем, ни ночью не знаю покоя. И скажи моей душеньке Лидии, чтоб она никаких платьев себе не заказывала, пока не повидает меня; она же не знает, какие

лавки самые лучшие. Ах, братец, какой ты добрый! Я знаю, ты все устроишь как надобно.

Однако мистер Гардинер, хотя и заверил ее еще раз, что он приложит все усилия, тем не менее посоветовал ей быть столь же умеренной в надеждах, как и в опасениях. Они продолжали успокаивать и уговаривать ее, пока не подали обед, а тогда оставили изливаться свои чувства экономке, которая сидела с ней в отсутствие дочерей.

Хотя ее брат и невестка были убеждены, что у нее нет причин затворяться в своей комнате, они этому не воспротивились, рассудив, что у нее не хватит благоразумия прикусить язык в присутствии прислуги, и предпочли, чтобы одна лишь экономка, которой они доверяли больше, чем остальным, оставалась наперсницей всех их опасений и утешала ее.

В столовой к ним вскоре присоединились Мэри и Китти, которые были так поглощены своими занятиями у себя в спальнях, что не смогли оторваться от них раньше – одна от книги, другая от верчения перед зеркалом. Впрочем, лица обеих были спокойными, и ни в той, ни в другой нельзя было подметить никакой перемены, разве что разлука с любимой сестрой, а может быть, упреки, которые ей пришлось вынести, придали тону Китти еще большую обиженность, чем раньше. Ну а Мэри настолько владела собой, что с раздумчиво-серьезным выражением шепнула Элизабет, едва они сели за стол:

– Весьма прискорбный случай и, вероятно, породит много сплетен. Однако мы должны противостоять волне злорадства и изливать в раненые сердца друг друга бальзам сестринских утешений.

Затем, заметив, что Элизабет не намерена ей отвечать, она добавила:

– Как ни злополучна судьба Лидии, из всего этого мы можем извлечь полезный урок: что потеря девицей ее добродетели необратима; что один неверный шаг влечет за собой ее погибель; что репутация ее столь же уязвима, сколь безупречна, и что в своем поведении с недостойными представителями другого пола она не может быть излишне осмотрительной.

Элизабет в изумлении подняла на нее глаза, но была слишком расстроена, чтобы ответить. Тем не менее Мэри продолжала находить утешение в извлечении подобного рода морали из случившейся с ними беды.

Под вечер старшие мисс Беннет наконец улучили случай полчаса поговорить наедине, и Элизабет не замедлила воспользоваться им для всевозможных расспросов, на которые Джейн столь же не терпелось ответить. Дружно посетовав на страшные последствия, которые Элизабет

считала более чем вероятными, а мисс Беннет не могла объявить совсем уж невозможными, первая попросила:

– Но расскажи мне подробно обо всем, о чем я еще не знаю. Ничего не упускай. Что сказал полковник Фостер? Они совсем ничего не подозревали до того, как Лидия убежала? Ведь нельзя же было не увидеть, как много времени они проводят вместе?

– Полковник Фостер, правда, сказал, что нередко замечал некоторое увлечение, особенно со стороны Лидии, но ничего такого, что вызвало бы у него тревогу. Мне так его жаль! Он вел себя с несравненной добротой и вниманием! Он собирался к нам, чтобы заверить нас в своей помощи, еще до того, как выяснилось, что они не поехали в Шотландию. И, едва об этом было упомянуто, тотчас отправился в путь.

– А Денни был полностью убежден, что Уикхем не намерен жениться? Он знал, что они задумали бежать? Полковник Фостер сам говорил с Денни?

– Да. Но, когда он стал его расспрашивать, Денни отрицал, что был осведомлен об их планах, и отказывался высказать свои истинные предположения. Он не повторил своего утверждения, что они не поженятся, и из этого я делаю вывод, что в первый раз его неправильно поняли.

– Но пока полковник Фостер не приехал к вам, никто из вас, я полагаю, не подозревал, что они не поженятся.

– Как могла подобная мысль прийти нам в голову? Я немного встревожилась, немножко опасалась, что моя сестра не обретет счастья в браке с ним, так как помнила, что он не всегда вел себя вполне достойно. Папенька и маменька ничего об этом не знали и только находили такой брак легкомысленным. Вот тогда Китти с вполне понятным торжеством призналась, что знала больше всех нас: в своем последнем письме Лидия подготовила ее к этому своему решению. А о том, что они влюблены друг в друга, она, как кажется, знала уже давно.

– Но не до того, как полк перевели в Брайтон?

– По-моему, нет.

– А какого мнения полковник Фостер об Уикхеме? Ему известен его истинный характер?

– Должна признаться, об Уикхеме он отзывался не так хорошо, как прежде. Назвал его легкомысленным шалопаем и мотом. Уже после их злополучного бегства до нас дошли слухи, будто он покинул Меритон весь в долгах, однако я надеюсь, это неправда.

– Ах, Джейн, если бы мы не молчали, если бы рассказали то, что

узнали о нем, ничего не случилось бы!

– Возможно, так было бы лучше, – ответила ее сестра. – Но разоблачить былые неблагоприятные поступки человека, не зная, переменился ли он к лучшему, казалось непростительным. Мы поступили как поступили из самых лучших побуждений.

– Полковник Фостер подробно пересказал записку Лидии его жене?

– Он привез записку с собой, чтобы мы могли ее прочесть сами.

Джейн тут же достала ее из своего бювара и протянула Элизабет.

Вот что было в ней написано:

«Милая Гарриет!

Ты будешь смеяться до упаду, когда узнаешь, куда я уехала, да я и сама смеюсь, представляя себе, как ты удивись завтра утром, едва меня хватятся. Я еду в Гретна-Грин, а если ты не догадываешься с кем, то ты глупенькая дурочка, ведь на свете есть только один человек, которого я люблю, и он – ангел. Без него мне не знать счастья, а потому не вижу ничего дурного в том, чтобы бежать с ним. Можешь не писать в Лонгборн про это, если тебе не захочется. Тем больше будет их удивление, когда я пошлю им письмо и подпишусь “Лидия Уикхем”. Какая чудесная будет шутка! Мне даже трудно писать от смеха. Прошу, извинись за меня перед Прэттом, что я не буду танцевать с ним сегодня вечером, как обещала. Скажи ему, я надеюсь, он простит меня, когда узнает все, и еще скажи, что я обязательно буду танцевать с ним на первом же балу, на каком мы снова встретимся, и с пребольшим удовольствием. Я пошлю за моими платьями, когда приеду в Лонгборн; но я бы хотела, чтобы ты велела Салли зашить прореху в муслиновом, прежде чем их укладывать. До свидания. Кланяйся от меня полковнику Фостеру. Надеюсь, вы выпьете за нас и пожелаете нам доброго пути.

Твоя любящая подруга

Лидия Беннет».

– Ах, взбалмошная, взбалмошная Лидия! – дочитав, вскричала Элизабет. – Написать подобное письмо в подобную минуту! Но все-таки из него следует, что она верила в цель своего бегства. На что бы он ни склонил ее потом, заранее она не разделяла его бесчестных замыслов. Бедный папенька! Какой, наверное, это был для него удар!

– Я никогда еще не видела, чтобы кто-нибудь был так потрясен. Он целых десять минут не мог выговорить ни слова. Маменьке тут же стало дурно, и весь дом пришел в смятение.

– Ах, Джейн! – воскликнула Элизабет. – Хоть кто-нибудь из прислуги хотя бы до вечера остался в неведении о том, что случилось?

– Не знаю, хотя надеюсь, что были и такие. Однако в подобные минуты очень трудно соблюдать осторожность. У маменьки началась истерика, и, хотя я старалась помочь ей в меру моих сил, боюсь, я не сделала всего, что могла бы! Но ужас перед тем, что, возможно, произошло, поверг меня в полную растерянность.

– Ты ухаживала за ней, не щадя себя. И ты выглядишь совсем больной. Ах, почему меня не было с тобой! Тебе же пришлось одной справляться со всеми заботами и тревогами!

– Мэри и Китти очень хотели помочь и, не сомневаюсь, разделили бы со мной все тяготы, но я не сочла это возможным. Китти такая худенькая и болезненная, а Мэри столько занимается, что ее нельзя лишать часов отдыха. Тетушка Филипс приехала в Лонгборн во вторник после отъезда папеньки и была так добра, что осталась со мной до четверга. Она была нам всем большим утешением и опорой. И леди Лукас тоже была очень добра: утром в среду она пришла разделить наше горе и предложила свои услуги и услуги своих дочерей, если бы они нам понадобились.

– Лучше бы она осталась дома! – воскликнула Элизабет. – Возможно, намерения у нее были самыми добрыми, но когда случается подобное несчастье, чем реже видишь соседей, тем лучше. Помочь не может никто, соболезнования непереносимы. Пусть торжествуют над нами на расстоянии и удовольствуются этим.

Затем она начала расспрашивать, что именно намеревался сделать их отец в Лондоне, чтобы найти Лидию.

– Мне кажется, – ответила Джейн, – он собирался отправиться в Эпсом, где они в последний раз меняли лошадей, поговорить с кучерами и попытаться что-нибудь узнать от них. Главной его целью было узнать номер наемной кареты, которая увезла их из Клэпхема. Туда она прибыла с пассажиром из Лондона, и папенька полагал, что кто-то мог заметить, как джентльмен и его спутница пересели из одного экипажа в другой, а потому намеревался продолжить розыски в Клэпхеме. Если бы ему удалось узнать, у какого дома кучер высадил пассажира, он намеревался любой ценой навести там справки в надежде, что, может быть, удастся выяснить место стоянки кареты и ее номер. Если у него были еще какие-нибудь планы, мне о них ничего не известно. Он так торопился уехать и был в такой тревоге, что я с трудом узнала от него хотя бы столько.

Глава 48

Все они надеялись, что утром придет письмо от мистера Беннета, но почта не принесла от него ни единой строки. Его жена и дочери прекрасно знали, что в обычных обстоятельствах он был чрезвычайно необязательным корреспондентом, но они надеялись, что подобный случай явится исключением. Им оставалось только предположить, что он не мог сообщить ничего утешительного, хотя даже это они предпочли бы знать достоверно. Мистер Гардинер дождался почты и тотчас уехал.

Теперь они могли хотя бы утешаться мыслью, что будут без промедления получать сведения о происходящем, а при прощании он обещал убедить мистера Беннета поскорее вернуться в Лонгборн, чем очень подбодрил свою сестру, по убеждению которой это был единственный способ спасти ее мужа от гибели на дуэли.

Миссис Гардинер с детьми осталась в Лонгборне еще на несколько дней, полагая, что ее присутствие может оказаться полезным ее племянницам. Она делила с ними заботы о миссис Беннет, а в их свободные часы была для них большим утешением. Другая их тетушка часто навещала их – по ее словам, чтобы развеселить их и ободрить. Однако всякий раз она спешила сообщить о каком-нибудь новом примере мотовства Уикхема или иных его неблагоприятных поступках, а поэтому, попрощавшись с ней, они лишь редко не впадали в еще большее уныние, чем до ее визита.

Казалось, весь Меритон теперь соперничает в очернении человека, который всего лишь три месяца назад слыл чуть ли не ангелом небесным. Утверждалось, что он задолжал всем лавочникам городка и, удостоившись титула «соблазнитель», питал коварные замыслы относительно семьи каждого лавочника. Все твердили, что такого молодого негодяя свет не видывал, и все мало-помалу приходили к выводу, что никогда не доверяли его обходительности. Хотя Элизабет не верила и половине этих сплетен, остального было достаточно, чтобы еще сильнее укрепить в ней убеждение, что ее сестра безвозвратно погибла. И даже Джейн, не верившая и четверти их, почти утратила надежду, тем более что подошло время, когда, если беглецы направились в Шотландию (а она все-таки в глубине души верила в это), от них уже должны были прийти какие-нибудь вести.

Мистер Гардинер покинул Лонгборн в воскресенье; во вторник его жена получила от него письмо. Он сообщал, что сразу же по прибытии

нашел зятя и уговорил его поселиться на Грейсчерч-стрит; что мистер Беннет уже побывал в Эпсومه и Клэпхеме, но ничего там не узнал, и что теперь ему предстоит объехать все известные лондонские гостиницы, так как мистер Беннет полагает, что беглецы могли остановиться в одной из них, прежде чем сняли комнаты. Сам он никакого успеха от этой затеи не ожидает, но его зять тверд в своем намерении, и он не может отказать ему в помощи. Мистер Гардинер добавил, что пока мистер Беннет не склонен покинуть Лондон, а затем обещал скоро написать снова. Далее следовал постскриптум:

«Я написал полковнику Фостеру письмо, прося его, если возможно, узнать у кого-нибудь из приятелей Уикхема в полку, нет ли у того родственников или близких друзей в Лондоне, которые могут быть осведомлены, в какой части города он скрывается. Если найдутся такие, к кому можно обратиться с надеждой получить такие сведения, это нам чрезвычайно помогло бы. Пока же у нас нет ничего, что подсказало бы, как следует действовать дальше. Полагаю, полковник Фостер сделает все, что в его силах, чтобы выяснить для нас это. Но мне пришла мысль, что, пожалуй, Лиззи более других осведомлена, у каких родственников он мог бы сейчас найти приют».

Элизабет прекрасно поняла, чем объясняется такое обращение к ней, но не в ее власти было сообщить сведения, каких заслуживал столь лестный комплимент. Она не слышала ни о каких его родственниках, кроме давно скончавшихся отца и матери. Однако было вполне вероятно, что какие-то его полковые товарищи знают больше нее, и хотя она не возлагала особых надежд на успех полковника Фостера, все-таки это давало повод ждать каких-то известий.

Каждый день в Лонгборне был теперь днем тревог, и особенно тревожными стали часы доставки почты. С раннего утра все нетерпеливо ждали, придет ли письмо. И хорошие, и дурные новости могло принести лишь оно, и день за днем их томила надежда узнать что-то важное.

Однако, прежде чем они получили следующее письмо от мистера Гардинера, пришло совсем нежданное письмо их отцу от мистера Коллинза. Джейн, которой он поручил в его отсутствие вскрывать все адресованные ему письма, распечатала его, и Элизабет, зная, какими неподражаемыми бывают эпистолы мистера Коллинза, начала читать эту вместе с сестрой через ее плечо. Оно гласило:

«Любезный сэр!

Мое с вами родство и мое положение в жизни обязывают меня выразить вам соболезнование по поводу постигшего вас несчастья, о коем нас вчера известило письмо, полученное из Хартфордшира. Позвольте заверить вас, любезный сэр, что миссис Коллинз и я искренне сочувствуем вам и всем достойным членам вашего семейства в нынешнем вашем горе, каковое должно быть тем горше, что проистекает из причины, над коей не властно время. С моей стороны не будет недостатка в доводах, кои могут умалить гнет столь непоправимого бедствия или послужить утешением при обстоятельствах, превыше всех других тягостных для сердца родителя. Смерть вашей дочери была бы истинным благом в сравнении с этим. И особенно прискорбно, что есть повод полагать, как я узнал от моей дорогой Шарлотты, что столь распущенное поведение вашей дочери явилось следствием неразумной степени снисходительности и попустительства. Однако в утешение вам и миссис Беннет я склонен думать, что ее натура была дурной от природы, иначе она не могла бы совершить нечто столь чудовищное в столь юном возрасте. Но, как бы то ни было, вы достойны самой глубокой жалости, в каковом мнении меня поддерживает не только миссис Коллинз, но и леди Кэтрин вместе с ее дочерью, коим я поведал о случившемся. Они согласны со мной в грустном предположении, что подобный ложный шаг одной дочери повредит судьбе остальных четырех, ибо кто, как снизошла заметить леди Кэтрин, захочет породниться с подобной семьей? Эта мысль, кроме того, со все большим удовлетворением наводит меня на воспоминание о некоем событии в прошлом ноябре. Ибо иначе я оказался бы вовлеченным во все ваши печали и позор. Дозвольте, любезный сэр, посоветовать вам утешиться, сколь это в ваших силах, навеки вырвать ваше недостойное дитя из сердца и оставить ее пожинать плоды ее порочности.

Я остаюсь, любезный сэр... и т. д. и т. д.»

Мистер Гардинер написал снова, лишь получив ответ от полковника Фостера, и не смог сообщить ничего утешительного. Никто не слышал, чтобы у Уикхема был хотя бы один родственник, с которым он поддерживал бы отношения, но, во всяком случае, никого из самых близких у него в живых не осталось. Прежних знакомых у него было предостаточно, но после своего поступления в ***ширский полк дружеских отношений он как будто ни с кем из них не поддерживал. Поэтому невозможно назвать кого-либо, кто мог бы что-нибудь о нем сообщить. Да и к страху, что его найдут родственники Лидии, добавилось

еще одно сильнейшее побуждение прятаться. Совсем недавно стало известно, что он не заплатил карточные долги на весьма внушительную сумму. Полковник Фостер полагал, что потребуется более тысячи фунтов, чтобы уплатить по его счетам в Брайтоне. Он много задолжал в городе, но его долги чести были значительно больше. Мистер Гардинер не стал скрывать эти подробности от лонгборнской семьи. Джейн пришла в ужас.

– Игрок! – вскричала она. – Какая неожиданность! Мне и в голову не приходило.

Кроме того, в этом письме мистер Гардинер сообщил, что они увидят своего отца на следующий день, то есть в субботу. Безуспешность всех их попыток ввергла мистера Беннета в такое уныние, что он поддался уговорам шурина вернуться к семье и доверить продолжение поисков, если к тому появится возможность, ему, мистеру Гардинеру. Когда об этом сообщили миссис Беннет, она не выразила той радости, какой ожидали ее дочери, памятуя, как она тревожилась за его жизнь.

– Как! Возвращается домой без бедняжки Лидии? – вскричала она. – Как он может покинуть Лондон, не найдя их? Кто вызовет Уикхема на дуэль и заставит его жениться на ней, если он оттуда уедет?

Так как миссис Гардинер торопилась вернуться домой, было решено, что она с детьми отправится в Лондон тогда же, когда мистер Беннет выедет из него. Поэтому карета доставила их до ближайшей почтовой станции и вернулась оттуда с мистером Беннетом.

Миссис Гардинер отправилась домой все в том же недоумении касательно Элизабет и ее друга в Дербишире, с каким покинула это графство. Ее племянница никогда первой не упоминала его имени, а благожелательная надежда, которую питала миссис Гардинер, что вскоре от него придет письмо, была обманута. После своего возвращения Элизабет не получила из Пемберли ни одного письма.

Несчастье, постигшее ее семью, делало ненужным поиски других причин для ее уныния, которое, таким образом, ни о чем свидетельствовать не могло. Впрочем, Элизабет, которая к этому времени достаточно хорошо разобралась в своих чувствах, поняла, что, не будь она знакома с Дарси, ей было бы чуть легче переносить позор Лидии. Тогда бы, думала она, можно было бы обходиться одной бессонной ночью вместо двух.

Когда мистер Беннет приехал, он, казалось, хранил свое обычное философское спокойствие. Говорил он столь же мало, как всегда, ни словом не упомянул о деле, заставившем его уехать, и прошло некоторое время, прежде чем его дочери собрались с духом и коснулись этой темы.

Только в конце дня, когда он вышел к чаю, Элизабет осмелилась

заговорить о его пребывании в Лондоне, кратко выразив, как она огорчена тем, что ему пришлось перенести. Он ответил:

– Не говори об этом. Кому следует страдать, как не мне? Вина моя, и мне положено нести наказание.

– Вы не должны быть так строги к себе, – возразила Элизабет.

– Да-да, остереги меня от такой ошибки! Человеческой природе столь свойственно впадать в нее! Нет, Лиззи, позволь мне раз в жизни почувствовать, насколько я виноват. В меланхолию я впасть не боюсь. Все проходит.

– Вы полагаете, они в Лондоне?

– Да. Где еще они могли бы так успешно спрятаться?

– И Лидия ведь всегда хотела поехать в Лондон, – добавила Китти.

– Значит, она счастлива, – сухо сказал папенька, – и ее пребывание там, возможно, будет длительным.

После короткого молчания он продолжил:

– Лиззи, я не держу на тебя сердца за то, что в мае ты дала мне верный совет. В свете того, что произошло, он указывает на большую проницательность.

Их перебило появление мисс Беннет, которая спустилась, чтобы отнести чай маменьке.

– Подобное лицедейство, – воскликнул мистер Беннет, – столь полезно! Оно придает такое изящество беде! На днях и я займусь тем же: усядусь в библиотеке в ночном колпаке и шлафроке и буду доставлять всем столько хлопот, сколько смогу... или, пожалуй, отложу это, пока не сбежит Китти.

– Я не собираюсь убегать, папенька, – обиженно сказала Китти. – Если и я когда-нибудь поеду в Брайтон, то буду вести себя лучше, чем Лидия.

– Ты, ты поедешь в Брайтон! Да я тебя и близко к нему не подпущу даже за пятьдесят гиней! Нет, Китти, я, во всяком случае, научился осторожности, и ты почувствуешь последствия этого. Ни один офицер больше никогда не переступит порога моего дома, даже через деревню не проедет! И никаких балов, разве что ты будешь танцевать только со своими сестрами вместо кавалеров. И ты не выйдешь из дома, пока не докажешь, что каждый день десять минут думала о чем-либо разумном.

Китти, которая приняла эти угрозы совершенно серьезно, расплакалась.

– Ну-ну, – сказал он, – не огорчайся так. Если следующие десять лет ты будешь вести себя примерно, я свожу тебя на какой-нибудь гвардейский смотр.

Глава 49

Через два дня после возвращения мистера Беннета Джейн и Элизабет, прогуливаясь по обсаженной кустами дорожке позади дома, увидели, что к ним идет экономка – чтобы позвать их к матери, – решили они и пошли к ней навстречу. Однако, когда они приблизились к ней, она сказала, обращаясь к Джейн, совсем другое:

– Простите, мисс, что помешала вам, но я была в надежде, что вы получили добрую весточку из столицы, вот и взяла смелость выйти к вам и спросить.

– О чем вы говорите, Хилл? Из столицы мы никаких вестей не получали.

– Мисс! – вскричала миссис Хилл в изумлении. – Неужто вы не знаете, что мистер Гардинер прислал нарочного? Он прибыл полчаса назад и вручил хозяину письмо.

Барышни поспешили к дому, не тратя времени на лишние слова. Они пробежали через прихожую, малую столовую, а оттуда в библиотеку, но их отца нигде не было. Они уже собирались подняться в спальню матери, посмотреть, не там ли он, когда их остановил дворецкий, сказав:

– Если вы ищете хозяина, мисс, так он пошел к рощице.

Услышав это, они кинулись назад через прихожую и побежали через лужайку следом за отцом, который решительным шагом направлялся к леску по ту ее сторону.

Джейн, которая была не так быстра на ногу, как Элизабет, и не так привыкла бегать, вскоре отстала, а ее сестра, с трудом переводя дух, поравнялась с отцом и настойчиво спросила:

– Ах, папенька, какие новости? Какие новости? Вам написал дядя?

– Да, он прислал письмо с нарочным.

– Так какие же новости? Хорошие или дурные?

– Чего хорошего тут можно ожидать? – спросил он, вынимая письмо из кармана. – Но, может быть, ты хочешь его прочесть?

Элизабет нетерпеливо выхватила письмо из его руки. Тут к ним присоединилась Джейн.

– Прочти вслух, – сказал их отец, – я все еще толком не понимаю, о чем оно.

«Грейсчерч-стрит, понедельник, 2 августа.

Дорогой брат!

Наконец-то я могу сообщить вам кое-какие сведения о моей племяннице, причем, уповаю, они таковы, что скорее успокоят вас. Вскоре после того, как мы попрощались в субботу, мне посчастливилось узнать, в какой части Лондона они находятся. Подробности я откладываю до нашей встречи. Пока же достаточно сообщить, что они найдены. Я видел их обоих...»

– Значит, – воскликнула Джейн, – они поженились, как я и надеялась!
Элизабет продолжала читать:

«Я видел их обоих. Они не поженились, да и, насколько мне удалось узнать, такого намерения у них не было. Однако, если вы готовы выполнить обещания, какие я взял на себя смелость сделать от вашего имени, то, надеюсь, очень скоро их свяжут узы брака. От вас требуется лишь обеспечить вашу дочь, оставив положенную ей долю из пяти тысяч фунтов, предназначенных вашим дочерям после кончины вас и моей сестры. Кроме того, взять на себя обязательство выплачивать ей до конца вашей жизни сто фунтов в год. Таковы условия, на которые, принимая во внимание все обстоятельства, я не колебался дать согласие от вашего имени в той мере, в какой счел себя вправе. Я пошлю это письмо с нарочным, чтобы получить ваш ответ елико возможно скорее. Вы легко заключите из вышеизложенного, что положение мистера Уикхема отнюдь не так безнадежно, как предполагалось. В этом отношении свет заблуждался, и я счастлив сказать, что даже после уплаты всех его долгов останется некоторая сумма и будет закреплена за моей племянницей в добавление к ее тысяче фунтов. Если, как я предполагаю, вы вышлете мне полную доверенность действовать от вашего имени, я немедленно поручу Хэггерстону составить условия брачного контракта. Вам не будет ни малейшей надобности снова приезжать в Лондон – оставайтесь спокойно в Лонгборне и положитесь на мое усердие и осмотрительность. Пришлите ответ без промедления и озаботьтесь изложить свое согласие со всей ясностью. Мы рассудили, что будет лучше, если свадьба моей племянницы состоится в нашем доме; уповаю, вы это одобрите. Она сегодня же переедет к нам. Я напишу тотчас, как дело продвинется. Ваш и т. д.

Эдв. Гардинер».

– Возможно ли? – вскричала Элизабет, когда дочитала письмо. – Возможно ли, что он все-таки женится на ней?

– Значит, Уикхем не столь безнравственен, каким мы его считали, – сказала ее сестра. – Милый папенька, я поздравляю вас.

– Вы уже ответили дяде? – спросила Элизабет.

– Нет, но это надо сделать поскорее.

Элизабет тут же принялась умолять его сесть за ответ без промедления.

– Милый папенька! – воскликнула она. – Идите поскорей домой и напишите дяде немедленно. Подумайте, как дорога каждая минута при подобных обстоятельствах.

– Позвольте, я напишу за вас, – сказала Джейн, – если вам не по душе затруднить себя.

– Очень не по душе, – ответил он. – Но что поделать!

С этими словами он повернулся и пошел с ними назад к дому.

– Можно мне задать вам вопрос? – сказала Элизабет. – Полагаю, условия придется принять?

– Придется! Мне лишь стыдно, что он запросил так мало.

– Да, им необходимо пожениться. А он такой человек!

– Да-да, необходимо. Ничего другого не остается. Но мне очень хотелось бы знать две вещи: во-первых, сколько денег потратил ваш дядя, чтобы устроить это, и, во-вторых, как мне удастся расплатиться с ним.

– Денег! Дядюшка! – вскричала Джейн. – О чем вы говорите, папенька?

– О том, что ни один человек в здравом уме не женился бы на Лидии ради такой приманки, как сто фунтов в год, пока я жив, и пятьдесят после моей смерти.

– Да, разумеется! – сказала Элизабет. – Хотя самой мне это в голову не пришло. Его долги будут уплачены, и еще останется некоторая сумма! Ну конечно, это дядюшка устроил! Какой добрый и благородный человек! Боюсь, как бы он не слишком стеснил себя. Небольшой суммой тут нельзя было обойтись.

– Да, – сказал ее отец. – Уикхем был бы непроходимым дураком, если бы согласился взять ее менее чем за десять тысяч фунтов. Мне было бы грустно думать о нем столь плохо в самом начале наших родственных отношений.

– Десять тысяч фунтов? Господи упаси! Как вернуть даже половину такой суммы?

Мистер Беннет не ответил, и дальше все трое шли молча, занятые своими мыслями. Дома мистер Беннет направился в библиотеку писать ответ, а сестры пошли в малую столовую.

– Так они правда поженятся! – воскликнула Элизабет, едва они закрыли за собой дверь. – Как странно! И даже за это мы должны благодарить судьбу. Мы должны ликовать, что они станут мужем и женой, как ни мала вероятность их будущего счастья, как ни низок он сам! Ах, Лидия, Лидия!

– Меня утешает мысль, – сказала Джейн, – что он, конечно же, не женился бы на Лидии, если бы искренне ее не любил. Хотя наш добрый дядюшка, бесспорно, помог ему расплатиться с долгами, я не могу поверить, что он предложил ему десять тысяч фунтов или другую солидную сумму, пусть и поменьше. У него есть собственные дети, и, возможно, их станет больше. Каким образом мог он пожертвовать и половиной десяти тысяч?

– Если бы нам когда-либо удалось узнать величину долгов Уикхема, – сказала Элизабет, – и какую сумму он закрепил за Лидией, мы бы точно узнали, сколько потратил на них мистер Гардинер. Ведь у Уикхема за душой не было и шестипенсовика. Нам никогда не отблагодарить дядю и тетеньку за их доброту! Они пригласили ее в свой дом, оказали ей защиту и поддержку. Это такое благодеяние в ущерб самим себе, что нам не хватит и десятка лет, чтобы выразить им нашу признательность. Ведь сейчас она уже у них! Если такая доброта не вызовет у нее угрызений совести, значит, она не заслуживает быть счастливой ни теперь, ни после. Что она почувствует, когда увидит тетушку!

– Нам следует забыть все их ошибки и проступки, – сказала Джейн. – От души надеюсь, что они еще будут счастливы. В его согласии жениться на ней я вижу верное доказательство того, что он образумился. Взаимная любовь направит их на верный путь, и, уповаю, они будут вести такой скромный и разумный образ жизни, что со временем все забудут их легкомысленный проступок.

– Их поведение было таким, – возразила Элизабет, – что ни тебе, ни мне, ни кому-либо другому никогда его не забыть. Говорить об этом бессмысленно.

Тут они спохватились, что их маменька, вероятнее всего, пребывает в неведении о случившемся. Поэтому они пошли в библиотеку и спросили у отца, не против ли он, чтобы они рассказали ей о письме мистера Гардинера. Он писал и, не повернув головы, ответил равнодушно:

– Как хотите.

– Можно мы возьмем его, чтобы прочесть ей?

– Берите что хотите, и убирайтесь отсюда.

Элизабет взяла письмо с его стола, и они с Джейн поднялись к матери.

С ней сидели Мэри и Китти, что позволило сразу же сообщить радостную новость и им. После небольшого успокаивающего предварения письмо было прочитано вслух. Миссис Беннет сдерживалась лишь с трудом, и едва Джейн прочла о том, что мистер Гардинер надеется на скорый брак Лидии, как ее восторг вырвался наружу, и каждая следующая фраза добавляла новые поводы для ликования. Теперь она от радости впала в волнение столь же бурное, как от горестей и тревоги. Ее дочка выходит замуж! Этого было достаточно. Она не думала о том, будет ли Лидия счастлива, не испытывала ни малейшего стыда, тут же забыв о ее недопустимом поведении.

– Моя душенька Лидия! – вскричала она. – Вот уж восхитительное известие, так восхитительное! Она выходит замуж! Я снова ее увижу! Выходит замуж в шестнадцать лет! Мой добрый заботливый братец! Я знала, он все уладит. Как мне не терпится увидеть ее, да и милого Уикхема тоже! Но платье! Она теперь будет замужней дамой! Я тотчас отпишу об этом сестрице Гардинер. Лиззи, душечка, беги к твоему папеньке и спроси, сколько он даст ей денег. Нет, погоди, погоди! Я пойду сама. Китти, позвони, чтобы пришла Хилл. Я мигом оденусь. Моя голубка, моя душенька Лидия! Как будет весело, когда мы опять будем вместе!

Ее старшая дочь попыталась умерить бурность этих восторгов, обратив ее мысли на то, в каком неоплатном долгу они перед мистером Гардинером.

– Ведь таким счастливым исходом, – добавила Джейн, – мы во многом обязаны его доброте. Мы с Элизабет полагаем, что он связал себя обещанием помочь мистеру Уикхему деньгами.

– А как же иначе! – воскликнула ее маменька. – Кому сделать это, как не ее родному дяде? Не будь у него семьи, так все его деньги, знаете ли, получила бы я и мои девочки. И он ведь в первый раз потратился на нас, если не считать подарка-другого. Ох! До чего же я счастлива! Еще немножко, и у меня будет замужняя дочь. Миссис Уикхем! Как бесподобно это звучит! И ведь ей всего шестнадцать сравнялось в прошлом июне. Душечка Джейн, я в таком треволнении, что не могу писать. Лучше я подиктую тебе. А о деньгах поговорю с вашим папенькой после. Но заказать платья нужно сейчас же!

Затем она отдалась мыслям о муслине, батисте, набивных ситцах и вскоре надиктовала бы очень большие заказы, если бы Джейн не уговорила ее – хотя и с большим трудом – подождать, пока мистер Беннет не освободится, чтобы можно было посоветоваться с ним. Один день отсрочки ничего не изменит, заметила она, а ее маменька была столь счастлива, что обычное упрямство ей несколько изменило. Тем более что у нее в голове

уже теснились новые планы.

– Я поеду в Меритон, вот только оденусь, – объявила она, – и расскажу эти чудесные, чудесные новости сестрице Филипс. А на обратном пути заеду к леди Лукас и миссис Лонг. Китти, сбегай распорядись, чтобы заложили карету. Мне будет куда как полезно подышать свежим воздухом. Девочки, есть у вас для меня какие-нибудь поручения в Меритоне? А, вот и Хилл! Голубушка Хилл, вы слышали чудесную новость? Мисс Лидия выходит замуж, и вы все получите большую чашу пунша, чтобы повеселиться на ее свадьбе.

Миссис Хилл не замедлила выразить свою радость. Элизабет вместе с остальными выслушала ее поздравления, а затем, измученная этими глупостями, укрылась у себя в спальне, чтобы поразмыслить без помех.

Положение бедной Лидии в самом лучшем случае было достаточно скверным. Однако следовало благодарить судьбу, что оно не оказалось много хуже. И хотя взгляд в будущее не сулил ее сестре ни прочного счастья, ни благоденствия, оглядываясь на то, чего они все боялись лишь два часа назад, Элизабет сполна оценила все стороны выпавшей им удачи.

Глава 50

Мистер Беннет и до этого времени часто жалел, что тратил весь свой доход, а не откладывал ежегодно какую-то сумму, чтобы лучше обеспечить своих дочерей и жену, если она его переживет. Теперь же сожалел об этом еще больше. Исполни он свой долг в этом отношении, Лидия не оказалась бы обязанной своему дяде спасением чести и доброго имени в той мере, в какой еще можно было купить их для нее. И удовлетворение от того, что у одного из самых негодных молодых людей в Великобритании все-таки удалось вырвать согласие стать ее мужем, по праву принадлежало бы ему. Его серьезно удручало, что столь ничтожная победа была достигнута всецело из средств его шурина. И он твердо решил узнать, если удастся, размер его трат и как можно скорее возместить их.

Когда мистер Беннет только-только женился, ему казалось, что экономить нет нужды, так как, конечно же, у них родится сын. Едва этот сын достигнет совершеннолетия, с его согласия он сможет по закону отменить майорат, а тогда ни его вдова, ни младшие дети не будут ни в чем нуждаться. Одна за другой на свет появились пять дочерей, однако сын заставлял себя ждать. Миссис Беннет еще долго после рождения Лидии не сомневалась, что он все-таки родится. Когда же от этой надежды пришлось отказаться, откладывать деньги было уже поздно. Миссис Беннет понятия не имела о бережливости, и только дух независимости ее мужа мешал им жить не по средствам.

Пять тысяч фунтов были закреплены за миссис Беннет и их детьми брачным контрактом. Но в какой пропорции поделить предназначенную им сумму между дочерьми, определяли родители. В отношении Лидии этот вопрос требовалось решить незамедлительно, и мистер Беннет без колебаний согласился на предложенные ему условия. С благодарным признанием доброты своего шурина, но в совершенно ясных выражениях он изъявил на бумаге свое полное одобрение всему, что тот сделал, и готовность выполнить все данные за него обещания. Он никак не предполагал, что Уикхем удастся уговорить жениться на Лидии ценой столь малых затрат. Ведь на выплачиваемой им ежегодно сотне он терял не более десяти фунтов, так как расходы на нее, включая карманные деньги и деньги, которые постоянно совала ей маменька, составляли в год лишь немногим меньше ста фунтов.

Другой приятной неожиданностью явилось то, что, насколько

позволяли подобные обстоятельства, достигнуто это было почти без усилий с его стороны. Когда первые приступы гнева, толкнувшие его отправиться на поиски Лидии, поулеглись, к нему, естественно, вернулась его обычная лень.

Письмо мистеру Гардинеру было отправлено очень скоро, так как мистер Беннет медлил лишь перед тем, как взяться за дело, но, взявшись, выполнял его быстро. Он просил сообщить ему подробности того, чем был обязан шурина, но так сердился на Лидию, что ничего не попросил ей передать.

Добрая весть быстро облетела весь дом, а затем с пропорциональной быстротой – всю округу, и друзья семьи перенесли ее с подобающей философичностью. Бесспорно, для светских бесед было бы много выгоднее, если бы мисс Лидию Беннет силой вернули домой или, что было бы еще лучше, спрятали от света на какой-нибудь уединенной ферме. Однако о ее замужестве тоже можно было потолковать всласть, да и добросердечные пожелания ей в ее злосчастье, на которые все старые меритонские сплетницы прежде не скупились, при таком обороте дела сохранили тот же дух – ведь с подобным мужем ей, разумеется, была уготована самая тяжкая судьба.

Миссис Беннет не спускалась вниз целых две недели, но в этот счастливейший день она вновь заняла свое место во главе стола и угнетающе ликовала. Ее торжество не омрачала даже тень стыда. Замужество дочери, заветнейшее желание ее сердца с той поры, как Джейн исполнилось шестнадцать, теперь должно было вот-вот свершиться, и она была способна думать и говорить лишь о таких атрибутах светских браков, как дорогие материи, новые экипажи и прислуга. Она придиричиво перечисляла все окрестные усадьбы, прикидывая, какая больше подойдет ее доченьке, и, не зная, да и не задумываясь о том, каким доходом будут располагать молодожены, большинство отвергала как недостаточно завидные или не слишком обширные.

– Хэй-Парк, пожалуй, будет неплох, – говорила она, – если Голдинги оттуда съедут; а то большой дом в Стоуке, будь там гостиная пошире, но от нас до Эшворта слишком далеко! Я не вынесу, если меня с ней будут разделять десять миль. А что до Палвис-Лоджа, так чердаки там ужасные.

Супруг позволял ей болтать без умолку, пока в столовой были слуги. Но едва они удалились, как он сказал ей:

– Миссис Беннет, прежде чем вы снимете для ваших сына и дочери любой из этих домов или их все, нам следует понять друг друга. Есть дом, в который доступ им закрыт. Я не стану потакать легкомыслию обоих,

принимая их в Лонгборне.

Последовал долгий спор, но мистер Беннет твердо стоял на своем, а потому вскоре завязался еще один, и миссис Беннет с изумлением и ужасом узнала, что ее супруг не даст дочери ни единой гинеи на покупку гардероба, приличного ее новому положению замужней дамы. Он утверждал, что она не получит от него ни единого знака родительской любви, каким бы ни был повод. Миссис Беннет просто не могла этого понять. В ее голове не укладывалось, как он в своем гневе мог дойти до того, чтобы отказать дочери в том, без чего ее брак будет выглядеть как бы не состоявшимся. Она всеми фибрами души ощущала, какую страшную тень отсутствие новых туалетов бросит на бракосочетание Лидии, и нисколько не стыдилась ее бегства и того, что она прожила с Уикхемом две недели до этого бракосочетания.

Элизабет уже глубоко сожалела, что в минуту горя и растерянности призналась мистеру Дарси в своих опасениях за сестру. Если брак Лидии вот-вот придаст бегству надлежащее завершение, появлялась надежда скрыть его неблагоприятное начало от всех, кто не был в него посвящен.

Она не опасалась, что он кому-нибудь проговорится. Не было человека, чьей сдержанности она доверяла бы более, но вместе с тем не было никого, чья осведомленность об эскападе ее сестры причиняла бы ей больше страданий. Однако не из-за того, чем это грозило ей самой. Будь брак Лидии заключен по всем правилам приличия и благопристойности, мистер Дарси все равно не захотел бы породниться с семьей, прошлые возражения против которой теперь усугубляло их новое родство с человеком, вызывающим у него столь заслуженное презрение.

Она не сомневалась, что эта новая родственная связь заставит его отшатнуться. Желание заслужить ее расположение, в которое он заставил ее поверить в Дербишире, не могло выдержать подобного удара, это было очевидно. Она чувствовала себя униженной, она горевала, она раскаивалась, хотя сама не понимала в чем. Она не хотела лишаться его пылкого чувства к ней – теперь, когда уже больше не могла ни на что надеяться. Она хотела хоть что-нибудь узнать о нем – теперь, когда это уже не представлялось возможным. Она больше не сомневалась, что могла бы найти с ним счастье, – теперь, когда им вряд ли предстояло встретиться еще раз.

Какое торжество он испытал бы, часто думала она, если бы узнал, что предложение, которое она столь гордо отвергла всего четыре месяца тому назад, теперь было бы принято с радостью и благодарностью! Она не сомневалась, что в великодушии он равен самым великодушным

представителям своего пола. Однако ангелом он все-таки не был, а потому не мог бы не почувствовать торжества.

Теперь она начала понимать, что натурой и достоинствами он подходил ей больше кого бы то ни было. Его ум и характер, хотя и не были схожи с ее собственными, отвечали всем ее пожеланиям. Это был бы союз счастливый для них обоих. Ее веселость и живость смягчили бы его сдержанность, а его проницательность, образованность, знание света сулили ей куда более важные блага.

Но теперь столь удачный брак не преподаст восхищенной толпе примера истинного супружеского счастья. Его сделал невозможным брачный союз совсем иного рода, который в самое ближайшее время будет заключен ее сестрой.

Она не могла вообразить, откуда у Уикхема и Лидии возьмутся средства, чтобы жить хотя бы в скромном достатке. Но зато она легко могла себе представить, как мало подлинного счастья достанется супругам, которые вступили в брак только потому, что их страсти оказались сильнее их добродетели.

Мистер Гардинер вскоре снова написал зятю. В ответ на благодарности мистера Беннета он коротко заверил его, что всегда готов способствовать благополучию своих родных, и заключил настоятельной просьбой никогда больше об этом не упоминать. Однако главной целью письма было сообщить им, что мистер Уикхем решил оставить службу в территориальном полку.

«Едва Уикхем согласился на брак, я очень сильно желал именно этого, — добавил он. — Полагаю, вы согласитесь со мной, что ему следует расстаться с ***ширским полком и ради себя самого, и ради моей племянницы. Мистер Уикхем предполагает поступить в регулярную армию, и среди его прежних друзей еще есть такие, кто может и хочет помочь ему в этом. Ему обещали чин прапорщика в полку генерала NN, в настоящее время расквартированном на севере. Очень удачно, что они будут находиться так далеко от этой части страны. Он как будто образумился, и я уповаю, что среди новых людей, где им обоим легче скрыть свои прошлые безрассудства, они будут более осмотрительны. Я написал полковнику Фостеру, осведомляя его о положении дел, и попросил, чтобы он успокоил всех кредиторов мистера Уикхема в Брайтоне и его окрестностях, заверив их в скорой уплате его долгов, за которую я поручился. Не возьмете ли вы на себя труд заверить в том же его меритонских кредиторов, список коих прилагаю с его слов. Он сообщил

про все свои долги, и надеюсь, что он нас не обманывает. Хаггерстон получил наши указания, и через неделю все завершится. Затем они отправятся в его новый полк, если только не будут приглашены заехать сначала в Лонгборн. От миссис Гардинер я знаю, что моя племянница очень хотела бы повидать вас всех, прежде чем надолго расстаться с югом страны. Она здорова и просит всем вам кланяться, а особенно своей матушке. Ваш и т. д.

Эдв. Гардинер».

Мистер Беннет и его дочери увидели все преимущества того, что Уикхем покинул ***ширский полк, на которые намекал мистер Гардинер. Однако миссис Беннет отнюдь не была довольна, Лидия поселится на севере именно тогда, когда ее общество сулило ее матери столько радости и гордости! Ведь она отнюдь не отказалась от надежды, что они поселятся в Хартфордшире. Это было тяжким разочарованием. И к тому же такая жалость, что Лидию разлучают с полком, где она была знакома со всеми и имела столько друзей!

– Она так любит миссис Фостер, – вздыхала маменька. – Такая жестокость разлучить ее с ней. А молодые офицеры, которые ей так нравились! В полку генерала NN офицеры могут и не быть такими душками.

На просьбу дочери вновь перед отъездом на север принять ее в лоно семьи, как можно было истолковать ее поклоны им всем, мистер Беннет сначала ответил решительным отказом. Однако Джейн и Элизабет, согласившиеся, что ради чувств и репутации Лидии родители должны после свадьбы простить ее, уговаривали его с таким жаром, приводили такие разумные доводы и столь умильно упрашивали принять ее с мужем в Лонгборне, как только они поженятся, что в конце концов он согласился с ними и уступил их желанию. Поэтому ее маменька могла вдоволь насладиться мыслью, как будет хвастать перед соседками своей замужней дочерью, прежде чем ее сошлют на север. Мистер Беннет в следующем письме шурина разрешил им приехать, и было решено, что сразу после совершения брачного обряда они отправятся в Лонгборн. Элизабет, однако, удивилась, что Уикхем согласился на такой план, и если бы она считалась только с собственными желаниями, то менее всего хотела бы вновь с ним встретиться.

Глава 51

Наступил день свадьбы их сестры, и Джейн с Элизабет, вероятно, волновались за нее больше, чем волновалась она сама. Карета была послана встретить новобрачных в ***, и их ожидали к обеду. Старших мисс Беннет пугал их приезд, а особенно Джейн, которая приписывала Лидии чувства, какие испытывала бы сама, будь она на месте виновницы стольких треволнений и горя, и мысленно сострадала душевным мукам сестры.

Но вот они приехали. Семья собралась встретить их в малой столовой. Когда карета подъехала к крыльцу, лицо миссис Беннет расцвело улыбками, ее супруг хранил невозмутимую серьезность, дочери испытывали тревогу, волнение, неловкость.

В прихожей слышался голос Лидии, дверь распахнулась, и их младшая сестра вбежала в комнату. Мать шагнула ей навстречу, обняла и с восторгом ее приветствовала. Затем с ласковой улыбкой протянула руку Уикхему, который вошел следом за своей женой, и тотчас пожелала им счастья без малейших сомнений в том, что ее пожелание сбудется.

Мистер Беннет, к которому они повернулись затем, оказал им далеко не такой сердечный прием. Лицо его стало даже еще строже, и он не проронил почти ни слова. Беспечная самоуверенность молодой пары могла лишь сильнее расpalить его негодование. Элизабет была возмущена до глубины души, и даже мисс Беннет испытала горькую растерянность. Лидия осталась прежней Лидией. Невоспитанной, необузданной, взбалмошной, болтливой и бесцеремонной. Она бросалась от сестры к сестре, требуя их поздравлений, а когда наконец все сели, весело оглядела комнату, заметила кое-какие небольшие изменения и со смехом объявила, что давненько не была тут.

Уикхем смущался не более нее, но его манеры оставались по-прежнему очаровательными, и отечай его характер и женитьба всем требованиям порядочности, то его улыбки и приятность, с какой он упомянул о своем новом родстве с ними, сразу обворожили бы их. До этой минуты Элизабет не верилось, что он окажется способным на такую самоуверенность, и про себя она положила в будущем не ставить никаких пределов бесстыдству бесстыдного человека. Она краснела, краснела и Джейн, но щеки тех двоих, кто вверг их в такое смущение, ни на йоту не изменили цвета.

В темах для разговора недостатка не было. Молодая и ее маменька

тараторили без умолку, а Уикхем, севший рядом с Элизабет, начал расспрашивать ее о своих хартфордширских знакомых с легкостью и непринужденностью, каких ей не удавалось достичь в своих ответах. Он и Лидия словно хранили только самые приятные воспоминания. Мысли о прошлом не пробуждали и тени не только страданий, но даже неловкости. И Лидия сама заговорила о том, чего ее сестры не коснулись бы ни за что на свете.

– Только подумать, – воскликнула она, – что прошло целых три месяца, как я уехала в Брайтон! Право, мне кажется, и двух недель не миновало, а ведь столько всего случилось за это время! Господи помилуй, да когда я уезжала, мне и в голову не приходило, что я могу выйти замуж прежде, чем вернусь! Хотя и думала, как бы это было весело!

Ее отец поднял брови, Джейн расстроилась, Элизабет выразительно посмотрела на Лидию, но та никогда не видела и не слышала того, чего не желала замечать, и продолжала со смехом:

– Маменька, а соседи знают, что я сегодня вышла замуж? Я боялась, что вдруг они не знают, и, когда мы нагнали Уильяма Голдинга в его фаэтоне, я во что бы то ни стало захотела сообщить ему, а потому опустила стекло в дверце, сняла перчатку и положила руку на край окошка так, чтобы он увидел кольцо, а потом кивнула и улыбнулась, как не знаю что.

Элизабет не могла долее выносить этого. Она встала и выбежала из комнаты, чтобы не возвращаться, пока не услышала, что они перешли в большую столовую. А тогда присоединилась к ним как раз вовремя, чтобы увидеть, как Лидия с дерзким торжеством встала справа от матери, и услышать, как она сказала:

– Джейн, теперь на твое место сяду я. Ты должна сидеть за столом ниже меня, ведь я – замужняя дама.

Да и с какой стати было полагать, что время научит Лидию стеснительности, от которой она всегда была совершенно свободна? Ее беспечность и веселое настроение только возросли. Ей не терпелось увидаться с миссис Филипс, Лукасами и всеми остальными их соседями, услышать, как они будут называть ее «миссис Уикхем», а до тех пор она после обеда пошла похвастать своим кольцом перед миссис Хилл и двумя горничными.

– Нуте-ка, маменька, – сказала она, когда они все вернулись в малую столовую, – что вы скажете о моем муженьке? Разве он не самый бесподобный мужчина на свете? Право, мои сестрицы должны умирать от зависти. Могу только пожелать, чтобы им повезло хотя бы в половину так, как мне. Надо, чтобы они все поехали в Брайтон. Лучше места, чтобы

обзавестись мужем, не найти. Какая жалость, маменька, что мы не поехали туда все вместе!

– Правда-правда, и, будь по-моему, мы бы и поехали. Только, Лидия, душенька, мне совсем не нравится, что ты будешь жить так далеко. Вам обязательно туда отправляться?

– Господи! Ну да. И какие пустяки! Так будет весело! Вы, папенька и сестрицы должны обязательно приехать погостить у нас. Всю зиму мы проживем в Ньюкасле, и, думается, там будут балы, и уж я позабочусь, чтобы у них у всех были самые лучшие кавалеры.

– Ничего так сильно не желала бы! – ответила ее маменька.

– А потом, когда будете уезжать, то можете оставить одну или двух из них пожить подольше, и, ручаюсь, я найду им мужей еще до конца зимы.

Их гости могли пожить в Лонгборне не более десяти дней. Мистер Уикхем получил офицерский патент перед отъездом из Лондона и должен был явиться в свой новый полк через две недели. Никто, кроме миссис Беннет, не сожалел, что они погостят в Лонгборне так недолго, зато она сполна использовала это время, делая визиты вместе с дочерью и устраивая званые вечера у себя. Вечера эти были приятны всем обитателям Лонгборна: те, кто был умнее, предпочитали избегать тесного семейного круга даже больше, чем те, кто был глупее.

Чувство Уикхема к Лидии было именно таким, каким его ожидала найти Элизабет, – далеко не равным чувству Лидии к нему. Ей почти не потребовались нынешние ее наблюдения, чтобы подкрепить прежние логические выводы: их бегство объяснялось более силой ее любви к нему, чем его к ней. И Элизабет продолжала бы недоумевать, почему, не питая к ней особой нежности, он все-таки бежал с ней, если бы не уверенность, что бежать ему пришлось из-за долгов, а в таком случае он по своему характеру был очень даже не прочь обзавестись спутницей.

Лидия надышаться на него не могла. Он всегда и повсюду был ее дражайшим Уикхемом, и никто не шел с ним ни в какое сравнение. Он отличался во всем, и она не сомневалась, что первого сентября, в день открытия охоты, он настреляет больше птиц, чем кто-либо другой во всей округе.

Однажды утром вскоре после их приезда Лидия, сидя с двумя старшими сестрами, вдруг сказала Элизабет:

– Лиззи! Да я же не рассказывала тебе о моей свадьбе! Когда я описывала ее маменьке и всем остальным, тебя не было. Неужто тебе не любопытно узнать, как все было устроено?

– Не очень, – ответила Элизабет. – Мне кажется, чем меньше об этом

говорить, тем лучше.

– Ну и чудачка же ты! Но я обязательно должна рассказать тебе, как все происходило. Поженились мы, ты знаешь, в церкви Святого Клементя, потому что Уикхем жил в том приходе. И обряд был назначен на одиннадцать часов. Дяденька, тетенька и я должны были поехать вместе, а остальные встретить нас в церкви. Ну, настает утро понедельника, а я места себе не нахожу! Понимаешь, ужасно боялась, что придется из-за чего-то отложить, и уж тогда бы даже не знаю, что со мной было бы. А тут тетушка, пока я одеваюсь, все наставляет меня да наставляет, будто проповедь читает. Ну да я и одного слова из десяти не слышала, потому что, как ты можешь догадаться, думала о моем милом Уикхеме. Так мне не терпелось узнать, наденет ли он в церковь свой синий мундир. Ну, позавтракали мы в десять, как обычно. Я думала, завтрак этот никогда не кончится, потому что, кстати, ты должна знать, что дяденька и тетенька, пока я жила у них, совсем меня замучили. Вообрази, ни разу не выпустили меня из дома, а ведь я две недели у них провела! Ни единого званого вечера, или поездки в театр, или еще какого-нибудь развлечения. Правду сказать, сезон в Лондоне кончился, однако Малый театр давал спектакли. Ну так подают к крыльцу карету, а дяденьке вдруг понадобилось поговорить по делу с этим противным мистером Стоуном. А ты же знаешь, стоит им начать, как конца не будет. Ну, я до того перепугалась! Просто не знала, что и делать, ведь дяденька должен был повести меня к алтарю, а ежели бы мы опоздали, так в этот день уже не поженились бы. К счастью, он вернулся через десять минут, и мы поехали в церковь. Правда, потом-то я сообразила, что, задержись он, так ничего не понадобилось бы откладывать, ведь повести меня к алтарю мог и мистер Дарси.

– Мистер Дарси! – повторила Элизабет в сильнейшем изумлении.

– Ну да! Он должен был приехать с Уикхемом, понимаешь? Господи Боже ты мой! Совсем забыла! Я и словечком об этом не смела обмолвиться. Я же им крепко-накрепко обещала! Что скажет Уикхем? Это же такая тайна!

– Раз это тайна, – сказала Джейн, – то больше ни слова не говори. Можешь не сомневаться, я не стану тебя расспрашивать.

– Ах, разумеется! – воскликнула Элизабет, хотя и сгорала от любопытства. – Мы тебе никаких вопросов не зададим.

– Очень вам благодарна, – ответила Лидия. – Не то бы я, конечно, рассказала вам все, и тогда Уикхем ужасно рассердился бы.

После такого приглашения задавать вопросы Элизабет поторопилась уйти, чтобы избежать соблазна.

Но жить и дальше, так ничего и не узнав, было невозможно. Во всяком случае, было невозможно не попытаться проникнуть в тайну. Мистер Дарси присутствовал на свадьбе Лидии! Казалось бы, меньше всего он мог оказаться в таком месте среди этих людей. В ее голове вихрем закружились всевозможные предположения, но ни одно ее не удовлетворило. Те, которые представляли его поведение в самом благородном свете, казались самыми неправдоподобными. Она была не в силах терпеть подобную неизвестность и, торопливо схватив лист бумаги, написала короткое письмо тетушке, прося объяснить подробнее суть того, о чем обмолвилась Лидия, если, конечно, это совместимо с обещанием хранить тайну.

«Вы легко поймете, – добавила она, – как мне любопытно узнать, каким образом человек, ни с кем из нас не связанный и, в сущности, совершенно посторонний нашей семье, оказался среди вас в подобный день. Умоляю, ответьте незамедлительно и объясните все. Разумеется, не в том случае, если по каким-то крайне важным причинам необходимо соблюдать строжайшую тайну, как, видимо, полагает Лидия. И тогда я буду вынуждена смириться со своей неосведомленностью».

«Чего, разумеется, я и не подумаю сделать, – добавила она про себя, ставя подпись под письмом. – И если вы, милая тетенька, не ответите мне с полной откровенностью, мне придется прибегнуть ко всяким хитростям, чтобы все-таки вывести эту тайну».

Тонкая деликатность Джейн не позволила ей поговорить с Элизабет наедине об обмолвке Лидии, чему Элизабет была очень рада, предпочитая обойтись без наперсницы, пока не получит ответа на свои вопросы.

Глава 52

К большой радости Элизабет, письмо от тетушки пришло даже быстрее, чем она ожидала. Едва взяв его в руки, она поспешила в рощицу, где ей вряд ли могли помешать, и села на скамью в приятном предвкушении. Длина письма свидетельствовала, что тетушка в ее просьбе не отказала.

«Грейсчерч-стрит, 6 сент.

Милая племянница!

Сейчас получила твоё письмо и посвящу все утро ответу на него, так как предвижу, что в нескольких строках мне не уложиться. Признаюсь, твоё прошение меня удивило. От тебя я её никак не ожидала. Не думай, будто я сержусь, но просто я никак не думала, что у тебя – тебя! – может возникнуть надобность наводить такие справки. Если ты не захочешь понять меня, то извини мою бестактность. Твой дядя удивлен не менее меня. Ведь он поступал, как поступал, лишь твердо веря в твою причастность к происходившему. Однако, если тебе действительно ничего не известно, придется изложить все подробности.

В день моего возвращения из Лонгборна твоему дяде был нанесен самый неожиданный визит. Приехал мистер Дарси, и несколько часов они провели, затворившись вдвоем в библиотеке. Однако распрощались они до моего возвращения, и поэтому любопытство терзало меня не так сильно, как, по-видимому, терзало тебя. Он явился сообщить мистеру Гардинеру, что узнал, где находятся твоё сестра и мистер Уикхем, и что он видел их и разговаривал с ними – с Уикхемом несколько раз, а с Лидией один. Насколько я поняла, он покинул Дербишир на следующий же день после нас и приехал в Лондон с единственной целью отыскать их. Объяснил он это убеждением, что из-за него низость Уикхема не получила той огласки, которая помешала бы благовоспитанной девушке полюбить его и довериться ему. Он благородно приписал это своей неразумной гордости, признавшись, что прежде ему претила мысль сделать свои частные дела достоянием всего света. Он считал, что за него должны говорить его положение и репутация. Поэтому он полагает своим долгом вмешаться в случившееся и попытаться загладить зло, причиной которого послужила его скрытность. Однако, если у него была ещё какая-то побудительная причина, полагаю, что и она делает ему честь. Он провел в Лондоне

несколько дней, прежде чем в отличие от нас сумел их разыскать. Впрочем, он располагал кое-какими сведениями, облегчавшими поиски, и это также побудило его последовать за нами.

Оказывается, одно время гувернанткой мисс Дарси была некая дама, миссис Юнг, но ей отказали из неблаговидности некоторых ее поступков – каких, он не объяснил. После этого она сняла большой дом на Эдвард-стрит и с тех пор обеспечивает себя, сдавая комнаты. Как он знал, эта миссис Юнг была близкой знакомой Уикхема, и поэтому, едва прибыв в столицу, он отправился к ней. Однако прошло два-три дня, прежде чем он выяснил у нее то, что ему было нужно. Полагаю, она ждала посулов и подкупа, так как и правда знала, где скрывался ее друг. Уикхем действительно побывал у нее в первый же день своего приезда в Лондон, и, найдись у нее свободные комнаты, они бы поселились в ее доме. В конце концов наш добрый друг получил необходимые сведения. Они жили на *** улице. Он повидался с Уикхемом и настоял на встрече с Лидией. Вначале, признался он, его целью было уговорить ее покончить с невозможным положением, в которое она себя поставила, и вернуться к своим близким, едва их уговорят принять ее, причем предложил всю помощь, какая была в его силах. Однако он убедился, что Лидия твердо намерена остаться там. О своих близких она и думать не хотела, в его помощи не нуждалась и не желала слушать о том, чтобы расстаться с Уикхемом. Она не сомневалась, что рано или поздно они поженятся, а когда именно, для нее значения не имело. Раз таковы были ее чувства, он решил, что ему остается лишь одно: устроить и ускорить этот брак, о котором, как он без труда узнал из первого же своего разговора, тот никогда и не помышлял. А только признался, что вынужден был покинуть полк из-за долгов чести, уплату которых больше не мог оттягивать, и не постыдился приписать все тяжкие следствия бегства Лидии ее собственному легкомыслию. Он намеревался немедленно подать в отставку, а о том, что с ним будет дальше, никакого понятия не имел. Придется куда-нибудь уехать, но он не знал куда и понимал, что жить ему будет не на что.

Мистер Дарси спросил, почему он немедленно не женился на твоей сестре. Хотя мистер Беннет не слывет особенно богатым, все же он сможет что-то сделать для него, так что брак облегчит его положение. Из ответа следовало, что Уикхем все еще лелеет надежду поправить свои дела выгодной женитьбой в каком-нибудь другом графстве. Тем не менее в подобных обстоятельствах он вряд ли мог устоять перед соблазном незамедлительно облегчить положение, в которое попал.

Они встречались несколько раз, так как требовалось оговорить очень

многое. Уикхем, разумеется, хотел получить гораздо больше, чем мог бы, но в конце концов был вынужден умерить свои притязания. Когда они обо всем уговорились, следующим шагом мистера Дарси было ознакомить твоего дядю с положением вещей, и в первый раз он приехал вечером накануне моего возвращения домой. Но мистер Гардинер никого не принимал, и тут же мистер Дарси узнал, что твой папенька еще у него, но должен уехать утром. Он решил, что разумнее будет обратиться к дяде Лидии, а не к отцу, и потому отложил встречу с мистером Гардинером до отъезда последнего. Он не назвал своего имени, и утром твой дядя знал лишь, что к нему приезжал по делу какой-то джентльмен.

В субботу он приехал снова. Твой папенька уже отбыл, твой дядя был дома, и, как я уже упоминала, им понадобилось многое обсудить.

В воскресенье они встретились снова, и тогда его увидела и я. Окончательно все было решено лишь в понедельник, и тогда в Лонгборн отправили письмо с нарочным. Однако наш посетитель был очень упрям. Мне кажется, Лиззи, упрямство – вот его подлинный недостаток. В разные времена ему ставили в вину самые разные, но подлинный – лишь этот. Все, что надо было сделать, он желал сделать сам. Хотя я уверена (и упоминаю об этом не ради благодарности, так что помалкивай), что твой дядя с готовностью взял бы на себя исполнение обещанного.

Они спорили очень долго, чего ни известный джентльмен, ни известная барышня нисколько не заслуживали. Однако в конце концов твоему дяде пришлось уступить, и, вместо того чтобы оказать помощь своей племяннице, он был вынужден лишь принять возможную благодарность за эту помощь, что ему пришлось совсем не по вкусу. И я уверена, что это твое письмо очень его обрадовало, так как потребовало объяснений, которые избавят его от похвал и благодарностей, которых он не заслужил, и воздадут честь тому, кому она принадлежит по праву. Однако, Лиззи, никто об этом знать не должен, разве что Джейн.

Полагаю, ты знаешь примерно все, что было сделано для этой парочки. Его долги уплачены, и сумма их, насколько я знаю, много больше тысячи фунтов. За ней вдобавок к ее собственной закреплена еще тысяча, а ему куплен офицерский патент. Причину, почему он должен был взять все это на себя, я уже объяснила вначале. Только из-за него, из-за его скрытности и необдуманных действий никто не знал, каков Уикхем на самом деле, так что он был всюду принят и обласкан. Возможно, в этом есть доля истины, хотя не думаю, что винить в случившемся можно его сдержанность, да и чью угодно еще. Однако, вопреки всем этим прекрасным уверениям, милочка Лиззи, не сомневайся, твой дядя никогда

бы не уступил, если бы мы не сочли, что им движет и совсем другой интерес.

Когда все это было улажено, он вернулся к своим друзьям, которые все еще гостили в Пемберли, но было уговорено, что он приедет в Лондон к свадьбе и после нее все денежные дела будут улажены окончательно.

Мне кажется, теперь я рассказала тебе все. Из того, что мне написала ты, следует, что мой рассказ явится для тебя большой неожиданностью, однако надеюсь, он не вызовет твоего неудовольствия. Лидия переехала к нам, и Уикхем постоянно бывал у нас. Он казался совершенно таким, каким я знала его в Хартфордшире, но я не стала бы упоминать, как не понравилось мне ее поведение, если бы не поняла из письма Джейн в среду, что и дома она вела себя точно так же, а потому новой боли мои слова тебе не причинят. Я много раз самым серьезным образом старалась втолковать ей, как дурно она поступила и сколько несчастий навлекла на свою семью. Если она хоть что-то услышала, это было счастливой случайностью, так как я убеждена, что она все пропускала мимо ушей. Иногда я сдерживалась лишь с трудом, но вспоминала моих милых Элизабет и Джейн и была терпелива с ней ради них.

Мистер Дарси вернулся точно как обещал и, как тебе сказала Лидия, присутствовал в церкви. Он отобедал у нас на следующий день, а в среду или в четверг собирался уехать из Лондона. Ты очень на меня рассердишься, голубушка Лиззи, если я воспользуюсь случаем и скажу (на что у меня прежде не хватало духа), как сильно он мне нравится? Его поведение с нами было во всех отношениях столь же любезным, как в Дербишире. Его ум и суждения мне очень по душе. Ему не хватает лишь некоторой веселости, а ей, если он женится разумно, его сможет научить жена. Я сочла его большим лукавцем – он почти ни разу не упомянул твоего имени. Но ведь такое лукавство как будто теперь в моде!

Прошу, прости меня, если я позволила себе сказать что-нибудь лишнее, или хотя бы не карай меня слишком строго, не приглашая в П. Я никогда не обрету полного счастья, пока не осмотрю все уголки этого парка. Колясочка, запряженная парой резвых пони, не оставит желать ничего лучшего.

Но я должна кончить письмо, дети уже полчаса ждут меня не дождутся...

Искреннейше твоя М. Гардинер».

Содержание письма ввергло Элизабет в трепет, и трудно было бы определить, чего в нем было больше, радости или боли. Порожденные

неведением неясные неопределенные догадки, что мистер Дарси мог как-то способствовать замужеству ее сестры, которым она опасалась поверить, ибо такие доброта и великодушие мнились неправдоподобными, боясь в то же время, что они оправдаются, ведь в каком тогда неоплатном долгу они оказались бы у него! Эти догадки теперь не только полностью подтвердились, но истина далеко превзошла самые смелые ее предположения. Он отправился за ними в Лондон с единственной целью помочь им, он взял на себя все хлопоты и унижения подобных поисков, потребовавших, чтобы он обратился за помощью к женщине, которую должен был глубоко презирать; а затем был вынужден встречать, часто встречать, урезонивать, убеждать, а под конец подкупить человека, которого всячески старался избегать, даже имя которого произносить было для него наказанием. И все это – ради девушки, без сомнения, не вызывавшей у него ни симпатии, ни уважения. Ее сердце шепнуло ей, что все это он делал ради нее. Однако мимолетную надежду вскоре угасили другие соображения, и тут же она почувствовала, что даже ее тщеславия недостаточно, чтобы поверить, будто его нежность к ней, к той, кто уже отказала ему, способна пересилить столь естественное чувство, как отвращение к каким-либо отношениям с Уикхемом. Свояк Уикхема! Подобного не стерпела бы никакая гордость. Бесспорно, он сделал очень много. Ей было стыдно подумать, как много. Но он назвал причину своего вмешательства, в которую нетрудно было поверить. Вполне логично, что он мог признать свою прошлую ошибку; он был щедр и располагал средствами, позволяющими быть щедрым. И, хотя она никак не могла признать себя главной причиной всех его действий, почему бы не поверить, что еще сохраняющееся расположение к ней способствовало его усилиям в деле, прямо касавшемся ее душевного спокойствия. Было больно, мучительно больно знать, что они в неоплатном долгу у человека, которого им нечем отблагодарить. Ему они обязаны спасением Лидии, ее доброго имени – ну всем, всем! О, как она скорбела о каждом недобром чувстве, которое распаляла в себе, о каждой колкости, которой старалась уязвить его! Себя она порицала, но гордилась им, гордилась тем, что во имя сострадания и чести он сумел превозмочь свой характер. Она вновь и вновь перечитывала похвалы ему, которые расточала тетюшка. Разумеется, он заслуживал большего, но все равно они ее радовали. Она даже черпала некоторое счастье, правда, смешанное с горькими сожалениями, убеждаясь, как глубоко и тетюшка, и дядя были уверены, будто мистера Дарси и ее связывают нежность и доверие.

Чьи-то приближающиеся шаги заставили ее очнуться и встать со

скамьи. Но прежде чем она успела свернуть на другую дорожку, ее нагнал Уикхем.

– Боюсь, я помешал вашей одинокой прогулке, дорогая сестра? – сказал он и пошел рядом с ней.

– Бесспорно, – ответила она с улыбкой. – Но это не значит, что я и дальше хотела бы совершать ее в одиночестве.

– Я крайне сожалел бы, будь это не так. Ведь мы всегда были хорошими друзьями, а теперь стали еще ближе!

– Справедливо. А остальные присоединятся к нам?

– Не думаю. Миссис Беннет и Лидия отправляются в карете в Меритон. Итак, дорогая сестра, от наших дядюшки и тетушки я узнал, что вам довелось увидеть Пемберли.

Она подтвердила это.

– Я почти завидую вам и все же полагаю, что мне это будет слишком тяжело, не то бы я завернул туда по дороге в Ньюкасл. Полагаю, вы видели старуху экономку? Бедняжка Рейнольдс! Она всегда меня так любила! Но, конечно, она даже не упомянула моего имени?

– Нет, упомянула.

– И что же она сказала?

– Что вы стали военным, и она боится, что... что из вас ничего путного не вышло. Вы ведь понимаете, как странно все искажается на больших расстояниях.

– Да, конечно, – ответил он, кусая губы. Элизабет надеялась, что заставила его замолчать, однако вскоре он сказал: – Я очень удивился, увидев Дарси в столице месяц назад. Причем несколько раз. Интересно, что он там делал?

– Быть может, готовился к своей свадьбе с мисс де Бэр, – сказала Элизабет. – Привести его туда в такое время года могло лишь что-то особенное.

– Без сомнения. Вы встречались с ним, пока жили в Лэмтоне? Насколько я понял из слов Гардинеров, так и было.

– Да. Он познакомил нас со своей сестрой.

– И как она вам понравилась?

– Очень.

– Да, я слышал, что за последние года два она весьма изменилась к лучшему. Когда я в последний раз ее видел, таких надежд она не подавала. Я очень рад, что она вам понравилась. Дай Бог, чтобы она стала достойной девицей.

– О, не сомневаюсь! Она уже вышла из трудного возраста.

– А вы не проезжали через деревушку Кимптон?

– Что-то не помнится.

– Я упомянул ее, потому что она находится в приходе, который предназначался мне. Восхитительное местечко. Чудесный дом при церкви. Все это мне очень подошло бы.

– Но понравилось ли бы вам готовить проповеди?

– Даже очень. Я бы считал это частью моего священного долга, а вскоре это уже не составляло бы никакого труда. Не следует грустить о несбыточном, однако я просто предназначен для такой жизни. Покой, тишина, уединенность отвечали бы всем моим представлениям о счастье. Но судьба решила иначе. Пока вы были в Кенте, Дарси хоть раз упоминал об этом обстоятельстве?

– Я слышала от другого человека, которого считаю не менее осведомленным, что приход был вам завещан лишь условно, по усмотрению нынешнего владельца.

– Ах, вы слышали! Да, отчасти это так. Я ведь, если помните, вам с самого начала так и сказал.

– И еще я слышала, что одно время сочинение проповедей не так вас прельщало, как, по вашим словам, прельщает теперь. И что вы даже изъявили твердое намерение не принимать сана и все было улажено по вашему желанию.

– Ах, вот что! Ну и тут некоторые основания есть. Возможно, вы помните, что я по этому поводу говорил вам в нашем первом разговоре.

Теперь они были уже у дверей дома, так как Элизабет шла быстро, чтобы поскорее избавиться от него. Но ради сестры она не хотела раздражать его и сказала только:

– Мистер Уикхем, мы же брат и сестра, не правда ли? Так не будем ссориться из-за прошлого. Надеюсь, в будущем мы всегда будем единомышленны.

Она протянула ему руку, которую он поцеловал с галантной нежностью, хотя не знал, куда девать глаза, и они вошли в дом.

Глава 53

Мистер Уикхем был настолько доволен этим разговором, что больше ни разу не причинил себе огорчения и не раздосадовал свою дорогую сестру Элизабет новым возвращением к этой теме; и она радовалась, что сказала достаточно, чтобы он прикусил язык.

Вскоре настал день его с Лидией отъезда, и миссис Беннет пришлось смириться с разлукой, которая грозила продлиться год, так как ее супруг отнюдь не поддержал плана всем семейством погостить в Ньюкасле.

– Ах, душенька Лидия! Когда мы снова свидимся?

– Господи! Почем мне знать? Может быть, через два года или три.

– Пиши мне часто, душенька.

– Так часто, как сумею. Но вы же знаете, у замужних дам времени писать письма маловато. Вот сестрицы могут писать мне. У них других занятий не будет.

Мистер Уикхем прощался с ними куда сердечнее жены. Он улыбался, выглядел красавцем и не скупился на всякие приятные слова.

– Прекраснейший молодой человек, – объявил мистер Беннет, едва за новобрачными закрылась дверь. – Улыбочки, ужимочки и строит куры нам всем. Я чрезвычайно им горжусь. Готов биться об заклад, что даже сам сэр Уильям Лукас не может похвастать более бесценным зятем.

Лишившись общества Лидии, миссис Беннет на несколько дней погрузилась в уныние.

– Я часто думаю, – как-то сказала она, – что нет ничего хуже, чем расставаться с теми, кого любишь. Без них себя чувствуешь такой одинокой!

– Видите ли, маменька, – ответила Элизабет, – если дочь выходит замуж, иначе и быть не может. И вам следует быть довольной, что у вас есть еще четыре незамужние.

– Да ничего подобного! Лидия покинула меня не потому, что вышла замуж, а только потому, что полк ее мужа переведен в такую даль. Будь до Ньюкасла ближе, она не уехала бы так скоро!

Однако вскоре ее меланхолию рассеяла и вновь пробудила в ее сердце надежду новость, облетевшая всю округу. Недерфилдская экономка получила распоряжение приготовить дом к приезду хозяина, который должен был прибыть дня через два и на несколько недель остаться поохотиться. Миссис Беннет пришла в страшное волнение. Она

поглядывала на Джейн и то улыбалась, то покачивала головой.

– Ну-ну-ну! Так мистер Бингли возвращается, сестрица? – Новость эту сообщила миссис Филипс. – Ну, тем лучше. Не то чтобы меня это касалось. Он для нас никто, как тебе известно. Что до меня, я нисколько не огорчусь, если больше никогда его не увижу. Однако в Недерфилд пусть себе приезжает, раз ему там нравится. И кто знает, что все-таки может произойти! Только нас это не касается. Ты же знаешь, сестрица, мы давным-давно согласились ни словечком об этом не поминать. А что, это верно, что он приезжает?

– И не сомневайся, – ответила ее собеседница. – Вчера вечером миссис Николс приезжала в Меритон; я увидела ее из окошка и нарочно вышла, чтобы все разузнать. И она мне сказала, что это чистая правда. Ждут его самое позднее в четверг, а может быть, так и в среду. И едет она к мяснику, сказала она, заказать мяса на среду. И как раз откормила три пары уток.

Услышав, что он приезжает, мисс Беннет побледнела. Уже много месяцев она не упоминала его имени в разговорах с Элизабет, но теперь, едва они остались наедине, она поспешила сказать:

– Я видела, как ты посмотрела на меня, Лиззи, когда тетушка рассказывала про эти слухи, и знаю, что лицо у меня стало расстроенным, но не думай, будто из-за какой-то глупой причины. Я просто смутилась на минуту, почувствовала, что теперь все начнут на меня поглядывать. Уверяю тебя, это известие не вызвало у меня радости и не причинило боли. И я рада, что он приезжает один, значит, у нас будет меньше случаев встретить его. Не то что я опасаюсь за себя, но меня пугают сплетни.

Элизабет ничего не понимала. Если бы она не виделась с ним в Дербишире, то могла бы поверить, что приезжает он и правда только ради охоты. Но она по-прежнему считала, что он равнодушен к Джейн, и она не могла решить, что более вероятно – что он приезжает с разрешения своего друга или же настолько осмелел, что обошелся без такого разрешения.

«Как, однако, неприятно, – иногда думала она, – что бедный молодой человек не может приехать в дом, который законно арендовал, без того, чтобы давать пищу всяким догадкам и сплетням! Во всяком случае, я буду избегать встреч с ним».

Вопреки тому, что Джейн сказала о своих чувствах, причем, как ей самой казалось, с полной искренностью, Элизабет без труда заметила, насколько изменилось состояние ее духа. Она редко видела, чтобы ее сестра пребывала в таком волнении или даже смятении.

Вновь возникла тема, которая год назад вызвала такой горячий спор

между их родителями.

– Как только мистер Бингли приедет, мой дорогой, – сказала миссис Беннет, – вы, разумеется, сразу нанесете ему визит.

– О нет! В прошлом году вы заставили меня поехать к нему под обещание, что он, если я сделаю ему визит, женится на одной из моих дочерей. Однако кончилось это ничем, и я не намерен второй раз попадаться на ту же удочку.

Его супруга принялась доказывать, сколь обязательно, чтобы все местные джентльмены побывали у мистера Бингли после его приезда.

– Этикет, который я презираю, – объявил ее супруг. – Если он нуждается в нашем обществе, так пусть сам его ищет. Ему известно, где мы живем. Я не намерен тратить мое время, гоняясь за соседями всякий раз, когда они будут возвращаться после отъезда.

– Ну, я знаю только одно: если вы не поедете к нему, это будет невежливостью, какую и вообразить невозможно. И все равно я приглашу его отобедать у нас, это я положила твердо. Нам так или иначе надобно пригласить миссис Лонг и Голдингов, значит, считая с нами, за столом будет тринадцать, и как раз останется местечко для него.

Утешившись таким решением, она легче смирилась с невежливостью своего супруга, хотя ее и язвила мысль, что вследствие этой невежливости все ее соседи увидятся с мистером Бингли раньше них.

Когда день его возвращения приблизился, Джейн сказала сестре:

– Я начинаю жалеть, что он приезжает. Для меня это ничего не значило бы, я бы увидела его с полным равнодушием, но мне нестерпимо без конца слушать постоянные разговоры о его приезде. У маменьки самые лучшие намерения, но она не знает... никто не может знать... как меня ранит то, что она говорит. Ах, я буду счастлива, когда он снова уедет из Недерфилда!

– Я была бы рада сказать тебе что-нибудь утешительное, – ответила Элизабет, – но это не в моей власти. Тебе придется мучиться и дальше, а я лишена удовольствия, которое получают люди, проповедуя страдальцам набраться терпения. Ведь у тебя его и так с избытком!

И вот мистер Бингли приехал. Миссис Беннет через посредство слуг умудрилась чуть ли не первой узнать об этом, и тем, елико могла, продлила время своих тревог и досады. Она считала дни до того, как правила приличия позволят послать ему приглашение отобедать у них, ведь увидеть его прежде никакой надежды не было. Однако на третий день после его приезда в Хартфордшир она увидела из окна своего будуара, как он миновал ворота и направил лошадь к дому.

Тотчас дочери были призваны вкусить от ее радости. Джейн упрямо

осталась сидеть, но Элизабет из угождения маменьке подошла к окну, посмотрела, увидела рядом с ним мистера Дарси и снова села рядом с сестрой.

– С ним какой-то джентльмен, маменька, – сказала Китти. – Кто бы это мог быть?

– Какой-нибудь друг, душечка. Откуда мне знать!

– О! – сказала Китти. – Он похож на того, который и раньше ездил с ним всюду... мистер... как бишь его? Такой высокий и всегда важничал.

– Боже милостивый! Мистер Дарси! Право, так оно и есть. Ну, любой друг мистера Бингли встретит здесь любезный прием, да только, признаюсь, мне и глядеть на него противно.

Джейн посмотрела на Элизабет с тревогой и сочувствием. Она лишь очень мало знала об их встрече в Дербишире и поэтому сочувствовала неловкости, какую должна была, по ее мнению, испытать сестра, увидев его почти впервые после того письма с объяснениями. Однако неловкость испытывали они обе. Каждая сочувствовала другой и, разумеется, самой себе. А их маменька продолжала тараторить о своей неприязни к мистеру Дарси и о своем решении быть с ним любезной только как с другом мистера Бингли, но они ее не слышали. Для неловкости Элизабет были причины, о которых Джейн и не подозревала. Ведь у нее так и не достало духа показать старшей сестре письмо миссис Гардинер или признаться в изменении своих чувств к Дарси. Для Джейн он оставался человеком, которому Элизабет отказала и достоинства которого не оценила в должной мере. Но сама-то она знала, что именно ему их семья обязана величайшей из услуг и ее чувство к нему, если и не совсем такое нежное, как у Джейн к Бингли, то, во всяком случае, было столь же оправданным и заслуженным. Ее изумление, что он приехал... приехал в Недерфилд, приехал в Лонгборн и сам ищет ее общества, почти не уступало тому, которое она испытала в Дербишире, впервые заметив, как изменилось его поведение.

Краска, которая сбежала с ее лица, вернулась через полминуты и превратилась в нежный румянец, а радостная улыбка добавила блеска ее глазам, когда в этот краткий промежуток она подумала, что его чувства и желания, видимо, все еще остаются прежними. Однако она опасалась поверить этому вполне.

«Прежде я посмотрю, как он будет держаться, – сказала она себе, – а уж тогда будет время питать надежды».

Когда в дверях появился лакей, она склонилась над рукоделием, не решаясь поднять глаза, но тут тревожное любопытство заставило ее

взглянуть на лицо сестры. Джейн выглядела чуть бледнее обычного, однако спокойнее, чем ожидала Элизабет. Когда вошли джентльмены, она чуть порозовела, однако ответила на их поклоны с достаточной непринужденностью, с чинностью, равно свободной как от малейших намеков на досаду, так и от излишней любезности.

Элизабет сказала обоим так мало, как допускала вежливость, и вновь взялась за рукоделие с усердием, какое она знавала редко. Взглянуть на Дарси она позволила себе лишь один раз. Он, как обычно, хранил серьезность и, подумала она, казался более таким, каким был в свой первый приезд в Хартфордшир, чем таким, каким она видела его в Пемберли. Но, быть может, в присутствии ее матери он не мог держаться так, как держался с ее дядей и тетушкой. Догадка очень горькая, но вполне вероятная.

На Бингли она тоже бросила мимолетный взгляд и успела заметить, что его лицо выражало и радость, и смущение. Миссис Беннет встретила его с такой заискивающей любезностью, что ее старших дочерей охватил стыд, тем более что его друга она удостоила лишь холодного церемонного реверанса.

Элизабет, зная, что ее мать обязана последнему спасением ее любимой дочери от несмываемого позора, была особенно ранена и удручена столь неуместным выражением предпочтения.

Дарси осведомился у нее о здоровье мистера и миссис Гардинер – вопрос, который заставил ее смутиться, – а потом почти все время хранил молчание. Он не сел рядом с ней, чем, возможно, его молчание и объяснялось. Однако в Дербишире ведь все было иначе. Там он беседовал если не с ней, то с ее родными. Теперь же миновало несколько минут, а его голос так и не прозвучал. А когда, не в силах совладать с собой, она поднимала взгляд на него, то замечала, что он, пожалуй, смотрит на Джейн не меньше, чем на нее, а чаще просто ни на кого. Больше задумчивости и меньше желания понравиться, чем при их последней встрече. Она почувствовала разочарование и рассердилась на себя за это.

«Могла ли я ожидать иного! – подумала она. – Но почему он приехал?»

Ей не хотелось говорить ни с кем, кроме него, а заговорить с ним она не решалась.

Она осведомилась о здоровье его сестры, но больше не смогла ничего сказать.

– Столько времени прошло, как вы уехали, мистер Бингли! – сказала ее мать.

Он охотно подтвердил это.

– Я уже начинала бояться, что вы больше в Недерфилд не вернетесь. Поговаривали, что к Михайлову дню вы и вовсе собирались отказаться от аренды, однако надеюсь, это неправда. С вашего отъезда тут много каких перемен случилось. Мисс Лукас вышла замуж и зажила своим домом. И одна из моих дочек тоже. Думается, вы про это слышали. А то так даже в газетах прочитали. И в «Тайме» объявление было, и в «Курьере», как мне известно, хотя выражено не так, как следовало бы. Только и сказано было: «Недавно Джордж Уикхем, эсквайр, женился на мисс Лидии Беннет», и ни словечка про ее папеньку, или про место ее жительства, или про что там еще. И ведь писал-то их мой братец Гардинер, так я понять не могу, как он такую промашку допустил! А вы объявление читали?

Бингли ответил, что читал, и принес свои поздравления. Элизабет не смела поднять глаз. А потому не узнала, как принял это Дарси.

– Что может быть восхитительней, чем удачно выдать дочку замуж? – продолжала ее мать. – Да только, мистер Бингли, очень тяжело, что меня с ней разлучили. Они уехали в Ньюкасл, а это где-то там на севере, и останутся там уж не знаю сколько времени. Его полк там стоит; думается, вы слышали, что он оставил ***ширский полк и служит теперь в армии. Слава Богу, у него есть друзья, хотя, пожалуй, и не столько, как он того заслуживает.

Элизабет, зная, что намеки маменьки нацелены на мистера Дарси, сгорала от стыда и еле удерживалась от того, чтобы вскочить и убежать. Однако это наконец принудило ее вступить в разговор, и она осведомилась у Бингли, думает ли он пробыть в деревне долго. Он ответил, что, вероятно, несколько недель.

– Когда вы перестреляете всех своих птиц, мистер Бингли, – сказала ее маменька, – милости просим к нам: настреляйте их, сколько душе угодно, в угодах мистера Беннета. Уж конечно, он счастлив будет услужить вам и все лучшие рощицы прибережет для вас.

Эта совершенно ненужная угодливость еще более усугубила мучения Элизабет. Она не сомневалась, что, возникни сейчас те же прекрасные надежды на будущее, как год назад, все быстро завершилось бы столь же прискорбно. В этот миг она чувствовала, что никакие годы счастья не возместят Джейн или ей подобные минуты мучительного смущения.

«Главное желание моего сердца, – сказала она себе, – больше никогда не встречаться ни с тем, ни с другим. Их общество не может доставить удовольствия, которое бы искупило такой стыд! Если бы мне никогда их больше не видеть!»

Однако мучения, каких не могли бы возместить годы счастья, вскоре

нашли немалое облегчение, когда она заметила, как очарование ее сестры пробуждает прежний пыл у ее бывшего поклонника. Вначале он почти не говорил с ней, но каждые новые пять минут, казалось, приносили ей все большую долю его внимания. Он нашел ее столь же красивой, какой она была год назад, столь же кроткой и естественной, хотя и менее разговорчивой. Джейн никак не хотела, чтобы в ней была замечена даже малейшая перемена, и искренне думала, будто разговаривает так же, как всегда. Но в голове у нее теснилось слишком много мыслей, и порой она умолкала, сама того не замечая.

Когда джентльмены поднялись, прощаясь, миссис Беннет не преминула вспомнить о задуманном приглашении, и оба они были званы и обещали через несколько дней отобедать в Лонгборне.

– Вы же мне должны визит, мистер Бингли, – добавила она. – Ведь когда вы прошлой зимой отбыли в столицу, так прежде обещались пообедать у нас запросто, чуть вернетесь. Видите, я не забыла, и, уж поверьте, я очень огорчилась, когда вы не вернулись и своего обещания не сдержали.

Бингли несколько растерялся при этом упреке и сказал что-то о том, как он сожалеет, что ему помешали дела. После чего гости отправились восвояси.

Миссис Беннет очень хотелось пригласить их остаться и отобедать в Лонгборне в этот же самый день, однако, хотя стол она всегда держала прекрасный, по ее мнению, для человека, относительно которого она лелеяла такие планы, требовалось по меньшей мере две перемены блюд, не говоря уж о том, что пришлось бы ублаготворить аппетит и гордость его друга, имеющего годовой доход в десять тысяч фунтов.

Глава 54

Едва они уехали, как Элизабет вышла погулять, чтобы успокоиться, другими словами, чтобы без помех предаться мыслям, которые могли лишь еще больше ее расстроить. Поведение мистера Дарси озадачило и раздосадовало ее.

«Если он приехал, только чтобы хранить молчание, мрачность и равнодушие, так зачем он вообще приезжал?» – думала она.

И не находила ответа, какой был бы ей приятен.

«Он был по-прежнему любезен, по-прежнему обходителен с дядей и тетусшкой, когда приезжал в Лондон, так почему не со мной? Если он боится меня, зачем приезжать? Если я ему безразлична, зачем молчать? Нестерпимый, нестерпимый человек! Больше не буду о нем думать!»

Это обещание ей невольно пришлось на короткое время сдержать, так как к ней присоединилась Джейн, чье веселое лицо показывало, что недавний визит принес ей больше радости, чем ее сестре.

– Теперь, – сказала она, – когда первая встреча позади, я чувствую себя совершенно спокойной. Я испытала свою силу и больше никогда не стану опасаться его визитов. И рада, что он будет обедать у нас во вторник: тогда другие гости убедятся, что мы друг для друга не более чем обыкновенные равнодушные знакомые.

– О да, очень-очень равнодушные, – ответила Элизабет со смехом. – Ах, Джейн, поберегись!

– Милая Лиззи, не считаешь же ты меня настолько слабой, что мне может угрожать какая-то опасность?

– Тебе, я считаю, угрожает очень большая опасность: что он влюбится в тебя пуще прежнего.

До вторника они больше не видели ни того, ни другого джентльмена, и миссис Беннет, ободренная веселостью и самой обычной учтивостью Бингли во время получасового визита, тем временем вновь принялась строить прежние радужные планы. Во вторник в Лонгборне собралось большое общество, и два гостя, которых ожидали с особым волнением, к чести их пунктуальности, явились далеко не последними. Когда они вошли в столовую, Элизабет с нетерпением ждала, займет ли Бингли то место, которое всегда занимал на прошлогодних званых вечерах, – место рядом с ее сестрой. Их предусмотрительная маменька, думавшая о том же, не пригласила его, как почетного гостя, сесть рядом с ней. Войдя в столовую,

Бингли нерешительно помедлил, но Джейн, волей судеб, посмотрела на него и, волей судеб, улыбнулась, что и решило дело. Он сел рядом с ней.

Элизабет с торжеством взглянула на его друга, но он перенес случившееся с благородным безразличием, и Элизабет решила бы, что Бингли заручился его разрешением на счастье, если бы тут же не заметила, как Бингли покосился на мистера Дарси с выражением полушутливой тревоги.

Во время обеда Бингли всячески выказывал ее сестре свое восхищение, и его поведение, хотя оно было более осмотрительным, чем год назад, не оставило у Элизабет сомнения, что, будь он предоставлен самому себе, его и Джейн счастье в самом скором времени скрепила бы помолвка. Хотя она не осмеливалась поверить в это безоговорочно, но все же испытывала большую радость, наблюдая за ним. Только это и поддерживало ее бодрость, так как настроение ее отнюдь не было веселым. Мистер Дарси сидел рядом с ее матерью и настолько далеко от нее, насколько допускала длина стола. Она знала, как мало удовольствия может такое соседство доставить обоим или сгладить их взаимную неприязнь. Со своего места она не могла услышать, о чем они говорят, но видела, как редко они обменивались хотя бы словом и с какой холодной церемонностью. Неучтивость ее матери причиняла Элизабет особые страдания, когда она думала о том, скольким они ему обязаны, и порой она готова была пожертвовать чем угодно, лишь бы получить право сказать ему, что не вся ее семья остается в неведении о его благородной доброте, и выразить свою безмерную благодарность.

Она надеялась, что в течение вечера какой-нибудь случай сведет их вместе и позволит им вступить в разговор, а не ограничиться лишь церемонным приветствием и прощанием. Время ожидания в гостиной, пока джентльмены сидели за вином, тянулось бесконечно и до такой степени невыносимо скучно, что от тревоги и беспокойства она почти забыла о вежливости. Она ожидала их появления как мига, от которого зависело, окажется ли все-таки этот вечер счастливым для нее.

«Если он и тогда ко мне не подойдет, — думала она, — я навсегда откажусь от него!»

Джентльмены наконец вошли, и по его лицу ей показалось, что ее надежды осуществляются, но, увы! Дамы и девицы окружили стол, за которым мисс Беннет разливала чай, а Элизабет — кофе, столь тесным кольцом, что придвинуть стул поближе к ней было бы невозможно. А при приближении к ним джентльменов одна из барышень загородила ее, шепча:

— Я решила, что нас не разлучат. Зачем они нам, не правда ли?

И Дарси прошел в другой угол комнаты. Элизабет следила за ним взглядом, завидовала всем, с кем он разговаривал, забывала наливать кофе, а потом гневалась на себя за подобную глупость.

«Человек, который получил отказ! Как могла я быть такой дурочкой и поверить, будто его любовь не угасла? Найдется ли хотя бы один мужчина, способный не восстать против такой слабости? Не найти ничего более противного всем их чувствам!»

Однако она чуть-чуть ободрилась, когда он сам принес назад свою кофейную чашку, и она воспользовалась случаем спросить:

- Ваша сестра все еще в Пемберли?
- Да, она останется там до Рождества.
- Совсем одна? Подруги ее покинули?
- С ней миссис Эннесли. Остальные уехали в Скарборо три недели тому назад.

Она не нашла, что сказать еще, но, если бы он хотел поддержать разговор с ней, возможно, ему это удалось бы лучше. Однако он еще несколько минут постоял возле нее в молчании и отошел, только когда юные барышни вновь начали перешептываться.

Затем чайные приборы были убраны, карточные столики разложены, дамы поднялись, и у Элизабет вновь проснулась надежда, что он скоро подойдет к ней. Но тут всем ее упованиям был положен конец, когда она увидела, что он пал жертвой желания ее маменьки составить побольше партий в вист, а несколько минут спустя и ее усадили за другой столик. Никакой радости от вечера она ждать уже не могла. Судьба сулила им провести его за разными столиками, и надеяться ей было больше не на что. Впрочем, его глаза так часто обращались в сторону ее столика, что он играл столь же скверно, как и она.

Миссис Беннет намеревалась удержать недерфилдских джентльменов и на ужин, однако, к ее несчастью, их карету подали прежде других, и она не успела их пригласить.

- Ну, девочки, – начала она, едва они остались одни, – что скажете? Думается мне, все удалось бесподобно. Обед был сервирован так, как не каждый день увидишь. Оленина зажарилась лучше некуда, и все говорили, что такой жирной им еще видеть не доводилось. Суп был в сто раз вкуснее того, какой мы ели на прошлой неделе у Лукасов, и даже мистер Дарси согласился, что куропатки приготовлены на славу, а он, полагаю, держит двух французских поваров, если не всех трех. И, душенька Джейн, я еще никогда не видела тебя в таком авантаже. Так сказала и миссис Лонг, когда я ее спросила, согласна ли она, что ты еще красивее, чем всегда. И как ты

думаешь, что еще она сказала? «Ах, миссис Беннет, все-таки мы наконец увидим ее в Недерфилде». Так и отпечаталя. Миссис Лонг такая добрая душа, я всегда говорила, а племянницы ее очень благовоспитанны, и хорошенькими их уж никак не назовешь. Даже выразить не могу, как они мне нравятся.

Короче говоря, миссис Беннет пребывала на эмпиреях. Поведение Бингли убедило ее, что наконец-то Джейн его окончательно покорила, и, пребывая в столь счастливом настроении, она в мечтах о торжестве своей семьи зашла так далеко, что испытала горькое разочарование, когда он не приехал сделать предложение на следующее же утро.

– День был очень приятным, – сказала мисс Беннет наедине с Элизабет. – И гости были выбраны так удачно, так хорошо подходили друг другу! Надеюсь, в будущем мы станем встречаться часто.

Элизабет улыбнулась.

– Лиззи, не надо! Ты не должна меня подозревать. Это меня обижает. Уверю тебя, я теперь научилась ценить беседы с ним как с интересным умным молодым человеком, но и только. По тому, как он держится со мной, я убедилась, что у него никогда не было намерения расположить меня к себе. Просто его манеры куда очаровательнее, чем у других молодых людей, и он больше стремится быть приятным.

– Какая ты жестокая! – заметила ее сестра. – Не позволяешь мне улыбаться, а сама даешь для этого повод за поводом!

– Как трудно в некоторых случаях добиться, чтобы тебе поверили!

– И насколько невозможно в других!

– Но почему тебе так хочется убедить меня, будто я чувствую больше, чем говорю?

– Право, на этот вопрос я не знаю, как ответить. Мы все любим поучать, хотя научить можем только тому, чего и знать не стоит. Прости меня, но, если будешь настаивать на своем равнодушии, не ищи во мне наперсницу.

Глава 55

Не прошло и несколько дней после этого визита, как мистер Бингли вновь навестил их, и один. Его друг утром уехал в Лондон, но с намерением вернуться через десять дней. Он просидел у них час и был в прекрасном расположении духа. Миссис Беннет пригласила его пообедать с ними, но, всячески выражая свое огорчение, он признался, что уже приглашен.

– Когда вы навестите нас снова, – сказала она, – надеюсь, мы будем более счастливы.

Он с большой радостью, когда угодно и т. д. и т. д., и, с ее разрешения, не стал бы откладывать свой визит.

– Вы не можете приехать завтра?

Да, да, на завтра он никуда не зван, и ее приглашение принял с поспешностью.

Он приехал, и настолько рано, что барышни еще не оделись к обеду, как и их маменька. Миссис Беннет вбежала в комнату дочерей в пеньюаре, с неприбранными волосами, восклицая:

– Душечка Джейн, поторопись! Поспешив вниз! Он приехал... мистер Бингли приехал. Да-да-да! Торопись же, торопись! Сара, сейчас же помогите мисс Беннет надеть платье. Прическа мисс Лиззи подождет.

– Мы спустимся, как только будем готовы, – сказала Джейн, – но, полагаю, Китти уже оделась, она ведь поднялась к себе полчаса назад.

– Ах, поди ты со своей Китти! При чем тут она? Поспешив же, поспешив! Где твой пояс, голубушка?

Однако чуть маменька удалилась, как Джейн отказалась спуститься в гостиную без сестры.

Вечером вновь начались старания оставить их наедине. После чая мистер Беннет удалился в библиотеку, как было у него в обычае, а Мэри поднялась наверх к своему инструменту. Таким образом, две помехи из пяти исчезли, и миссис Беннет довольно долго поглядывала на Элизабет и Кэтрин, подмигивая им, но без всякого толка. Элизабет упрямо не замечала ничего, а Китти, когда наконец заметила, то невинно спросила:

– Что такое, маменька? Почему вы мне все время подмигиваете? Что я должна сделать?

– Ничего, дитя мое, ничего. Я вовсе тебе не подмигивала.

Затем миссис Беннет чинно просидела пять минут, но, не в силах

упустить такой золотой случай, она внезапно встала и, сказав Китти:

– Пойдем, душечка, мне надо с тобой поговорить, – увела ее из гостиной.

Джейн тотчас посмотрела на Элизабет в смущении от столь бесцеремонного маневра, безмолвно умоляя ее остаться во что бы то ни стало. Через минуту миссис Беннет приоткрыла дверь и позвала:

– Лиззи, милочка, мне надо с тобой поговорить.

Элизабет была вынуждена уйти.

– Их надо оставить одних, знаешь ли, – объявила маменька. – Мы с Китти поднимемся ко мне в будуар.

Элизабет не стала возражать матери, однако незаметно задержалась в прихожей, пока миссис Беннет с Китти не поднялись по лестнице, а затем вернулась в гостиную.

Все планы миссис Беннет на этот день завершились неудачей. Бингли был очарователен во всем, но вот с ее дочерью он не объяснился. Его непринужденная веселость весьма украсила их вечер, а неразумные выходки матери и все ее благоглупости он сносил с терпением и невозмутимостью, за что ее дочь была ему чрезвычайно признательна. Он сразу принял приглашение поужинать у них, и, прежде чем он попрощался, было решено, главным образом между ним и миссис Беннет, что утром он приедет поохотиться с ее мужем.

И Джейн больше не говорила о своем равнодушии. Сестры ни единым словом не упомянули Бингли, однако Элизабет отошла ко сну в счастливой уверенности, что все вскоре решится, если только мистер Дарси не вернется ранее намеченного срока. Впрочем, она почти не сомневалась, что все это происходило с согласия вышеупомянутого джентльмена.

Бингли был пунктуален и провел утро с мистером Беннетом, стреляя птиц, как и было уговорено. Последний был много любезнее, чем ожидал его спутник. В Бингли не было ни самомнения, ни глупости, которые могли бы вызвать насмешки мистера Беннета либо заставить в отвращении замолчать. Вот почему Бингли еще ни разу не видел его таким разговорчивым и совсем не эксцентричным.

Разумеется, Бингли отобедал у них после охоты, а вечером миссис Беннет вновь принялась придумывать способы, как увести остальных и оставить его вдвоем с Джейн. Элизабет, которой надо было написать письмо, вскоре после чая уединилась для этой цели в малой столовой, остальные собирались сесть за карты, и ей не требовалось противодействовать маневрам ее маменьки.

Однако, когда Элизабет кончила письмо и вернулась в гостиную, то, к

своему удивлению, увидела, что мать превзошла ее хитроумием. Открыв дверь, она узрела, что ее сестра и Бингли стоят у камина, очень серьезно о чем-то разговаривая. А если бы это не вызвало подозрений, так лица обоих, когда они обернулись и отпрянули друг от друга, сказали бы ей все. Их положение было достаточно неловким, но ее, подумала Элизабет, оказалось куда хуже. Они молчали, и она уже собралась уйти, но тут Бингли, который при ее появлении сел, как и Джейн, внезапно вскочил и, прошептав что-то ее сестре, выбежал из комнаты.

Джейн не могла ничего скрыть от Элизабет, особенно когда признание было радостью, и, тотчас обняв ее, с живейшим чувством сказала, что в мире нет никого счастливее нее.

– Это слишком! – добавила она. – Слишком! Я не заслужила подобного счастья. Ну почему все другие не так счастливы?

Элизабет поздравила ее с искренностью, с жаром, с восторгом, какие нельзя было передать словами. И каждая фраза становилась для Джейн новым источником счастья. Но она не могла позволить себе остаться с сестрой и не сказать хотя бы половину того, что осталось недосказанным.

– Я должна сейчас же пойти к маменьке, – воскликнула она. – Я ни за что на свете не хочу показаться неблагодарной за ее нежную заботливость или допустить, чтобы она услышала об этом не от меня. Он ведь пошел к папеньке. Ах, Лиззи, знать, что моя новость доставит радость всей моей любимой семье! Ну как перенести столько счастья?

Тут она поспешила к матери, которая нарочно расстроила карточную партию и удалилась с Китти к себе в будуар. Элизабет, оставшись одна, улыбнулась тому, как быстро и легко завершилось наконец то, чему они были обязаны столькими горестными месяцами.

«Вот и наступил, – подумала она, – конец всем заботливым мерам предосторожности его друга, всей лжи и уловкам его сестры! Самый счастливый, самый лучший и самый разумный конец!»

Через несколько минут к ней присоединился Бингли, чей разговор с их отцом был коротким и исчерпывающим.

– Где ваша сестра? – торопливо сказал он, едва открыв дверь.

– Наверху у маменьки. Полагаю, она сейчас же вернется.

Тогда он затворил дверь и, подойдя к Элизабет, предъявил свои права на пожелания счастья и на дружбу как его новой сестры. Элизабет от всей души выразила свою радость по поводу их будущего родства. Они обменялись сердечным рукопожатием, и затем до возвращения Джейн ей пришлось выслушивать излияния по поводу его собственного счастья и совершенств ее сестры; и хотя это говорил влюбленный, Элизабет искренне

верила, что его ожидания супружеского счастья имеют под собой надежную основу, так как опираются на благоразумие и чудесный характер Джейн, а также на общность их чувств и вкусов.

Это был очень праздничный вечер для них всех. Свершение мечты мисс Беннет придало ее лицу такое сияние, что она выглядела даже красивей, чем всегда. Китти похихикивала, улыбалась и про себя надеялась, что скоро настанет ее черед. Миссис Беннет не находила слов, чтобы изъяснить согласие и одобрение в меру своих чувств, хотя полчаса говорила с Бингли только о них. А когда мистер Беннет присоединился к ним за ужином, его голос и поведение ясно показывали, как он счастлив.

Однако он ни словом не упомянул об этом, пока их гость не распрощался с ними до следующего дня, но когда за Бингли закрылась дверь, он повернулся к старшей дочери и сказал:

– Джейн, поздравляю тебя, ты будешь очень счастлива.

Джейн тотчас подбежала к нему, поцеловала и поблагодарила за его доброту.

– Ты хорошая девочка, – ответил он, – и мне очень приятно думать, что ты выходишь замуж так удачно. Я не сомневаюсь, что вы очень подойдете друг для друга. В ваших характерах есть много сходства. Вы оба так уступчивы, что ничего не сможете решить окончательно, так покладисты, что прислуга будет вас немилосердно обкрадывать, и так щедры, что ни под каким видом не сумеете уложиться в свой доход.

– Надеюсь, так не будет. Нерасчетливость и небрежность в денежных делах были бы с моей стороны совершенно непростительны.

– Не уложатся в свой доход! Дорогой мистер Беннет, о чем вы говорите? Ведь у него годовой доход в четыре-пять тысяч, а может, и побольше. – Тут она обернулась к дочери: – Душенька, душенька Джейн, я так счастлива! Уж конечно, я всю ночь глаз не сомкну. Я знала, что так и будет. Я всегда говорила, что рано или поздно, а так должно быть. Я же знала, что ты не напрасно такая красавица! Помню, едва я его увидела, когда он только приехал в Хартфордшир в прошлом году, так и подумала, что быть вам вместе. Ах, такого красавца, как он, нигде не найти!

Уикхем и Лидия были мгновенно забыты. Джейн была ее самой-самой любимой дочерью. В эти минуты остальные для нее просто не существовали.

Ее младшие сестры вскоре начали намекать ей на то, как она должна осчастливить их в будущем. Мэри попросила, чтобы ей разрешили пользоваться недерфилдской библиотекой, а Китти начала уговаривать сестру непременно давать в Недерфилде несколько балов каждую зиму.

Теперь Бингли, разумеется, каждый день бывал в Лонгборне, часто приезжая еще до завтрака и непременно уезжая только после ужина, разве что какой-нибудь варвар-сосед, достойный всяческого осуждения, приглашал его к обеду и он считал, что отказаться было бы неучтиво.

Элизабет теперь редко удавалось поговорить с сестрой. Ведь пока Бингли был у них, Джейн никого, кроме него, не замечала. Однако она оказалась весьма полезной им обоим в часы их разлуки, которых не удавалось избежать. В отсутствие Джейн Бингли не отходил от Элизабет, наслаждаясь разговором о ней, а когда Бингли уезжал, Джейн постоянно искала у нее такого же утешения

– Он сделал меня такой счастливой, – сказала она как-то вечером, – когда сказал, что ничего не знал о том, что прошлой весной я была в Лондоне! Я ведь не верила, что это было возможно.

– Я так и подозревала, – сказала Элизабет. – Но как он это объяснил?

– Конечно, все подстроили его сестры. Им же, бесспорно, не нравилось его знакомство со мной, чему я не удивляюсь: ведь он мог рассчитывать на партию, куда более блестящую во многих отношениях. Но, когда они увидят, как я очень надеюсь, что их брат счастлив со мной, они примирятся с нашим браком, и мы опять будем в добрых отношениях. Хотя, конечно, не в таких, как прежде.

– Я еще никогда не слышала от тебя таких непрощающих слов! – сказала Элизабет. – Умница! Мне будет очень досадно увидеть, как тебя вновь обманула притворная дружба мисс Бингли.

– Поверишь ли, Лиззи, когда он уехал в Лондон в прошлом ноябре, он уже любил меня, и вернуться ему помешало только убеждение в моем полном к нему равнодушии!

– Да, он немножко ошибся, но это делает честь его скромности.

Естественно, это подвигло Джейн на панегирик его непритязательности и тому, как мало он сам ценит свои достоинства.

Элизабет обрадовалась, что он умолчал о вмешательстве своего друга, ведь, хотя сердце Джейн было само великодушие и всепрощение, она знала, что этот поступок неминуемо восстановил бы ее против него.

– Ну конечно же, я самое счастливое существо на свете! – воскликнула Джейн. – Ах, Элизабет, почему я взыскана превыше всех моих сестер? Если бы я увидела столь же счастливой и тебя! Если бы и для тебя был еще один такой человек!

– Если бы ты мне подарила хоть сорок таких, все равно я бы не смогла быть столь же счастливой, как ты. Пока я не получу твоего характера, твоей доброты, я не смогу обрести счастья, подобного твоему. Нет-нет, позволь

мне самой о себе позаботиться. И, быть может, если фортуна мне улыбнется, я со временем встречу моего мистера Коллинза.

То, что произошло в лонгборнском доме, не могло долго оставаться в тайне. Миссис Беннет взяла на себя привилегию шепнуть эту новость на ушко миссис Филипс, а та, даже не спросив разрешения, сообщила ее по секрету всем своим меритонским соседкам.

Вскоре Беннетов объявили самой счастливой семьей на свете, хотя всего лишь несколько недель назад, после известия о бегстве Лидии, они, по общему мнению, были обречены одним несчастьем.

Глава 56

Как-то утром, примерно через неделю после помолвки Джейн с Бингли, когда он и барышни с маменькой сидели в малой столовой, стук колес внезапно привлек их взгляды к окну, и они увидели, что к дому подъезжает дорожная коляска, запряженная четверней. Для визитов час был слишком ранний, а к тому же такого экипажа никто из их соседей не имел. Лошади были почтовыми, а ливрею форејтора, как и коляску, они прежде не видели. Однако кто-то, несомненно, к ним приехал, и Бингли тут же уговорил мисс Беннет избежать стеснительного посещения, отправившись с ним на прогулку в сад. Они тотчас ушли, а оставшиеся продолжали строить догадки, хотя и без малейшего успеха, пока дверь не распахнулась и в нее не вошла леди Кэтрин де Бэр.

Они, разумеется, были готовы удивиться, но удивление это превзошло все их ожидания, причем изумление миссис Беннет и Китти, хотя они понятия не имели, кто она такая, уступало тому, что почувствовала Элизабет.

Леди Кэтрин вошла в столовую даже с более презрительным видом, чем обычно, на приветствие Элизабет ответила лишь легким наклоном головы и села, не произнеся ни слова. Когда леди Кэтрин вошла, Элизабет успела назвать ее имя матери, хотя ее милость как будто собиралась обойтись без представлений.

Миссис Беннет, в полном изумлении, хотя и польщенная тем, что принимает под своим кровом столь высокую гостью, приняла ее с величайшей любезностью. Просидев минуту в молчании, леди Кэтрин сказала Элизабет с чрезвычайной сухостью:

– Надеюсь, вы в добром здравии, мисс Беннет? Эта дама, полагаю, ваша матушка?

Элизабет кратко ответила, что она не ошиблась.

– Это, полагаю, одна из ваших сестер?

– Да, сударыня, – сказала миссис Беннет, в восторге от случая поговорить с такой знатной особой, как леди Кэтрин де Бэр. – Моя младшенькая, если не считать еще одной. А самая младшенькая недавно вышла замуж, ну а старшая гуляет где-то в парке с молодым человеком, который, надеюсь, вскоре станет членом нашей семьи.

– У вас очень маленький парк, – объявила леди Кэтрин после короткого молчания.

– Думается, миледи, в сравнении с Розингским он и вправду мал, но позвольте вас заверить, что он куда обширнее, чем у сэра Уильяма Лукаса.

– Для летних вечеров, вероятно, эта гостиная очень неудобна, ведь окна обращены прямо на запад.

Миссис Беннет заверила ее, что они никогда не сидят тут после обеда, а затем добавила:

– Могу ли я взять на себя смелость спросить у вашей милости, оставили ли вы мистера и миссис Коллинз в добром здравии?

– Да. Они совершенно здоровы. Я видела их позавчера вечером.

Элизабет подумала, что сейчас она достанет письмо от Шарлотты, так как не находила иного объяснения этому визиту. Но письма, видимо, не было, и она осталась в полном недоумении.

Миссис Беннет с величайшим радушием пригласила ее милость перекусить с дороги, но леди Кэтрин весьма решительно и не слишком вежливо отказалась, а затем встала и обратилась к Элизабет:

– Мисс Беннет, по ту сторону вашей лужайки я заметила красивую рощицу и хотела бы погулять там, если вы не откажете мне в своем обществе.

– Иди, иди, душечка, – вскричала ее маменька, – и покажи ее милости лучшие дорожки. Думается, ей понравится павильон для уединений.

Элизабет подчинилась и, быстро сбегав к себе за летним зонтиком, сопровождала знатную гостью через прихожую. Леди Кэтрин не преминула открыть двери парадной столовой, а затем гостиной и, объявив после краткого осмотра, что они недурны, прошествовала дальше.

Дорожная коляска так и стояла у дверей, и Элизабет заметила в ней камеристку ее милости. Они молча пошли по усыпанной песком дорожке к роще. Элизабет твердо решила самой не начинать разговора с женщиной, которая была груба и высокомерна даже больше обычного.

«И как только я могла думать, будто она похожа на своего племянника», – подумала Элизабет, покосившись на ее лицо.

Едва они вошли в рощу, как леди Кэтрин начала так:

– Вы, разумеется, понимаете, мисс Беннет, какая причина заставила меня приехать сюда. Ваше сердце, ваша совесть должны сказать вам, почему я здесь.

Элизабет посмотрела на нее в непритворном изумлении:

– Право, вы ошибаетесь, сударыня. Я так и не поняла, чему обязана честью видеть вас здесь.

– Мисс Беннет, – ответила ее милость сердитым тоном, – вам следовало бы знать, что со мной не следует шутить. Однако, какой бы

неискренней вы ни решили быть, меня вы в этом упрекнуть не сможете. Я всегда славилась искренностью и прямоотой, а в подобном важном деле тем более не отступлю от своих правил. Два дня назад я получила известие, чрезвычайно меня встревожившее. Мне было сообщено, что не только ваша сестра должна в самое ближайшее время сделать весьма хорошую партию, но что и вы, мисс Элизабет Беннет, по всей вероятности, вскоре затем соединитесь узами брака с моим племянником, моим собственным племянником, мистером Дарси! Хотя я знаю, что это лишь скандальная сплетня, хотя я не оскорблю его предположением, что в ней может быть хотя бы крупинка правды, я тотчас решила отправиться сюда, дабы поставить вас в известность о том, каковы мои взгляды на этот предмет.

– Если вы полагаете, что тут не может быть и крупинки правды, – сказала Элизабет, краснея от неожиданности и презрительного негодования, – то меня удивляет, почему вы взяли на себя труд отправиться в такую даль. Какую цель преследует ваша милость?

– Немедленно настоять, чтобы сплетня эта была во всеуслышание опровергнута.

– Ваш приезд в Лонгборн, чтобы увидеть меня и мою семью, – холодно сказала Элизабет, – скорее послужит подтверждением ей, если, разумеется, такие сплетни действительно ходят.

– Если! Так вы делаете вид, будто ничего не знаете о них? Да разве же не все вы тут усердно распускали эти слухи? И вы не знаете, что об этом всюду говорят?

– Я ничего подобного не слышала.

– И будете утверждать, что для такого слуха нет никакого основания?

– Я не берусь равняться откровенностью с вашей милостью. Ваше право задавать вопросы, а мое – не отвечать на них.

– Это нестерпимо! Мисс Беннет, я требую удовлетворительного ответа! Он, мой племянник, сделал вам предложение вступить с ним в брак?

– Ваша милость заявила, что в этом не может быть и крупинки правды.

– Да, бесспорно, подобное невозможно, пока он сохраняет хоть каплю рассудка. Но ваше хитрое кокетство и обольщения могли в минуту ослепления заставить его забыть о долге перед собой и перед своей семьей. Вы могли завлечь его.

– Если так, то я ни в коем случае в этом не призналась бы.

– Мисс Беннет, вы знаете, кто я? Я не привыкла, чтобы со мной разговаривали в таком тоне. Я почти самая близкая его родственница и имею право знать все, что до него касается.

– Но знать все, что касается меня, у вас никакого права нет. И подобные настояния не принудят меня быть откровеннее.

– Я выражусь яснее. Этого брака, о котором вы осмелились возмечтать, не будет. Никогда. Мистер Дарси помолвлен с моей дочерью. Так что вы скажете теперь?

– Только одно. Если это так, у вас нет причин полагать, что он сделает предложение мне.

Леди Кэтрин поколебалась, а затем продолжала:

– Их помолвка особого рода. С младенчества они предназначались друг для друга. Это было желанием и его матери, а не только моим. Над их колыбелями мы обдумывали их союз. И теперь, в минуту, когда желанию двух сестер настало время сбыться в соединении их рук и сердец, какая-то девица невысокого происхождения, не принятая в свете и не состоящая ни в каком родстве с нашей семьей, расстроит их брак! Вы не считаетесь с желанием его близких? С тем, что он почти жених мисс де Бэр? Вы совсем забыли требования приличий и стыд? Разве вы не слышали, как я сказала, что с самого появления на свет он предназначался для своей кузины?

– Да, и слышала прежде. Но какое дело до этого мне? Если бы против моего брака с вашим племянником не было бы иных возражений, мне, бесспорно, ничуть не помешало бы сообщение, что его мать и тетка желали, чтобы он женился на мисс де Бэр. Вы обе сделали все, что могли, замыслив этот брак. Но заключение его зависит от других. Если ни честь, ни чувства не связывают мистера Дарси с его кузиной, почему ему не сделать другого выбора? А если он выбрал меня, почему я не могу дать ему согласия?

– Потому что честь, приличия, благоразумие и даже собственные интересы запрещают вам это, мисс Беннет. Да, ваши собственные интересы, ибо не ждите, что его близкие и друзья снизойдут до вас, если вы упрямо пойдете наперекор желанию их всех. Вас будут осуждать и презирать, вам будут поворачивать спину те, кто так или иначе связан с ним. Ваш брак обернется позором, никто из нас даже не упомянет вашего имени!

– Тяжкие несчастья, – ответила Элизабет. – Однако жена мистера Дарси, разумеется, будет располагать столькими неотъемлемыми от этого положения источниками счастья, что у нее вряд ли будет повод раскаиваться в своем решении.

– Упрямая, самовольная девчонка! Мне стыдно за вас! Такова ваша благодарность за мое внимание к вам прошлой весной? И вы мне ничем не обязаны? Нам лучше сесть. Вы должны понять, мисс Беннет, что я

приехала сюда с непоколебимым намерением настоять на своем, и я от него не откажусь! Я не привыкла уступать чьим бы то ни было капризам. У меня нет обыкновения смиряться с разочарованием.

– В таком случае нынешнее положение вашей милости достойно жалости, но меня это никак не касается.

– Не смей меня перебивать! Слушайте и молчите! Моя дочь и мой племянник созданы друг для друга. С материнской стороны они потомки одной знатной фамилии, а с отцовской – происходят из почтенных, уважаемых, старинных, хотя и нетитулованных, родов. Состояния и ее, и его великолепны, они суждены друг другу по единогласному решению всех членов их домов. И что же может разлучить их? Наглые притязания девицы, не знатной, не родовитой, не богатой! Можно ли стерпеть подобное? Но этого быть не должно и не будет! Если вы желаете добра себе, так не станете покидать круг, в котором выросли.

– Выходя замуж за вашего племянника, я вовсе не покину этот круг. Он джентльмен, а я дочь джентльмена, и в этом мы равны.

– Верно. Вы дочь джентльмена. Ну а ваша мать? Кто такие ваши дядья и тетки? Не воображайте, будто мне не известно, какого они сословия.

– Кем бы ни были мои родственники, – сказала Элизабет, – если ваш племянник ничего против них не имеет, вас они не касаются.

– Ответьте мне раз и навсегда: вы помолвлены с ним или нет?

Хотя Элизабет не стала бы отвечать на этот вопрос, только чтобы угодить леди Кэтрин, после недолгого размышления она все-таки сказала:

– Нет, я с ним не помолвлена.

Леди Кэтрин, казалось, была очень довольна.

– И вы обещаете мне никогда не соглашаться на такую помолвку?

– Подобного обещания я не дам.

– Мисс Беннет, я изумлена и возмущена! Я ожидала, что найду в вас больше благоразумия. Но не обманывайте себя надеждой, что я уступлю. Я не уеду, пока не получу от вас заверения, которого требую.

– А я, бесспорно, никогда его не дам. Меня нельзя принудить ни к чему столь нелепому. Ваша милость желает, чтобы мистер Дарси женился на вашей дочери, но разве мое обещание, на котором вы настаиваете, сделает их брак более вероятным? Предположим, он удостоил меня своего расположения, так неужели мой отказ принять его руку и сердце пробудит в нем желание предложить их своей кузине? Позвольте мне сказать, леди Кэтрин, что доводы, которыми вы подкрепляли это неслыханное требование, были настолько же пустыми, насколько само оно было неразумным. Вы очень ошибаетесь во мне, если полагаете, что на меня

можно повлиять подобными уговорами. Насколько ваш племянник одобрит подобное вмешательство в его дела, я судить не могу, но у вас нет ни малейшего права вмешиваться в мои. Поэтому я должна просить, чтобы мне больше не докучали подобными разговорами.

– Не так быстро, с вашего разрешения. Я отнюдь не закончила. Ко всем возражениям, каковые я уже перечислила, я могу добавить еще одно. Подробности позорного бегства вашей младшей сестры не остались неизвестными мне. Я знаю все – что брак этого молодого человека с ней был устроен задним числом и оплачен вашими отцом и дядей. И такая негодница станет сестрой моего племянника! И ее муж, сын управляющего его покойного отца, будет его братом? Силы небесные! О чем вы думаете? Неужто сень Пемберли будет так осквернена?

– Теперь вам, видимо, больше нечего мне сказать, – гневно ответила Элизабет. – Вы оскорбили меня, как только могли. Прошу извинить меня, я возвращаюсь домой.

С этими словами она встала. Встала и леди Кэтрин, и они пошли назад рядом. Ее милость кипела от негодования.

– Так, значит, вас нисколько не заботят честь и достоинство моего племянника! Бесчувственная, себялюбивая девчонка! Вы не задумываетесь о том, что брак с вами опозорит его в глазах света?

– Леди Кэтрин, мне больше нечего сказать. Вам известно, как я смотрю на все это.

– Так, значит, вы решили выйти за него?

– Я ничего подобного не говорила. И единственно решила поступать таким образом, какой, по моему собственному мнению, будет наиболее способствовать моему счастью, не считаясь ни с вашим мнением, ни с мнением всех посторонних мне людей.

– Отлично. Значит, вы отказываетесь уступить моим настояниям. Отказываетесь подчиниться требованиям долга, чести и благодарности. Вы решили погубить его во мнении всех его друзей и навлечь на него презрение всего света.

– Ни долг, ни честь, ни благодарность, – ответила Элизабет, – ни к чему меня в этом случае не обязывают. Мой брак с мистером Дарси ни в чем не был бы их нарушением. А что до возмущения его родных или негодования света, то, если его брак со мной вызовет первое, я ничуть не огорчусь, ну а у света хватит здравого смысла этого возмущения не разделить.

– А, так вот что вы думаете на самом деле! Таково ваше окончательное решение! Отлично. Теперь я знаю, как действовать. Не воображайте, мисс

Беннет, будто ваши коварные замыслы когда-либо осуществляются. Я приехала испытать вас. Я надеялась найти вас благоразумной. Но, поверьте, я на своем настою.

И леди Кэтрин продолжала в том же духе, пока они не поравнялись с дверцей коляски, а тогда, поспешно обернувшись, она добавила:

– Я не прощаюсь с вами, мисс Беннет, не прошу передать поклона вашей матери. Вы не достойны таких знаков внимания. Я весьма вами недовольна.

Элизабет ничего не ответила, не стала уговаривать ее милость вернуться в дом, а просто направилась к дверям. Поднимаясь по лестнице, она слышала удаляющийся стук колес. Маменька неторопливо вышла к ней навстречу из будуара и осведомилась, почему леди Кэтрин не соблаговолила отдохнуть у них.

– Не захотела, – ответила Элизабет. – Она торопилась уехать.

– Такая авантажная дама! И какая обходительность! Ведь, как я поняла, она нанесла нам визит, только чтобы сказать, что Коллинзы здоровы. Думается, она едет куда-то через Меритон и решила по дороге повидать тебя. Ничего такого важного, Лиззи, она ведь тебе не сказала, а?

Элизабет тут пришлось пойти на маленькую ложь, ведь пересказать суть их разговора она никак не могла.

Глава 57

Бурю чувств, которую вызвал у Элизабет этот ни с чем не сообразный визит, было нелегко успокоить, и еще много часов она не могла думать ни о чем другом. Леди Кэтрин, несомненно, предприняла долгий путь из Розингса с единственной целью расторгнуть ее предполагаемую помолвку с мистером Дарси! Бесспорно, логичный план! Но как возник слух об их помолвке – вот этого Элизабет не могла даже вообразить. Но затем ей пришло в голову, что ожидание одной свадьбы всегда заставляет гадать о следующей, а он – ближайший друг Бингли, она – сестра Джейн, и этого было вполне достаточно, чтобы навести кого-нибудь на подобную мысль. Она ведь и сама чувствовала, что после брака ее сестры их встречи с Дарси должны стать более частыми. И ее соседи в Лукас-Лодж (она заключила, что слух о ее помолвке мог достичь леди Кэтрин только благодаря их переписке с Коллинзами) всего лишь приняли за решенное и скорое то, о чем сама она думала лишь как о возможном когда-нибудь в будущем.

Однако, перебирая в уме все, что ей наговорила леди Кэтрин, она невольно встревожилась из-за того, чем могла обернуться такая настойчивость ее милости. Гневные возгласы, что она этого брака не допустит, возможно, подразумевали намерение воззвать к своему племяннику, и Элизабет страшилась даже подумать о том, как он отнесется к такому изложению бедствий, угрожающих ему от брака с ней. Ей не было известно, насколько сильна его любовь к тетке или ее влияние на него, однако было лишь естественным предположить, что он питает к ее милости гораздо больше уважения, чем она. К тому же, перечисляя все ужасные последствия от выбора жены, чьи родственные связи настолько ниже его собственных, тетка подошла бы к нему с самой уязвимой его стороны. Понятия о важности его собственного положения, возможно, внушат ему мысль, что доводы, которые Элизабет сочла легковесными и нелепыми, содержат много верного и опираются на здравый смысл.

Если он, как ей казалось, и прежде колебался, то советы и мольбы столь близкой родственницы способны были рассеять его сомнения и убедить, что истинное счастье он может обрести, лишь ничем не унизив своего достоинства. В этом случае в Недерфилд он не вернется. Леди Кэтрин может поговорить с ним, возвращаясь через Лондон, и он найдет предлог, чтобы не сдерживать обещания, данного Бингли.

«Следовательно, если его друг в ближайшее время получит от него

письмо с извинениями, – добавила она, – я буду знать, какой из этого следует сделать вывод. Тогда я откажусь от всех надежд, всех упований на его постоянство. Если ему будет довольно лишь сожалений обо мне, хотя он мог бы получить мою любовь вместе с моей рукой, то я вскоре перестану сожалеть о нем».

Удивление остальных членов семьи, когда они узнали, кто удостоил их посещения, было очень велико, но им пришлось довольствоваться теми же предположениями, какие умиротворили любопытство миссис Беннет, и Элизабет была избавлена от неприятных расспросов.

На следующее утро, когда она спустилась вниз, навстречу ей из библиотеки вышел ее отец с письмом в руке.

– Лиззи, – сказал он, – а я как раз ищу тебя. Пойдем ко мне.

Она последовала за ним в библиотеку, теряясь в догадках, о чем он намерен поговорить с ней, и ее любопытство усугублялось уверенностью, что это как-то связано с получением письма. Внезапно ее поразила мысль, что оно может быть от леди Кэтрин, и она с ужасом подумала об объяснениях, которые ей предстоят.

Она села в кресло у камина напротив отца, и он сказал:

– Утром принесли письмо, чрезвычайно меня изумившее. Так как оно посвящено главным образом тебе, ты должна узнать его содержание. А я и не знал, что не одна, но две мои дочери вот-вот выйдут замуж. Дозволь поздравить тебя с весьма славной победой.

К щекам Элизабет прихлынула краска: ее осенила мысль, что письмо это вовсе не от тетки, а от племянника, и она не знала, то ли радоваться, что он все-таки объяснился, то ли обидеться, что написал он не ей. Но тут ее папенька заговорил снова:

– Ты как будто что-то знаешь. В подобных делах вы, девицы, очень проницательны. Однако могу поспорить, что даже твой острый ум не отгадает имя твоего воздыхателя. Письмо это от мистера Коллинза.

– От мистера Коллинза! И что же такого он нашел сообщить?

– Нечто весьма и весьма уместное, и в самую цель, как же иначе? Начал он с поздравлений по поводу приближающегося бракосочетания моей старшей дщери, о каковом, по-видимому, его известил кто-то из Лукасов, больших любителей посплетничать из самых лучших намерений. Не стану злоупотреблять твоим терпением и читать все, что ему было благоугодно написать по этому поводу. А о тебе говорится вот что: «Итак, принеся вам самые сердечные поздравления от миссис Коллинз и меня с сим счастливым событием, прошу вашего дозволения добавить краткий намек касательно другого такого же, о коем мы узнали от той же особы.

Как полагают, ваша дочь Элизабет будет недолго носить фамилию Беннет после того, как старшая сестрица ее сменит, и избранного ею спутника на стезе жизни, не преувеличивая, можно назвать среди самых высоких персон нашей страны».

– Лиззи, ты способна догадаться, кого он имеет в виду? «Сей юный джентльмен особо благословлен всеми благами, какие только может пожелать сердце смертного, – великолепным состоянием, знатной родней и большим числом приходов. И все же, вопреки сим соблазнам, позвольте мне остеречь мою кузину Элизабет и вас от тех злосчастий, кои вы можете навлечь на себя слишком поспешным принятием предложения одного джентльмена, хотя, разумеется, вы будете склонны сделать сие немедленно». Лиззи, тебе так и не пришло в голову, о ком речь? Но вот тайна раскрывается. «Я счел себя обязанным предупредить вас из следующих побуждений. У нас есть основания полагать, что его тетушка, леди Кэтрин де Бэр, не смотрит на сей брак благосклонным взглядом».

– Как видишь, это мистер Дарси! Думаю, Лиззи, ты изумлена. Мог ли он – или Лукасы – избрать среди круга наших знакомых другого человека, чье имя с такой полнотой опровергало бы их утверждения? Мистер Дарси, который обращает свой взор на барышень, только чтобы найти в них те или иные недостатки, и который, вероятно, ни разу в жизни даже не посмотрел на тебя! О, восхитительно!

Элизабет попыталась разделить веселье своего папеньки, но сумела лишь с трудом улыбнуться. Никогда еще он не избирал для своего остроумия тему, более ей неприятную.

– Неужели тебе не смешно?

– О да, очень. А что он пишет дальше?

– «Когда о вероятности сего брака было вчера вечером сообщено ее милости, она тотчас с обычной своей снисходительностью выразила все, что думала по его поводу, из чего последовало, что по причине неких возражений против родства моей кузины она никогда не даст согласия на подобный, как она выразилась, мерзкий мезальянс. Я счел своей обязанностью незамедлительно поставить мою кузину в известность о сем, дабы она и ее благородный воздыхатель представляли все последствия такого шага и не поторопились связать себя узами, не получившими надлежащего благословения». Кроме того, мистер Коллинз добавляет: «Я истинно возликовал, узнав, что прискорбная ошибка моей кузины Лидии была столь успешно замята, и скорблю лишь о том, что их сожителство до брака получило слишком широкую огласку. Однако мне не должно небрежью обязанностями моего сана, и я не могу не объявить, сколь удивлен был,

узнав, что вы приняли молодую пару в своем доме, едва они вступили в брак. Это потакание пороку, и будь я лонгборнским священнослужителем, то сурово воспротивился бы сему. Вы, разумеется, должны простить им как христианин, но притом никогда не допускать их к себе на глаза и воспретить упоминать их имена в вашем присутствии». Таковы его понятия о христианском прощении! Остальное письмо посвящено положению его дорогой Шарлотты и его ожиданию юной оливковой ветви. Но, Лиззи, письмо тебя словно бы ничуть не позабавило. Уповаю, ты не станешь жеманиться и делать вид, будто тебя задела эта пустая болтовня. Ведь мы живем для того, чтобы развлекать наших соседей и, в свою очередь, посмеиваться над ними.

– Ах, – вскричала Элизабет, – меня оно очень рассмешило. Но так странно!

– Потому-то и смешно. Если бы они выбрали кого-нибудь другого, была бы лишь пустая сплетня, но его полное равнодушие и твоя глубокая к нему неприязнь придают ей восхитительную нелепость! Хотя я не терплю писать письма, но от переписки с мистером Коллинзом не откажусь ни за что на свете. Право, читая его письмо, я готов отдать ему предпочтение даже перед Уикхемом, как ни ценю я бесстыдство и лицемерие моего зятюшки. Но, Лиззи, что сказала леди Кэтрин по поводу этой новости? Она приезжала отказать в своем благословении?

На этот вопрос его дочь ответила только смехом, а так как задан он был без всякой задней мысли, то, к ее большому облегчению, мистер Беннет его не повторил. Никогда еще Элизабет не было так трудно представлять свои чувства прямой противоположностью тем, какими они были на самом деле. Приходилось смеяться, когда ей больше хотелось плакать. Ее отец жестоко ранил ее своими словами о равнодушии к ней мистера Дарси. И ей оставалось только дивиться подобной слепоте или страшиться, что не он увидел слишком мало, но она вообразила слишком много.

Глава 58

Мистер Бингли не только не получил от своего друга письма с извинениями, как почти ожидала Элизабет, но, напротив, появился в Лонгборне с Дарси всего лишь через несколько дней после визита леди Кэтрин. Они приехали рано, и, прежде чем миссис Беннет успела сообщить Дарси о визите его тетки, чего страшилась ее дочь, Бингли, которому хотелось побыть наедине с Джейн, предложил им всем пойти погулять и получил согласие. Правда, миссис Беннет прогулок не любила, а у Мэри не было времени на пустые развлечения, но остальные пятеро вышли из дома вместе. Впрочем, Бингли и Джейн вскоре заметно отстали, предоставив Элизабет, Китти и Дарси развлекать друг друга разговором. Однако все трое молчали. Китти так боялась его, что не смела рта раскрыть, Элизабет втайне принимала отчаянное решение, и, возможно, его мысли были заняты тем же.

Они направились к парку Лукасов, так как Китти захотела навестить Марию. Однако Элизабет отказалась присоединиться к ней и, когда Китти рассталась с ними, смело пошла дальше вдвоем с Дарси. Теперь настала минута привести в исполнение принятое решение. И пока смелость ей не изменила, она заговорила первой:

– Мистер Дарси, я очень эгоистичное существо и, ища облегчения своим чувствам, пренебрегу тем, что могу ранить ваши. Я долее не в силах медлить и хочу поблагодарить вас за несравненную доброту к моей бедной сестре. С тех пор, как я все узнала, мне безмерно хотелось сказать вам, как безгранична моя признательность. Если бы о вашей доброте знали мои родители и сестры, мне не пришлось бы выражать лишь мою благодарность.

– Мне жаль, чрезвычайно жаль, – ответил Дарси изумленно и с глубокой искренностью, – что вы получили сведения, которые при неправильном истолковании могли вас расстроить. Я не думал, что миссис Гардинер не умеет хранить секреты.

– Не вините тетушку. Лидия по легкомыслию проговорила при мне о вашем участии в устройстве ее брака, и, разумеется, я не могла успокоиться, пока не узнала подробности. Позвольте же мне еще и еще раз поблагодарить от имени всей моей семьи за сострадание и великодушие, которые заставили вас обречь себя стольким хлопотам и тягостным часам, лишь бы отыскать их.

– Если уж вы настаиваете, – ответил он, – благодарите меня лишь от своего имени. Не стану отрицать, что желание обрадовать вас могло придать силу другим побуждениям, которые руководили мной. Но ваши близкие мне ничем не обязаны. Как я ни уважаю их, думал я о вас одной.

Элизабет от смущения не могла вымолвить ни слова, и после некоторого молчания он добавил:

– Вы слишком великодушны, чтобы играть моими чувствами. Если ваши остались теми же, какими были в апреле, скажите мне это сейчас. Мои чувства и надежды остались прежними, но одно ваше слово, и я больше никогда о них не упомяну.

Элизабет, хорошо понимая, какую неловкость и тревогу должен он испытывать, заставила себя заговорить и тут же, хотя и довольно сбивчиво, дала ему понять, что с того времени, о котором он упомянул, в ее сердце произошли весьма значительные перемены и нынешние его заверения она примет с благодарностью и радостью. Пожалуй, он еще никогда не испытывал счастья, равного тому, которое подарил ему этот ответ, и он излил свои восторги с красноречием и пылкостью, на какие только способен влюбленный. Если бы Элизабет была в силах встретить его взгляд, она бы увидела, как идет ему выражение безмерной радости, озарившей его лицо. Но если она не могла смотреть, зато могла слушать, и он поведал ей о чувствах, которые, доказывая, сколь она дорога ему, с каждой минутой делали его любовь еще бесценнее для нее.

Они шли, не замечая куда. Столько надо было обдумать, и почувствовать, и сказать, что остальное было забыто. Она вскоре узнала, что нынешним своим счастливым объяснением они обязаны его тетке, которая, возвращаясь через Лондон, и правда побывала у него, чтобы рассказать о своей поездке в Лонгборн, о причине этой поездки и о разговоре с Элизабет, упирая на каждую фразу, какая, по мнению ее милости, особенно доказывала упрямство и заносчивость последней, в чаянии, что такое изобличение поспособствует ей получить от племянника обещание, которым не удалось заручиться в Лонгборне. Но, к несчастью для ее милости, добилась она прямо противоположного.

– Ее рассказ внушил мне надежду, – сказал Дарси, – какой прежде я себе не позволял. Я достаточно хорошо узнал ваш характер и не сомневался, что реши вы бесповоротно отвергнуть меня, то сказали бы об этом леди Кэтрин прямо и откровенно.

Элизабет порозовела и засмеялась, прежде чем ответить:

– Да, вы так хорошо узнали мою откровенность, что поверили, будто я способна даже на подобное. Непростительно черня вас в глаза, разумеется,

я не постеснялась бы чернить вас и всем вашим близким.

– Но что вы говорили обо мне такого, чего я не заслужил бы сполна? Ведь, хотя ваши обвинения были необоснованными и опирались на неверные предпосылки, мое поведение с вами в то время было достойно самого сурового порицания. Оно непростительно. Я не могу вспомнить о нем без отвращения и стыда.

– Не будем ссориться из-за того, кому надлежит больше стыдиться того вечера, – сказала Элизабет. – Если судить строго, поведение нас обоих было далеко не безупречным, но с тех пор мы, я надеюсь, стали более благовоспитанными.

– Я не могу столь легко примириться с собой. Воспоминания о том, что я тогда наговорил, о моем поведении, моих манерах, о выражениях, которые я употреблял на протяжении всего разговора, теперь, как уже в течение многих месяцев, невыразимо мучительны для меня. Ваш столь справедливый упрек я никогда не забуду: «Если бы вы вели себя, как подобает джентльмену». Вот что вы сказали. Вы не знаете, вы вряд ли сможете вообразить, как эти слова терзали меня, хотя, признаюсь, прошло некоторое время, прежде чем я опомнился настолько, чтобы признать их справедливость.

– Я, бесспорно, не ожидала, что они могли произвести столь сильное впечатление. И не могла бы представить себе, что они были восприняты так.

– Без труда поверю. Тогда вы полагали, что я лишен всех благородных чувств, в этом я уверен. И никогда не забуду выражения вашего лица, когда вы сказали, что, в каких бы словах я ни предложил вам свою руку, они не убедили бы вас принять ее.

– Ах, не повторяйте того, что я тогда наговорила! Ни к чему перебирать эти воспоминания. Уверяю вас, я уже давно до глубины души стыжусь моих слов.

Дарси упомянул о своем письме.

– А оно... – сказал он, – как скоро оно помогло вам думать обо мне лучше? Прочитав его, вы поверили моим оправданиям сразу?

Она рассказала, как письмо подействовало на нее и как постепенно ее прошлое предубеждение против него рассеялось.

– Я знал, когда писал его, – сказал он, – что причиню вам боль, но не мог иначе. Надеюсь, вы его уничтожили. Особенно ужасна одна его часть, самое начало. Я содрогаюсь при мысли, что вы могли бы вновь его перечесть. Некоторые выражения, к которым я там прибегнул, могут и сейчас внушить вам ко мне заслуженную ненависть.

– Письмо непременно будет сожжено, если вы полагаете это необходимым, чтобы сохранить мое расположение к вам. Хотя у нас обоих есть достаточные основания считать, что мое мнение не столь уж непоколебимо, однако, уповаю, оно все-таки не настолько зыбко, как подразумевают ваши опасения.

– Когда я писал это письмо, – ответил Дарси, – я верил, будто сохраняю полное спокойствие и хладнокровие, но с тех пор пришел к выводу, что писалось оно в самом горьком ожесточении духа.

– Быть может, письмо и было начато в ожесточении, но кончилось оно совсем иначе. Слова прощания были само милосердие. Но больше не думайте о нем. Чувства того, кто писал его, и той, кому оно предназначалось, теперь настолько отличны от тогдашних, что все неприятные обстоятельства, с ним связанные, следует забыть. Вам надобно заимствовать немного моей философии. Думайте о прошлом лишь тогда, когда оно будит одни приятные воспоминания.

– Я не поверю, что вы исповедуете подобную философию. Вам настолько не в чем упрекнуть себя в этом прошлом, что покой, который дарит вам память, рождает не философия, а то, что много лучше: неведение. Но со мной дело обстоит по-другому. Тягостные воспоминания всплывают в памяти, и их нельзя, их не должно подавлять. Всю жизнь я вел себя как эгоист, хотя и не по убеждению. Ребенком меня научили тому, что хорошо, а что дурно, но не научили управлять своим характером. В меня заложили добрые нравственные начала, но допустили, чтобы над ними возобладали гордыня и самомнение. К несчастью, меня как единственного сына (а долгое время и как единственного ребенка) родители совершенно избаловали. Хотя собственные их натуры не оставляли желать лучшего (особенно моего отца, который был сама благожелательность и доброта), они позволяли мне... нет, поощряли, почти учили меня быть эгоистичным и спесивым, пренебрегать всеми, кто не принадлежал к кругу нашей семьи, питать презрение к остальному миру, во всяком случае, внушать себе, что ничьи достоинства и положение вне этого круга не идут ни в какое сравнение с моими. Вот каким я был с восьми до двадцати восьми лет, и таким я мог бы остаться, если бы не вы, прекраснейшая, пленительнейшая Элизабет! Чем я только вам не обязан! Вы преподали мне урок, очень тяжкий вначале, но несравненно полезный. Вы поставили меня на место и научили смирению. Я пришел к вам, не сомневаясь в вашей согласии. Вы показали мне, сколь недостаточны все мои притязания для того, чтобы завоевать расположение женщины, достойной такого завоевания.

– Так вы не сомневались в нем?

– О да! Что вы подумаете о моем тщеславии? Я верил, что вы ждете, что вы ищите моего признания.

– Виной, вероятно, мои манеры. Но подобных намерений у меня не было, уверяю вас. Я не хотела вводить вас в заблуждение, но моя вспыльчивость, полагаю, толкала меня на многие ошибки. Как вы, наверное, ненавидели меня после того вечера!

– Ненавидел вас! Возможно, вначале я поддался гневу, но вскоре мой гнев обратился на истинного виновника.

– Мне почти страшно спросить вас, что вы подумали, когда мы встретились с вами в Пемберли? Вы осудили меня за то, что я согласилась поехать туда?

– Разумеется, нет. Я не испытывал ничего, кроме удивления.

– Ваше удивление, конечно, было не меньше того, какое почувствовала я, когда вы поздоровались со мной. Совесть говорила мне, что я не заслуживаю никакой особой учтивости, и, признаюсь, я не ожидала ничего, кроме того, что вполне заслужила.

– Тогда, – сказал Дарси, – моей целью было убедить вас всеми угождениями, какие были в моей власти, что я не так мелочен, чтобы обижаться за прошлое, и я надеялся обрести ваше прощение, смягчить ваше дурное мнение обо мне, показав всем, что ваши упреки не пропали втуне. Как скоро во мне пробудились другие надежды, сказать не могу, но полагаю, что не позже чем через полчаса после того, как я увидел вас.

Затем Дарси рассказал ей, как Джорджиана обрадовалась знакомству с ней и как была огорчена, когда оно внезапно оборвалось, а это, естественно, заставило его коснуться причины, вынудившей ее покинуть Лэмтон столь поспешно, и она узнала, что он решил ехать следом за ней на поиски ее сестры уже во время их разговора в гостинице и что его хмурость и рассеянность объяснялись лишь размышлениями о том, каким способом было успешнее всего осуществить это намерение.

Она вновь поблагодарила его, но они тут же оставили эту тему, потому что она была равно тяжела для них обоих.

Неторопливо пройдя несколько миль, даже не заметив этого, они наконец спохватились и, посмотрев на часы, поняли, что пора возвращаться.

– Но куда скрылись мистер Бингли и Джейн? – Этот возглас обратил их мысли к влюбленной паре.

Дарси был очень рад их помолвке, о которой его друг незамедлительно сообщил ему.

– Не могу не спросить, были ли вы удивлены? – осведомилась

Элизабет.

– Ничуть. Уезжая, я уже чувствовал, что это случится очень скоро.

– Иными словами, вы дали ему разрешение. Я так и полагала.

И, хотя он возразил против подобного толкования, она убедилась, что так примерно и было.

– Вечером перед отъездом в Лондон, – сказал Дарси, – я признался ему в том, в чем мне следовало признаться уже давно. Я рассказал ему обо всем, что произошло, о том, что мое прежнее вмешательство в его дела теперь кажется глупым и непростительным. Он чрезвычайно удивился. У него никогда не было ни малейших подозрений. И еще я сказал ему, что, видимо, ошибался, полагая, будто ваша сестра к нему равнодушна. И, убедившись, что его чувство к ней ничуть не изменилось, я не сомневаюсь в их счастье.

Элизабет невольно улыбнулась легкости, с какой он руководил своим другом.

– Но вы сказали ему это, исходя из собственных наблюдений или просто положившись на то, что я говорила вам весной?

– Из собственных наблюдений. Я внимательно следил за ней во время двух моих недавних визитов к вам и убедился в ее чувстве.

– И ваша уверенность, полагаю, тут же его убедила!

– Вот именно. Бингли неподдельно скромен. Его неуверенность в себе мешала ему в таком деликатном деле положиться на собственное суждение, но его вера в мое облегчила остальное. Я был вынужден признаться и в том, из-за чего он потом некоторое время справедливо сердился на меня. Я не мог скрыть, что ваша сестра прошлой зимой провела три месяца в Лондоне, что я знал об этом и, зная, скрыл от него. Он рассердился, но его гнев, мне кажется, длился лишь до тех пор, пока он не объяснился с вашей сестрой. Теперь он меня простил от всего сердца.

Элизабет чуть было не сказала, что, по ее мнению, мистер Бингли чудеснейший друг – настолько покладистый, что ему цены нет. Однако она удержалась, вспомнив, что он еще не привык к тому, чтобы над ним посмеивались, а приступать к его обучению было пока еще слишком рано. В предвкушении счастья Бингли, которое, разумеется, уступало лишь его собственному, Дарси продолжал говорить на эту тему, пока они не вошли в прихожую. Там они расстались.

Глава 59

– Лиззи, милая, куда вы отправились? – Таким вопросом Джейн встретила Элизабет, когда она вошла в столовую, и его, рассаживаясь за столом, повторили все остальные. Ей оставалось лишь ответить, что бродили там и сям и она немножко сбилась с дороги. При этом оправдании она чуть-чуть покраснела, но оно, да и ничто другое никаких подозрений не возбудило.

Вечер прошел спокойно, без каких-либо особых событий. Признанные влюбленные разговаривали и смеялись, а тайные хранили молчание. Дарси не принадлежал к тем натурам, чье счастье находит выход в веселье и смехе, а Элизабет в душевном смятении скорее знала, что счастлива, чем чувствовала это. Ведь одним смущением все не ограничивалось, впереди ее ждали новые испытания. Она предугадывала, что почувствуют ее близкие, когда узнают все, – она ведь знала, что, кроме Джейн, он никому из них не нравится, и даже опасалась, как бы неприязнь эта не перевесила его богатства и положение в свете.

Перед сном она открыла сердце Джейн. Хотя подозрительность была чужда мисс Беннет, тут она не поверила своим ушам.

– Шутишь, Лиззи! Не может быть! Помолвлена с мистером Дарси! Нет-нет, ты меня не обманешь. Я же знаю, что это невозможно.

– Да, печальное начало! Ты была моей единственной надеждой, и теперь, раз ты мне не веришь, я знаю, что никто другой тоже не поверит. И тем не менее я говорю совершенно серьезно. И говорю чистую правду. Он все еще меня любит, и мы помолвлены.

Джейн посмотрела на нее с сомнением:

– Ах, Лиззи! Ну не может этого быть! Я ведь знаю, что ты его не выносишь.

– Ничего подобного ты не знаешь. Это все надо забыть. Может быть, я не всегда любила его так горячо, как сейчас, но в подобных случаях хорошая память непростительна. И сейчас я сама вспомнила об этом в самый последний раз.

Мисс Беннет все еще смотрела на нее с полным изумлением. Вновь и гораздо серьезнее Элизабет заверила ее, что говорит правду.

– Боже великий! Неужели это так? Однако я должна тебе верить! – вскричала Джейн. – Милая, милая Лиззи, я бы поздравила... я поздравляю тебя, но ты не сомневаешься... прости этот вопрос... ты совсем не

сомневаешься, что будешь с ним счастлива?

– В этом никаких сомнений нет. Мы уже твердо порешили между собой, что будем самой счастливой парой в мире. Но ты рада, Джейн? Тебе будет приятно иметь такого брата?

– Очень-очень! Ничто не доставит Бингли и мне большей радости. Мы ведь говорили об этом и сочли, что подобное невозможно. Но ты правда любишь его достаточно сильно? Ах, Лиззи, делай, что хочешь, но не выходи замуж без любви. Ты совершенно, совершенно уверена, что чувствуешь то, что должна?

– О да! Хотя ты подумает, что чувствую я больше, чем должна бы, когда я признаюсь тебе во всем.

– О чем ты?

– Я вынуждена признаться, что люблю его больше, чем люблю Бингли. Боюсь, ты рассердишься.

– Милая сестрица, прошу тебя, перестань шутить! Я хочу, чтобы мы поговорили очень серьезно. Сейчас же расскажи все, что мне надобно знать. Ты мне скажешь, как давно ты его полюбила?

– Это происходило так постепенно, что я и сама не знаю, как давно люблю его; но, пожалуй, любовь пришла ко мне, когда я увидела великолепный парк в Пемберли.

Однако новые мольбы не шутить больше возымели свое действие, и Элизабет вскоре успокоила Джейн пылкими заверениями в своей любви к нему. И мисс Беннет не оставалось желать больше ничего.

– Теперь я безоблачно счастлива, – сказала она, – потому что ты будешь счастлива, как я. Я всегда была расположена к нему. А его любовь к тебе при любых обстоятельствах была бы залогом моего уважения. Однако теперь лишь Бингли и ты будете мне дороже, чем он – друг Бингли и твой муж. Но, Лиззи, ты была такой неоткровенной, такой скрытной со мной. Ведь ты почти ничего не рассказала мне о том, что произошло в Пемберли и Лэмтоне! Все, что мне известно, я узнала не от тебя.

Элизабет объяснила причины своих умолчаний. В то время она опасалась упоминать про Бингли, а неуверенность в собственных чувствах заставляла ее избегать упоминаний и о его друге. Однако больше она не собиралась скрывать от Джейн, какую роль он сыграл в замужестве Лидии. Все было поведано, и половина ночи промелькнула в разговорах.

– Боже милосердный! – воскликнула миссис Беннет на следующее утро, стоя у окна. – Опять этот докучный мистер Дарси сопровождает нашего дорогого Бингли! Почему он зачастил сюда, несносный? А я-то думала, он отправится стрелять птиц или еще куда-нибудь и не станет

больше досаждать нам своим обществом. Ну что остается делать? Лиззи, ты должна будешь опять пойти с ним погулять, чтобы он не мешал Бингли.

Элизабет еле удержалась от смеха, услышав столь приятное распоряжение, однако ее очень рассердило, что маменька постоянно награждает его столь нелестными эпитетами.

Едва гости вошли, как Бингли поглядел на Элизабет столь выразительно и пожал ей руку с такой теплотой, что нельзя было усомниться в его осведомленности. И вскоре он сказал громко:

– Миссис Беннет, у вас тут не осталось больше живописных дорожек, чтобы Лиззи могла снова заблудиться?

– Я бы посоветовала мистеру Дарси и Лиззи с Китти пройтись сегодня до Оукхемского холма. Прекрасная долгая прогулка, и мистер Дарси еще не видел, какой оттуда открывается вид.

– Отличная мысль, – заметил мистер Бингли, – но я уверен, что для Китти такая прогулка слишком утомительна. Ведь правда, Китти?

Китти призналась, что предпочла бы остаться дома, а Дарси объявил, что очень не прочь полюбоваться видом с Оукхемского холма. Элизабет не стала возражать.

Когда она поднялась к себе, чтобы переодеться для прогулки, миссис Беннет последовала за ней со словами:

– Мне очень жаль, Лиззи, что тебе придется одной занимать этого несносного человека, но ты потерпишь? Это ведь только ради Джейн, знаешь ли; да и поддерживать разговор с ним тебе вовсе не обязательно, ну, словечко-другое и все, а потому не огорчайся так!

Во время прогулки они условились, что вечером Дарси испросит согласие мистера Беннета, а объяснение с матерью Элизабет взяла на себя. Она никак не могла решить, как примет ее маменька такую новость, и порой ей казалось, что, возможно, его богатства и высокого положения окажется недостаточно, чтобы преодолеть ее отвращение к нему. Тем не менее одно сомнений не вызывало: будет ли она бурно возражать против их брака, или столь же бурно ликовать, в любом случае выражение ее чувств не сделает чести ее здравому смыслу и манерам, и Элизабет было столь же нестерпимо думать, что мистер Дарси услышит первые излияния ее восторга, как и первые возгласы неодобрения.

Вечером, вскоре после того, как мистер Беннет удалился в библиотеку, она увидела, как мистер Дарси встал и последовал за ним. Ее охватило сильнейшее волнение. Она не опасалась возражений отца, но он почувствует себя несчастным, и ее терзала мысль, что причиной явится она, что она, его любимица, ранит его своим выбором, пробудит в нем

страх за ее судьбу, сожаления... И она мучилась, пока мистер Дарси не вернулся. Тут, взглянув на него, увидев его улыбку, она немного ободрилась. Через минуту он подошел к столу, за которым она сидела рядом с Китти, и, сделав вид, будто восхищается ее рукоделием, сказал шепотом:

– Подите к вашему папеньке, он ждет вас в библиотеке.

Она тотчас направилась туда.

Ее отец расхаживал взад и вперед, лицо у него было очень серьезным и озабоченным.

– Лиззи, – сказал он, – что ты делаешь? Или ты сошла с ума, что дала согласие этому человеку? Ведь ты же всегда его ненавидела?

Как ей хотелось, чтобы ее прежнее мнение о Дарси было более разумным и выражала бы она его более умеренно! Это спасло бы ее от тягостнейших объяснений и признаний, обойтись без которых теперь было невозможно, и она с некоторым смущением заверила мистера Беннета в своем расположении к мистеру Дарси.

– Иными словами, ты твердо решила выйти за него. Да, разумеется, он богат, и у тебя будут более дорогие наряды и более дорогие экипажи, чем у Джейн. Но сделают ли они тебя счастливой?

– У вас есть другие возражения, – спросила Элизабет, – кроме уверенности, что я к нему равнодушна?

– Никаких. Мы все знаем, что он неучтивый гордец, но это ничего не значило бы, если бы он тебе правда нравился.

– Но так и есть, он мне очень нравится, – ответила она со слезами на глазах. – Я люблю его. И в нем нет ни малейшей гордыни. Он всем хорош. Вы не знаете, каков он на самом деле, и, умоляю, не причиняйте мне боли, говоря о нем в таком тоне!

– Лиззи, – сказал ее отец, – я дал ему мое согласие. Он ведь такой человек, какому я ни в чем не посмел бы отказать, чего он снизошел бы попросить. И теперь даю мое согласие тебе, если ты твердо решила выйти за него. Но разреши мне один совет: хорошенько подумай. Я знаю твой характер, Лиззи. Я знаю, что жить счастливо и безмятежно ты сможешь, только если будешь истинно уважать своего мужа, если будешь верить в его превосходство над собой. Твои живость и веселость в неравном браке станут для тебя источником большой опасности. Тебе вряд ли удастся избежать осуждения и горестей. Дитя мое, избавь меня от печали наблюдать, как ты не находишь в себе сил уважать спутника своей жизни. Ты не отдаешь себе отчета в том, что делаешь.

Элизабет в еще большем расстройстве ответила ему с глубочайшей

серьезностью и убеждением, вновь и вновь заверяя его, что выбрала мистера Дарси всем сердцем, рассказав о том, как постепенно переменялось ее отношение к нему, сообщив о своей неколебимой уверенности в том, что его чувство это не минутное увлечение, но выдержало проверку долгих месяцев без надежды на взаимность, и, с жаром перечислив все его лучшие качества, она сумела победить недоверчивость отца и примирить его с мыслью об этом браке.

– Что же, радость моя, – сказал он, когда она умолкла, – мне нечего тебе возразить. Если все это действительно так, он тебя заслуживает. Я бы не расстался с тобой, моя Лиззи, не отдал бы тебя менее достойному.

Чтобы окончательно завоевать для Дарси его доброе мнение, она затем рассказала ему обо всем, что Дарси по собственному побуждению сделал для Лидии. Он слушал ее в полном изумлении.

– Поистине нынче вечер чудес! Так, значит, все устроил Дарси: сосватал их, дал денег, уплатил долги этого подлеца и купил ему патент! Ну, тем лучше. Это спасает меня от множества неприятных хлопот и необходимости на всем экономить. Будь я обязан этим твоему дяде, то должен был бы вернуть ему его деньги и вернул бы. Однако эти неистовые молодые влюбленные желают все делать по-своему. Завтра я предложу ему вернуть долг, он будет бешено возражать, бурно уверять в своей любви к тебе, на чем дело и кончится.

Тут он вспомнил, как она смущалась, когда он несколько дней назад читал ей письмо мистера Коллинза, и, посмеиваясь над ней, наконец разрешил ей уйти, сказав напоследок:

– Если какие-нибудь молодчики явятся предложить руку и сердце Мэри и Китти, пошли их сразу сюда, я ведь сейчас ничем особенно не занят.

С души Элизабет спала большая тяжесть, и, полчаса спокойно поразмышляв надо всем у себя в спальне, она смогла вернуться к остальным, уже справившись с собой. Все было еще слишком живо, и искренне разделять их веселье она не могла, но вечер прошел тихо и приятно. Уже не надо было опасаться никаких серьезных помех, а время должно было принести безмятежность, какую дарят близость и непринужденность.

Когда ее мать поднялась перед сном в будуар, Элизабет последовала за ней и сообщила важную новость. Впечатление она произвела самое ошеломляющее. Едва услышав ее, миссис Беннет окаменела в кресле, не в силах произнести ни слова. И поняла она смысл того, что услышала, лишь через много-много минут, хотя обычно сразу же верила во все, что могло

обернуться к выгоде для ее дочерей или сулило искателя руки одной из них. Наконец она начала мало-помалу приходить в себя, ерзать в кресле, вставать, снова садиться, удивляться и ахать:

– Господи! Помилуй меня бог! Только подумать! Ах! Мистер Дарси? Кто бы мог подумать? Это правда? Ах, моя душенька Лиззи! Какой богатой и знатной дамой ты будешь! Какие деньги на туалеты, какие драгоценности, какие экипажи у тебя будут! Куда там Джейн! Да никакого сравнения! Я так довольна, так счастлива. Такой бесподобный мужчина! Такой авантажный, такой высокий и так хорош собой! Ах, душечка Лиззи! Прошу, извинись за то, что прежде он мне так не нравился. Уповаю, он забудет об этом. Милая, милая Лиззи! Лондонский дом! Все самое бесподобное! Три дочери замужем! Десять тысяч в год! О господи! И что со мной будет? Да я с ума сойду.

Эти излияния вполне можно было принять за знак согласия, и Элизабет, радуясь, что их никто, кроме нее, не слышал, вскоре ушла в свою спальню. Но не пробыла там одна и трех минут, как мать последовала за ней.

– Дитяtko мое любимое! – вскричала она. – Я ни о чем другом думать не могу. Десять тысяч в год, а наверное, и больше. Это не хуже, чем за лорда выскочить! И особое разрешение на брак – ты должна выйти замуж и выйдешь по особому разрешению! Но, голубушка моя бесценная, скажи, какое кушанье мистер Дарси особенно любит, чтобы мне завтра его приготовить?

Это было печальным предзнаменованием того, каким будет поведение ее маменьки с означенным джентльменом, и Элизабет убедилась, что пусть она теперь уверена в том, что самыми пылкими его чувствами владеет она одна, пусть родители дали согласие, но ей все равно есть чего пожелать еще. Однако утро прошло много лучше, чем она ожидала, так как, к счастью, будущий зять внушал миссис Беннет такой благоговейный страх, что она не решалась заговорить с ним, кроме тех случаев, когда осведомлялась, не может ли она чем-нибудь услужить ему, или выражала полное согласие с его мнением.

К своей радости, Элизабет увидела, что ее отец старается узнать его поближе, а затем мистер Беннет заверил ее, что с каждым часом Дарси поднимается в его мнении.

– Я весьма восхищен всеми тремя моими зятьями, – сказал он. – Пожалуй, мой фаворит – Уикхем, но думаю, что твой муж мне будет нравиться не менее мужа Джейн.

Глава 60

Элизабет вскоре обрела обычную веселую живость и потребовала, чтобы мистер Дарси объяснил, как он умудрился полюбить ее.

– С чего это началось? – спросила она. – Разумеется, я понимаю, что продолжение могло получиться у вас превосходно, но вот самое начало – для меня загадка. Что послужило толчком для вас?

– Я не могу назвать час, или место, или взгляд, или слова, которые стали началом. Это ведь было так давно! Я уже находился на середине, прежде чем понял, что начал.

– Моей красоте вы сразу же успешно противостояли, ну а мои манеры по отношению к вам, во всяком случае, всегда граничили с грубостью, и всякий раз, когда мы разговаривали, я старалась уколоть вас побольнее. Ну признайтесь же, вас восхитила моя дерзость?

– Восхитила – но живость вашего ума.

– Дерзость, дерзость, так и скажите! Ведь так и было. Дело в том, что вам надоели учтивости, почтительность, угодливость. Вас раздражали женщины, которые говорили, и прихорашивались, и думали, тщась обрести ваше одобрение. А я сердила вас, заинтриговала тем, что была совсем на них не похожа. Не будь вы на самом деле благородны и милы, так возненавидели бы меня за это. Однако, как вы ни старались надевать на себя личину, ваши чувства всегда были высокими и достойными, и в глубине сердца вы глубоко презирали тех, кто так усердно пресмыкался перед вами. Ну вот! Я избавила вас от хлопот с объяснениями, и, право, принимая во внимание все обстоятельства, я нахожу все это вполне логичным. Разумеется, ничего истинно хорошего вы обо мне тогда не знали, но кто об этом думает, когда влюбляется?

– Не было ничего хорошего в том, как вы нежно заботились о Джейн, пока она болела в Недерфилде?

– Милая Джейн! Кто бы мог сделать для нее меньше? Но я не против, чтобы вы усмотрели в этом достоинство. Мои хорошие качества отданы под вашу опеку, и вы должны всячески их преувеличивать, а в оплату я вправе находить поводы, чтобы поддразнивать вас и ссориться с вами так часто, как удастся. И я приступлю к этому немедленно, спросив, из-за чего вы под конец так медлили с объяснением? Что вас так испугало во мне, когда вы приехали сюда с визитом, а потом отобедали здесь? И, главное, почему у вас тогда был такой вид, будто вы ко мне равнодушны?

– Потому, что вы были очень серьезны, молчали и никак меня не ободрили.

– Но я смущалась!

– Я тоже.

– Но когда вы приехали на обед, то могли хотя бы вступить со мной в разговор!

– Человек, который чувствовал бы меньше, мог бы.

– Какая жалость, что у вас на все есть разумный ответ, а я настолько разумна, что признаю это. Однако хотела бы я знать, как долго вы продолжали бы в таком духе, если бы вас предоставили самому себе? Хотела бы я знать, когда вы открылись бы, если бы я не напросилась сама? Мое решение поблагодарить вас за Лидию, бесспорно, произвело большой эффект. Боюсь, слишком уж большой. Во что превращается мораль, если нашим счастьем мы обязаны нарушению обещания? Ведь мне никак не следовало упоминать про это. Нет, так не годится!

– Не порицайте себя. Мораль ничуть не пострадала. Не имеющие оправдания усилия леди Кэтрин разлучить нас рассеяли мои сомнения. Своим нынешним счастьем я обязан вовсе не вашему настойчивому желанию выразить мне благодарность. Я отнюдь не собирался ждать, пока вы сделаете первый шаг. Нападки моей тетушки подали мне надежду, и я тотчас решил узнать все.

– Леди Кэтрин оказалась безмерно нам полезной, что должно ее обрадовать – она ведь любит быть полезной. Однако скажите мне, зачем вы приехали в Недерфилд? Просто для того, чтобы побывать в Лонгборне и предаться смущению? Или у вас были более серьезные намерения?

– Моей истинной целью было увидеть вас и, если сумею, узнать, есть ли у меня надежда когда-нибудь заслужить вашу любовь. Однако я убедил себя, что хочу лишь увидеть, все ли еще ваша сестра расположена к Бингли, и, если так, признаться ему в том, в чем я затем и признался.

– Хватит ли у вас храбрости оповестить леди Кэтрин о том, что ее ожидает?

– Скорее, Элизабет, мне неостанет времени, чем храбрости. Но сделать это надо, и, если вы дадите мне лист бумаги, я сейчас же и напишу ей.

– И, если бы мне самой не надобно было написать письмо, я бы села подле вас и восхищалась бы ровностью вашего почерка, как некая барышня в давние дни. Но у меня тоже есть тетушка, и не следует долее томить ее в неизвестности.

До ее объяснения с Дарси Элизабет не хотелось признаваться в том,

как сильно, по ее мнению, миссис Гардинер преувеличивала интерес к ней мистера Дарси. Поэтому она так и не ответила на длинное письмо тетушки. Но теперь, когда можно было сообщить новость, зная, насколько она будет приятна, Элизабет почти со стыдом подсчитала, что ее дядя и тетушка уже потеряли три дня радости, и тут же написала следующее:

«Я бы и раньше поблагодарила вас, милая тетенька, как и должна была, за ваше длинное доброе и преподобнейшее письмо, но, сказать правду, я так рассердилась, что не могла писать. Вы предположили слишком много такого, чего на самом деле не было. Но теперь предполагайте столько, сколько вам будет угодно. Дайте волю воображению, позвольте вашей фантазии унести в такие дали, какие только допускает предмет, и вы не сможете ошибиться, разве что предположите, что я уже замужем. Непременно напишите, и поскорее, хваля его даже усерднее, чем в последнем своем письме. Вновь и вновь благодарю вас, что вы не поехали в Озерный край! Как я могла быть такой дурочкой, чтобы стремиться туда? Ваша мысль о пони в упряжке восхитительна. Мы будем кататься по всему парку каждый день. Я самое счастливое создание на свете. Возможно, то же самое уже утверждали другие, но никто не имел на это больше права. Я даже счастливее Джейн. Она только улыбается, а я смеюсь. Мистер Дарси посылает вам всю ту любовь, какую способен не излить на меня. Вы все должны приехать в Пемберли на Рождество.

Ваша... и т. д.»

Письмо мистера Дарси леди Кэтрин было иного стиля, и уж совсем иным был стиль письма, которое мистер Беннет отправил мистеру Коллинзу в ответ на полученное от него:

«Любезный сэр!

Вынужден еще раз побеспокоить вас касательно поздравлений. Элизабет скоро станет женой мистера Дарси. Утешьте леди Кэтрин, насколько в ваших силах. На вашем месте я бы поддержал племянника. В его распоряжении больше приходов.

Искренне ваш... и т. д.»

Поздравления мисс Бингли брату по поводу его приближающейся свадьбы были сама сестринская любовь и неискренность. Она даже Джейн написала по тому же поводу, чтобы выразить свой восторг и повторить все

былые изъявления дружбы и нежной привязанности. Джейн не обманулась, но была тронута и, хотя ничуть ей не доверяла, все-таки не удержалась и послала ей куда более ласковый ответ, чем намеревалась.

Радость, которую выразила мисс Дарси, получив подобное же известие, была столь же искренней, как и радость, с какой ее брат писал ей. Ей не хватило двух листов, чтобы уместить все ее восторги и выразить, как горячо она желает, чтобы сестра ее полюбила.

Прежде чем прибыл ответ от мистера Коллинза или поздравления от его супруги, Беннеты узнали, что Коллинзы должны вот-вот приехать в Лукас-Лодж. Причина столь нежданного визита вскоре стала очевидной. Леди Кэтрин так безмерно разгневало письмо ее племянника, что Шарлотта, про себя радуясь этому браку, предпочла уехать, пока буря не уляжется. А Элизабет была очень счастлива увидеть подругу в эти чудесные дни, хотя во время их встреч она порой думала, что удовольствие это куплено дорогой ценой, – когда наблюдала, как мистер Дарси вынужден терпеть всю меру заискиваний и угодливости ее супруга. Впрочем, мистер Дарси переносил их с завидной невозмутимостью. Даже сэра Уильяма Лукаса, когда тот поздравил его с похищением драгоценнейшей жемчужины графства и выразил надежду, что все они будут часто встречаться при дворе, он выслушал в похвальном спокойствии. Если он и пожал плечами, то лишь после того, как сэр Уильям отошел.

Вульгарность миссис Филипс была еще одним и, может быть, еще более тяжким испытанием для его снисходительности. Хотя миссис Филипс, как и ее сестра, испытывала перед ним благоговейный страх, не позволявший обращаться к нему с той фамильярностью, на какую напрашивался Бингли благодаря своей приветливости, тем не менее всякий раз, когда она что-нибудь говорила, все выходило вульгарным. И ее почтение к нему, хотя и заставляло ее чаще молчать, не могло придать светскость ее манерам. Элизабет делала все, что было в ее силах, чтобы ограждать его от маменьки и тетушки, и постоянно старалась остаться с ним наедине или в обществе тех членов своей семьи, с кем он мог разговаривать, не подавляя пренебрежения. И хотя сопряженные с этим неприятные чувства лишали дни ухаживания значительной части их прелести, они внушали надежду на будущее. И она с восхищением предвкушала время, когда они сменят общество, столь тягостное им обоим, на радости и утонченность их семейного круга в Пемберли.

Глава 61

Счастливейшим для всех материнских чувств миссис Беннет был день, когда она избавилась от двух лучших своих дочерей. Нетрудно догадаться, с какой гордостью и упоением она затем навещала миссис Бингли и говорила о миссис Дарси. Ради ее близких мне хотелось бы сказать, что исполнение ее заветного желания удачно выдать замуж побольше дочерей произвело на нее самое благотворное воздействие и сделало ее разумной, приятной, образованной женщиной до конца ее дней. Однако для ее мужа, не привыкшего к такого рода супружескому счастью, пожалуй, было гораздо лучше, что она по-прежнему порой впадала в нервическое раздражение и всегда оставалась очень глупой.

Мистер Беннет очень скучал без своей второй дочери, и любовь к ней, как ничто иное, понуждала его покидать лонгборнский дом. Он обожал наезжать в Пемберли, особенно когда его там совсем не ждали. Мистер Бингли с Джейн прожили в Недерфилде только год. Такое близкое соседство с ее маменькой и меритонской родней оказалось слишком тяжким испытанием не только для его покладистости, но и для ее любящего сердца. Давняя мечта его сестер сбылась: он купил поместье в графстве, примыкающем к Дербиширу, и Джейн с Элизабет в дополнение ко всем прочим источникам счастья разделило теперь расстояние в каких-то тридцать миль.

Китти, к ее очень заметной пользе, большую часть времени проводила у старших сестер. Общество, не шедшее ни в какое сравнение с тем, к которому она привыкла прежде, произвело в ее характере весьма значительные перемены к лучшему. В ней никогда не было необузданности Лидии, и, когда ее избавили от влияния последней, она благодаря деятельному вниманию и руководству старших сестер стала менее плаксивой, менее невежественной и менее бесхарактерной. Разумеется, ее тщательно оберегали от опасного общества Лидии, и хотя миссис Уикхем часто приглашала ее погостить у них, обещая балы и кавалеров, отец ни разу не разрешил ей поехать к младшей сестре.

Из всех дочерей в доме осталась только Мэри, и ей волей-неволей пришлось отказаться от усердных занятий для развития своих дарований, так как миссис Беннет была совершенно неспособна долго оставаться в одиночестве. Мэри пришлось чаще бывать на людях, хотя она продолжала морализировать по поводу каждого утреннего визита. А так как ее больше

не угнетало постоянное сравнение красоты сестер с ее собственной, папенька подозревал, что она смирилась с этими переменами в своей жизни без особого неудовольствия.

Что до Уикхема и Лидии, замужество сестер не вызвало в их характерах никаких перемен. К тому, что Элизабет теперь, несомненно, стали известны все подробности его обманов и неблагодарного поведения, он отнесся вполне философски и, вопреки здравому смыслу, возможно, не оставил надежды добиться от Дарси существенной помощи. Письмо Лидии с поздравлениями, которое после свадьбы получила Элизабет, убедило ее, что его жена, если не он сам, такую надежду лелеет. Письмо гласило:

«Миленькая Лиззи!

Поздравляю тебя! Если ты любишь мистера Дарси хоть вполовину так сильно, как я моего милого Уикхема, ты должна быть очень счастлива. Так утешительно знать, какая ты теперь богатая, и, когда тебе больше не о чем будет думать, надеюсь, ты вспомнишь о нас. По-моему, Уикхему очень бы хотелось получить место при дворе, и не думаю, что у нас хватит денег на жизнь без чьей-то помощи. Подойдет любое место, приносящее в год триста-четыреста фунтов. Впрочем, не говори об этом с мистером Дарси, если тебе не хочется.

Твоя... и т. д.»

Как выяснилось, Элизабет совершенно этого не хотелось, и в своем ответе она попыталась положить конец всем просьбам и надеждам такого рода. Однако она часто посылала им те суммы, какие ей удавалось скопить, экономя на собственных расходах. Она с самого начала понимала, что их дохода никак не могло хватить безалаберной супружеской чете, склонной к мотовству и не думающей о будущем. И всякий раз, когда они переезжали в другое место, либо Джейн, либо она непременно получали просьбу помочь им расплатиться по старым счетам. Их образ жизни, даже когда заключение мира вынудило их зажить своим домом, оставался крайне беспорядочным. Они все время переезжали, ища жилища подешевле, и всегда жили не по средствам. Его привязанность к ней скоро перешла в равнодушие, ее – продолжила несколько дольше, но, несмотря на свою молодость и манеры, она осталась при той репутации, которую ей создало ее замужество.

Хотя Дарси отказался принимать Уикхема в Пемберли, ради Элизабет он и дальше способствовал его карьере. Впрочем, Лидия изредка навещалась туда, когда ее супруг искал развлечений в Лондоне или Бате, а в поместье Бингли они оба гостили так часто и подолгу, что даже

у Бингли лопнуло терпение и он начал поговаривать о том, как намекнет им, что пора бы и честь знать.

Мисс Бингли была глубоко расстроена браком Дарси, однако сочла за благо сохранить право бывать в Пемберли, забыла свою досаду, еще больше полюбила Джорджиану, к Дарси была внимательна ничуть не меньше, чем прежде, а Элизабет возместила все, что оставалась должна ей по части любезности.

Теперь Джорджиана могла жить в Пемберли постоянно, и ее с Элизабет связала та любовь, на которую надеялся Дарси. Они нашли друг в друге именно то, что искали. Джорджиана была самого высокого мнения о Элизабет, хотя вначале ее удивляла, почти пугала веселость, с какой та постоянно подшучивала над ее братом. Он всегда вызывал в ней уважение, почти пересиливавшее ее любовь, и вдруг она увидела, как он стал предметом нескончаемого поддразнивания. И Джорджиана узнала то, о чем прежде и не подозревала. На примере Элизабет она начала понимать, что жена может позволять себе с мужем вольности, которые брат не всегда будет терпеть от сестры моложе его более чем на десять лет.

Леди Кэтрин безмерно негодовала на брак племянника; и, дав полную волю всей прямоте своего характера, она, отвечая на письмо, в котором он известил ее об этом событии, позволила себе такие бранные выражения, особенно касательно Элизабет, что на некоторое время всякие отношения между ними прекратились. Но в конце концов Элизабет убедила его забыть оскорбительное письмо и поискать примирения. После некоторого дальнейшего сопротивления его тетки то ли ее привязанность взяла верх над обидой, то ли желание посмотреть, как ведет себя его жена, но она снизошла навестить их в Пемберли, несмотря на то что тамошняя сень осквернялась не только присутствием такой хозяйки, но и визитами ее дяди, лондонского негоцианта, и его жены.

С Гардинерами они всегда оставались в самых близких отношениях. Дарси полюбил их столь же искренне, как их любила Элизабет, а к тому же и он, и она питали живейшую благодарность к тем, кто, привезя ее в Дербишир, помог им обрести друг друга.

Алена Солнцева. Мистер Дарси и все, все, все...

[\[1\]](#)

Те, кто знаком с творчеством Джейн Остин, помнят, что самый популярный ее роман в оригинале начинается со знаменитой фразы: «It is a truth universally acknowledged, that a single man in possession of a good fortune, must be in want of a wife».

В издании, которое вы держите в руках, перевод сделан Ириной Гуровой: «Холостяк, если он обладает солидным состоянием, должен настоятельно нуждаться в жене, такова общепризнанная истина». Первый перевод романа Иммануила Маршака, сделанный для серии «Литературные памятники» в 1967 году, предлагает такой вариант: «Все знают, что молодой человек, располагающий средствами, должен подыскивать себе жену».

Сравнение этих двух разных, но при этом очень качественных переводов идет по сей день, и у каждого есть свои поклонники. «Как читателю, мне больше нравится маршаковский – легко, изящно, глаз ни на чем не спотыкается. Легкая ирония Остин плавно перетекает в почти современный русский язык. Но как переводчик, я вижу мастерскую стилизацию у Гуровой. На временной шкале – заметный скачок назад. Все эти «авантажны», «сделать визит», «нервическое». Текст получился довольно непривычный, но глаз не раздражает» – вот одно мнение. «Маршак сделал приближенно-упрощенный пересказ, где, на мой взгляд, утрачены вся утонченность и изящество Джейн Остин. Перевод Гуровой сделан очень деликатно, практически дословно, с сохранением всех маленьких прелестных нюансов» – это другое.

Но в каком бы переводе русские читатели ни прочли роман Джейн Остин, они все равно будут наслаждаться не только стилем, кратким, отточенным и ясным, но и самой структурой романа, притворяющегося обычной мелодрамой, но на самом деле изящно психологического и наполненного иронией: «Натура мистера Беннета слагалась из стольких противоречивых качеств, таких как саркастический ум, сдержанность и чудаковатость, что двадцати трех лет жизни с ним оказалось мало, чтобы жена научилась его понимать. А вот ее сущность постигнуть было куда легче. Она была женщиной очень недалекой, невежественной, со вздорным

характером. Если ей что-то досаждало, она впадала в нервическое расстройство. Целью ее жизни было выдать замуж всех своих дочерей, а радостями – визиты и пересуды».

«Гордость и гордыня» – это первый роман, написанный Остин. Здесь и далее название романа будет дано в переводе Ирины Гуровой, хотя в России и в справочной литературе, и в остиноведении принят вариант «Гордость и предубеждение»; фильмы и сериалы, снятые по этой книге, также известны именно под этим именем.

Кстати, сначала Джейн Остин озаглавила роман «Первые впечатления», так как именно из-за неверности первоначальных выводов страдают оба героя. Но в 1801 году в Англии вышел роман с таким же названием, и для издания своего Остин пришлось подумать над новым вариантом. Считается, что «Pride and prejudice» – это цитата из многотомного сочинения английской писательницы, аристократки и члена знаменитого клуба «Синий чулок» Фэнни Берни «Цецилия» (1782), одна из частей которого завершается сентенцией: «Вся эта грустная история – результат Гордости и Предубеждения. Однако запомните вот что: если горести наши проистекают от Гордости и Предубеждения, то и избавлением от них мы бываем обязаны также Гордости и Предубеждению, ибо так чудесно уравновешены добро и зло в мире».

Удивительно, но ставший самым главным роман Остин придуман двадцатилетней девушкой, не имевшей никакого жизненного опыта, но оказавшейся зрелым писателем. Знаменитая Вирджиния Вульф не могла объяснить точность ее наблюдений и знание людей иначе, чем допустив, что «одна из фей, которые садятся на край колыбели, успела полетать с ней и показать ей мир, едва она появилась на свет».

История провинциальной дворянской семьи, где, к несчастью родителей, родилось пять дочерей и ни одного сына, который мог бы наследовать родовое имение, вот уже два века привлекает к себе внимание как юных девушек, так и зрелых мужей, предлагая одним наслаждение перипетиями чувств, а другим – точность наблюдений: «Мэри очень хотелось сказать что-то на редкость умное, но ей так ничего в голову и не пришло». Возможно, что есть такие люди, которые воспринимают события в романе совершенно всерьез (и зачастую именно такие люди снимают фильмы и сериалы), но всякий сколько-нибудь проницательный читатель заметит, что перед ним тонкая игра и по отношению ко всем персонажам, даже самым положительным, всегда существует ироничная дистанция.

Героиня романа Элизабет Беннет – лучшая из сестер, впрочем, у нас нет никаких оснований считать ее особо выдающейся, ибо, как говорит про

своих дочерей отец: «Ни одна из них ничем особенным не блещет». Правда, потом он добавляет: «Тем не менее у Лиззи больше живости ума, чем у ее сестриц». И хотя симпатии читателей с самого начала полностью на ее стороне, Остин исподволь, почти незаметными штрихами добавляет к ее образу то немного озорства, то душевной теплоты, то самоотверженности, то простодушия, так что характер развивается, и к концу романа Лиззи оказывается по-настоящему независимой, умной и глубокой натурой.

У каждого персонажа романа в привычках есть нечто, что делает его предметом лукавой насмешки, и очаровательные портреты гордеца Дарси или душки Бингли ничуть не уступают той живости, с которой изображен туповатый мистер Коллинз. Но самое приятное для современного читателя – та простота и краткость, с которой Остин обходится со своими персонажами. Как заметил еще Владимир Набоков, у Остин «действие и характеристики даются через диалог и монолог», а весь роман похож на пьесу. Вот потому, хочется добавить, его так и тянет экранизировать.

Считается, что Остин не умела писать любовные сцены. Пожалуй, но зато она мастерски создает сюжетное напряжение, поэтому нарастание взаимного влечения Элизабет Беннет и Дарси воспринимается как детективный сюжет, динамичный и полный неожиданных поворотов. История заканчивается счастливым браком, даже тремя браками, и кажется, что мир, в котором живут герои Остин, безмятежен и гладок. Но сдержанно, почти незаметно Остин демонстрирует хрупкость возникшей гармонии, ее случайность, безусловно, счастливую, но ненадежную. Мир этих простых, как будто ничем не примечательных людей застыл в тревожном ожидании перемен, он чреват катастрофами, разорениями, несправедливостями и горестями. Но читателю подарена возможность самого счастливого из возможных исходов. Все могло быть очень плохо, но – вот удача! – оборачивается неожиданно хорошо. Самые нелепые надежды сбываются: ну кто бы мог подумать, что миссис Беннет, эта нелепая, невежественная и вздорная женщина, окажется совершенно права и ее любимица Лидия обретет мужа-военного, красавица Джейн выйдет за состоятельного соседа, а Лиззи отхватит богача-аристократа? Но ведь все по ее и вышло. Глупая мать оказалась права в своей прямолинейной тактике, а умники посрамлены, в том числе и отец Лиззи, такой непростой и такой ироничный джентльмен.

Здравый смысл и ирония – вот квинтэссенция настоящей английскости, именно эти качества присущи прозе Джейн Остин, этого Шекспира в прозе, Диккенса в юбке, женщины, ставшей прародительницей

английского реалистического романа.

Каждому читателю, конечно же, интересно, насколько жизнь самой писательницы была похожа на жизнь ее героинь, была ли она сама столь же рассудительна и остроумна, благоразумна и удачлива, как они.

Мы никогда точно не узнаем этого, ведь в отличие от многих писателей у Джейн Остин не существует настоящего архива. Почти все ее письма, рукописи и дневники были уничтожены родственниками для того, чтобы не тешить праздное любопытство публики.

Конечно, впоследствии биографы писательницы изрыли архивы ее окружения, нашли упоминания в переписке знакомых, препарировали немногие сохранившиеся документы и мемуары, сопоставили даты, изучили биографии родни, исследовали контекст. Сотни монографий, статей, докторских диссертаций посвящены скромной девице, при жизни считавшейся слишком незначительной личностью, чтобы ею интересоваться. Исследователей творчества и жизни Джейн Остин в старательности можно сравнить только с пушкинистами, но в их распоряжении гораздо меньше материала. Даже портретов ее не сохранилось, тот, который часто публикуют, недостоверен, ибо не подходит ни под одно описание ее внешности. Впрочем, эти описания тоже не совпадают между собой, но нечто общее все же установить можно.

Красавицей Джейн не могли бы назвать даже самые доброжелательные к ней люди, хотя и дурнушкой она не была. Роста скорее высокого, волосы скорее темные, вьющиеся, сухощавая (злые языки сравнивали ее с кочергой), с легкими, стремительными движениями. Скорее смешливая, чем серьезная, скорее жесткая, чем сентиментальная, с особым юмором, иронично глядящая на мир, но вместе с тем самоотверженная, готовая прийти на помощь, любящая сестра и дочь. Закрытая и ранимая, с чувством собственного достоинства. Не любила наряжаться, заниматься собственной внешностью. Жаловалась: «Я никак не могу решить, что мне делать с новым отрезом на платье; как бы я хотела, чтобы подобные вещи продавались уже готовыми». Прическа предпочитала чепчик, волосы стригла спереди коротко, чтобы не укладывать.

Родилась Джейн в 1775 году, была седьмым ребенком в семье, единственная сестра Кассандра старше на три года, а с пятью братьями разница составляла от четырех до десяти лет. Семья деревенского священника не была ни богатой, ни родовитой. Отец Джейн, рано оставшийся сиротой, образованием обязан собственным способностям, его отец был хирургом, а дед – торговцем сукном, что не казалось тогда особо почтенным. Но, закончив обучение, Джордж Остин женился на дочке

ректора, и вот она могла похвастать более знатным происхождением. Правда, связь с аристократией шла по материнской линии и уже сильно ослабла. Зато миссис Остин, в девичестве звавшаяся Кассандрой Ли, была женщиной развитой, образованной и неглупой. Она писала стихи, много читала, и у нее был хороший вкус, хотя к концу жизни главным ее занятием стал огород, а в зрелые годы ей чаще приходилось заниматься хозяйством, чем изящной словесностью.

Мистер Остин, помимо обязанностей в приходе, держал еще и школу для мальчиков, так что в пасторском доме былолюдно, шумно, а атмосфера располагала к учебным занятиям и чтению. Дочерей поначалу отправили было в пансион, но быстро вернули обратно: то ли занятия там оказались не слишком полезны, то ли не хватило денег. Доходов у большой семьи было совсем мало, а расходов много – после Джейн в семействе Остинов появился еще один ребенок.

Когда Джейн была еще маленькой, старшие братья уже уехали из дома в университет, но они приезжали на каникулы и тогда сочиняли пьесы и ставили спектакли – дом ходил ходуном. Старший брат Джордж в молодости писал стихи и рассказы и даже издавал больше года еженедельный листок «Бездельник», где печатал свои и чужие рассказы. В доме имелась большая библиотека, и у мистера Остина не было никаких причин ограничивать доступ девиц к самым разным книгам.

Немудрено, что в этой обстановке и Джейн начала сочинять. Сначала она писала смешные пародии, в основном на сентиментальную прозу. Братья вспоминали, что она придумывала немыслимые нагромождения событий, высмеивая расхожие штампы. Ее первые опусы были полны вовсе не детской смелости, особенно хорошо удавались сатирические сцены с напившимися в хлам тетушками. Романы в XVIII веке вовсе не были стерильными, а девицы – благонравными и застенчивыми, пожалуй, тогда они знали жизнь лучше, чем их сверстницы спустя полстолетия. Подростком Джейн читала не только «Похождения Тома Джонса, найденыша» Генри Филдинга, но и «Опасные связи» Шодерло де Лакло. И, в отличие от матери пушкинской Татьяны Лариной, ричардсоновского Грандисона она знала не понаслышке.

Пародия была ее литературным учителем, и именно чужим сочинениям она обязана своим мастерством. Оба самых знаменитых романа Джейн сочинила до 24 лет, правда, опубликованы (и, возможно, доработаны) они были позже.

Надо отметить, что в этих романах напрасно искать прямых связей с той реальностью, которая разворачивалась перед самой Джейн. Никто из ее

героинь не был копией ни ее самой, ни ее родственников, а события, которые происходят в романах, целиком вымышлены. События, но не типажи, детали, характеры и отношения, которые рождались у наблюдательной и язвительной девицы, – об этом мы можем судить по немногим сохранившимся ее письмам того периода.

Поначалу Джейн писала тайком, на маленьких листах бумаги (бумага дорого стоит, а денег в доме всегда не хватает), пряча их под промокашку, если кто-то входил в комнату. Впрочем, в большой и дружной семье утаить что-либо трудно. Другое дело, что особого интереса к занятиям девушки никто не проявлял, хотя все с удовольствием слушали ее смешные рассказы, но от дочерей ждали другого – замужества и материнства, как это было принято.

Однако выйти замуж ей не пришлось. В юности, как обнаружили остиноведы, Джейн случилось пережить романтическое увлечение. Судя по косвенным данным, и Том Лефрой, заезжий племянник друзей и соседей Остинов, испытывал к ней симпатию, но поскольку Джейн была очевидной бесприданницей, то его практичные родственники немедленно отправили юношу с глаз долой. Более они никогда не виделись, сохранилось одно письмо Джейн к сестре, где она рассказывает, что родственница Тома Лефроя спустя три года приходила к ним в гости и что у Джейн хватило гордости ни о чем ее не спрашивать. Правда, благодаря любопытству мистера Остина она все же узнала, что Том готовится к карьере адвоката в Ирландии.

Не удалось замужество и старшей сестре Кассандре. Считавшаяся более миловидной, чем младшая, она скоро оказалась помолвлена с молодым человеком, увы, как и она сама, небогатым. Его тоже звали Том, и он – в надежде заработать – отправился в долгую экспедицию в Вест-Индию. Свадьба должна была состояться в мае, но вместо жениха пришло известие о его смерти от лихорадки. Кассандра как несостоявшаяся вдова получила после Тома Фаула в наследство тысячу фунтов и больше никогда не интересовалась другими мужчинами. «По общему мнению, – вспоминают знакомые, – они с сестрой стали одеваться как дамы средних лет прежде, чем того потребовали их возраст и внешний вид; и практически не уделяли особого внимания тому, что считалось модным или приличествующим случаю».

Положение девицы, у которой нет ни мужа, ни денег, в то время было совсем не сладким, Джейн в романах часто касается этой темы, сравнивая, что хуже – быть школьной учительницей или выйти замуж без любви. Обе участи пугают ее в равной степени. В отличие от романов, в окружении

самой Джейн молодых и богатых холостяков, можно сказать, совсем не было, зато девиц с небольшими средствами, чьим самым большим желанием оказывалось выйти замуж как можно скорее, хватало. Деньги в этом мире играли куда большую роль, чем мечты и страсти.

Один из братьев Джейн еще в 12 лет приглянулся богатым родственникам, которые взяли милого и спокойного мальчика в свое свадебное путешествие, а позже за неимением собственных детей решили усыновить. Другим братьям приходилось искать счастья на морской службе или невест с приданым. Все братья – кроме одного, из-за врожденной болезни (он был глухонемой и плохо двигался) отданного в крестьянскую семью, – женились. Детей в семействе было много, но жены троих братьев умерли родами, что тогда случалось часто. Узнав об очередной беременности одной из родственниц, Джейн в ужасе писала: «Анне не убежать от своей судьбы. ...Бедная самка, она состарится к тридцати годам. Мне ее очень жаль. И миссис Клемент вновь в положении. Я подустала от такого количества детей».

Несмотря на тяжелую жизнь женщины в отсутствие контрацепции, оставаться старой девой без средств казалось еще страшней. «У одиноких женщин – ужасающая склонность к бедности», – пишет Джейн Остин в одном из писем к племяннице.

Подруги попытались пристроить Джейн. Джейн уже исполнилось 27 лет, жених был на пять лет моложе, он только что достиг совершеннолетия и вернулся домой из Оксфорда. Из-за того, что Гаррис сильно заикался, до университета ему пришлось учиться дома. Недуг сделал его, как вспоминают современники, несколько нелюдимым и порой агрессивным. Зато у него было состояние, и Джейн могла бы не бояться нищеты, поэтому, когда Гаррис при содействии сестер сделал ей предложение, она дала согласие на этот брак. Но перспектива обрести собственный дом такой ценой настолько испугала девушку, что на следующий же день она передумала и, поблагодарив за честь, сбежала из гостеприимного дома своих друзей, где подруги уже радовались, устроив, как им казалось, жизнь и бедняжки Джейн, и своего брата.

Все это время Джейн ничего не пишет. Пауза затянулась на долгие девять лет, исследователи объясняют это депрессией, возникшей предположительно из-за того, что еще в 1800 году отец Джейн оставил свой приход старшему сыну Джеймсу, а сам вместе с женой и незамужними дочерьми отправился в Бат. Для Джейн эти перемены означали утрату родного дома и скитания по съемным квартирам. Отцу хотелось путешествовать, они жили на водах, в курортных морских городках,

которые стали фоном для действия поздних романов Джейн Остин. Все это время она возила за собой рукописи первых романов, возможно, работала над ними, но не могла сесть за сочинение новых. Только после смерти отца в 1805 году ей удалось вернуться в родные места, да и то не сразу. Тот самый брат, которого когда-то усыновили богатые родственники, получив наследство после смерти приемных родителей, долгое время жил под пятой у знатной и состоятельной жены, которая, судя по всему, не поощряла помощи бедным родственникам. Во всяком случае, только после ее смерти в очередных родах Эдвард предложил матери и сестрам выбрать себе для жительства один из его загородных домов. Так в 1809 году состоялось возвращение к оседлости, и Джейн снова стала писать романы.

В как бы биографическом фильме ВВС «Джейн Остин», где героиню играет американская красавица Энн Хэтэуэй, авторы сценария сильно приукрасили подлинную жизнь писательницы. Помимо других придуманных ради романтического сюжета обстоятельств (богатого и влюбленного жениха-аристократа, например), авторы воодушевляют героиню надеждой зарабатывать деньги «своим пером». На самом деле первые гонорары мисс Остин получила после тридцати пяти лет, да и то хватило их лишь на мелкие расходы.

Надо сказать, что женщины-писательницы в то время в Англии не редкость, книги Шарлотты Смит, Фанни Берни, Марии Эджуорт и других современниц Остин оказывали на нее известное влияние, но заработать на жизнь литературным трудом женщине вряд ли бы удалось и при более благоприятном стечении обстоятельств. Джейн же не везло.

Первый раз опубликовать свой роман она попыталась в 1797 году, 22 лет от роду. К издателю с письмом обратился отец Джейн. Мистер Остин предлагал прислать рукопись и спрашивал, можно ли ее издать за счет автора, но получил решительный отказ.

Через шесть лет вторая попытка была сделана братом Генри. Он предпринял попытку выйти на другого издателя через знакомых, и тот даже приобрел рукопись третьего романа Джейн «Нортенгерское аббатство», заплатив десять фунтов и анонсировав выход книги, но дальше дело так и не пошло. Спустя несколько лет мисс Остин потребует от издательства публикации, но в ответ получит лишь предложение выкупить роман обратно. Тогда у нее не оказалось свободных десяти фунтов.

Первым опубликованным произведением Джейн Остин стал роман «Чувство и чувствительность», случилось это в 1811 году, спустя более пятнадцати лет после его написания. Издан роман был за счет автора, все расходы оплатил тот же брат Генри. От продажи за два года было

получено 140 фунтов. Роман, изданный без указания имени автора, приняли очень благосклонно, знатные читательницы высказывались на его счет с симпатией. Поняв, что успех есть, издавший «Чувство и чувствительность» Томас Эджертон предложил купить у автора и другой ее роман. «Гордость и гордыня» выходит в 1813 году.

За него Джейн Остин получила гонорар в сто десять фунтов (сколько заработал издатель – неизвестно, но в тот же год был напечатан второй тираж), удостоилась восхищенного отзыва Шеридана, назвавшего «Гордость и гордыню» умнейшим романом своего времени, и почувствовала вкус успеха. У нее впервые появились свои деньги, хотя жить ей все равно приходится с матерью и сестрой за счет братьев. Но настроение у нее было самое бодрое.

В 1814 году опубликован «Мэнсфилд-парк». Пятый роман «Эмма» Джейн Остин отдала другому издателю. Джон Мюррей пытается разрекламировать своего нового автора, он заказывает хвалебную статью о ней Вальтеру Скотту, который, впрочем, довольно вяло высказывается об «умении быть столь верной природе, примечать и точно описывать события обычной жизни» и одобряет «обыденные, но комичные диалоги». По инициативе издателя «Эмма» выходит с посвящением принцу-регенту, после чего тираж возрастает до двух тысяч экземпляров (к несчастью, успешно продать удастся только 1200, остаток пришлось распродавать по сниженной цене).

Что касается высочайшего благоволения, то библиотекарь принца письменно сообщит мисс Остин: «Уполномочен передать Вам благодарность его королевского высочества принца-регента за прелестный экземпляр Вашего превосходного последнего романа... Лорд Сент-Хеленс и многие представители знати, находящиеся здесь, выражают Вам справедливую похвалу». После чего Джейн сдержанно заметит издателю, что принц похвалил его работу, но ничего не сказал про сам роман. Остин ревниво относится к суждениям о своих сочинениях, собирает мнения, записывая устные отклики, ее тревожит то, что успех первых книг затмевает следующие.

В июле 1816 года Остин заканчивает последний роман «Доводы рассудка». К этому времени она тяжело заболела, и хотя сама еще надеется на выздоровление, врачи сообщают родственникам, что ее состояние безнадежно. Страдания Джейн закончились спустя ровно год, она умерла в июле 1817 года.

Бывший банкир и авантюрист, брат Генри еще до смерти Джейн стал банкротом, принял сан священника, унаследовав место своего отца и

старшего брата, и уже в качестве пастора написал краткие мемуары, застегнутые на все пуговицы, глухие и формальные. «Жизнь моей дорогой сестры была крайне скудна событиями. Ни сама она, ни другие не записывали подробностей ее жизни, ее дел и разговоров. И, разумеется, она в любом случае ни за что не пожелала бы сделаться публичной персоной». Письма Джейн к Генри уничтожила его дочь. Сестра Кассандра сожгла все остальное.

Но романы уже начали путь к публике. В 1827 году Вальтер Скотт, как будто забыв о своей первоначальной сдержанности, напишет совсем иной, буквально восторженный отзыв: «Писать в напыщенно-витийственном духе – этак сумею и я, и всяк из ныне здравствующих литераторов, а вот искусство тонкого штриха, которое правдивостью описаний и передачи чувств сообщает интерес банальным, затертым вещам и характерам, – такого искусства мне не дано».

Однако настоящая большая слава настигла Джейн Остин только в двадцатом веке, в 1923 году вышло знаменитое собрание сочинений Чэпмена с комментариями. К 60-м годам все шесть романов изданы и в мягкой обложке.

С возникновением звукового кино все книги Джейн Остин постоянно экранизируют. В 1940 году «Гордость и предубеждение» снимают в Голливуде, в роли мистера Дарси – Лоуренс Оливье (всего по этому роману снято более десяти фильмов). Далее фильм за фильмом выходит то в США, то в Великобритании, а потом наступает очередь сериалов, в которых на все лады интерпретируются сюжеты, придуманные замкнутой и ироничной старой девой. Опубликованы юношеские неизданные романы, фанаты допридумывают за мисс Остин незаконченные произведения. Сегодня ее имя вписано золотыми буквами в список лучших английских писателей, романы переведены на множество языков. Центр Остин в Бате является местом паломничества, где продаются бесчисленные сувениры, сумки I love Mr. Darcy, магниты и закладки, и книги самой Остин и об Остин...

Студенты изучают английский, читая романы Остин, во многих странах есть клубы ее поклонниц, да и личная жизнь Джейн и ее семьи давно стала добычей сценаристов и кинорежиссеров. Если есть тот свет и до него доходят вести из этого, то, я думаю, сама Джейн над этим хорошо посмеялась.

Над книгой работали

Редактор *Алла Гладкова*

Художественный редактор *Валерий Калныньш*

Верстка *Оксана Куракина*

Корректор *Татьяна Трушкина*

Издательство «Время»

[битая ссылка] <http://books.vremya.ru>

letter@books.vremya.ru

Электронная версия книги подготовлена компанией [битая ссылка]
Webkniga.ru, 2017

notes

Примечания

Алена Солнцева – журналист, искусствовед. Работала в журналах «Театр» и «Огонек», в газетах «Сегодня», «Время новостей», «Московские новости», на телеканалах REN-TV и СТС. Член отборочной комиссии фестиваля «Кинотавр», член Союза театральных деятелей, Гильдии кинокритики, академии «НИКА». Кандидат искусствоведения, доцент кафедры кино и современного искусства РГГУ.